

ИЗ ЖИЗНИ НЕДОСТРЕЛЯННЫХ

Сергей ЗОЛОВКИН

Эмма ЧАЗОВА-ЗОЛОВКИНА

Семейная исповедь в четыре руки

Сергей ЗОЛОВКИН

Эмма ЧАЗОВА-ЗОЛОВКИНА

ИЗ ЖИЗНИ НЕДОСТРЕЛЯННЫХ

Семейная исповедь в четыре руки

УДК 82-43
ББК 84 (2Рос=Рус)
3-80
Ч-14

Издано НП «Дом искусств»
Библиотека журнала «PERFORMANCE» («Представление»)

Золовкин Сергей, Чазова-Золовкина Эмма
Из жизни недострелянных. – Самара: Издательский дом «Агни», 2010. -
....с.

ISBN

Сергей Золовкин – известный российский журналист: начав в уголовном розыске, Золовкин переходит в СМИ и вскоре становится одним из самых ЯРКИХ собственных корреспондентов «Новой газеты», победителем Первого и Второго общероссийских конкурсов расследовательской журналистики «Вопреки» имени Ларисы Юдиной. Его совместная с женой книга – прямой рассказ о России и Германии, где теперь живут супруги, спасаясь от преследователей, о жизни «здесь» и «там». В книге этой каждый читатель найдет что-то свое: кого-то заинтересуют рассказы о страшных 90-х или о «рутинной» работы следователя в «тихом» районе в Казахстане, кого-то – бытовые очерки о жизни в Германии.

УДК 82-43
ББК 84 (2Рос=Рус)

© С. Золовкин, Э. Чазова-Золовкина, «Из жизни недострелянных», 2010
© М. Натапов, рисунок на обложке, 2010
© А. Ягодкин, С. Баймухаметов, Д. Кузнецов-Фарфорский, Н. Новожилова, предисловие, 2010
© НП «Дом искусств», издательство, 2010

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Книжка моего друга и коллеги Золовкина и его чудесного ангела-хранителя Эммы вызывает у меня странное чувство раздвоенности. Конечно, это настоящая литература. И место этой книжки в моем доме – на полке рядом с любимыми авторами. Только все эти авторы – из прошлого, а друг мой – вот он, рядом, и мы много лет переписываемся каждый день. Но на той полке он становится легендарным и уже как бы неживым. Это как если б Бабель зашел показать вам царские штаны из будущего своего рассказа «Дорога». Или Чехов вдруг прислал грустное и насмешливое письмо из своей поездки на Сахалин. Или с Венничкой сидеть утром за столиком в ресторане и обсуждать смертельную тяжесть люстры над головой... На любимой полке стоят книги писателей, уже окольцованных временем и обозначенных биркой «классик», они приобрели матовость мрамора и покрылись пылью чужих слов о них, и классики ничего больше не скажут. А Сергей и Эмма – они здесь, с ними можно что-то обсудить и поспорить, даже поссориться на короткое время. А потом снова ждать писем и рассказов и самому делиться трагикомедиями сегодняшнего дня. Сама история вместе с ее будущим мрамором и пылью происходит здесь и сейчас».

Александр Ягодкин, собкор «Новой газеты»

«В повести о менте читателя захватывает, оглушает даже не жизнь, а жизнь-жизнога. Такой мощный поток, не то страшный, не то абсолютно обыденный – не понять. Смутно догадываешься, что сила изложения в какой-то простой правде. Видимо, простота и правда – от авторского осознания связей, то есть опять же от абсолютного знания той жизни. Автор никого нее «удивляет», не пугает, не поражает – он просто пишет, что знает, что есть. Нет границы между сумой, тюрьмой и благоденствием ни в тихом вроде бы «совке» в Аягузе, ни, тем более, в новой России.

А Эмма завершила эпопею. Все выстроилось как в трагипасторали (только что новый жанр придумал). После крови и грязи герои попадают на небо, плывут по нему рядом с ангелами и спрашивают друг друга: "Где мы?"»

Сергей Баймухаметов

«Книжка очень сильная, с тонким юмором и глубокой правдой жизни... Бьет по мозгам, и капитально! Это жизнь, которая знакома и мне немного – я тоже начинал с глубинки, но в таких подробностях, конечно, узнать её мне

было невозможно. Действительно, нужно ставить себя в роль Врача общества, чтобы не свихнуться на такой работе. От великого до смешного, от ужасов жизни и трагедий ее до комически тонких вещей...»

Дмитрий Кузнецов-Фарфорский,
любимый художник Эльдара Рязанова

РУССКИЕ ГОРКИ

Это веселая книга о невесёлых событиях. Написали её мои коллеги-журналисты Сергей Золовкин и Эмма Чазова, связанные не только супружескими узами, но и родством душ.

Они оба видятся мне издаലെка как одно целое, Эмма и Сергей Недострелянные. Логично, что и книга одна на двоих авторов. Первая серия написана сильным полом, вторая – прекрасным.

Почему Недострелянные? Во-первых, в интернетовском «Живом журнале» у Сергея ник *nedostreljani*. Во-вторых, в него и правда стреляли, но не «достреляли». По счастливой случайности он остался жив. А кроме пуль были ещё ножи и топоры. Да тоже мимо. И когда Сергей Золовкин работал в милиции, и когда публиковал журналистские расследования, и когда пытался заниматься коммерцией – все мимо. Одних запланированных покушений было шесть. А сколько в этой книге описано ситуаций, когда смерть пролетала совсем рядом, как бы невзначай касаясь своим чёрным плащом... Не иначе, ангел-хранитель раз за разом отводил руки душегубцев от своего неугомонного подопечного, который на всех этапах своего пути лез на баррикады за справедливость.

Кстати, и супругу Золовкин выбрал себе такую же. Оголтело-баррикадную. Но не сразу выбрал. Долго искал на просторах страны методом ненаучного тыка. Нашёл в Сочи в трагический момент своей жизни. В книге признался, что только *«с третьего захода угадал вторую свою половинку»*. Там же он приводит слова своей мамы по поводу Эммы: *«Я никогда не вмешивалась в твою взрослую жизнь, сынок, но если ты бросишь и ТАКУЮ женщину... Соберу в свой ночной горшок самое пахучее. Чтобы взять да и вылить на твою лысеющую дурную башку»*.

Вторая половинка продиралась к первой через полный набор терниев, полагающийся советской женщине. Ушла от пьюще-бьющего мужа с 10-месячным дитем на руках. Училась в университете и одновременно на курсах массажисток, водителей, секретарей-машинисток и парашютистов в ДОСААФ. Работала официально в двух местах и пабашила, ремонтируя жильё богатеньким. Между делом руководя тремя общественными организациями. На досуге ходила в походы по горам, играла в самодеятельности и занималась каратэ. И уж совсем в свободное время писала заметки в сочинскую прессу. (Кажется, я что-то упустила...).

Став штатным газетчиком, Многорукая Шива\Эмма Чазова и познакомилась с будущим соавтором книги, которую вы держите сейчас в руках.

К тому времени «золотое перо» сочинской журналистики, корреспондент «Новой газеты» Сергей Золовкин был уже широко известен своими лихими публикациями, в которых разматывались коррупционные дела весьма высокопоставленных фигурантов. Фигуранты, конечно, такой своей славе не радовались. Добрые люди предупредили журналиста: *«Будут тебя, Серега, «мочить».*

Да он и сам чувствовал угрозу: *«К началу 2002 года количество потенциальных заказчиков начинало зашкаливать. Градус ненависти сильных мира сего достиг точки кипения. Дышать становится все труднее. Некоторые фигуранты разработок не останутся, похоже, ни перед чем... Чего стоила одна лишь только вражда с заместителем начальника местного УФСБ по оперативной работе... Почему же я занимался сложными и опасными журналистскими расследованиями? Из сострадания к людям... А ещё для того, чтобы когда-нибудь мои потомки сказали: а ничего мужик был мой предок – не прятал тело жирное в утесах...»* (цитата из книги «Из жизни Недострелянных»).

«Мы начали считать, сколько тем затрогнул Сергей в своих публикациях, за любую из которых могли вот так вот «оторвать голову»? Навспоминали слёту – что-то около пятнадцати и бросили это занятие» - подытожила Эмма Чазова-Золовкина.

Предупредивший о подготовке покушения не блефовал – в Сергея Золовкина стреляли. Наёмный киллер был задержан по горячим следам, судим и ныне отбывает десять лет в тюрьме. А вот заказчика покушения искали не так, чтобы усердно... В общем, он до сих пор неизвестен. Как не найдены убийцы Политковской, Листьева, Щекочихина, Бабуровой и ещё более чем трехсот российских журналистов.

«Государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг» – гласит статья 49 Закона РФ «О средствах массовой информации».

Красивые слова красивого закона. Однако Россия сегодня удерживает третье место в мире (после Ирака и Афганистана) по числу убитых журналистов и девятое по количеству нераскрытых убийств работников СМИ – так говорится в докладе независимой организации Комитет по защите прав журналистов (Committee to Protect Journalists, CPJ).

Наше государство, которое много чего гарантирует журналистам (и не только журналистам), наплевало на факты покушений на Золовкина и на продолжающие поступать угрозы расправы. А вот правительства Норвегии и Германии забеспокоились: обе страны предложили политическое убежище супругам-журналистам.

Так Недострелянные оказались в Германии.

Неугомонные, они и оттуда, из опрятной преуспевающей Германии,

продолжают гвоздить российские (вечные?) пороки в «Новой газете» и в блогах интернета.

«У родных, вы ж знаете, хочется, чтобы все было хорошо. Вот и не молчишь, тычешь в то, что лучше видишь на расстоянии. В большое наше свинство... Позитив и без нас развоняет среди населения власти. А журналист, как фрейдист, суется туда, где ненормальная температура и развивается болячка. У нормальных СМИ издревле подобная задача – о ненормальностях общество предупреждать» – с этой цитатой из книги «Из жизни Недострелянных» честный журналист не может не согласиться. Как и с другим замечанием Золовкина: *«Такая пошла полоса, что все чаще и чаще за современную журналистику «по-российски» становится стыдно».*

Недострелянные не о себе книгу написали. То есть пытались о себе, а получилось – о нашей стране. О государстве, которое своих лучших граждан либо убивает, либо сажает за решетку, либо выдавливает в эмиграцию. О людях, которые живут в грязной, криминальной, коррумпированной стране и считают такое устройство терпимым и более того – единственно возможным.

***

Видели в парках головокружительное сооружение с вагончиками, выписывающими «мёртвые петли» по рельсам? У нас это адреналинно-выделяющее развлечение почему-то называют «американскими горками». Хотя во всём мире такой аттракцион известен как «русские горки».

Вагончики мчатся с большой скоростью и жутким грохотом. Люд в них орёт и писается от ужаса. И страшно, и весело, и дух захватывает. Есть шум, есть движение, но... нет продвижения. Бег по кругу. Имитация прогресса.

Не кажется ли вам, что это аллегория России?

Наталья Новожилова, журналист, г. Владимир

Пережить три женитьбы и шесть покушений на убийство – не за картошкой в овощной смотаться. Возникают неизбежные вопросы.

И если в собственных делах семейных для бывшего детектива, одного из авторов этих воспоминаний, фабула очевидна: первый, восьмилетний, срок получен «по малолетке», то есть, юношеской неопытности, следующая, четырнадцатилетняя «ходка» прошла, как и положено у рецидивиста, на строгом режиме нервотрепки, а теперь вот, дай Бог, «тяну» пожизненное с надежнейшей моей Эммой... Так вот, если к достойнейшим женщинам, матерям замечательных моих детишек, вопросов при любом раскладе быть не может, совсем иной колленкор получается со всеми этими нападениями. В уголовные дела внесенными и не внесенными.

Ведь если попытки ликвидации были всерьез, если это не имитация, с какой такой стати автор стучит теперь по клавиатуре живой-здоровёхонький? Уж чего-чего, отправлять на тот свет без пересадок и опозданий на необъятных просторах великой моей Отчизны научились лучше всех в мире. Внушительный стаж, богатейшая практика... Специалистов по «мокрому» делу – хоть отбавляй.

Как тут ответить? Не виноватый я! Смерть сама ко мне не пришла. Не судьба, значит. Не мое время.

Хотели зарубить – передумали. Попытались резать – не получилось. Пробовали задавить грузовиком, но пьяный Бахус да бывший мой подследственный Коля выручили...

– Жить будешь долго, – в пору юности моей ментовской напропорчил один «бытовой» убивец.

– ...Но бурно, – можно подытожить уже в тихой германской гавани.

Да, так получилось, что уже немало лет мы с женой – политические эмигранты «путинской волнь». И это при том, что ни в каких партиях, кроме КПСС, никогда не состояли. За власть, даже самую крохотную, ни с кем не грызлись. К олигархам и даже умеренно обеспеченным не относились. С уголовными «авторитетами» и прочими сильными грешного мира сего не якшались.

В общем, самые что ни на есть обыкновенные «маленькие» люди. Без сбережений на «черный» день. Без недвижимости и бизнеса.

Из всех богатств «в провинции у моря», в спешно и вынужденно брошенном Сочи, обладали только роскошью говорить правду. Обо всем и всех. Невзирая на чины, посулы и угрозы.

Мы и в этой книжке постараемся не врать. За нас и о нас этого уже наделали другие. Целую кучу. В самых разных изданиях.

– Продавал оперативную информацию преступникам. За что с позором был изгнан из органов внутренних дел, – брякнула «Парламентская газета».

– Воспользовавшись наградным пистолетом, полученным за безупречную службу в милиции, отбил нападение киллера. И сдал его подоспевшим патрульным, – весьма лестно для нас исказил истину «Коммерсантъ».

– Записывает на свою сожительницу виллы, квартиры, автомобили, получает за свои клеветнические статьи тысячи долларов! – жирным шрифтом и на первой полосе выдала «Вольная Кубань»...

Десять раз нехилые чины уровня председателя краевого суда или генпрокурора подавали на одного из нас иски. Требования были разные. Самое запомнившееся: взыскать с «Новой газеты» и ее собственного корреспондента десять миллионов долларов.

Ударить пробовали не только рублем. Трижды выстрелили как-то с пяти шагов. Ни царапины! Только одежду пулями посекло.

Невезучий киллер, получивший «червончик» усиленного режима, потом пожаловался «лично Путину и Верховному суду»:

– За что? Я помогал государству в борьбе с его врагом. Скандальный журналист выступал против президента, суда, прокуратуры, милиции...

Срок начинающему наемнику не скостили. Заказчика не нашли.

В бессонную ночь после того нападения сидели мы с Эммой и тягостно прикидывали: кому выгодно?

Родственникам мерзавца, облившего концентрированной серной кислотой победительницу конкурса красоты? Его нашла в Абхазии вовсе не милиция, приостановившая дело, но именно один из нас. Проведя многоходовую комбинацию.

А может, пытался отомстить бывший друг, учившийся когда-то у автора этих строк журналистскому ремеслу? Из газеты он перебрался в Государственную думу и там стремительно разбогател, после чего нацелился на кресло курортного мэра.

Столько ради этого потратил. Таких могущественных союзников из Москвы привлек. Но это было время, когда к разоблачительным публикациям еще прислушивались. Даже если они были одиночными в хоре славословия от купленных на корню курортных СМИ. Да и от голосов избирателей еще что-то зависело. Так что выборы те экс-депутат оглушительно провалил. В чем была и наша с Эммой заслуга.

А может, испортили мы своими выступлениями триумфальный подъем коррумпированного судьи краевого уровня на уровень республиканский? Или это расплата за шумиху вокруг приватизации пляжной полосы?..

Желающих переправить нас в мир иной к 2002 году накопилось много, слишком много. Своего они, в чем-то, добились. Вокруг нас с Эммой теперь

и впрямь все другое. Разительно отличающееся от того, к чему прикипели за полвека жизни в Казахстане и России.

Уже столько лет мы в убежище. С немецкими паспортами с черной полоской в левом верхнем углу. Это напоминание германским пограничникам: «Годен для выезда во все страны мира, кроме России».

Однако предлагаемые ниже строки – не записки из подполья. Хотя несколько лет жили мы с женой так, как вряд ли кто до нас из российских журналистов. Под польскими фамилиями, с измененными документами и бдительным, хотя и ненавязчивым полицейским контролем.

На нас до сих пор тратится немало средств из «Федеральной программы по защите лиц, подвергавшихся реальной опасности», что связано не только с российским прошлым. Уже здесь, на земле, как нам казалось, совершенно безопасной, квартиру нашу вычислили и через домофон пообещали нас прикончить.

Для древнего тихого городка, в который Томас Манн поселил своих Будденброков, где до сих пор творит другой лауреат Нобелевской премии – Гюнтер Грасс, случай вышел просто уникальный. Об этой «психической атаке» еще будет разговор. Как и о разных комичных ситуациях во время странствий двух провинциальных «скифо-азиатов» по всей Западной Европе.

У нас есть теперь для этого достаточно времени. Особенно по ночам. Здесь так удобно и хорошо пишется ночью! Не воеет автомобильная сигнализация – нет в ней никакой надобности. Не подают голоса бродячие коты и собаки. Ибо не бывает в мире ином бездомных и голодающих животных.

Здесь все не так, как у нас. И лишь остается в засаде Артур Минасян. Смежишь веки, и набегает он из-за спины! Пружинисто, почти бесшумно. Потом появляется пламя из глушителя, направленного тебе в лицо. И пуля бьет в стену у головы куда быстрее, чем успеваешь подумать: «Все, п...ц!».

Так бывало много раз. И не однажды автор первой части этого повествования просыпался за полночь. Рядом не спала жена.

– Выложи все на бумагу! – предложила она однажды.

Эмма знает, что говорит. Эмма – дипломированный психолог.

К совету прислушались оба. Теперь вот делимся пережитым «в четыре руки». Почти исповедуясь. Иногда повторяясь. Ибо, хоть и заметила прекрасная писательница Алексиевич: «У вас, Сергей и Эмма, просто единое кровообращение», – взгляды на одно и то же бывают разными. И память у каждого своя.

Начнем с мужской. С первых шагов по дороге, на которой так сложно не скурвиться. Но если все-таки удастся, считай – вся жизнь удалась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:
МЕНТ
В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

1. «АССОЛЬ» ИЗ ПРИТОНА

Нас называли «легалыми». Согласно старой, доброй, классической воровской «фене».

Если сравнивать с сегодняшними «эпитетами», звучит почти уважительно – неутомимые, бесстрашные псы с врожденным охотничьим инстинктом. Правда, тогда, в начале семидесятых, нам было очень обидно. Слушатели первого очного набора высшей школы МВД, недавние десятиклассники, мы вытягивали цыплячи свои шеи из стоячих воротников еще довоенных темно-синих гимнастеров. Готовые дать отпор любой несправедливости этого жестокого мира.

Пришахтинск считался самым бандитским районом Караганды. Страшнее мог быть только Темиртау.

Местная шпана сразу вознамерилась поставить нас на место. Массовая драка на ремнях и свинчатках обсуждалась потом почти месяц. Сошлись мы у Дома культуры горняков. Замполит тщетно пытался разогнать толпу выстрелами в воздух. Кто-то тюкнул майора кирпичом по голове и подхватил выпавший из руки пистолет.

«Препода» вылечили, «Макар» так и не нашли. Потом ствол выплывет совсем в другом месте и по другому, уже «мокрому» делу. А мы начнем держать свой верх не только в районе, но и в городе. Четыре сотни волчат приняли правила вечной игры и разделили мир на своих и чужих.

Свои были всегда в меньшинстве и всегда правы. И потому что – в погонах. И потому, что у власти. Пусть небольшой. Но все же способной карать и миловать.

Поначалу жесткая эта наука давалась мне нелегко: сын учительницы из сельской глубинки, наивный «книжный» мальчик. Воспитанный на идеях торжества коммунизма, добра и справедливости.

А тут со второго курса пошли патрули и рейды. Однажды наша группа нагрянула в подпольный притон – несколько коек в довольно чистенькой комнате «для командированных».

Семейные мужики с партбилетами выскакивали из чужих постелей, бледнели, покрывались испариной, что-то жалко и заискивающе лепетали нашему капитану. Потом в уголке доставали бумажники...

Я тогда так и не понял, что участковый и старший опер из районного угрозыска затеяли эту облаву не ради поддержания нравственности и общественного порядка. Они безбоязненно пересчитывали червонцы. А я пунцовел, как вареный рак и обливался потом в своей неуклюже топорщившейся шинели.

Молодые женщины выбирались из-под одеял с ленцой и без возмущения. Их нагота была ослепительна. Я пытался отвести взгляд от плавных овалов груди и магических треугольников между бедрами. Но не мог. Впервые самое сокровенное выставлялось передо мной так вольно, беззастенчиво и вызывающе.

– Да это ж целочка! – изумленно матюкнулся опер, – Серый, ты хоть целовался когда? Валька, отсоси у НАШЕГО бесплатно! Первой у него будешь. На всю жизнь тебя, блядь эдакую, запомнит, гы-гы!

Маленькая, крепенькая, вся как на пружинках брюнетка подошла ко мне без одежды, юркой ручонкой нащупала ширинку галифе...

Я был готов провалиться сквозь скрипучий и щелястый пол. Для таких вот миниатюрных, неземных, женственных и таинственных сочинялись в ночном карауле и записывались в общую тетрадь, хранимую в голенище сапога, гениальные, как мне тогда казалось, строки:

От слезы остается соль,
Не губи ты свои глаза!
Подниму для тебя, Ассоль,
Алой нежности паруса.

А эта горячая, сноровистая, уже все расстегнула, уже добралась... И встав на колени, под одобрительный гоготок наставников, стала вытаскивать напряженную плоть на бесстыдный, безжалостный свет.

Я выскочил опрометью, оставив спибленную дверным косяком шапку на полу. Давил пригоршню грязного, как весь этот город снега в пылающее лицо. И уставился в небо. Звезды там перемигивались точно так же, как в детстве. И собаки вокруг надрывались взхлеб, как в моей далекой деревушке.

Но прежний приветливый, гармоничный и ясно устроенный мир рухнул. А новый, такой неведомый, непонятный и большой, заселялся путающими меня людьми.

2. ИСКУССТВО БИТИЯ

Первую свою следственную практику довелось пройти именно в Темиртау. Казахская Магнитка всем давала прикурить. Следствие зашивалось в городке с «особо сложной оперативной обстановкой». Здесь били даже чаще, чем пили. Скотский труд требовал разрядки.

Из цеха доменщик Мякотин приходил никакой. Сил оставалось только на пол-литра. Жена сначала ругалась. А на седьмой год скандалы прекратились. Тамара сделалась подозрительно безропотной и жалостливой.

Мякотин терпел сколько мог. Потом встретил ее с ночной смены у подъезда. Завел в коридор недавно полученной «хрущобь». Попросил не кричать, чтобы не разбудить сына. Сделал вид, что целует. И... откусил Тамаре нос. Подержал его во рту, слотнул кровь, огрызок сплюнул в унитаз. Изувеченная супруга прижала к лицу сорванный с вешалки халат. И действительно молча рванула на улицу...

«Бытовуха» казалась очевидной. Для расследования очень несложной. Чистая девяносто третья УК Казахской ССР. Взятый под стражу Мякотин ничего не отрицал. Но и не признавал. Поздно женившийся, две «ходки» по «хулиганке» до того имевший, решивший завязать, но по такой пьяной нелепости на зону снова идущий, Мякотин открыто презирал своего следователя-стажера. Он, разве что, только не плевал в мою сторону.

Страдая, я делал вид, что этого не замечаю. Отвечал «выканьем» на его «ты». И даже подталкивал обвиняемого к оправдательным мотивам.

– Были ли у вас до событий 12 декабря 1972 года неприязненные отношения с потерпевшей? – не поднимая взгляда на ухмыляющуюся рожу, записывал я немаловажный вопрос в протокол.

– С бабами у настоящего мужика могут быть одни отношения. Или –

три. Не вынимая... – снисходительно ухмылялся Мякотин, – Только тебе, курсант, этого не понять. Молодой еще...

Я и не заметил, как вырос за моей спиной Володя Митрофанов, «следак» из райотдела и мой куратор. Он слушал Мякотина и багровел:

– А ну-ка, «баклан», встать! Руки – в стороны!

– Ты чо, гражданин начальник?

– На «вы» с офицером, бля! И крылышки расправить, когда приказывают! Ха!

Боковой справа у Митрофанова хлесткий. На себе проверял, когда в спарринге работали. Мякотин охнул, прижал ладонь к почке, сполз по стенке мимо прикрученного табурета на бетонный пол камеры.

– Отдышись, ща вернемся!

Не забыв прихватить дело, капитан чуть не за шиворот выволол меня в коридор следственного изолятора.

– Ты чего это наших позоришь, салабон?

– Так он же до приговора как бы гражданин полноценный... Так созаконность же... Нельзя же опускаться до их уровня... Учили же нас...

– Это тебя и всех следаков вместе с тобой сейчас опускают, понял! Забудь, чему тебя там учили! Прокурора над собой помни. Уголовный кодекс и кодекс процессуальный помни. А всякую чухню из книжек забудь!

Ты о бабе молодой и безносой подумал? Кому она теперь нужна? О пацане ихнем подумал? О том, что этот самый Мякотин завтра по пьяни и за просто так маму твою родную прирежет, подумал?

Для нас это не человек, понял? Никому от него пользы не было никогда и не будет. Моя бы воля, ставил бы таких к стенке пачками...

Иди, предъявляй обвинение! И бей с чистой совестью если что не так. Только не в рыло, чтобы потом вони не было. Засади в печену! Или комментарием к УПК по башке его тупой. Нужная книжка – толстая, тяжелая. Сразу все поймет.

Но до Мякотина, похоже, все уже дошло. Показания он стал давать признательные, чистосердечные. В постановлении о предъявлении обвинения расписался старательно. Потом, кивнув на металлическую дверь с глазком, заметил с ноткой уважительности:

– А начальник у тебя... у вас, ничего, лютый... С нашим братом только так и надо.

3. ЛУЧИ «СМЕРТИ»

Бить подследственных я, все же, не научился. Но допустил другой грех. Уже в Аягузе, уже на шестом году следственной службы, раскручивали мы поножовщину со смертельным исходом.

История для станции, потерянной среди буранных степей, достаточно типичная. Долгими зимними вечерами братья-близнецы Туребековы маялись от безделья и пьянствовали беспробудно. Слово за слово, обида на обиду... И – сцепились. Кайрат зарезал Булата. Потерпевший умер не сразу. И это дало прокуратуре основание спихнуть дело милиции. Тяжкие, мол, это телесные со смертельным исходом, а не умышленное убийство. Не наша подследственность, принимайте и не кашляйте.

История, в принципе, ясная. Что она – темная. Труднодоказуемая. Свидетельской базы – никакой. Булат до последнего своего вздоха на продавленной койке зашарпанной железнодорожной больнички не промолвил не слова. Его погубитель тоже был как камень. Оно и понятно: переселенцы из Китая оказались тогда в Казахстане сущим проклятием для сыщиков и следователей. Не «кололись» эти крепкие ребята никогда и ни при каких обстоятельствах.

«Наседки», то бишь внутрикамерные агенты, беспомощно разводили перед своими кураторами руками. Забьется такой фигурант оперативной разработки в угол камеры, смотрит на всех исподлобья, волком. И не отвечает даже на самые безобидные вопросы пытливого милицейского человечка.

Тут даже особо жесткие приемы из небогатого арсенала советского угрозыска не помогали. Не реагировали переселенцы из Внутренней Монголии или Чугучака на битье по почкам и по голове. Кряхтели, свирепо поглядывали на разъяренных сыскарей, пытались, как могли, увернуться от кулаков опера... Но явку с повинной или чистосердечное признание так и не подписывали.

А тут – сроки! Дело арестантское. Через десять дней будь добр, предъяви обвинение. Найди доказательства хоть из под земли. Точнее – из выгребной ямы. За годы службы приходилось мне туда нырять неоднократно.

Копаясь же в говне, как-то особенно задушевно думалось каждый раз о Пал Палыче. Помните такого сверхположительного героя из сериала «Следствие ведут знатоки»? Создателям мармеладной кинухи и представиться не могла истинная работа пахарей «на земле». Когда трясешься, к примеру, на попутном грузовике с дорожно-транспортного происшествия. С ног до головы перемазанный кровью и мозгами. Но воды нет ни капли. Разве что из радиатора немного сольют.

Два трупа перекатываются и глухо стучат головами по бортам кузова. Это муж и жена. За час до рассвета они сплющили свой «Запорожец» об оставленный кем-то прямо на трассе прицеп с бревнами.

Позднее выясню: возвращалась бездетная эта пара из Алма-Аты. Там 32-летнюю учительницу обнадежили насчет искусственного оплодотворения. Какое-то научное светило в казахской столице как раз эксперименты на этот счет проводить собиралось. Гарантировало сына через год. Вознесло супругов до небес. Где они теперь и останутся...

...Бьюсь башкою о лобовое стекло и только потом просыпаюсь. Байбише из крохотного аула у обочины чего-то там кричит, размахивая руками.

Старуха отправилась, оказывается, по природной нужде к яме. Слегка прикрытой камышовыми щитами. А там – младенец! Брошен в вонючую жижу совсем недавно. Упал личиком вверх, погрузился лишь наполовину. Не успел захлебнуться. Пищит как мышпонок.

Тут уж не до раздумий. Сбросил форму – единственный тогда мой костюм на все случаи жизни. Скользнул между обгаженных жердин, погрузился в фекалии по самый пояс...

...Пацана с помощью бабульки и вызванных медиков удалось спасти. Где он сейчас? Кто он? Может быть, даже прочтет эту книгу. Но вряд ли догадается: написано про него. Как и не узнает ничего, наверное, про мамашку свою непутевую.

Вообще-то, Сауле самой порядочной в том ауле считалась. К 23 годам никого у нее еще не было. Потому что вокруг из стоящих парней и не было никого. А потом приглянулся водитель «водовозки». Русский. Встречались украдкой и всего несколько раз.

Сауле понимала: отец-чабан глотку перережет, если узнает. Вот и решилась сама на убийство...

Но вернемся к нашим, упертым, как бараны, Туребековым. Нож я, все же, нашел. Из замерзшего дерьма выковырял.

Это был даже не отхожее место для двух втянутых в драму семей. Копался в сортире на дюжину «очков» у барака путевых рабочих.

Но толку-то что? Начнешь отмывать вещдок, уничтожишь следы крови и

отпечатки. А если отправлять в областной центр как есть, наши чистоплюи-эксперты тебя самого пошлют на хутор бабочек ловить.

Одной улики было недостаточно. А других не предвиделось. Тут поневоле начнешь молиться на сталинскую «царицу доказательств». На признательные показания обвиняемого. Но Кайрат – в глухой «несознанке». И ничего с ним не мог поделаться даже покойный ныне Коля Нигматулин, главный «молотобоец» сысского отдела.

Похоже, именно про таких написал безвестный стихотворец «вечно пьян и вечно хмур». Это из милицейского фольклора. Своего рода Табели о рангах:

Впереди идет ГАИ: вечно пьет не на свои.

А потом ОбэХаЭС – мягко спит и сладко ест,

А за ним идет ОУР – вечно пьян и вечно хмур...

Замыкает шествие затраханное следствие.

Последнее прилагательное было, конечно, еще более натуралистичным. Но с такими как Турбеков любой следователь и впрямь мог зае...замучить-ся окончательно.

Одна только и оставалась зацепка. Плодовитые братья успели уже на двоих настрогать семерых детей. Покойный оказался удачливее – четверо сыновей.

Кайрат жутко этому завидовал: у него-то все дочки и дочки. Суший позор для настоящего джигита! Так что главное, чего хотелось моему подследственному на этом свете, это иметь сына.

На святом чувстве я и решил сыграть. Как теперь понимаю, блефовал не только противозаконно, но и жестоко. Притащил из лаборатории УФ-1, незамысловатый, но с виду устрашающий прибор. Он позволяет в безобидных ультрафиолетовых лучах высвечивать следы хинловушек. Или невидимую в обычных условиях надпись «взятка» на помеченных для передачи купюрах.

Натянул длинные и толстые резиновые перчатки, позаимствованные у электрика вневедомственной охраны. И с драматизмом артиста из погорелого театра потребовал от прыскающих в натруженные кулаки сыскарей «держать свои яйца и задницы подальше».

Потом глянул, как можно проникновеннее, в глаза прикованного к табуретке Турбекова:

– Жалко мне тебя, Кайрат, ох как жалко! Сейчас приставлю эту штуковину к твоей хреновине. Нажму кнопку. И... все!

– Чего – все? – впервые подал голос мгновенно взмокший клиент.

– Детей у тебя больше не будет, понял. Ни-ко-гда!

Примитивный, конечно, ход. Но это, смотря для кого. Наверное, наивному степняку было от такой психологической пытки куда больнее, чем от ударов валенком с заложным в него кирпичом. Но я в своей жестоко-

сердной и тщеславной молодости даже гордился: сломал-таки следственной хитростью Туребекова! Идет, еще как идет, голубчик, на признательные!

Кайрат привел нас с понятиями к тайнику. Нищему работяге любая одежда дорога. Не поднялась рука у хозяйственного Туребекова уничтожить почти новый ватник, густо окропленный кровью брата. Выдал убийца и своего соседа, попытавшегося разнять драчунов. Тот все подтвердил. Но все равно пошел по статье за недонесение о тяжком преступлении. А дело благополучно миновало стадии обвинительного заключения, прокуратуры, суда...

39-летнего Кайрата выпустили условно-досрочно через семь лет. И он, усыновивший пацанов Булата, успел наплодить своих. Трех погодков.

А я вот троих сыновей похоронил. Только один, Кирилл мой драгоценный, все же растет-вырастает. Вопреки всем изначальным медицинским прогнозам...

Ничего, наверное, и впрямь не проходит бесследно. Ни-че-го! За все приходится расплачиваться. Или – получать вознаграждение. Раньше или позже. Самому или потомкам. Но – за все.

4. ЖИВИ, ПАЦАН!

Первый раз всю зыбкость границы между жизнью и небытием я ощутил в Новой Шульбе, крохотном районном центре. Там все было подомашнему. Паслись гуси во дворе отделения милиции, разместившегося в бывшей барской конюшне. Густой аромат наваристого борща доносился из бухгалтерии, совмещенной с отделом кадров и секретариатом: кассирша Ниночка подрабатывала поварихой, наливая каждому всего за 15 копеек тарелку с «горкой» и добавкой.

И Садовский, лучший тракторист, страдавший запойным пьянством, как-то буднично, по-семейному, учинил кровавую свою разборку с сожительницей Лизой Полуэктовой.

То, что погуливала она с начальником машино-тракторной мастерской Арнольдом Гейнцем, ни для кого в деревне секретом не было. Но и Арнольд Генрихович на загулы Паши Садовского смотрел сквозь пальцы. С них-то, точнее – без них у Полуэктовой все проблемы и пошли. Нанпившись, Паша обычно отсыпался. А тут сожительницу во дворе поймал, правую руку к колоде придавил и отрубил наискось половину ладони.

Не только юристам, но и всему мужскому населению Новой Шульбы дело казалось абсолютно понятным: догулялась Лизка до самой до беды. Но и Пашка тоже хорош. Нет бы навешать, как положено, «крендюлей». А он сразу за топор. Непорядок!

Садовский участковому Гришунину сдался сам. Стянул вначале обрубок вожжами, чтобы лишившаяся чувств Полуэктова кровью не истекла. Нашел в кладовке «Московскую», припрятанную запасливой сожительницей к майским праздникам. Опустошил ее из горла и пошел к лейтенанту с повинной. Гришунин привез задержанного в мотоциклетной коляске:

– Принимайте Анику-воина, обрабатывайте!

А чего тут было обрабатывать? Полная, можно сказать, очевидность. Дежурная рутина. Полуэктову в больнице допросил и на медицинское освидетельствование в Семипалатинск отправил. Хотя и так было понятно: тяжкие телесные со стойкой утратой трудоспособности.

Садовский ничего не отрицал и повторял монотонно:

– Моя вина. И она виновата.

Окровавленный топор, по уму, надо было криминалистам в областной центр тоже отвезти. Но – конец первого квартала! Итоги по направленным в суд делам требуется подбить. Прокурор каждый день поторапливает:

– Давай-давай, Золовкин, получай справку о прежних судимостях, предъявляй обвинение по части второй статьи девяносто третьей, а я заключение и без твоей экспертизы подпишу.

Да и Нариман Окапович, начальник райотдела, над душой стоит:

– У нас тут по раскрытию тяжких – недобор, понимаеш! Чего тут еще выяснять, понимаеш? Все понятно, пиши быстрее! С судьей, понимаеш, я уже договорился.

Сижку, пишу.

Кабинет у меня был угловой, самый дальний. За окном полураспахнутым, незарешеченным, сходит последний снег, пробивается нежная травка на взгорке, темная ленточка леса тянется по берегу Иртыша. На самой окраине села расположен наш райотдел, тихий и сонный. И район Новошувальбинский весь такой маленький, смиренный, для начальства областного незаметный, в плане карьеры милицейской абсолютно бесперспективный.

– ...Обвиняется в том, что будучи ранее судимым, находясь в нетрезвом состоянии, на почве личных неприязненных отношений, 17 апреля 1975 года...

Отрываюсь от клавиш трескучей как пулемет машинки. Бросаю взгляд на подследственного. И – цепенею! Садовский уже не обвисает на стуле, согбенный и безучастный. Беспшумно распрямился во весь свой двухметровый рост, занес надо мной тот самый топор, что поленился я, сачок эдакий, отправить на биохимическую и трассологическую экспертизы. И так беспечно прислонил к тумбе казенного стола между собой и арестованным.

Еще мгновение и хрястнет теменная кость, распадется череп на половинки. Такое уже было по делу Супонина. Или – в драке между бородулинскими и шувальбинскими? Нет, точно, это Супонин по пьяной лавочке развалил надвое башку Заикину.

– Блин, заляпает сейчас мозгами, дело, как его потом прокурору нести! – бьет в виски еще одна дурацкая мысль.

Я понимаю, сейчас зарубят, сейчас меня не станет. Понимаю, но в свои неполные 23 года совершенно не верю этому.

Надо бы отшатнуться, попробовать отпихнуть от себя стол или массивный «Ундервуд», загородиться хоть чем-то... Или сделать блок левой

рукой – она к топору ближе. Под углом к его руке и обязательно не под лезвие. С одновременным шагом вперед, подныриванием и «ослаблением противника путем удара пяткой либо носком сапога в голеностоп или коленную область».

Только, какая тут, на хрен, «коленная область»! Мои ноги, ставшие вмиг ватными, застряли между канцелярскими тумбами. И потом, от взлетевшего топора, как от опускающегося лома – нет приема!

А Паша свое дело знает. Паша рубит наверняка. С одного замаха. Особенно, когда озвереет. А с чего это он тогда озверел? Напившись, всегда мирно спит. А тут Полуэктова разбудила, потребовала сапоги грязью заляпанные снять, раздеться. Он ей:

– Ты лучше Гейнца своего раздевай!

Она, дура:

– Да уж лучше культурного человека, чем такую, как ты, пьянь.

Паша догнал ее во дворе. Поволок в избу. Лизка рванулась в сторону, закричала. Паша от сопротивления, по его собственному выражению, стал звереть. Точно, «от ее криков и сопротивления я как будто озверел, голова стала мутная...».

Отпатнусь я сейчас, подам голос. И зверь этот самый в моем смирном обвиняемом окончательно возьмет верх.

Стараюсь не двигаться. Приказываю рукам не заслонять беззащитной головы.

– Хорошо, Пащ, что ты вешдок этот с дороги убрал. Поставь-ка топор вон к той стенке.

И – утыкаюсь носом в машинку. Какая же она старая и замызганная! Сто раз себе говорил, надо почистить. Когда теперь успею?

«Провишпыдсът...». Господи, чего это я печатаю в постановлении о предъявлении обвинения? Такой важный документ в деле! Как я его завтра Кравченко понесу? Прокурор у нас, хотя и слабо пьющий, зато крепко придирчивый. Заставит все переделывать. А то и на АС, дополнительное расследование направит.

Как же громко клацают клавиши! Но слышу все. Вот под низеньким окном победно загоготал гусак Вася. Сволочная птица! Мужиковского, старшего и единственного на район опера БХСС, не трогает. Толика Тарасенко, добродушного нашего сыскаря, обожающего жареную гусятинку, боится. Даже сержанта Шалыгина, периодически разгоняющего в разные стороны стаю своим мотоциклом «Урал», предпочитает огибать стороной. А меня постоянно щиплет за лампы. Портит казенное имущество. Не уважает следствие ни с какой, блин, стороны...

«Лдулкшшарыз...». Странно, но я все еще попадаю в какие-то буквы, все еще слышу чириканье воробьев за окном. Садовский, наверное, тоже их слышит. И, возможно, оглядывается на ленточный бор вдали. Он успеет туда

добежать без проблем. Дежурная часть – в другом конце конюшни. Зато Мужиковский – через глинобитную перегородку. Но какой борец с хищениями социалистической собственности после обеда будет сидеть в кабинете? Наверняка, опять угощается на халяву в райпо. Или пытается охватить необъятное, свою давнюю любовницу Дору Дормидонтовну из сельмага. У них это называется «контрольная закупка с выездом на место». Интересно, до какого такого места могучей Доры Дормидонтовны этот ненасытный Мужиковский уже доехал? И как он вообще ЭТО может! Коммунист, женатый человек, офицер... Да чтобы я от своей Танечки, да на левую сторону!

Господи, как много и как стремительно копится всякого хлама в «шкафу», который сейчас будут разбивать вдребезги! Но почему он не бьет? И почему заскрипел стул напротив? Я смотрю на Садовского. Он с каким-то диковатым изумлением смотрит на меня. И уже сидит. Топор прислонил к стенке, как я и попросил.

Стараясь не суетиться, очень неторопливо беру вещдок, медленно запираю его в железный ящик, напоминающий сундук, ключ от висячего замка заталкиваю поглубже в галифе, делаю долгую паузу и только потом зову по внутреннему телефону дежурного по райотделу. Боже, как же Яшка Шалыгин бесконечно долго топает по коридору!

Но вот Садовского уведат. Студеная колодезная водица льется за воротник, попадает на китель, на погоны. Зубы стучат о горлышко мутноватого, давно не мытого графина. Нет приятней в мире посуды! Нет вкуснее в жизни воды! Водку, жаль, пока пить не научился. Ох, и вмазал бы сейчас! А может и хорошо, что трезвый. Сроки ведь поджимают. Квартал кончается. Дело прокурор жлет. Вот только справку о судимостях получу...

Через неделю пришла из Актобинска копия приговора. 20 лет назад, в моем как раз возрасте, Садовский отрубил голову жене. И покалечил топором дочку. Приревновал дико, незаслуженно. Все время думал: трехлетняя Настенька не от него. Девочка осталась хромой, воспитывалась в детдоме, с отцом больше так никогда и не свиделась

– Меня бы ты тоже, того?.. – спросил я Садовского перед самым судом.

– А х... его знает, – пожал он плечами, – Скорее всего. Свободы сильно захотелось. Но ты ведь не дернулся. Не пикнул даже. Все как-то не так у тебя получилось, начальник. Голову мне подставил. Я ж не зверюга какая. Вот если бы побежал, тогда точно...

Уже под конвоем, на выходе в судебный зал, Садовский обернулся, выдал среднее между улыбкой и ухмылкой:

– Папирос принес бы, лейтенант! Как...подарок за подарок. И потом это... Жить будешь до-олго, пацан!

5. ЛЕКАРСТВО ОТ ТЕЩИ

Галину Яковлевну я любил и люблю до сих пор. Первая и самая лучшая из трех моих тещ. Приехала эта золотая женщина к нам в райцентр на майские. Угодить Галине Яковлевне я пытался, что было сил. Но получалось плохо. Тут как раз полоса «жмуриков» пошла. И что особенно обидно, трупы постоянно попадались не милицейские, а прокурорские: убийство, скоропостижная кончина по болезни, несчастный случай...

Только вот старший, он же единственный в надзирающей за нами инстанции следователь как раз зашел. А когда пьет Миша Карнаухов – туши свет, убирай оружие! Попадется если под руку даже непосредственный Мишин начальник, советник юстиции, заслуженный юрист Казахской Советской Социалистической республики тов. Кравченко А.В., и ему мало не покажется.

Два раза в году, строго за месяц до международного Дня солидарности трудящихся и за неделю до выстрелов «Авроры», главврач нашей райбольницы Искра Самуиловна Кацнельсон-Карнаухова начинала выписывать мужу больничные листы.

44 дня в году на глухой заимке Миша пил горькую с шурином–лесником и разгонял воплями медведей. Потом отказывался от отпуска, пахал неистово и все трезвое свое время не употреблял ни капли.

Но пока что по полной программе приходилось отдуваться мне.

Не успели мы в законный выходной поднять по маленькой за приезд и встречу, как застонали ступеньки под Тарасенко. Телефона, как, впрочем, и воды, на втором этаже нашего барака не было. Огорчительную весть шестипудовый капитан принес самолично: в лесопосадке за деревней висит Санык-Костыль. До этого часа гражданин Липкин А.Г., «1930 года рождения, инвалид детства, ранее не судимый, склонный к аморальному образу

жизни», валялся под крыльцом «Чайной» или под окнами магазина Доры Дормидонтовны.

Пил Александр Липкин не как все в Новой Шульбе, а намного меньше. Мужики даже завидовали: одного сапога, да половины стакана и – хватает! После ста граммов Костыль надолго отключался и никому не мешал. Поэтому милицию Липкин не интересовал вообще. А районный оперуполномоченный КГБ потерял к мирному алкоголику интерес после конфузного вербовочного подхода.

По неопытности и спешке – областная контора срочно потребовала от новичка отчет по новошувльбинской резидентуре, агентуре, доверенным лицам и содержателям явочных квартир – лейтенант госбезопасности Есдаулетов предложил общительному Липкину подписать обязательство и сообщать «сведения, представляющие оперативный интерес каждую вторую пятницу и каждый четвертый понедельник текущего месяца». Пообещав в случае «успешной реализации особо ценных донесений» перевод на должность платника, то есть платного осведомителя, с разовыми денежными вознаграждениями, эквивалентными трем бутылкам «Столичной» емкостью 0,5 литра по цене 3 рубля 62 копейки каждая.

Воодушевленный такой перспективой, Санька-Костыль бумагу о добровольном сотрудничестве подмахнул. Своим грозным агентурным псевдонимом «Разящий» возгордился. И принялся настойчиво выспрашивать у местных мужиков про их антисоветские замыслы, соблазняя «диверсантов» третью обещанной за их поимку премии.

И вот тот самый Паша Садовский, что хотел меня сторяча порубать, да потом передумал, за месяц до своей «ходки» по статье 93 потребовал у новоиспеченного помощника государственной безопасности аванс. Пообещав выдать большую тайну.

Костыль умолил Дору Дормидонтовну. И та «в самый последний раз» записала в долг пару шкалнков.

Садовский одну четверть выпил сам, вторую пустил по кругу, после чего подмигнул дружкам и в кратких, доходчивых выражениях пересказал Липкину реакцию «заговорщиков» из числа местных рыбаков на постановление Совета Министров по строительству Новошувльбинской ГЭС.

Уже гораздо позднее, во время отъездной по случаю моего переезда в Аягуз, пьяненький Есдаулетов нарушил страшную служебную тайну и продемонстрировал первое, оно же последнее агентурное донесение Разящего:

«Наш главарь Пашка Трактарист будит вести собаташ в виде привлечения миня и Прохарова Семки который работает на свинаферми. Прицеп свинского гамна мы хочим свалить на государственниый объект. Пашка так и сказал «насрать с большой платины на ихню эликтрификацию».

И теперь, вот, тянется, да никак не достанет наледь под деревом единственная нога бедного «саботажника», схлопотавшего от гэбешника звон-

кую оплеуху вместо водки. Что, если у собутыльников по пьяному делу внезапно обострились к стукачу «личные неприязненные отношения»? Не хватало нам к праздникам еще и умышленного «мокрого» при отягчающих обстоятельствах!

Но не было вокруг раскидистого клена никаких следов. Кроме вмятин от костыля да левого Санькиного сапога. По всему выходило, припекло 45-летнего бобыля до такой степени, что снял он веревку с козы, пасшейся на привязи у лесополосы, с отчаянной ловкостью обреченного взобрался на нижний сук, отбросил костыль, прикрепил петлю к ветке над головой, да и спрыгнул.

Понятые, несмотря на то, что народ подневольный, административно-арестованный, к пятнадцати суткам принудительного труда по Указу ВС от 1966 года привлеченный, возиться с заляпанным грязью трупом отказывались наотрез. Тарасенко хотел было их заставить методом грубым, но эффективным. Потом махнул рукой, полез на дерево, вытащил из голенища ножичек с выкидывающимся лезвием... Я обхватила остывающее тело под коленом и мысленно поблагодарила бедолагу Липкина за малую для нас работу.

Санька Костыль, как в жизни, так и в смерти никого ничем особо не обременил. Ушел, оставив в подарок чистый отказной материал по пункту 2 статьи 14 УПК Каз. ССР. За отсутствием состава преступления. Работы тут всего на час.

А дома ждут пельмени, какие может лепить только золотая теща моя Галина Яковлевна! ОБХСС по этому случаю проявил милосердие к следствию. Вместо тухлых материалов дознания Мужиковский подбросил свеженького мяска. Фарш получился нежный: треть баранинки, немножко жирной и сочной свининки. И – говядинка для плотности...

Я расслабился, и тело скользнуло вниз. Пяткой сапога мертвый Липкин пребольно ударил по моей ступне. Рвотную массу выбило из распахнутого рта. Роста мы были одинакового. Все угодило в лицо. И меня тоже стало выворачивать наизнанку. Но воды никакой поблизости не было. Даже из радиатора. Мы приехали на мотоцикле. А бортовой ГАЗик «Сельхозтехники», прикрепленный в ту веселую неделю к «безлошадной» милиции, застрял в грязи на дальних подходах к месту происшествия.

Хорошо, что хоть в бане был как раз мужской день. Отмывал я себя хозяйственным мылом. Но омерзение от липкого, холодного, пахнущего пьяной блевотиной и смертью не проходило.

Отвлекла только Генриетта Генриховна, пожилая ссыльная немка из Поволжья. Она чуть не сшибла меня на выходе.

- Теть Геня, так не женский же день...
- Ой, убили, убили...
- Кого, где?

Оказалось, сработала «бомба» замедленного действия.

Агентура из числа местных, хорошо друг друга знающих, давно предупредила Тарасенко: Хачиев не только из пришлых. Он из самых в районе опасных, непредсказуемых. Первый свой срок Иса получил еще во время войны, по «малолетке».

Везли их с Кавказа в Казахстан долго. Народ стал чахнуть от истощения. В Петропавловске подросток как-то выбрался из оцепленного конвоем то-варняка и выхватил у местной женщины прессованный крут подсолнечного жмыха.

Дальше пошло-поехало по накатанной веками колее. В Новую Шульбу Хачиев приехал уже особо опасным рецидивистом. Решил доживать старость с Мамбетом-Голубым. Которого в свое время «опустил» именно Иса.

В «зонах» носил он прозвище Чечен и был «в авторитете». Но потом что-то не срослось, где-то потерялось. И кавказца, редкостный случай, само-го в тюрьме изнасиловали.

С блатным миром опозоренный Иса расстался. Жил почти год у Мам-бета мирно. Но «источники» информировали – обманчивая это тишина. Тлеют под пеплом угли. И вот, на тебе, вырвалось. Да еще как! Пол, стен-ки и даже потолок были густо окроплены алыми брызгами. Мамбет хотя и напрашивался все время на статью 104, за пассивное мужеложество, был старичком опрятным, чистоплотным. Белил свою мазанку, что аккурат на-против районной бани, не реже двух раз в год. Поэтому так ярко выделялась теперь кровь Мамбета. Много крови.

Чем это его Чечен? Кухонным ножом, что под самой рукой курящего в затыл Исы? Да нет, из бесформенной груды тряпья торчит острый край бер-цовой кости. Открытый перелом! Забит Мамбет чем-то тупым и тяжелым. Наверняка табуретом. Изломанным в мелкую щепу.

И что мне, распаренному и безоружному, теперь делать? Еще не пере-ступая порога, ору через плечо:

– Яша! Шалыгин! Поищите там во дворе хорошенечко! Наш Чечен ло-мом Мамбета приголубил. Так ведь, Иса?

У Хачиева взгляд долгий, пристальный. Но какой-то...неземной. Вроде бы унесло Ису в неведомое далеко. И оттуда, из другого измерения, страш-но расширенные зрачки пытаются нащупать помеху. Кто это там пищит-скребется? Какую букашку необходимо еще удалить из отвоеванного только для себя пространства?

Хачиев чифирил. Это было понятно по остаткам бурой жидкости в из-мятом алюминиевом ковшичке. Сделалось окончательно тоскливо. Друж-бан еще в 1972 году преподал мне памятный урок. Тогда мы с бывшим одно-классником Димой Пироговым осуществляли сплав по Иртышу.

На летние каникулы Пирогов вернулся в Семипалатинск из Саратовско-го среднего конвойно-охранного училища. Я – из Карагандинской высшей

школы МВД. У нас тогда дружба была – не разлей вода! Димку, собственно, во внутренние органы я и затащил. Вместе в ВШ намеревались поступать. Чтобы не так страшно было. И поскорее – с материнских плеч. На казенное обмундирование и стипендию аж 40 рэ. в месяц. Но мандатной комиссии что-то не понравилось в анкетных данных Димкиных родителей. Не посчитали парня достойным высшего юридического образования...

Еще курсантами мы женились в один день. Оба – на Татьянах. Сыновья родились одновременно. Своего я назвал Димой, он – Сергеем.

Пирогов-младший вырос и стал московским ГАИшником. Ба-альшим человеком. А мой пацан так и остался навсегда младенцем. Умер в роддоме на третий день.

Но сейчас – про чифирь. Димка взял отцову лодку-«казанку» и ружье. Двигатель у нас окончательно заглох на вторые сутки ходьбы против течения. И мы неспешно стали возвращаться. Это было молодое и звонкое счастье. Удили в протоках рыбу. С нятой попытки подстрелили чирка. И на крохотном острове стали неумело запекать его в глине.

Вот тут-то Дима, демонстрируя конвойную крутость перед чистополюми «следаками», выпил стакан водки. И отварил для себя «эзковский» дурман. Спокойного, молчаливого парня после такой дьявольской смеси узнать было нельзя. Поначалу он еще орал:

– Серега, прячь «тулку»! А то не удержусь, тебя кокну!

Затем срубил с дикой энергией и силой толстенный ствол, на котором крепился какой-то судоходный знак. И стал гоняться за мной с топором. Было уже совсем темно. Затаившись в кустарнике я улавливал прерывистое Димкино дыхание, слышал бессвязную его ругань. Вместо флегматичного и добродушного парня возник вдруг совсем другой, страшный и невременяемый человек.

Я уже намеревался было стрелять на поражение. В пределах тогда уже изученной нами необходимой обороны. Но местность оказалась пересеченная, лесистая. Сучья взбесившегося Димку постоянно отвлекали. Пирогов принимал их за змей, отбивался что было сил, устал таки, свалился и заснул. А утром почти ничего не вспомнил.

Останется ли хоть что-то у Чечена в памяти, когда он начнет меня вальтить? В свои 55 он казался мне, зеленому, глубоким старцем. Но еще очень даже крепеньким. С волчьей выучкой лагерей особого режима. Такой вцепится, не разожмешь...

Я вытащил «Зенит» из следственного саквояжа, который на выходные всегда прихватывал домой. После Саньки-Костыля в аппарате оставалось еще кадров двадцать. Шелкал затвором, стараясь не приближаться к Исе. Потом измерял рулеткой расстояние от трупа до печки, от печки до дверей, от дверей до окна...

Периодически выглядывал в сенцы и кричал в пустоту:

– Ну, скоро вы там? Шалыгин, мне понятые для осмотра помещения нужны!

А сам вел внутренний отчет: если исполнительная Генриетта Генриховна сразу дозвонилась из бани в дежурную часть и прокурору, подкрепление прибудет минут через семь. Но это на машине. А если «Газон» так из канавы и не выбрался? Тогда минут 15. Это много. Чечену терять нечего. И у него под рукой нож. А что у меня в саквояжке? Коробочка с газовой сажей для выявления пальчиков на светлой поверхности. Окись цинка для папилярных узоров на темной. Мешочек гипса для фиксации отпечатков обуви и шин. Впрочем – киндес гипсу! Какая падала пристроила с ним рядышком мокрую майку? Ах, это моя майка, пардон. Пришлось ее вместо полотенца... В бане. Попарился хоть, чистенький теперь. И обмывать не надо будет.

Боюсь молчания Чечена все больше. Нашупываю буравчик. Им можно просверлить дырочку у взломанного замка, к примеру. И потом пилой-струной участок с вдавленными следами взлома от косяка отделить. Не самое удобное приспособление. Не помню, чтобы кто-то из следаков когда-то его применял.

Зажимаю бур в потной ладошке. Не вытаскиваю ее из саквояжа. Жду. И Чечен сидит, делает последние затяжки, усмешка на забрызганном кровью лице появилась. Чует, наверное, мой постыдный страх.

Ну, погоди, га! Ставлю выдержку побольше: окошки в комнатке у Мамбета низенькие, подслеповатые. Держу между нами дистанцию всего в три шага. Нажимаю на спуск, перевожу рычаг, еще раз фотографирую. Получилось не очень четко, но весьма выразительно.

Жаль, что домашний фотоархив остался в Сочи. Если бы была возможность сделать эту книжку иллюстрированной, наплась бы для психоаналитиков работа. Кавказец уже напряжился, уже готовится привстать, а может, и прыгнуть. Но во взгляде, почти совсем трезвом, цепком, все еще остается нерешительность: что, если не блефует лейтенантик, вдруг и впрямь во дворе копается куча легавых? Чем иначе еще объяснить наглость сопляка?

Но еще мгновение, и все должно проясниться. Правая, перепачканная кровью рука уже нашупала нож на столе...

И тут ввалился Толик Тарасенко с «Макаром» наголо. Сообразительная тетя Геня остановила его «Урал», выскочив на середину проселка.

Чечен снова обмяк, закурил еще одну «Беломорину» и спросил не без издевки:

– Гражданин оперуполномоченный, а сержанта Шалыгина куда подевали? Наш лейтенант его звать зае...лись.

– Яшка здесь уже, что ли? Так быстро? – удивился Тарасенко. Но сразу все понял, посуровел, защелкнул «браслеты» за спиной Чечена, постучал желтым от никотина пальцем по отмытому моему лбу:

– Дуракам везет! Ты еще пешком под стол ходил, а Чечен на выводке по

разбоем, в наручниках между прочим, вырвал ноздрю следаку, разбил яйца оперу и ушел на полтора года в бега. Так что ты это... береги яйца смолоду, Сергей!

Домой я вернулся к вечеру. Стол оставался наготове. Только обжегся первым пельменем, помощник дежурного замолотил в дверь.

– Товарищ лейтенант, ДТП со смертельным! На ферме у колхоза «Красный партизан». Мотоциклист по пьяни разбился.

Упросил я сержанта не портить хотя бы завершение нашей семейной встречи. Все равно получится отказной. За смертью виновного лица. Так что, протокол осмотра места происшествия пусть Мурзин, наш гаишник, смастырит. Потом подвезете ко мне домой мотоцикл и потерпевшего. Я все быстренько осмотрю, постановление на вскрытие трупа выпишу... И можно будет продолжить застолье.

Закаты той весной в Новой Шульбе были знатными. Теща вышла ими полюбоваться и...осела без чувств. Под балконом, в кузове грузовика, «зятяк драгоценный» деловито переворачивал и щупал бездыханное, окровавленное тело молодого человека. И собирал мозги, выпавшие из раздробленного черепа, в мотоциклетную фару без стекла.

Больше Танина мама к нам в гости не приезжала.

6. БРОНЯ, БЕЗ КОТОРОЙ НЕ ВЫЖИТЬ

Галину Яковлевну понимаю. Но и бедного «следака» необходимо понять. На такой работе нельзя глубоко вживаться в чужие несчастья. У криминалиста, как и у медика, у пожарного или спасателя, должен работать свой предохранитель. Шелк! И кошмары отключаются. Хотя бы на время. Иначе – «психушка». Потому что смерть – на конвейере. Напоминание о ней настигает тебя повсюду. Даже в бане.

Однажды забрали меня на ДТП как раз из нее. Сама-то авария была ординарная – автокран, непонятно по какому пьяному делу оказавшийся на замерзшей речке, ухнул в промоину. Несложный отказной материал. Потому как судить некого было: все ушли под лед.

Я и не запомнил толком лица тех утопленников. Осталась в памяти лишь фантазмагоричность ситуации. Лежишь себе на верхней полке парной. Повизгиваешь под березовым веничком в умелой ручище соседа-тракториста. Но тут в обжигающей пелене проявляются целых два сержанта.

Полушубки, валенки в калошах, рукавицы, полосатые жезлы, уши форменных шапок опущены и завязаны... Полный сюр!

– Товарищ лейтенант, вы тут? На выход!

А выхода-то и не было. Обязан окунаться в омут будничного, ежедневного кошмара и оставаться «сухим». Пытаясь ничего потом не помнить. Даже лицо Ани Шульц...

Началось же все с того, что дежурил по райотделу, смотрел в «ленинской» комнате исторический хоккейный матч. Только наши вколотили ка-

надцам шайбу, как ввалился промокший насквозь паренек, упал между мной и экраном казенного телевизора на колени:

– Расстреляйте меня, я убил шестерых!

Володя Прохоров оказался водителем из областной филармонии. Утопил он семипалатинский ансамбль «Ритмы дружбы». Не знал, бедолага, что пруд в Новой Шульбе – искусственный, уходящий на 15 метровую глубину почти вертикально.

Загнал свой ПАЗик задними колесами в воду, помыл машину, отметил вместе с артистами день рождения солистки Анечки, чуть подал назад перед разбегом и...ухнул на дно.

Рычаговая дверца смогла открыться только тогда, когда давление уравнилось, когда салон водой заполнился целиком. Воздуха в легких и самообладания для того, чтобы выбраться, хватило только у 22-летнего водителя.

Пригнали бульдозеры, пустили между ними трос по дну. Автобус зацепился сразу. Он уже показался на поверхности, когда выдавило заднюю дверцу и вымыло все тела.

Водолазов из областного центра дожидались трое суток. На других трупах это время сказалось заметно. А на солистке – никак! У 19-летней красавицы даже свитерок подрагивал под левой грудью. Будто бы сердце продолжало биться.

Я понимал, не может быть такого! Плавали, знаем! Кочегар Косухин научил. Он подрался на ноябрьские в котельной с таким же пьяным напарником. Ударился головой о чугунную дверцу. Потерял сознание. «Скорая» приехала, врач пошевелил ногой измазанное углем тело, пообещал, что пьяный скоро очухается...

Так и вышло. Но уже после смены, дома, Косухин взял да и помер.

Осмотрел я тело, отметил в протоколе «крепитацию костей черепа в затылочной области». Открытый, оказывается, случился в котельной перелом. Стал выписывать постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы.

«Указники»-понятые вышли за носилаками. Тускло светила засиженная мухами лампочка. Настолько тихо было в избушке, что слышно как скрипит перо на шершавой казенной бумаге.

И вдруг – тягостный, звучный выдох! Правый, ближний от меня глаз мертвеца стал медленно открываться. Казалось, сейчас покойный Косухин мне подмигнет и поделится страшной тайной.

Я даже взвизгнул от неожиданности. Резко отшатнулся и опрокинул с грохотом стол, заваленный банками из-под кильки в томатном соусе и стеклотарой.

Насмешки судебных медиков и коллег пришлось потом сносить долго. Ведь как это можно было забыть о посмертном сокращении мышц, сухожилий? Особенно, если не остывшее еще тело переворачивали, перемещали, пальшировали...

Но здесь, на пруду, была совсем иная картина. Трупное окоченение выражено явственно. Пульс не прощупывается. Зрачки на свет не реагируют. На друзей-товарищей Анечки лучше вообще не смотреть: процесс разложения пошел вовсю. А она лежит как живая! Будто спит. Спящая красавица. И это ритмичное сокращение в районе сердца...

Оказалось – окунек! Запутался изнутри в свитере крупной вязки. Подарил, стервец, сумасшедшую надежду матери. Я думал, она сойдет с ума. Когда увидела рыбенку, услышала гоготок привыкшего ко всему сержанта Шалыгина, вскрикнула пронзительно и тонко:

– Будь ты проклят!

Я так и не понял – кто? Не удержавший ухмылки милиционер? Провокатор-окунек? Измученный тремя бессонными сутками следователь, приказавший оцеплению не подпускать родственников к месту его, следователя, работы? Или тот, невидимый и всемогущий, способный решать где-то там наверху: кому еще жить, а у кого остается право только на посмертный выдох?

Тогда некогда было задаваться подобными вопросами. Да и нечем их воспринимать: бездумная молодость, изнуряющая текучка, неумолимо чертеющая душа...

Вот всматриваюсь я иногда в одно черно-белое, желтеющее от давности, фото. Молоденький старлей в «парадке» стоит в оцеплении под правительственной (сельхозрайонного уровня) трибуной, обеспечивая порядок в процессе изьявления солидарности трудящихся.

А на заднем плане сбоку в кадре – здоровенный фанерный шит. На нем намалеван... американский танк «Шерман» в натуральную величину. Он прикрывает собой центральный гастроним приграничного городка Аягуз. Где к тому времени и довелось возглавлять следственное отделение.

Идеологически чуждая СССР ширма поставлена была в большой спешке и по крайней нужде. С одной стороны оно, конечно, так: население наше – не мягкотелый западный либерал. Ставлящий человеческие ценности во главу всех углов и овалов. Но как знать, может быть и та самая общность, что именовалась советским народом, послала бы ко всем чертям собачьим даже такое «ответственное политическое мероприятие» как первомайская демонстрация. Если бы увидела тот кошмар, что у автора этих строк периодически всплывает перед глазами до сих пор.

Связано это с неким Найденышевым. Фамилию свою он получил в тридцать третьем году. Когда линейная милиция вытащила новорожденно-го подкидыша из промежутка между рельсами.

В детдоме какой-то идейно озабоченный кретин наградил малыша выдающимся И.О – Перссор Виленович: «Передовик социалистического соревнования имени Владимира Ильича Ленина».

Если в чем и не было равных Найденышеву, так это в умении глотать

всякую гадость. Со всем горящим, чистящим, полирующим и обжигающим способен был справиться луженый желудок Перссора Виленовича.

Начертвооружения Дрынов из Северного военного городка, то ли переиначивая старый анекдот, то ли на полном серьезе рассказывал, как Найденышев пытался выцыганить у военных банку ракетного топлива в обмен на неразорвавшийся 125-миллиметровый фугасный снаряд, найденный алкашами на танковом полигоне. А потом, якобы, орал в трубку:

– Дрынов, ты еще не пил? И не пей! Я вышел поссать... Теперь вот из Японии звоню.

Даже кончина Перссора Виленовича оказалась единственной в своем роде. Никто на моей милицейской памяти так еще не умирал.

Перед праздником местный вытрезвитель выпнул своего самого постоянного клиента на улицу. Но уже следующим утром гарцевало по главной городской площади все разъяренное и растерянное милицейское начальство.

Еще бы! Горком партии – напротив. В десяти шагах левее постепенно заполняющаяся трибуна. Да и к выражению коллективного восторга трудящиеся Аягуза должны вот-вот приступить. А тут, на виду у всех, лежит и хрипит Найденышев. Пришпиленный разбитой витриной, как бабочка булавкой.

Началось же все с того, что на рассвете, мучимый страшным похмельем, безденежный Перссор решил-таки переквалифицироваться из честного алкоголика в вора. Швырнул кирпич. Юркнул в образовавшуюся дыру. С бодуна и по стойкой привычке пронесся мимо прилавка с коньяком, водкой и вином. Насовал за пазуху лосьона «Огуречный» и одеколону «Тройной» из отдела сопутствующих товаров. Попытался как можно быстрее выбраться из продмага. Но задел острый край стекла. Нависавшего, словно нож гильотины.

Найденышеву перерубило позвоночник пониже поясницы. «Скорая» приехала и впрямь споро. Но беспомощно развела руками – надо всю стеклянную махину приподнимать. Без специалистов и оборудования не получится. А где мастера-витринщики несколько праздничных суток обмывают, поди-ка разберись...

Время шло, дело не двигалось. Начальник горрайотдела, багровый от полученной «сверху» нахлобучки (именно тогда статный этот красавец и получил первый свой микроинфаркт), решил попросту укрыть от посторонних взглядов место происшествия. Но чем? Вот тут-то нашему военному Семиреченко и пришла светлая мысль насчет новых танковых мишеней.

Пьяненькие демонстранты вразнобой и весело орал «ура» перед трибуной. Но сразу же за ней резко умолкали и начинали тормозить. Уж очень впечатляюще выглядело творчество безымянного армейского художника-баталиста. Танки «условного противника» со звездно-полосатым флагом шли на нас широким фронтом.

Из-за мишеней же чуть слышно доносились сложносочиненные выражения Найденышева. Виленыч успел до приезда тревожной группы, получившей сигнал на пульт, оценить всю безнадежность собственной ситуации. Он хладнокровно вытаскивал из-за пазухи флаконы и глушил «Тройным» нестерпимую боль.

Участковый попытался было пресечь административное нарушение в форме «грубой, нецензурной брани в общественных местах». Но Перссор, переставший бояться хоть чего-либо и кого-либо на этом гаснущем для него свете, едва не откусил капитану палец.

Торжественное мероприятие и последний час непутовой жизни Перссора Виленовича закончились одновременно. Заключительное, на что еще хватило сил у Найденышева, так это выдохнуть: «Эх, крепка броня и танки быстры... вашу мать!».

7. ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ ПРИЗНАТЬ ПРАВОМЕРНЫМ

За несколько лет до того и тоже весной нас с Таней больше всего волновало предстоящее рождение ребенка. Мы только и думали о второй нашей попытке. Очень хотелось сына! Но жена была сразу уверена, теперь будет дочь. И, в отличие от Димы, она останется жива.

Леночка появилась на свет 11 мая. 1976 года. Было как раз мое суточное дежурство по графику. И был вызов на убийство. Кадралинов завалил Лапынина. В крохотной такой деревеньке под Новой Шульбой пили они вдвоем и пили. Здоровенный скотник Лапынин периодически, от скуки и неясного томления души, отпускал шелобаны маленькому и безобидному напарнику. Кадралинов медленно накалялся. И предупреждал, что кончится все очень хреново.

– Ну что ты мне сделаешь, что? – добродушно подначивал собутыльник. Доживая на этом свете последние секунды. Как сидел обидчик напротив обиженного, так и сполз с хрипением под стол. Длинный широкий нож, каким за несколько часов до убийства разделявали приятели бычка, легко проткнул сердце и выглянул из-под лопатки.

Лапынин лежал на боку, крови под ним почти не было – орудие преступления оставалось в жертве. А Кадралинов оглушительно храпел на кровати поодаль. Комната с душным кислым запахом была большой, низкой, запущенной и очень грязной. Всюду валялось какое-то старое тряпье, на полу у плиты стояли тазы с парным мясом, шумливые детишки, не обращавшие никакого внимания на убитого, путались под ногами.

Их у Кадралинова было аж тринадцать! Мал-мала-меньше. Мать-героиня прислонилась к стенке у входа и напоминала большую сонную камбалу, вы-

брошенную на берег: широкое плоское лицо, выпученные, бессмысленные глаза, распахнутый рот, тщето заглывающлй воздух.

Дежурная машина для райотдела на этот раз была от центрального свинокомплекса. Водитель, мужик пожилой и какой-то заторможенный, только с третьего раза понял, кто такие понятые, где их искать и зачем потом надо ехать за врачом.

Когда вернулся, в мазанке что-то переменилось. Вроде бы, Кадралинов и Лапынин лежали как и раньше: один – навзничь, другой на боку. И малолетки, штучек так пять или семь, как и прежде играли в догонялки вокруг стола. Но что-то настораживающе и опасно пошло не так. Что именно, я понял, лишь толкнув в плечо Кадралинова. Он больше не храпел! Он уже не спал. И был готов к тому, к чему оказался не готовым я. Из широких рукавов замызганной брезентовой робы, как серебристые рыбки, выскользнули варуд ножи. До этого стремительный мужичок, ни слова не говоря, успел правым своим кулачком ткнуть мне в глаз. Посыпались искры, но боли я не чувствовал. Все внимание замкнулось на длинных, хорошо заточенных лезвиях.

Какую же дилетантскую, непростительную ошибку я допустил! Ведь жопой чувствовал неладное! Уже хотел было остановиться, отпрянуть, вытащить положенный оперативному дежурному ствол, оставить между собой и лицом, подлежащим задержанию, безопасное пространство. Перегороженное для страховки большим столом. Хотел ведь скомандовать, как и учили:

– Руки за голову, перевернуться лицом вниз, лежать, не двигаться!

Потом бы обыскал, захлестнул бы петлей своего ремня кисть правой руки, пропустил бы под кадыком, стянул бы специальным узлом на другой заломленной руке...

Простая, надежная «упаковка». Многим нашим жизнь спасла. А вот моя сохранится ли – проблема! Закрутилось совсем другое кино. И этот боевик – с моим участием! Что, если я все еще в «дежурке»? Может, задремал прямо за столом, у пульта. И вижу кошмарный сон. Сейчас вскину голову и все исчезнет!

Нет, лучше я буду у роддома. Жаду дочку. Фиг с ним, пусть будет дочь! Лишь бы ее увидеть!

В первый раз ЭТО было ночью. Я залез на дерево под окном операционной – прекрасный обзор. Таня вскрикнула несколько раз, тоненько, отчаянно, жалобно. Потом показалась Димкина головенка. Он был весь такой синенький, сморщенный, страшенький...

– Поздравляю, папашечка, хорошенького мальчишка настругали! – похвалила веселенькая нянечка. И открыто попросила «на обмывочку». До зарплаты оставалась всего пятерка. Но я тут же ее отдал.

Через пару суток перепуганные акушерки будут прятать глаза и лепетать о какой-то там патологии. О том, что умер малыш легко и во сне. Что мы с Таней еще такие молодые. И у нас «все еще спереди».

Надо было отправлять собственного ребеночка в областной центр. Выписывать старшему следователю Золовкину С.А. «Постановление о назначении судебно-медицинского вскрытия тела Золовкина Д.С.».

Надо бы, но не решился. Пожалел медиков. А меня теперь кто пожалеет? Молчалив и безжалостен этот низенький, кривоногий, мутноглазый человечек с быстрыми, как молнии, ножами. Один из выпадов Кадралинова оказался особенно стремительным. Я успел заметить и навсегда запомнить, как прошло острие сквозь взметнувшуюся полу шинели. Хотя нет, это было уже пальто. Расстегнутое кургузое пальтецо. Нам как раз заменили длинное и приталенное обмундирование на новый прямой покрой цвета маренго.

Китель был перепоясан офицерской португеей с кобурой на животе справа, Как у Штирлица в самом любимом моем сериале. Если бы не это пижонство, достало бы и до печени.

– Ох, ё-мое, зарежет ведь, как того телка! Чему же нас учили на боевом самбо против двух ножей? Да ни хрена нас не учили против двух ножей! Бесплезно учить против двух ножей сразу! Тут с одним вот, перочинным, вышел в соседнем районе опытный уличный драчун. И положил пятерых из секции бокса. Включая тренера.

Я с максимально возможной скоростью пячусь вокруг стола. Делаю нырки. Качаю «маятник». Отпрыгиваю. Отпшываюсь. Кричу что-то нецензурное, беспомощное... И все никак не могу добраться до пистолета, так легкомысленно, так непрофессионально оставленного под пальто. За мной неотступно следует Кадралинов. За ним – визжащая, принимающая весь этот кошмар за игру, стайка ребятишек... Хичкок отдыхает!

Наконец выцарапываю из новенькой, такой неразработанной и тесной кобуры табельный свой «Макаров». Сбрасываю большим пальцем флажок предохранителя. Делаю прыжок в сторону и успеваю передернуть ствольную коробку. Теперь – все! Теперь не страшно. Теперь я защищен. Но как здесь шмалять-то, господи? С одной стороны – стены саманные, пол глиняный, низенький потолок из сучковатых, не ошкуренных стволов. Это хорошо. Не будет рикошета. Но дети, сколько же малышни вокруг!

Разворачиваюсь, бегу к дверям. И ощущая пониже спины легкий толчок, боль... Дотянулся до офицерской задницы, мерзавец!

Справа от выхода – пустой загон для скотины. Как же там все запущено! Ботинки погружаются в навоз. Едва не падаю. Бью три раза в воздух. Забыв выкрикнуть положенное: «Стой, стрелять буду!».

Кадралинов не замедляет бег. У него совершенно спокойное лицо. Пустой, ничего не выражающий взгляд. Он тоже скользит по вонючей жиже. Мы неумолимо сближаемся. Руки у скотника мелькают как пропеллеры. Длинными, узкими ножами он пользуется словно саблями. Норовя дотянуться до плеч или головы.

Стреляю на поражение, не целясь, не глядя, лишь бы пониже пояса. Ка-

дралинов вскрикивает «ой бой!». И, как бы споткнувшись, ныряет мне под ноги. В горячке бью ботинком по голове, наваливаюсь сверху, бью еще разок, но уже пистолетной рукоятью.

Что же я делаю? Остановись, паникер! На превышение пределов необходимой самообороны, как минимум, ты уже заработал. Ведь кулаки Кадралинов разжал сразу, ножи медленно погружаются в месиво из коровьих лепешек, гнилой соломы и овечьего помета.

Отбрасываю вещдоки подальше. Поднимаюсь, оглядываюсь. За покосившейся оградой – толпа. Молчаливая и какая-то однообразная. Я ничьих лиц вообще разобрать не могу. Кроме кадралиновского. Перевернул его на спину, пробитой полой обтер вокруг рта и носа. Дыши же, сволочь! Вроде – не дышит. Все, шиндец, я – убийца! Внутри что-то обрывается. Под ложечкой пусто и холодно. Во рту сухость. Шершавый и чужой язык разбух.

– Живой? – подбегает водитель из свинокмплекса. Ему в таких сапогах грязь нипочем. Даже под ноги не смотрит.

– Понятых доставили? – выдавливаю с хрипом и шипением, – Хорошо. Теперь еще прокурора надо. Ищите самого... Следак там в зап... Заболел, в общем. Так что самолично прокурор района меня сажать придется.

Глотаю, не чувствуя вкуса, кем-то принесенную воду. Тела своего не ощущаю, мыслей нет, пустота полная. Только одна надежда – на «милиейскую» спецзону. Там хоть есть шанс выжить. А если попаду к обычным уголовникам – все! Опустят бывшего «красноперого», сделают пассивным педерастом, заставят хлебать баланду из дырявой миски пробитой в нескольких местах ложкой...

– Ой бай, кудаийай, иттин баласы!

Кто же это так вопит? Кто обзывает меня самым крепким в миролюбивом казахском языке выражением – «собачий сын»? Кадралинов, миленький, дорогой, живой, хреновина ты эдакая!

47-летний мужичок прижимает ладонь к неестественно прямой ноге и пронзительно воет. Только тут я замечаю кровь. Она густо сочится из-под заляпанных навозом пальцев. Под коленом образовалась лужица. Как определяют позднее эксперты, свинец в медной оболочке раздробил чашечку на мелкие кусочки и ушел куда-то в сторону.

Чертыхаясь и зажимая нос, заслуженный юрист и прокурор попробовал было самолично обнаружить важнейшее вещественное доказательство. Но никто пулю так и не нашел. Анатолий Кравченко махнул на это рукой и возбудил сразу два уголовных дела. Оба против Кадралинова. По умышленному убийству при отягчающих и за посягательство на жизнь работника милиции. Ситуация для Анатолия Викторовича казалась предельно ясной: очевидцев предостаточно, даже не один предупредительный, а целых три выстрела в воздух офицер сделал, на кобуре и одежде – ножевые отметины, на левой милицейской ягодице – царапина...

Кадралинова стационарная экспертиза признала невменяемым и от колонии избавила. Скотник после принудительного лечения вернулся в свою деревню довольно скоро. Но – инвалидом. Нога больше никогда не сгибалась, стала сохнуть, а потом ее вообще отрезали.

Через несколько лет, уже в журналистике, уже собственным корреспондентом республиканской молодежной газеты в Караганде, на белой, как и положено номенклатурной единице «Волге» с номерами областного комитета КПСС, я выехал на первое в новой своей должности журналистское задание. Раздуваясь от гордости за себя, важно утвердился на переднем сиденье. И уже через 20 минут разбил лбом стекло. Авария получилась нелепая – воткнулись в столб из-за пьяного пешехода. Никто кроме меня в машине не пострадал. Даже на хрупкой оптике редакционного нашего фотографа Толика Тарасова не осталось ни царапинки. А у меня – перелом коленной чашечки. Как и у Кадралинова – левой.

Толик, высокий, сильный, пышущий энергией в расцвете своих сил и лет, старался хоть как-то приободрить коллегу, поскуливающего от боли и загипсованного по самое «не могу».

– Руки вверх, ноги в стороны! Лежать, мадам, и не двигаться! Поручик Ржевский все за вас сделает! – шутливо скомандовал он. И вытащил из кофры «набор командированного», водочку с бутербродами. Из каких-то больничных мензурок мы выпили. Сделалось и впрямь полегче.

На выходе здоровенный мужик обернулся и виновато пожал плечами:

– Ты уж прости, старик. Везучий я такой с самого рождения. Ни одна зараза не пристаёт. Тебя-то вот за что так?

– Сам бы хотел знать, – обиделся я на судьбу-злодейку. Не вспомнив тогда, конечно, ни тот крохотный поселок, ни тот скотный двор, ни глухой тяжкий звук от удара подкованным моим ботинком по незащитной голове. Я действительно ощущал себя несправедливо наказанным. И сильно позаивидовал счастливицу Тарасову.

Никто не знал тогда и не мог знать, что жизни ему остается менее полугода. И что подскажет мне уже покойный Толик выход из безнадежного, казалось бы, тупика.

8. ЧЕМ МОЖЕМ, ПОМОЖЕМ!

Едва сняли гипс, сразу же послали на три знаменитых тогда буквы. На БАМ. Через Кемеровскую область. В агитационном поезде ЦК ЛКСМ Казахстана.

На турбазе под Прокопьевском, после фестиваля песни и щедрого угощения, вспыхнул я вдруг чувствами к местной комсомольской «богине» со стреляющими глазками и пышной грудью. Со всеми на вокзал не поехал. Возвращался потом пешком и поздно. Ковылял по каким-то темным переулкам. Ориентируясь на тепловозные гудки и раскатистое эхо от команд диспетчера сортировочной станции.

Вдруг откуда-то не возьмись появились трое с огромной овчаркой на поводке. В руках штукетины и сучья:

– А ну, стоять фраер гребаный!

– Получили по рожам, ищут, с кем бы поквитаться! – мелькнуло в голове, сразу сделавшейся пустой и спокойной. Да и не нужно было много мозгов, чтобы осознать: парни очень пьяны, переполнены жаждой мести и любое неправильное решение чревато единственным результатом. В лучшем случае доломают коленку и оставят на всю жизнь инвалидом. А в худшем... Поутру наткнутся прохожие на изуродованный труп. Бывшие мои коллеги возбудят дело. Может быть, убийц даже и найдут. Хулиганы хвастливы. Чего-нибудь о случайном «мочилове» у железной дороги вдруг да и попадет в уши агентуры.

Но мне-то от этого легче уже не будет. Меня не будет просто физически. Превратят сейчас в отбивную. На закуску своей собаке Баскервилей. Порвут как промокашку. Тут никакое боевое самбо и боксерские навыки не помогут. Может помочь только чудо.

Наверное, дернись я в сторону, попытайся бежать – хотя, какой может

быть бег у хромоножки с тросточкой? – и не печатал бы я сейчас эти строки. Но, верьте или не верьте, так явственно в те секунды возник в сознании именно Толик Тарасов. И зазвучала в памяти его любимая прибауточка про поручика.

Не успев даже сообразить, что творю, гаркнул молодцевато:

– Кому – стоять? Офицеру милиции стоять? Это вам, мужики – стоять! Капитан Рж.. Рязский! Руки вверх, ноги в стороны... Шутка! Какие у вас проблемы, ребята? Что за шум, а драки нету? Чем можем – поможем!

Экспрессивный монолог сопровождался размахиванием в темноте ярко красной корочкой «Пресса». Не давая опомниться, приступил к опросу:

– Кто бил? За что били? Чем били? На какой дискотеке?

Дошло даже до совета оставить дома собаку. Чтобы не навешали вам, мстители благородные, «квалифицирующий признак», резко отягощающий вину и продлевающий срок заключения. В том случае, конечно, если таких бравых молодцев наши орлы в погонах все же вычислят и «заметут».

Юридический ликбез настолько впечатлил опешивших пареньков, что один из них побежал со своей Найдой домой. Пригнал «Урал» с коляской. И довез меня до вокзала. Где и было предложено выпить «за человеческих ментов и взаимное уважение».

Вернувшись, я тут же позвонил в Алма-Ату Толику. Хотел рассказать о спасительной его подсказке.

– Его нет. И никогда больше не будет, – бесцветно произнесли на том конце провода.

Как умер? Когда? Какой может быть рак легких у такого здоровяка? Оказалось, муки славного нашего фотокора Тарасова закончились вместе с его короткой жизнью именно в тот день и почти в тот же час, что в Прокопьевске едва не стал для меня последним.

Как все это расценивать, чем объяснить, не знаю. Как не знаю и молитв, хотя крещусь, заходя в храмы. Не верю в Бога, хотя осознаю: что-то высшее, моему разуму недоступное, где-то обязательно должно быть. И часто вспоминаю тютчевское «Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется...». Если бы только слово.

9. О ПОЛЬЗЕ ПИСАТЬ ПРОТИВ ВЕТРА

Две самые тяжкие детские трагедии связаны у меня с позорнейшими, как мне тогда казалось, поражениями. В первом классе я чуть было не повесился после первой и единственной в моей школьной жизни двойки. Мне было стыдно показать тетрадку маме. Отца я вообще не помнил, а маму не боялся. Я ее очень уважал. Страшно гордясь тем, что она – завуч нашей деревенской восьмилетки. И у такого большого человека – сын мелкий двоечник?!

От суицида уберегла информация из учебника, вовремя попавшаяся под руку неразборчивого и запойного книгочея. «Судебная медицина» потрясла меня не только страшными фото самоубийц, но и констатацией «непроизвольного мочеиспускания и каловыделения в процессе механической асфиксии». «Ссыкун» и «засранец» были в нашем колхозе «Красные горные орлы» самыми постыдными прозвищами.

Я ненадолго задумался о других, куда более эстетичных формах добровольного ухода из жизни. Потом проголодался. Прямо из казанка, оставляемого на плите для меня и младших мои братишек Сашки и Пашки, нахлебался постных щей. И... пошел переписывать злополучное упражнение по чистописанию.

Примерно так же обидно и больно получилось через пару лет у костра на советско-китайской границе. Пионерский лагерь был в Маканчинском районе, прямо на пограничной заставе. Великий сосед с его величайшим Мао все еще назывался братским. Но шел уже 63-й год. И дальновидные взрослые начали подсказывать малышне, как надо делить человечество на своих и врагов.

Нас называли «юными друзьями пограничников». И готовили к поиску в пыли проселочных дорог «не наших пуговок». Чтобы потом можно было

сообщить начальнику заставы о проникновении в СССР злобного диверсанта и лазутчика.

После разборки-сборки учебного автомата «Калашникова» однажды вечером был устроен «конкурс имени Жюль Верна».

– Ну, салажня, кто первым из вас придумает фантастический рассказ? – спросил вожатый в звании старшего сержанта и значком высокой классности на линялой гимнастерке.

Я вздернул ручонку, даже не зная, что сейчас начну сочинять. Но именно экспромты, без ложной скромности, у меня всегда лучше всего и получались. Войдя в круг, затараторил про ракету какого-то там капитана Смита, про роковой для него метеорит, про мужественного спасателя Пронина, поделившегося кислородом и своей космической лодкой. А также, про коварство американских межгалактических вооруженных сил, ответивших на широту славянской души внезапным ударом по советской базе где-то в районе Венеры...

Импровизация на реактивной скорости неслась к нашей сокрушительной победе, когда Толька Грушкин, закадычный мой дружок и, как я в тот момент понял, тайный завистник, вдруг выпалил:

– Да фигня это все! Читал я это уже в какой-то книжке!

И тут же добрый десяток одноклассников, у которых такой отличник-высочка как я не мог не сидеть в печенках, завопили дружно, с издевкой, наперебой:

– И мы читали, читали про этого Пронина! Позор Сергееву, позор!

Сергеевым я был до самого совершеннолетия. Все в средней школе знали меня по фамилии мамы. И только когда пришла пора выправлять паспорт, обнаружила к ужасу своему в метрике совсем другую, такую неблагозвучную, как мне тогда казалось, фамилию. Отцовскую. Попытался ее поменять. Но в горотделе милиции объяснили, только с согласия каждого из родителей. А где сейчас ваш отец, молодой человек, надо еще устанавливать. Приходите завтра в кабинет номер шесть. С вами на этот счет поговорят.

Назавтра мужчина с заботливым выражением лица и в штатском обмундировании приступил к первому в моей жизни вербовочному подходу.

– О чем у вас в школе ребята говорят? А есть ли среди одноклассников подозрительные элементы? Ну, которые всем недовольны, все критикуют, а сами помогают родителям воровать кожу с комбината. Рядом с вашей второй школой ведь кожевенный комбинат, не так ли?

Да ты не дергайся, паренек. Я тебе, конечно, помогу. Слово офицера. Но и ты прояви сознательность...

– Да, не знаю я ничего! Да, не могу я на своих! – еле сдерживая слезы, вылетел я тогда из милиции. И больше насчет перемены отцовской фамилии никогда не заикался.

Но это уже юношеское потрясение. А тогда, после третьего класса, на

каникулах, обдираясь до крови, я углублялся в заросли ежевики. Потому что вожатому нашему сержанту только среди колючего кустарника и не приходило в голову меня искать. А я сидел, сжавшись в комочек, и убеждал себя: жизнь кончена, светлых дней больше не будет никогда, самое лучшее сейчас это выскочить на КСП, контрольно-следовую или нейтральную полосы. Чтобы с вышки ослепили прожектором и перерезали пулеметной очередью.

Вот тогда бы эти сволочи-пацаны сопели бы у гроба и ныли: «Серый, прости!». А Толька Колодкин грыз бы землю на моей могиле. Зато Ленка Килиоглова, чернявая, большеглазая, такая ослепительно красивая, гордая и заносчивая, не обращающая на меня, живого, никакого внимания, припала бы к простреленной груди, залилась бы слезами раскаяния, подарила бы прощальный свой поцелуй в мои похолодевшие губы.

Через тринадцать лет лейтенант милиции, старший, он же единственный следователь Новошуйбинского РОВД Золовкин, дошел до такого же похоронного состояния благодаря «песцовому» делу. Оно казалось мне самым громким позором всей моей четырехлетней детективной практики. Пушистых зверьков выращивали на окраине райцентра. Старое и не самое лучшее в области зверохозяйство превратилось в головную боль для всей областной милиции. Там был вечно сонный сторож Мартын с берданкой, заряженной крупной солью. И покосившийся забор с многочисленными дырами. Через которые и вытаскивали ворованное. Систематически, нагло, безнаказанно.

Первый раз я приехал на звероферму еще осенью. Задолго до официального забоя кто-то сильно постарался и опустошил целый ряд с клетками. Метода добычи песка была простая и эффективная. Пока сторожка сотрясалась от храпа, четверо вытаскивали зверьков, били о сваи, на которых стояли клетки, грузили в мешки и увозили непонятно куда. То ли к нам в Семипалатинск, то ли в соседний Усть-Каменогорск, где подпольное скорняцкое дело было развито еще лучше.

После третьей за два месяца кражи ущерб перевалил за десять тысяч тогдашних рублей. Статья превратилась в расстрельную, 76-4, часть третья. Тайное похищение социалистического имущества путем групповой кражи в особо крупных размерах.

Из улик у меня собрались: «соскобы бурого вещества, похожего на кровь», испачканный носовой платок, который, по всей видимости, прижмал к прокушенному пальцу преступник, да тугой резиновый мячик, потертый явно кем-то из преступников между клетками.

С игрушки я и начал. Посчитав, что чадолюбивый взломщик готовил найденный мяч в подарок своему ребенку. Версия, конечно, еще та. Из серии «Купила Анка селедку, и Петька понял, гуляющая она женщина. Вот съест соленое, начнет пить, выпьет, пойдет по нужде... А раз так, значит имеется у Анки...». Ну, в общем, понятно, что там было дальше...

Только вот ухватиться за нечто более серьезное при всем рвении не получалось ни у меня, ни у взмыленного Тарасенко. Район небольшой. Все друг друга знают. Но в этом-то как раз и проблема. Наверняка никто шкурки в Новой Шульбе сбывать не будет. Да и ранку такую пустяковую укушенная сволоочь лечить в больнице не станет. Хотя, на всякий случай, ориентировку медикам я все же выдал. И на группу крови карточки всех больных мужского пола в районе проверил. Глупейшее и нудное это занятие – выбирать из кучи бумаг семейных с малолетними детьми, обладающих первой группой, резус положительный.

Потом некоторых из них мы с оперативником все же вызывали в райотдел. Присаживались с Тарасенко на краешек стола, глядели пристально, с недобрый прищуром, в недоумевающие глаза напротив и задушевно так требовали:

– Ну, выкладывай про песцов сам, по-хорошему! А то мы про тебя и так все знаем!

При этом ощущали себя полнейшими идиотами. И все более наполнялись безнадегой.

Сыскарь со своей бесхитростной деревенской агентурой уже выжрал весь имевшийся на явочных квартирах самогон. Но результат оставался нулевым. Мужики исправно накушивались за казенный счет и божились что «это не наши, можа залетные, можа с самого Новосибирску или даже Барнаулу».

Дела копились, «висели» и превращали меня в полное ничтожество. Новогодний вызов добил окончательно. Весь народ из райотдела был уже «готов». А я, желторотый новичок, на рубеже 1976 и 1977 годов напиваться еще не научился. За что, в силу «отсутствия наличия» штатной дежурной части, все праздники был привязан к пульту связи «с 9 утра текущего дня до 9 утра следующих суток».

Плохо жить в который уж раз не хотелось. А хорошо не получалось. В силу напряженной оперативной обстановки, вызванной тревожным звонком старшего зоотехника зверофермы Кужакеева. Единственной возможностью уцелеть оставалось движение через не могу. Вот я и двигался сквозь новогоднюю ночь, очень ветреную и морозную.

Незадолго до происшествия снегу навалило столько, что для расчистки дорог пустили грейдеры.

– И зря! – опрометчиво подумалось мне, – Тогда бы эти козлы хоть в этот раз не доехали бы.

Брести по пояс в снегу вдоль заметаемых поземкой следов было особенно тягостно. Праздничная воровская вахта получилась стахановской: 57 самых породистых и отборных песцов.

Ко второму часу осмотра места происшествия я замерз настолько, что почти ничего уже не соображал. У клеток, как обычно, никаких серьезных улик оставлено не было. Натоптано, конечно, брызги песцовой крови по-

всюду, надо бы все это заснять, но затвор фотоаппарата на морозе заедает, вспышка не работает, жрать хочется, спать хочется, при дневном свете необходимо будет повторный осмотр, к старому Новому году наверняка влепят «строгача», а то и неполное служебное соответствие...

Зато Валерка Порубаймех, мой лучший дружбан по Карагандинской высшей, раскрутил недавно крупную кражу из лениногорского универмага. Чисто следственным путем и по «горячим» следам. Получил благодарность в приказе министра. И знак «Отличник милиции» в придачу.

А мне – хоть домой не возвращайся! Танюха наверняка скандал из-за праздника загубленного закатила. Димку чего-то так жалко стало. Лежит пацаненок в промерзлой ямке. Папашка его непутевый в яловых сапогах тоже превращается в ледышку. Того и гляди уложат с сыночком по соседству...

Ну вот – без пяти двенадцать. Лично Леонид Ильич сейчас весь советский народ поздравляет: «С Новым годом, дорогие товарищи! С новым счастьем! Вперед, к победе коммунизма!»

Приемник «ВЭФ» был включен на полную громкость. В салоне «ГАЗика» гредись понятия, работницы все той же злополучной фермы. Послышался бой курантов. Бухгалтерша, ее молодящаяся подруга из отдела снабжения и сам зоотехник закричали «Ура! Поздравляем!»

С чем поздравлять-то? С чего год начнешь, того даволь и наглотаешься...

Лишь махнул безнадежно рукой в ответ на приглашение присоединиться и распить «Советское шампанское», захваченное на вызов предусмотрительными дамочками. Обогнул автомобиль. Чтобы хоть с малой своей нуждой перед женщинами опозоренный следователь в свете фар не маячил.

Замерзшие руки подчинялись плохо. Долго возился с пуговицами на полушубке и галифе. Меланхолично принялся выводить вензеля на сутробе. И здесь не везет! Если бы не грейдер, не был бы он таким высоким и отвесным. Проще было бы мне выбираться на проселок...

Казалось, струйка замерзает на лету. Иногда я включал китайский фонарик с почти посаженными батарейками. Ветер переменчивый, коварный, забросит чего пахучего на обмундирование оперативного дежурного. Добавит конфуза ничтожеству и без того законченному.

Вдруг тусклый кружок света выхватил странные, геометрически выверенные неровности. Господи, неужели? Перехватило дыхание. Замолотило бешено сердце. Сразу вспомнилась толстенная книга из раннего детства. Называлась она то ли «Дело пестрых», то ли «Дело рыжих», но создавалась, конечно же, не великим Конан Дойлем. Скучный детектив сочинил кто-то из членов Союза писателей СССР. Мне и запала-то в память только одна, как мне представлялось, очень надуманная и неправдоподобная деталь. Как хитроумная, неуловимая банда вдруг взяла, да и оставила сыщикам свою «визитную карточку». В виде отпечатка автомобильного номера на снегу.

Теперь же следователь-неудачник, забыв о забрызганных мочой сапогах и полушубке, стоял на коленях. Заслоня от ветра телом заветное местечко. И восторженно орал: «Блин, мать вашу так, товарищи понятые, женщины, гражданин Кужакеев, зеркало, зеркало тащите! Да откуда я знаю, где взять! С машины снимайте!»

Но и так было видно все очень даже отчетливо. Особенно в косо падающем свете фар. Девятнадцать? Совершенно точно, девятнадцать! А это шестьдесят шесть? Нет, какой шестьдесят шесть! Девяносто девять! 19-99 СПб! Или – СПВ? Ну, зассанец, задел-таки последнюю букву...

Но в полуметре левее обнаружили еще следы, способные приятно изумить даже самого Шерлока Холмса. Дорога узкая, машина преступников – преступников, преступников, кому еще здесь разворачиваться под Новый год? – аккуратно и целых три раза вдавливала передний бампер в плотный сугроб.

Как же я был счастлив тогда! Как мне было легко и хорошо! Какая же красивая эта главбухша Лидия Федоровна! Ворующая, по оперативным данным Мужиковского, куда меньше этой сволочной четверки. Но куда чаще и регулярнее. В сговоре с полюбовником своим Кужакеевым Маратом Касеновичем.

Да ну его на хрен, этот ОБХСС с его нереализованными «агентурными донесениями!» А точнее – сплетнями! Какая мне сейчас разница, кто с кем спит, кто в каких ведомостях чего-то исправляет и приписывает?

– Лидия Федоровна, роденькая, где там ваше шампанское? Пробку заело? Отобьем щас горлышко к чертям собачьим! Вот так! Ну, с большущей нас всех радостью, товарищи! Дедушка Мороз такой нам подарочек принес!

Толик Тарасенко от услышанного протрезвел мгновенно и побежал за наручниками. Яшку Шальгина окатили из ведра. Он помычал и тоже вскочил. Замполит Божко в подвыпившем состоянии работал куда вдохновеннее, чем в трезвом. А дежурный областного ГАИ по нашим возбужденным голосам сразу понял: мы в Семипалатинск не на ёлку собираемся. «Пробили» нам номер. Оказался служебный ГАЗ-69 цементного завода. Водитель Кузнецов. Брать будете? Еще как будем! Заверните!

Рассказывать о намеченной операции областным мы не стали. Щас! Тут же перехватят инициативу. И загребут себе все сладкие пряники.

Узнали на вахте завода: снабженческий «Газик» 19-99 СПВ ночует во дворе у водителя Кузнецова на улице Сакко и Ванцетти, 47 «бис». К семи утра перелезли через забор. В ответ на сипый лай кобеля, рвущегося с цепи, загремела дверная щеколда, Толик применил коронный прием: своим чугунным лбом – по лбу. Мужик – как потом оказалось, отец Кузнецова – беззвучно рухнул в сенцах. Теснясь и толкаясь, ввалились в просторную рубленную избу-пятистенку. Кузнецов-младший, Гилев, Шмаргин по клич-

ке Шмара и год назад как сбежавший из колоннии Запятко хралели там, где и обмывали новогоднюю удачу.

Шмара, по закону подлости, достался самому худосочному из группы захвата. По тому, каким молниеносным левым хуком он успел дотянуться до моей скулы, пока я пытался взять «на рычаг» правую руку, сразу стало понятно – боксер. Глаз стремительно заплывал. Из носа не то что потекло – хлынуло. Тут ничего не оставалось делать, как вцепиться Шмаре в промежность. Хоть не зубами, и то хорошо. Задерживаемый взвыл и нащупал мою шею. Было ощущение, что воздух перекрыли железными клещами. Поплыли разноцветные круги, звон в ушах пошел колокольный. Но тут Божко схватил со стола большую чугунную сковородку с остатками яшшенки на сале. И приложил к задерживаемому так бережно и умело, как может только политический работник, кровно заинтересованный в сохранении безупречной репутации офицера советской милиции.

Опыт товарища майора не подвел. Инвалидности у Шмаргина не получилось. Только нокаут. Правда глубокий, с сотрясением мозга.

Из кармана шмариных брюк выкатился мячик. Точь в точь такой же, какой был изъят в качестве вещдока с места еще первой кражи. Боксер, как ему и положено, использовал игрушку в качестве тренажера для кулаков.

Перепуганный кузнецовский папаша быстро пришел в себя. И теперь пытался угодить. Для моего разбитого носа он еще до обыска вытащил из комода целую пачку платков. Как потом экспертиза установила – аналогичной промышленной партии с тем, что уже был приобщен к делу. Песцовый укус на большом пальце у Гилева оказался глубоким. Характерный след сохранился навсегда.

О своем табельном оружии, как это ни конфузно признавать, оперативно-следственная группа, такая хмельная и от водки, и от радости, вспомнила только после того, как лихую четверку мы сковали «браслетами» и уложили в снег рядышком с машиной. Она была забита мертвыми тушками доверху. В погребе нашлось еще 270 отлично выделанных шкур.

– Знаешь, Золовкин, чего я не могу тебе простить до сих пор? – уже через десятилетия, уже в наши дни спросила Татьяна. Мы как раз обмывали в Сочи очередную встречу третьей моей жены с первой. Я не сомневался, какой именно упрек простоватая и такая прямодушная Танюшка сейчас выложит. Сам никогда не забуду, сволочь эдакая, как уже в Караганде, уже журналистом, уходил, по уши влюбленный, к Надежде. А пятилетняя Леночка обнимала мои ноги и плакала:

– Папа, оставайся, мы тебе сейчас пельменей наделаем.

Но дочь теперь уже взрослая. Давно живет со мной и Эммой в Сочи. И у Тани, приехавшей погостить все из той же Караганды, почти не оставалось на этот счет обиды. Ну, опутала любовь с первого взгляда старшекласнику и курсанта. Ну, поженились мы безрассудно рано. Совершенно разными оказались...

– ...не понимала я тебя, а ты, Золовкин – меня. Не спорю, дурью и блажью казалось мне твое, Золовкин, увлечение рассказиками и стишками. А вот Надежда Васильевна – человек чуткий, опытный, секретарь райкома партии. Она взяла, да и похвалила. Назвала тебя настоящим поэтом. Как там в этой песенке про Буратинку, а, Золовкин? – «Ему немного подпоешь, и делай с ним что хошь»

Нет, Золовкин, – (Таня частенько обращалась ко мне только по фамилии), – что было между нами хорошего, за то и спасибо. Но одного не прошу! Ведь так и не принес ты мне в Новой Шульбе хотя бы на воротничок, помнишь?

Как не помнить. У меня кабинетик тогда почти доверху был завален мехом. Можно сказать, я купался в «мягком золоте». Иногда, не имея сил и времени переночевать дома, даже отсыпался на вещественных доказательствах. Ведь дело складывалось долгое, многотомное, многоэпизодное. С выявлением аналогичных преступлений прошлых лет в трех соседних областях.

Сохранились в домашнем архиве фотографии: тощенький, замученный следачок с головы до пят завален серебристыми шкурками.

– Ты только попроси прокурора, пусть они с судьей разрешат нам купить штучек несколько по остаточной стоимости! – капала на мозги жена, заканчивавшая к тому времени товароведческий техникум, – Я там себе уже отложила. У тебя в столе рабочем лежат...

Золовкин, я же тебя воровать не прошу! Но с твоей зарплатой нам в универмаге делать нечего. Ну, как человека умоляю, употреби служебное положение!

– Это будет не употребление, а злоупотребление! – каждый раз чеканил я. Ощущая прилив тоски от такого несовершенства мироздания. Уж если самый близкий мне человек подталкивает к грехопадению...

– Дурак ты, Золовкин, и уши у тебя оттопыренные, – плакала Татьяна, – Вот увидишь, суд и всякое другое начальство эти твои вещественные доказательства забесплатно по своим домам разнесут!

Областная Фемида, лишь к поздней осени 1977 года объявившая выездное заседание в нашем райцентре, вlepила всем четверым по «пятнашке». Уже через месяц после приговора не только райкомовские, прокурорские и судейские жены красовались в пышных новых шубах. Даже начальнику нашего райотдела ко дню милиции и 60-летию Великого Октября была подарена мужская песцовая шапка.

Из участников процесса ничего материально ценного не досталось только мне. И начинающему защитнику одного из подсудимых. Этот раздосадованный паренек, выросший впоследствии до крупного политика в суверенном постсоциалистическом Казахстане, накатал жалобу прямо в республиканский КГБ. Так, мол, и так, за бесценку ушло в частные руки

валютное сырье, имеющее на международном рынке стратегическое для СССР значение.

Нагрянула комиссия. Начальственные жены получили от перепутанных мужей по первое число, обновки свои попрятали и, обливаясь слезами, понесли в казну возмещение ущерба. А насчитали им за шубы и шапки побольше, чем то же стоило в «Березках».

Пораженный таким поворотом, Мужиковский выставил бутылку столь неведомого для меня напитка с романтическим и манящим названием «Ром ямайский». Мы заперлись с обэхээсником у меня в кабинете. И под изумительную квашеную капустку Доры Дормидонтовны впервые в жизни я напился.

Процесс этот меня блаженно изумил. Сделалось так же счастливо, звонко и невесомо, как на той промерзлой дороге у зверофермы. А тут еще звездочка старшего лейтенанта на погонах. И привинчен к моему кителю знак «Отличник милиции». О чем тут же и как бы невзначай сообщено Валерке Порубаймеху.

Глядишь, присвоят еще звание «Лучший следователь Казахской ССР». Представление в Алма-Ату уже отправлено. Греет обещанное областным начальством повышение. С переводом в самый крупный районный центр области – Аягуз.

Измятый жизнью, всегда понурый и перманентно пьяненький, капитан казался мне в те сладкие мгновения самым надежным и сердечным другом в мире. Мужиковский притягивал мою голову к своей. Мы упирались через казенный стол лбами, покачивались, и оперативник, опасливо косясь на дверь и окно, нашептывал:

– Дурак ты, Серега, ох, и дурак законченный! Клинический, можно сказать, дурак. Но...какой же хитрожопый, какой умный! Как все точно просчитал, а! Как выгодно прокоцал с этими песцами! Ни одной шкурки себе не взял. А ведь мог, а, Серега?

– Мог, Петрович, мог! Мы с вами, дорогой мой капитан, теперь все сможем. Помните, не хотел я принимать материалы по овощной бригаде? Говорил, сырые, мол, на состав не тянут. Несите, Петрович, будем возбуждать! Что не так, сам доработают!

Но «опер» отмахивался от заманчивого предложения как от назойливой мухи. Хотя вчера еще притащил бы папочку с дознанием по краже прицепа со свеклой чуть ли не в зубах. Уж очень ему хотелось свести счеты с бригадиром Хряповым. Положившим свой наметанный глаз на безотказную и щедрую на добро Дору Дормидонтовну.

– Да подожди ты с материалами! Ты мне как другу, только честно... Как узнал, что будет комиссия? Ты ведь только поэтому шкурки брать побоялся? Так? Зато теперь на весь район один только чистеньким ходишь. Далеко, брателло, пойдешь! Ох, далеко! Если милиция не остановит. Молодец!

Мало чего улавливая из этого бормотания, я продолжал согласно кивать и заливаться счастливым смехом:

– Молодец, конечно! Все мы большие молодцы, Петрович! Представляешь, ссыканул бы я чуть-чуть левее, не против ветра! Ха-ха! И тогда бы у нас был еще один «висяк». Ха-ха-ха! Не повернулся бы к бабам задницей и... были бы сейчас в такой глубокой жопе... И-ик...

Есть в жизни справедливость, ведь правда есть! Как думаешь? Вот нам с Тарасенко по 25 рублей премии выписали. Четверть оклада, представляешь, Петрович!

Старый «опер» посмотрел на меня с жалостью. Как на безнадежно больного. Потом тщательно протер носовым платком стаканы. Не забыл прихватить с собой опустошенную бутылку из под рома. Оставив банку из-под самогонки, добытой уже мной. Тихонько притворил дверь...

А я так и заснул в кабинете. С остатками капусты чуть ли не на ушах. И с завершаемыми спешно делами в железном ящике под амбарным замком.

Не помню, что мне снилось. Наверное, стремительная и, конечно же, блистательная следственная карьера в далеком и неведомом Аягузе. С его узловой железнодорожной станцией. Тремя военными городками. И самой напряженной в области оперативной обстановкой.

10. ХОЛОДНЫЙ ДУШ НА ГОРЯЧУЮ ГОЛОВУ

Убивали-грабили-взламывали в нашем резко-континентальном климате не намного чаще, чем в других казахстанских городах. Но необъятный степной район, соседствующий с атомным полигоном и шахтными установками межконтинентальных ракет, пересекала автомобильная трасса стратегического значения. Прямая как стрела, широкая и ровная, она становилась особенно опасной в предрассветный час. Когда веки наливаются свинцом, глазу не за что уцепиться, скорость переваливает за сотню, а перемещение в мир иной происходит настолько быстро и незаметно, что водители и пассажиры зачастую ничего не успевают понять.

Аварии составляли почти половину всей статистики Аягузского горрайотдела. Редкая неделя обходилась без побудки в самый сладкий час сна. Если поднимали в шесть утра, можно было не сомневаться: вызывают на дорожно-транспортное с тяжкими последствиями. Кражи обнаруживались позднее, перед самым открытием магазинов и столовых. Поножовщины и прочие членовредительства давали следователям работу ближе к полуночи.

Но тут про серьезное ДТП сообщено было к полудню. Несчастье произошло километрах в ста от райцентра. В животноводческом совхозе имени Героев Парижской коммуны. Девчушка лет восьми. Головенка – вдребезги. Похоже на буксирный крюк бортовой машины.

Ничего больше участковый по телефону не передал. Но и без того понятно – пора на пахоту «в поле». Обслуживать все милицейские вызовы в ту ненастную осеннюю пору добровольно вызвался новоиспеченный начальник следственного отделения.

– Не понимаю я этого, Сергей Алексеевич! – раздраженно мерял шагами

свой кабинет подполковник Виталий Ананьев. Высокий, статный, с пышной и кучерявой шевелюрой, был Виталий Иванович до моего назначения единственным русским на весь ГРОВАД. Что никаким «нездоровым националистическим настроениям» вовсе даже и не способствовало. Напротив, представители двух древних казахских жузов, то есть родов, населявших станцию Аягуз, были довольны: такая «хлебная» должность досталась и не нашим, и не нашим.

– Ведь вы теперь не рядовой следователь, товарищ старший лейтенант! Под началом пять «пштыков», включая целого майора. Ну и где должен быть командир на лихом коне? У себя в кабинете! Отслеживайте общую ситуацию, владейте обстановкой, вырабатывайте стратегию! И нечего мотаться по аулам! На происшествия пусть выезжают подчиненные. Что у вас сейчас делает Бергенев? Какая такая экспертиза в Семипалатинске? Да его с Карлыгашкой из прокуратуры вчера на речке видел! А Сабуров? Какой такой перегруз? Всего 15 дел, из них только 5 арестантские.

И потом, Сергей Алексеевич, что это за инициатива какая-то э-э... сомнительная? Ящик пива за ваш счет победителю какого-то внутреннего вашего соревнования? У вас что, деньги лишние?

Ныне уже покойный начальник ГРОВАД прорабатывал меня регулярно, беззлобно и, скорее, по привычке, а не из желания что-то кардинально изменить. Виталий Иванович не мог не замечать: подразделение наше менее чем за год увеличило выход уголовных дел с обвинительным заключением наполовину. Это был областной рекорд, стоивший ребятам отпусков и выходных.

Подтянули мы и «висяки». Правда, лишь те, что оказались несложными. И не раскрывались по вине разгильдяя-участкового. Или ушедшего в запой «сыскаря».

Кража из единственной на весь Аягуз химчистки, к примеру, сама напрашивалась на «форму номер два». То есть, на выставление карточки по конкретному лицу, совершившему преступление. Пиджак сына посетительница паспортного стола случайно увидела... в нашем же горрайотделе. Уже год, ничего худого не подозревая, таскал на себе вещественное доказательство пожилой электрик-монтажник отдела вневедомственной охраны. Жена купила краденое у соседа.

По цепочке и всего-то за полторы недели Мишка Бергенев вышел на взломщиков. И навесил им без всякой мухлевки еще семь нераскрытых преступлений прошлых лет. И как после этого было не отпустить его на пару деньков «по личному вопросу»?

Да и Далелхану Сабурову подбрасывать новые дела было бы нечестно. Это гораздо позднее поднялся он до высокой должности начальника казахстанской военной полиции. А в декабре 2009-го скончался, увы, от мучительной и тяжелой болезни.

Тогда же, на закате семидесятых, следственную практику шустрый этот паренек только начинал. После КВШ с трудом втягивался в наш конвейер. Иногда сачковал, откровенно, с вызовом, по-детски. Но потом впрягнулся через «не могу». Барабанил сутками напролет по клавишам пишущей машинки. Выстраивал свидетелей и потерпевших у своего кабинетика. Наверстывая упущенное, сдавал с обвинительным заключением кучу дел. И умудрялся при этом завершать квартал без ДЭСов, дополнительного расследования, этой главной для нашего брата «следака» страшилки. Воспринимавшейся мною с таким же трагизмом, как когда-то двойка по чистописанию.

– Нет, правильно я делаю, разделяя нагрузку на всех поровну! Есть в этом своя личная выгода. Никто из следаков на тебя не в обиде, на душе легко, народ в райотделе с самого начала стал к тебе с уважением относиться...

Так думал я по дороге, отмечая заодно, что вот-вот хлынет ливень. Ну, вот и прорвало! Хреново, теперь никаких следов на месте не сохранится. Теперь только на слепую удачу или длинные языки в совхозе рассчитывать и приходится.

Словно бы утадав, майор Оспанов протянул «фронтовые» сто граммов. Главный районный «гаишник», мужик необъятный, брюхо свое в край рулевого колеса вдавивший, каким-то невероятным образом успевал на полном ходу объезжать лужи и удерживать в правой ручище сразу три граненых стакана.

– Пора антипростудин принимать!

Абдурахманов даже при такой тряске дозировал профессионально – ни капли мимо! И ни на грамм больше, чем у соседа.

Я попробовал было отказаться. Оба посмотрели укоризненно.

– Обижает, дорогой! Самое святое у казахов – закон гостеприимства. Первый раз выезжаем вместе? Первый! Значит, надо выпить! А то никакой удачи на вызове не будет.

Теперь мне стало понятнее, отчего так срочно пристегнулся к нашей оперативно-следственной группе главный в районе специалист по принудительному вытрезвлению. В пузатом портфеле Абдурахманова позвякивала полудюжина бутылок водки и пара «огнетушителей» с портвейном «Три семерки».

Гадом буду, реквизирувал у своих клиентов! В качестве «дополнительного наказания». Не любит, ох не любит пьянчуг и забулдыг недавний начальник ОУР Абдул Абдурахманов! Полагает, что именно эта «вшивота» испортила ему служебную карьеру. Ведь сослали в вытрезвитель главного районного сыскаря после побойца в привокзальной «Чайной». Где парочке – другой постоянных клиентов системы принудительного и строго хозрасчетного «спецмедобслуживания» не менее пьяный капитан переломал челюсти и ребра.

С каждым новым стаканом ухабистая дорога к «Героям Парижской коммуны» становилась все ровнее и веселее. Неуместные улыбки, похоже, слыш-

ком поздно сползли с раскрасневшихся лиц. А толпа у моста через вздувшуюся и мутную речушку напирала. Ее кое-как сдерживал предпенсионного возраста капитан в брезентовом дождевике с капюшоном. А на мне, кроме моментально промокшего кителя, не было ничего. Но надо работать.

Второклассницу Розу Биллелятдинову убило действительно машиной.

– Газ-51» – прикинул «гаишник». Майор Оспанов даже не стал выбираться из «Волги». Просто подогнал ее поближе к тельцу, опустил боковое стекло:

– Ну-ка, Серик, поставь ребенка на ноги! Осторожно, штаны кровью запачкал! Вот так, молодец! Да, на уровне бампера... Будем искать!

Однако участие Оспанова и Абдурахманова в следственных мероприятиях оказалось весьма специфическим.

– Серик, согреешься? – участливо подавали голоса из салона чуть «тепленькие» коллеги. Но пить было некогда. За совхозом числилось девять грузовиков. Шесть из них оказались на ходу. Внешний осмотр ничего не дал. Машины были заляпаны грязью, навозом, соляжкой, мазутом, но только не мозгами и кровью. А это, прошу прощения за тошнотворные подробности, такая улика, от которой избавиться не так просто. После удара буксирным крюком кровь и мозг забиваются во все щели и углубления, остаются в решетке радиатора.

Да и алиби у всех водителей оказалось железным. Свидетелей полно и все подтверждают: никак не могли эти «ГАЗоны» в тот роковой предобеденный час оказаться у моста, с которого стайка младшеклассниц и наблюдала за пескарями.

Оставалась только МТМ с тремя автомобилями без колес. Сторож божился: стоят грузовики на козлах давно. А запчастей к ним все нету и нету.

Было совсем темно, когда я закончил протоколы осмотра и допросы девчушек, перепуганных, ничего не помнящих, никак не могущих понять, почему хохотушка и певунья Роза завтра не пойдет с ними в школу?

В крапивной мешок упаковал тельце, попросил Оспанова открыть и очистить багажник его новенькой служебной «Волги».

– Лови! – начальник ГАИ швырнул мне ключи из салона. И, уловив свирепеющий взгляд, улыбнулся примиряюще, почти дружелюбно, – Не обижайся, Сергазы. Ты все равно уже промокший и запачканный. А у меня чиряк на боку знаешь какой? Показать? Боюсь дальше застудить. Давай лучше еще вмажем!

Водка без закуски больше не шла. Да и остатки детского личика, раскроенного наискось до самой теменной кости, из памяти никак не выходили. Изумление – вот что еще успела пережить Роза. В самые последние свои мгновения девочка увидела что-то настолько ее поразившее, что не успела даже ужаснуться. И умерла с одним лишь недоумением в широко распахнутых глазенках.

А что же не дает покоя мне? Пьяная эта парочка? Да нет, с ними-то как раз все понятно. Раздолбаи и лодыри! Впрочем, «выгрезвителю» на этом вызове вообще делать было нечего. А Оспанов, конечно, мог и помочь. Вместо того чтобы меня в казаха переименовывать, составил хотя бы схему ДТП.

Ну да ладно! Справился ведь, не размок. Вот только вода так противно чавкает в ботинках. И брюки по колено в грязи. За шиворот затекло... Даже на трусах сухого пятнышка не осталось. Сухое пятно! Ох, ёшь твою корень! Как же я сразу не допер!

– Надо бы вернуться, товарищ майор!

– Не занимайся х...ней, Серик! Сколько уже проехали! Участковый давно у чабанов. Барашка зарезали, бешбармак готовят! Обогреемся сейчас, обсохнем.

– Тогда я пешком пойду!

Оспанов матюгнулся, Абдурахманов за нашими спинами всхрапнул. Но к совхозу мы все-таки повернули.

Дождь уже час, как прошел. «Гаишнику», оберегая начищенные сапоги, старательно огибал лужи. Но к стоящим на козлах машинам все же приблизился. Сторож держал фонарь и стремительно бледнел. Руки его тряслись все сильнее.

– Мы когда сообщение о наезде получили, Мамбет Исмаилович?

– Где-то в двенадцать, а что? – насторожился Оспанов.

– А дождик-то часом позже лупанул...

– Ох, ё... твою мать! Как же это мы с тобой, Сергазы, сразу не догадались?

Под двумя «Газонами» оставалось сухо. Под третьим – лужи. Машину ставили на козлы и снимали колеса во время ливня.

Скрутили буксирные крюки. Под левым сохранилось то, что после экспертизы назовут «фрагментами вещества, идентичного головному мозгу и группе крови потерпевшей Билелятдиновой Р.»

Оспанов, и без того багровый, стал крутым ликом своим напоминать заходящее степное солнце. Вопреки древним национальным традициям, требующим почтения к старцам, майор схватил аксакала за грудки и приподнял. Щупленький старичок сучил ножонками на весу и торопливо выкладывал все что знает про внучатого своего племянника Ербола.

Того нашли пьяным, промокшим и спящим в конюшне. Водитель вначале отрицал все. Но подвели его к багажнику «канарейки», направили в то, что осталось от лица свет:

– Смотри, внимательно смотри! Это родная твоя сестра, Ербол. Догадываешься, кто ее убил?

Старший сын в многодетной семье самую младшенькую, щебетунью Розу любил больше остальных братьев и сестер. Но даже и не понял лихач, кого именно – то ли собачонку, то ли ребенка – сбил он перед мостом на

своем мотающемся из стороны в сторону грузовике. А перебегавшая дорогу девочка успела увидеть старшего брата, успела его узнать и успела изумиться.

Ербол ойкнул, закрыл глаза ладонями, потом рванул в темноту. Но Оспанов вовремя толкнул в спину, пнул несколько раз упавшего, одной рукой и без напряжения поставил задержанного на ноги. После короткой очной ставки со сторожем Билелятдинов совсем скис. И как утопающий за соломинку, схватился за предложенную ему явку с повинной.

К чабанам мы той ночью все-таки успели. Я купался в похвалах старших товарищей и коллег, как баурсак в топленом масле. Апофеозом застольной славы стало вручение вареной бараньей головы, этого символа выдающейся мудрости нового и, конечно же, лучшего в мировой истории начальника следственного отделения.

Ко Дню советской милиции, который совпадает для меня с днем рождения, начальник горрайотдела обвел всех собравших в «ленинской» комнате многозначительным взглядом, остановив, как мне показалось, особо доброжелательный взор на мне. И пообещал «приятный сюрприз из министерства». Именно по поводу «блестящего раскрытия ДТП у «Героев Парижской коммуны».

В груди сладко заныло. Я покосился на коллег: не отвлекается ли кто, все ли станут свидетелями моего триумфа?

«Проявляя самоотверженность, профессиональное умение, оперативную смекалку... Вопреки изощренным усилиям виновного лица и его сообщников... В затрудненных погодных условиях. По «горячим» следам... Наградить ценными подарками: транзисторными радиоприемниками «Спидола» и денежными премиями в размере 15 рублей каждого... Начальника районного отдела ГАИ... Начальника отдела спецмелслужбы ГРОВА...»

Никакой начальник следотделения в приказе министра не упоминался. Может, ослышался? Растерянно завертел головой. Столкнулся взглядом с Оспановым. Тот глаз своих восточных, немного презрительных, не отвел.

– А чего это они, Серый? – пихнул в бок Бергенев, – Ты ж совсем другое рассказывал?

Подполковник Ананьев выслушал мой сбивчивый лепет с грустноватой улыбкой. Потом выглянул в приемную, бросил секретарше:

– Нет меня ни для кого 15 минут! – плеснул коньячку в фужеры:

– С наступающими днем рождения и Днем милиции, товарищ старший лейтенант!

Выпили, помолчали. Поколебавшись, Виталий Иванович вытащил из сейфа два рапорта. От Оспанова и Абдурахманова:

«Старший лейтенант Золовкин, в отличие от опытных офицеров... Правильно не сориентировался в оперативной обстановке... Проявил растерянность... Только после нашей подсказки вышел на нужную версию...»

Путем личного сыска, опираясь на полученные в ходе дознания данные, майор Оспанов и капитан Абдурахманов... Без какого-либо участия руководителя следственного подразделения вынудили подозреваемого к даче признательных показаний...»

– Но это же... это такая неправда, товарищ подполковник! Подлость просто какая-то, Виталий Иванович!

Бормочу и чувствую: вот-вот зареву от обиды. Как сопляк из ясельной группы, у которого шоколадку отобрали. Ананьев понял, добавил «Дагестанского».

Я так и не узнал, были ли у него свои личные счета с Оспановым. Догадывался, конечно: давно метит царь и бог всех местных дорог на главную в Аягузе милицейскую должность. И, наверное, подсиживает русского начальника. Но благородный Ананьев, царствие ему небесное, не захотел сводить счета чужими руками.

– Знаешь что, Сергей, – в первый и последний раз обратился Виталий Иванович ко мне по имени и на «ты». – Ты, конечно, имешь право подать рапорт по инстанции. Можешь еще написать заявление в суд офицерской чести. Но... Не горячись! Отложи до следующей недели. Обдумай и просчитай все хорошенько. С кем связываешься? Какого калибра врагов наживаешь? Чего ради? И как потом дальше служить будешь.

– Да, вот еще, что, – попридержал меня за рукав уже в тамбуре Виталий Иванович. – Надеюсь, вы сделали правильные выводы из ЧП с Нурпеисовым?

Спасибо, товарищ подполковник! Напомнили, как под дых «подарили!» Из-за Нурлана Нурпеисова – а если уж до конца быть честным – из-за моего расп... гильдайства, весь ГРОВАД стоял «на ухах» почти сутки.

Спортивного, юркого такого разбойничка уведла я из своего кабинета в «дежурку». Чтобы оттуда уже под вооруженным конвоем и в «автозаке» свозить к прокурору на санкцию и отправить арестованного в Семипалатинский СИЗО, следственный изолятор. До предъявления окончательного обвинения.

Эпизодов набиралось несколько. Все квалифицированные, дерзкие, с применением ножа и кастета. Встречал Нурпеисов припозднившихся прохожих чуть ли не у памятника Ильичу, близ площади. Бил по голове или приставлял лезвие к горлу. Отбирал шапки, кошельки, сумки...

Взяли моего подследственного как раз подчиненные Оспанова. Случайно, но грамотно. Возвращались «гаишники» с трассы под самый Новый год. Видят – размахивает руками мужик с непокрытой головой. А далеко впереди маячит спина удаляющегося гоп-стопника. Грабителя, то есть.

И хоть был у Нурпеисова первый юношеский разряд по бегу на длинные дистанции, «Жигуленок» быстрее ног, а передернутый для остротки «Макар» впечатляет больше, чем выскочившее из рукоятки лезвие.

В общем, люди Оспанова преступника задержали. А я его упустил. При чем так по-дурацки! Вывел из кабинета. И тут меня по какому-то пустяку окликнул майор Рахимов, флегматичный, добирающий последние месяцы до пенсии, следовательно.

Пяти секунд не прошло, поворачиваю беспечную свою голову к стене, лицом к которой приказал стоять задержанному. Фиг там! Кеды у Нурпеисова бесшумные. А коридор в горрайотделе сквозной. Слева кончается дежурной частью. Справа – паспортным столом, где всегда куча народу. Как же ловко и стремительно проскользнул сквозь толпу мой подследственный!

– Стой, стрелять буду! – пытаюсь заорать я. Но горло сдавило от неожиданности. Несусь следом в одной рубашке и с шариковой ручкой наперевес. Серый свитер сквозь набирающую силу пургу виднеется еле-еле. Как стремительно увеличивается между нами расстояние! Как безлюдно на улице! И как тяжел и неуклюж мой бег в валенках с калошами.

Потерял я следы Нурпеисова уже во втором переулке. Завершил круг отчаяния, влетел в дежурную часть весь в инее и мыле:

– Общая тревога!

Потом 15 часов безвылазно и с пистолетом наизготовку провел я в отхожем месте. Будка у запертой на наружный замок избушки, из которой отлучилась как раз на эти сутки нурпеисовская тетушка, располагалась удобно. Все подходы просматриваются. Но продувалась нещадно и не чистилась давно.

Так, на холмике смерзшихся фекалий, с сброшенным сверху листом шифера, продержался я до семи утра. А потом прибежал Далелхан и осчастливил: все на тех же «гаишников» напоролся Нурпеисов по дороге к другу! Успел, правда, от них оторваться. Перепрыгнул через забор, влетел в сенцы и получил в «пятак» пистолетной рукоятью от Сабурова. Добавил и Бергенев. Намерзлись оба лейтенанта и наголодались за это время до такой степени, что Мишка даже стрельнуть хотел. Но вовремя образумился. Иначе бы не удержали это конфузное происшествие в рамках района. Пришлось бы информировать область. И накрылось бы тогда медным тазиком первое место для нашего отделения. Да и «Лучшего следователя республики» уж точно бы мне не присвоили.

Нет, при всей непорядочности Абдурахманова и Оспанова, имеется у этих засранцев своя кондовая правда. Капитан спит и видит, как его возвращают на розыск. Конечно, он и с «Парижской коммуной» того... Все в машине проспал. Но потом подходил ведь, извинялся:

– Пьяный был, ничего не помню. Мамбет что рассказывал, под тем и подписался».

Ну, сцеплюсь я с этим Оспановым. Ну, пойдет между нами война. Ради чего? Девчонку не вернешь. Брат ее лет шесть наверняка получит. Для такого ДТП – большой срок. Подтверждение профессиональной моей состоя-

тельности. Ну, не отметили ее. Ну, на одну почетную грамоту будет меньше. У тебя и так их уже одиннадцать. И потом, Сергей Алексеевич, правильно подмечали акушерки. Все у тебя еще спереди! Служить-не переслужить! Может, даже до полковника поднимусь.

Ох, как это тебя греет! Признайся хотя бы себе, тщеславие-то того, болезненное. Получать одобрительные взгляды, улыбки, крепкие рукопожатия, похвалы... Это ведь самое лучшее в твоей жизни. А, Золовкин?

Чего ты не в силах позабыть аж с первого класса? Как влезли двойку? Это – да. Но куда сильнее будоражит эпизод просто ничтожный. У барабанщика пионерской дружины, фигуры величественной, почти недоступной, осмелился ты попросить палочки. И тот снизошел до мелюзги. Доверил.

Как же ты засиял, когда с первой попытки вышла ладная дробь! Когда вздернул удивленно бровь твой кумир:

– Молоток, могешь!

Вот и радуйся тому, что «могешь»! Не исключено, что достигнешь даже трех главных своих целей. Попробовать – непременно из жестяной банки! – ихнюю «Кока-Колу». Увидеть фильм «Челюсти», про который прочитал у соседки Фариды. Толстая такая книженция о тлетворном влиянии буржуазного масс-культа. Разругали в ней акулу-людоедику жутко! Значит, смотреть нужно! Ну, и в настоящее соленое море хотя бы разок окунуться. Мама однажды была даже в Сочи. По зимней путевке в профсоюзном санатории. Ананас нам привезла. Вот бы где отдохнуть! Тогда для полного счастья ничего больше и не надо.

Ну... Чтобы не враждовать еще ни с кем. Чтобы все и всегда было по-доброму. Ты – с открытой душой. К тебе – тем же самым местом. А то когда чью-то злобу на себе ощущаешь, тогда... Тогда все из рук просто валится. Мир становится таким же нежеланным и тусклым, как ты сам в этом мире.

– Помнишь эту? Ну, которую на карачках таскал? Я тебе потом еще погон чистить замучилась, – спросила вдруг дома жена.

Выслушивала Таня про мою жуткую обиду в пол-уха: двойной праздник завтра, столько всего еще надо наготовить. Но интуитивно произнесла именно то, что оказалось нужнее всего. Я вытащил из дальней коробки общую тетрадь в малиновой обложке. «Стихи, заметки, наблюдения, рассказы слушателя КВШ МВД СССР Золовкина С.А, 1973 год, третий курс».

Нашел элегическое такое эссе с задушевым названием: «Лететь бы мне голым с пятого этажа». Про то, как в февральскую пятницу, тринадцатого, в полном соответствии с дурными приметами, сначала я попался на «самоходе». Столкнулся около Танькиной «хрущевки» со старшиной курса Мишей Твеленевым, который гораздо позднее, уже на оперативной работе, получит при задержании топором по спинному мозгу и будет списан из угрозыска по инвалидности.

Но сейчас два ряда вне очереди получил от Миши я. Удрученный, но

не расхотевший, нырнул к Танюшке в постель. И тут совершенно незапланированно вернулся Александр Яковлевич. Будущий тесть о тесной связи десятиклассницы с курсантом, конечно же, не подозревал.

Едва успевшая набросить халатик Татьяна что-то там ему щебетала. Могучий Яковлевич заслушался, присел и продавил своим центнером панцирную сетку почти до пола. Витая проволока плющила мне нос. Неудержимо хотелось чихнуть или завыть. От обнаженной своей беззащитности, унижения и страха.

Через несколько часов, уже у вокзала, мимо которого и пролегла дорога с улицы Тепловозной до ВШ, на узкой тропинке некстати подвернулся какой-то бедолага. Его мотало из стороны в сторону, и разминуться было трудно. Вот тут-то все говно, накопленное за день, вдруг из меня и поперло. Коротким, резким тычком в солнечное сплетение усадил я бродяжку в грязный снег. И не оглядываясь, пошел дальше. Не вслушиваясь в прерывистый свистящий звук, с которым мужичок пытался втянуть в себя воздух.

Легче после этого не стало. Стало еще омерзительнее и противнее. С одной стороны – я влюблен, и меня любят. Но знает ли Таня, какой трусливой и жалкой твари она себя отдает? И отчего это во мне вдруг столько ненависти непонятно к кому и чему? За какое поражение пытаюсь взять реванш? Чего это я доходягу ни в чем не повинного взял да и «отрубил»? Потому что – в форме и сильнее? Или – сволочнее?

Догрызая себя, наткнулся в сумерках на кучу тряпья. Пригляделся – человек! У обочины сидела и тихо поскуливала какая-то бабка. Грязной, давно немойгой старухой она показалось мне с высот двадцатипятилетнего возраста. На самом деле это была хмельная, сильно запущенная женщина лет сорока. Какая-то машина шибанула ее по бедру вскользь, но очень сильно. Подняться пострадавшая не могла. Идти – тоже. Мимо проносились редкие авто. Но никто не останавливался.

– Позвоню из дежурной части школы, вызову «Скорую», – буркнул я на ходу. Но остановился, окончательно на себя озлившись:

– Ладно, сейчас тормозну попутку, довезу вас до больницы.

– Знаю я ваши больницы, мент зеленый. В «трезвяк» меня сбросить хочешь?

Никогда, ни до, ни после, не проявлял я в жизни своей такого ангельского терпения! Не веря тому, что творю, взвалил бабку на плечи и скользя, спотыкаясь, обливаясь потом, про себя и в свой собственный адрес матерясь, тащил этот притихший, дурно пахнущий груз километра три. До самой до хибары по названному адресу. Какая-то Третья Тушиковая между Шпало-пропиточной и Асбестовой.

– Чего это стряслось с тобой...с вами? – совсем иным, не визгливым, не скандальным, а даже приятным голосом спросила напоследок женщина. Имя которой я так и не узнал.

– Да х... его знает, чего! – пытаюсь нарочитой грубостью прикрыть изумление, признался я. Не обнаруживая в себе ни прежнего упадка духа, ни ноющей, как заноза, обиды, ни той самой пухнуцей, выпирающей из всех щелей злобы, что подталкивала к ударам исподтишка и подлости наотмашь.

Мыл полы в актовом зале, громко напевая и отчаянно фальшивя. Наряд вместе со мной отбивал сын замнача нашей школы Гошка Ким. Который теперь – Георгий Владимирович. Сперва – главный над всеми судьями республики. Потом – советник у президента Назарбаева, заместитель Генерального прокурора, глава Госкомитета по борьбе с казахстанской коррупцией...

Гоша помогал чем мог. Отбивая четкий ритм на барабанной установке. К швабре так и не прикоснувшись.

Но обидно не было. Становилось все веселее. Представлялось, как та самая алкоголичка залижет раны, приковыляет к теплой своей компаньке и все будет повторять между глотками «Солнцедара» или «портвешка»:

– Не, ну это ж надо, есть люди и среди ментов. И воще... Есть же ж еще люди!

– Знаешь, Тань, – заглянул я на кухню. – А давай мы Абдурахмановых тоже на день рождения пригласим? А Оспанова не будем! Пошел он куда подальше!

11. «НИЗОВОЙ» ПО ПРИЗВАНИЮ

Самое же необычное приключение того памятного 78-го началось с ВДНХ. Не с выставки достижений как таковой, а с Героя Социалистического труда, заслуженного чабана Казахской ССР Аблязова Мусабека Аблязовича. Получавшего, по сообщениям самой жизнерадостной в мире советской прессы, «до ста пятнадцати ягнят на каждые сто овцематок».

Ни для кого в Аягузе не было секретом: многочисленный род Аблязовых на семейном хурале выбрал в герои самого старшего. После чего в чахлую совхозную отару пять лет подряд добавлялось во время окота личное поголовье. Показатели превысили все мыслимые биологические нормы. И обкому партии ничего не оставалось делать, как назначить чабана-рекордиста своим членом.

Летом Мусабека подняли с кошмы и послали в Москву. Но дальше Аягуза чемпион не доехал. В привокзальной гостинице с аксакалом крепко сдружился какой-то обходительный тип с залысынами и настолько типичным славянским лицом, что Аблязов не запомнил в нем ничего. На чистейшем казахском языке незнакомец выразил высочайшее уважение старости, мудрости и животноводческим талантам передовика.

После пятой рюмки коньяку растроганный старик вытащил список заказов от бесчисленной родни. И размотал платок, перепоясывавший ватный стеганный халат. Там были деньги по тем временам более чем внушительные.

Уступая просьбам, сосед по гостиничному номеру пересчитал наличность и подтвердил, что 3275 рублей за глаза хватит на подарки всей бесчисленной родне.

— Только, отец, спрячьте их подальше! И не показывайте больше никому! — предостерег «заботливый русский джигит».

А поутру Аблязов нашел на своей прикроватной тумбочке лишь пару сотенных, открытку с видом той самой семипалатинской казармы, где в линейном сибирском полку служил ссыльный Федор Достоевский, да сердечное пожелание на обороте «Счастливого возвращения! До следующей, такой же содержательной и приятной встречи! Ваш новый «сын» Анатолий Другалев».

После недолгих препирательств с дознавателем линейного отдела я вынужден был признать: дело о «хищении личного имущества путем кражи в особо крупных размерах» придется вести не только территориальному следственному подразделению, но и лично его начальнику. Ведь мало того, что привокзальная гостиница в силу своей неудачной географии не входила в сферу обслуживания железнодорожной милиции. Так наверняка теперь поднимется шум до самых до «небес», потому что потерпевший, кроме всего прочего, оказался депутатом Верховного Совета Казахстана.

У администратора в его «амбарной» книге действительно значился некий Другалев Анатолий Тимофеевич. Неожиданно покинувший гостиничный номер за пару суток до окончания оплаченного срока.

1931 года рождения, инженер-мелиоратор, проживает в престижном районе Семипалатинска, неподалеку от нашего областного управления.

Созвонился с «Гипроводхозом». В НИИ никакого Другалева не знали. Пробил по адресу – есть такой Другалев! Работать становилось все интереснее.

Дом, как и ожидалось, был не из рядовых. Неподалеку гзбешное и милицейское начальство. Сам Анатолий Тимофеевич, действительно лысоватый, весь какой-то обтекаемый, неприметный, глазу зацепиться не за что, будто следователя и ждал. Он без всякого удивления изучил мое удостоверение, переписал данные в тетрадку на столе и радушно указал понятным на массивный старый диван с кожаной обивкой.

– Вот так вот все деньги, что я Мусабеку Аблязовичу пересчитывал, вдруг взяли да и исчезли? Ай-яй-яй! – вполне правдоподобно огорчился Другалев. – Однако двести рублей оставили? Молодцы! Это, знаете ли, воровской шик! Чтобы, значит, на обратную дорогу старику. Доверчивое дитя природы! Ведь предупреждал же я дедульку, прячьте получше, Мусабек-ата!

Было понятно, обыск тут не даст ничего. Вряд ли такой хитрец спрячет дома сотенную с запомнившейся потерпевшему склейкой посередине. Но до поздней ночи мы все же перелистывали книги. Их было множество. В основном – классика. Умная, дорогая, изысканная. Такой библиотеки в ту дефицитную пору я не встречал даже у Прохора Уздякова, страстного книгогочя и заведующего мясомолочной базой в Аягузе.

– Деньги, молодой человек, есть для меня наиглавнейшее зло, – вроде как и не огорчаясь вторжению следственной группы, разглагольствовал Другалев. Он красиво и умело преобразился. Теперь это был вальяжный ба-

рин, развалившийся в кресле. Другалев прихлебывал чай из китайской чашечки изумительно тонкого фарфора и не снимал роскошного, шелкового, до самого пола, халата с драконами. Я видел такой только в фильмах про загнивающую буржуазию.

– Как заметил мудрец Лао-Цзы, впрочем, священное это имя для вас, конечно, не имеет никакого значения, деньгами невозможно ответить ни на добро, ни на зло. Единственная достойная мера в людских отношениях – справедливость. А вы как думаете, товарищ старший лейтенант?

– Я думаю, гражданин Другалев, что вы перепутали Лао-Цзы с Конфуцием. Который рассуждал немного иначе. В его «Изречениях» есть что-то такое: «– Спрашиваю, «за зло следует платить добром?» «Но тогда чем же за добро платить?» – удивляется мудрец. И отвечает: «Платить за зло надо по справедливости, а за добро возвращайте только добро»».

– Сейчас прочитали? – впервые забеспокоился Другалев. С моего разрешения и под присмотром Миши Бергенева он нашел нужную книгу, проверил, вздернул бровь:

– Однако... Вы после МГУ? Всего лишь высшая МВД? Вдвойне интересно!

За всю дорогу до Аягуза Другалев не молвил больше ни слова. Случайно увидев задержанного, бывший начальник угрозыска Абдурахманов даже в лице переменялся:

– Серега, ты с ума съехал! Это ж... – Но сразу смолк, скомкал заинтересовавший меня разговор и убежал, сославшись на внезапно возникшую необходимость.

Еще более интригующей стала ситуация после того, как по настоянию Другалева я связался не с отделом кадров, а с «ответственным по режиму» «Гипроводхоза». На том конце провода с напряжением слушали, долго молчали, потом уточняли мои анкетные и адресные данные, а также телефон начальника ГРОВОД. Через полчаса подтвердили: инженер Другалев пользуется большим уважением в коллективе, отличается исключительно высокоморальными качествами, был досрочно отозван из командировки в силу служебной необходимости.

Потом позвонил, что случалось уж совсем редко, сам начальник областного следственного управления. Настораживающе заботливым голосом товарищ полковник осведомился о наших делах, похвалили отделение за победу в социалистическом соревновании и посоветовали поскорее нащупать совсем иную, куда более точную версию в скандале, от которого «уже пошли крути до самого верха».

Не успел я толком осмыслить руководящие намеки, как на путь истинный принялся наставлять меня районный прокурор Турсунхан Калиев:

– Все остальные дела в сторону, депутата и героя обижать не позволим, мне уже из республиканской прокуратуры позвонили, из самого обкома пар-

тии – тоже, я от нашего с тобой имени дал слово – раскроем, отыщем, вернем, виновного накажем! Не подведи старика, сынок! А то ведь у меня девять ваших обвинительных заключений сейчас на утверждении.

Ночка перед получением санкции на арест у нас с Другалевым получилась еще та. Попросил оперативного дежурного заварить нам чай покрепче, усадил Анатолия Тимофеевича напротив, так, чтобы и лампа не в лицо, и каждую морщинку на сытом, холеном лице было видно.

И повели два тщеславца речь о самом главном. О себе, любимых. Если точнее, то «кукушка» следователь отвечал пятью комплиментами на каждую приятность «петуха» подозреваемого.

– А ведь и должен ты быть «петухом», дражайший мой Анатолий Тимофеевич, – прикидывал я попутно, вынимая из Другалева все больше мельчайших примет, движений, интонаций, словечек и жестов особенного рода. Так могут вести себя или талантливые артисты, вжившиеся в роль, или бывшие осужденные, не избежавшие самых грязных испытаний лагерного быта.

Похоже, знал этот изворотливый тип далеко не понаслышке о колониях строгого и особого режима. Там, скорее всего, «козлом» Другалева не называли. Пассивным он явно не был. А вот «петуха», а может даже и «бутра» заслужил. Крепкий, просто какой-то харизматический тип с магнетизирующим взглядом. Не подчиняться такому трудно. Подчинить и «расколоть» – еще труднее.

– Мои слова понять так просто, так просто выполнить, – с наслаждением и какой-то почти эротичной чувственностью смаковал изречения своего любимого Лао-Цзы уже совершенно освоившийся в моем кабинете Другалев, – но их понять никто не может, не может выполнить...

– ... У слов имеется исток, а у поступков – то, что ими управляет. Их-то как раз не понимают, и потому никто меня не знает, – с имитацией блаженства на осунувшейся от бессонницы физиономии подхватывал я. И мысленно благодарил дедушку своего, Геннадия Павловича, доведшего до глухой нашей деревушки не только «Библиотеку приключений и фантастики», но и толстенный учебник по древнекитайской философии.

Такое почтительное и даже подобострастное внимание к поэзии Востока мне придется проявлять после той ночи лишь однажды. Уже после следственной службы и после того, как вышибли меня из курортной газеты «за антипартийное поведение». Когда в пору перестройки и «дикого» рынка известный местный предприниматель и прирожденный портной Валерий Удалов окучивал ни больше ни меньше, как крупнейшую японскую фирму по производству швейных машинок с компьютерным управлением.

Для этого Валера придумал ярмарку-выставку последних достижений заграничного народного хозяйства. Но концерн «Бразерс» поначалу намеревался лишь продемонстрировать в работе чудеса своей техники. И, за малым

исключением, все оборудование из Сочи вывезти. Чему яростно противились душа и сознание хитроумнейшего Удалова.

В чудном по тем временам ресторанчике «Старая мельница» на горе Быт-ха все эти вице-президенты и заведующие отделами сбыта поначалу вели себя чинно и скованно.

– Кампай! – улыбались японцы и к чистейшему, как слеза ребенка, «сакэ» производства столичного ликероводочного завода «Кристалл» совершенно не притрагивались.

Процесс оболъщения затягивался. Без домашней заготовки в виде одухотворенного «экспромта» тут было не обойтись.

– И что самое интересное, уважаемые господа из «Бразерс» и «Чори», глубоко нами любимый Рубоко ШО в почитаемой всей нашей интеллигенцией книге «Ночи Коматы или Время Цикад» тонко подметил главный принцип зарождающегося, плодотворного, взаимовыгодного, подчеркиваю, оч-чень взаимовыгодного сотрудничества между такими блистательными величинами как ваши замечательные фирмы и наш кооператив «Советская звезда»!

Уже тогда, за десять веков до сегодняшнего знаменательного дня, в семнадцатой из девяноста девяти изящнейших танка, ваш классик Рубоко ШО так отозвался о нашей с вами мудрой тактике сближения: «Она нежна, не рань ее души, поспешностью не принуждай ее к слиянью... Попробуй ласковой милой угодить».

Расчет оказался верным. Глаза у вице-президента «Бразерса» округлились.

– Кампай! – чуть выше прежнего приподнял фужер страстный поклонник средневековой эротической поэзии.

– Какой «кампай», ты пей давай! – с нежной укоризной поддержала могоущественную руку точная копия «Барбь», наша миниатюрная блондинка Светочка, фотомодель и победительница всяческих конкурсов красоты. – Пей за этого... который наш с вами японский поэт!

Не почтить гений Рубоко вставанием и опустошением бокала до самого до дна чувствительный японец не мог. Примеру руководителя делегации немедленно последовали остальные.

– Все мы, русские люди, помним и любим не только танки, которых на нашей памяти настолько много, что и не сосчитать! – не сбавляя темпа «гендиректор отдела маркетинга» швейного кооператива. – Души наши славянские преисполняются сладким восторгом при соприкосновении с хокку Мотоеси Синно, Котайгогу-но Дайбу Тосинари или Дайнагона Кинто! А кто поспорит с великим Мацуо Басё, предостерегающе подметившим: «Единственным бокалом пытался ограничиться я... Но в руке разбился он».

Намек японцы поняли и от второй не отказались. После чего вице-президент, уже расслабленный, уже непринужденный, воспроизвел через

взмывленную переводчицу подлинное звучание столь дорогих ему строк: «Прощальные стихи На веере хотел я написать... В руке сломался он».

Финал этой истории предсказуем. Японцы раскрепостились до такой степени, что освободились не от одних только галстуков. Акулы бизнеса, как беззаботные мальки, резвились в густых и никому в Сочи не нужных зарослях папоротника. Размахивая этими дорогостоящим национальным деликатесом, фирмачи периодически выныривали с воплем:

– По золоту ходите!

А затем, очарованные непостижимой для их японского ума широтой русской души и обескураженные расчетами, по которым выходило, что возвращать груз в Японию или даже в Москву будет куда дороже, чем его было доставить, решили таки подарить сверхгостеприимному хозяину все двадцать с лишним швейных машинок последнего поколения.

Но это будет там, в далеком, совершенно неведомом и непредсказуемом для меня будущем. А здесь, в зарепеченном, душном и полутемном пространстве кабинета шла совсем иная игра. И делались совсем другие ставки.

– Дело ясное, – водил пальцем в прихваченном с собой томике Друтаев, вдохновившийся, приободренный, сменивший очередной свой облик на новый, еще более утонченный и интеллигентный, – для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти не продаст себя, а для другого вот и продаст! Для милого, для обожаемого человека, продаст! Вот в чем вся наша штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Все продаст!

– Э-э, уважаемый Анатолий Тимофеевич, – перехватывал я не однажды перечитанное «Преступление и наказание», – зачем же подменять и передергивать? Один из присутствующих здесь явно не для «милых и обожаемых» преступал закон. Вы ведь одиноки как перст, Друтаев. Вы ведь, как личность исключительная, редкостная, в своем роде – уникальная, подобно пушкинскому царю, живете один. Над толпой. И только для одного – для себя.

К вам, изумительнейший Анатолий Тимофеевич, вполне подходят такие вот строки Федора Михайловича: «О, тут мы при случае и нравственное чувство наше придавим: свободу, спокойствие, даже совесть, все, все на Толкучий рынок несем. Пропадай жизнь! Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся, и на время, пожалуй, и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо, действительно надо для доброй цели».

В чем ваша добрая цель, Друтаев? Ведь не поверю я, чтобы вы, такой необычный для меня и загадочный для всех, такой, в лучшем смысле этого слова, аристократ, появились в нашем забытом богом Аягузе ради каких-то пропахших овцами и потом рублей. Если и нужны вам были деньги Аблязова – да и не его это в основном деньги, а родных и близких – то для какой-то исключительной цели. По чрезвычайной и, безусловно, уважительной надобности...

В общем, допиз...допикировались мы с моим подследственным до такого состояния, что Друталев даже уже и не вскидывался: «Что за гнусные намеки? Какая такая кража!»

Лишь однажды приблизил он свое враз напрягшееся лицо к моему. И будто бы случайно провел ладонью по обшлагам форменной рубашки и по воротнику, и вдоль пуговиц под галстуком на резиночке:

– А что, Сергей Алексеевич, не кончилась ли у вас проволочка в «Мезончике»?

Только теперь до меня дошел смысл и ошалелого изумления бывшего главного «сыскаря» района, и намеков из следственного управления, и растерянной скороговорки прокурора.

Я угодил, словно кур в ощиц, в пропасть между ОРД и УПК! В бездонную расщелину между строго засекреченной, спрятанной от простых смертных оперативно-розыскной деятельностью и узаконенными, столь обязательными для следователя, уголовно-процессуальными нормами.

В ту социалистическую пору тотальной засекреченности никто, кроме узкого круга посвященных, не мог знать о последних «новинках» милицеской спецтехники! Совсем недавно КГБ с барского своего плеча сбросил во внутренние органы устаревшие для государственной безопасности металлические коробочки величиной с объемный портсигар. Внутри несколько часов подряд мог бесшумно крутиться особого рода звуконоситель – тончайшая проволока. Микрофон, довольно чувствительный, прятался, как правило, в воротнике или рукаве. Второй проводок тянулся от подслушивающего аппарата к упрятанному в ладони пульту. Штука громоздкая, в реальном деле неудобная и опасная – обнаружить такую «прослушку» может даже дилетант.

– Вы... вы «платник»? – холодея от собственной догадки, чуть слышно спросил я. И пугливо оглянулся. Ведь даже с коллегами не имел права офицер МВД разбрасываться такими специфическими терминами как «агент», «явочная квартира», «резидентура», «доверенное лицо»...

И в самом ближнем, проверенном круте сослуживцев были в ходу лишь завуалированные формулировочки типа «прокачать понизу».

Этот же «низовой», судя по всему, «низовой» избранный, элитный, даже убедившись, что к спецтехнике я не подключен, все же прижал палец к губам, черкнул на краешке протокольного бланка «маршрутный», тут же оторвал, изорвал, бросил в консервную банку-пепельницу.

А потом, как в плохом детективном кино, обрывки сжег, перемешал пепел спичкой и еще раз приложил палец к тронутым усмешкой губам: «Тс-с, Мальчиш-Кибальчиш, храним военную тайну!»

Теперь-то о внештатных и штатных осведомителях МВД и госбезопасности не пишет только ленивый. Общественности объясняют, что среди агентуры попадаются одноразовые добровольцы. Но куда чаще подсажива-

ют на иглу «праведного доносительства» людей небезгрешных, попавшихся на каком-то правонарушении или ставших жертвой провокации. Такая вербовка «на компромате» бывает очень даже эффективной.

Но самое драгоценное для кураторов любой спецслужбы – идейный агент-инициативник, обладающий талантом внедрения в любую среду. «Крестным папой» таких авантюристов и охотников «за скальпами» можно считать матерого бандита Видока, вдруг раскаявшегося и даже возглавившего Сюртэ, службу криминальной безопасности Франции.

Эжен Видок и его агентура в начале девятнадцатого века составили первую в мире картотеку на ОПГ – организованные преступные группы. И довольно быстро с ними расправились. Хотя сами при этом благочестием и законопослушанием не отличались.

Другалев, как подсказывало мне чутье, состоял именно в таком сверхзасекреченном «отряде», игнорирующем нормы поведения для простых смертных.

Теперь я был уже и рад, что так и не достался нашему ГРОВД «Мезон». И жалел о включенном на самой медленной скорости катушечнике. Удивительно, что матерый «волчара» так и не учуял поскрипывание моей старенькой «Лиры», упрятанной в верхнем ящике письменного стола. Как и не заметил под кипой бумаг неуклюжий, громоздкий микрофон.

Но если запись и получилась, какой с нее теперь толк? На суд она в любом случае не пошла бы – это не процессуальная улика. И как инструмент психологического воздействия пленка не сработает. Для опытного агента-«платника» она все равно, что слону – дробинка. А вот зачатки доверия друг к другу исчезнут напрочь.

Минуту мы молчали. И вдруг Другалев хлопнул меня по погону.

– А ведь вы мне понравились, старший лейтенант! Необычный типаж для... мусоросборника. Ну-ну, не обижайтесь, Сергей Алексеевич! Быть вам капитаном! Когда у вас очередная звездочка? Через год? Получите досрочно! Это я вам говорю! За то, что и волки сыты... Ну и овцы – соответственно. Точнее, тот, кто их так образцово пасет и... продуктивно оплодотворяет, ха-ха-ха!

Теперь надо было решиться на освобождение Другалева из нашего КПЗ. Чтобы потом отправиться с бывшим задержанным в Семипалатинск. Где обещано было вернуть все украденное.

После чего уже в Аягузе, уже в гостинице, при повторном, «более тщательном» ОМП (осмотре места происшествия) деньги будут «найжены». Тогда прекратить уголовное дело по статье 14 пункт 1 УПК Каз.ССР «за отсутствием события преступления», будет проще простого.

Для профессионалов, понимающих суть и ценность оперативно-розыскной работы, даже такое сомнительное предложение есть предложение, от которого нельзя отказаться. Ведь если Другалев не рядовой стучачок

на содержании райугрозыска линейной милиции или городского КГБ, если он действительно «на всесоюзном маршруте», то есть на постоянных особо важных заданиях в поездах или железнодорожных станциях, если престижная его квартира обставлена так вызывающе пышно и сам он в себе так уверен, значит, птица и впрямь очень ценная, чрезвычайно добычливая.

Значит, приносит «Аристократ» – «Аристократ», «Аристократ», наверняка на спецучете в УВД, а то и в общесоюзном управлении «А» значитесь этот пижон под таким или похожим агентурным псевдонимом – приносит в «клявике» информацию, стоящую куда больше дела Аблязова и всех наших районных уголовных дел вместе взятых.

Ну а если этот наглец блефует? Если подталкивает не только к должностному преступлению, но и к пожизненному позору?

Разгадав мои сомнения, Другалев бросил взгляд на часы:

– Вы голос Васьки... Василия Федоровича Турищенко, заместителя начальника УВД по оперработе, узнать сможете? Через три часа, ровно в девять, он самолично вам и позвонит.

– Нет уж, Анатолий Тимофеевич, раз пошла такая пьянка, давайте-ка не в девять, а в семь. И не мне будут звонить, а я. Сейчас вот выберу первый попавшийся номерок из нашего спецсправочника. А уж полковник Турищенко сможет получить доступ к любому служебному телефону в любое время.

Что там бубнил в трубку «Аристократ» или как там его, я демонстративно не вслушивался. Но только набрал номер областной кримлаборации, сразу узнал густой нервный басок: «Золовкин... твою мать, ты капитана получить хочешь? Давай быстренько в поезд, в разные вагоны, сам «по гражданке», и не свети мне человека, понял? За такого, как этот, обويم башки посворачивать могут, понял?»

– Чего ж это вы с чабаном так... подставились-то, а, Анатолий Тимофеевич, – тщательно выбирая выражения, уточнил я еще в райотделе, еще до отправления на вокзал, до прибытия в Семипалатинск и получения на тихом островке близ главного городского пляжа 2 805 рублей (двести семьдесят «Аристократ» успел потратить на какой-то книжный раритет).

– Так чабан же! – довольно мрачно хмыкнул Другалев. Агент чуял, судя по всему, предстоящую взбучку за преступную свою «самодеятельность». – Не поверил я, что у такой деревни могут быть государственные заслуги. Не подрассчитал... Но двести рублей я старику не из пижонства, действительно из жалости оставил. На обратную дорогу.

Это было последнее, что я услышал от «низового» по кличке «Аристократ».

– Слушай, дело прошлое, откуда утечка пошла? Насчет того, что этот... ну, любитель чабанятинки, в моих рапортах как «Аристократ» проходил? – заговорщически подмигнул мне полковник в отставке Турищенко куда

позднее, уже в середине восьмидесятых. Тогда приехал я в Семипалатинск от «Ленинской смены» собирать фактуру про какую-то там «эстафету трудовой славы» в городах казахстанского Прииртышья.

Мы разложили нехитрую закусточку и сорвали алюминиевый козырек «Московской» на безлюдном берегу. Но бывалый «опер» все равно понижал бас до шепота:

– Ты хоть в курсе, как он закончил? Начать-то в этом деле можно просто. «Крестник» этот твой еще с семнадцати лет «по низу» пошел. О банде фронтовиков-инвалидов слышал? Так вот, в 17 лет он инициативно и без всякого оперативного прикрытия взял да к ним и внедрился. Начитанный был. Романтик. «Боец невидимого фронта» из благополучной семьи.

Сосед-подельник за него поручился. Очень уж любил этот Безрукий «сказки» литературные слушать. Про Муму или там про Сонечку Мармеладову...

В общем, пришлось «нашего» за компанию тоже на зону отправить. Тем более, в трех разбоях он очень даже активно поучаствовал. Сторожа одного покалечил. Поручили «отключить», он ему голову кастетом и раскроил.

В колонии наш «куму» грандиозный подкоп сдал. 67 метров уже было пройдено, всего три оставалось.

Нашего заподозрили. Но того, кто его обвинил, «Аристократ» взял да и изнасиловал. В одиночку. Вырубил сначала, а потом «опустил». И ничего, сошло. Блатные его не прикончили, за своего окончательно признали, даже в «авторитет» записать вознамерились. Но он уже в «глиномесье» записался. Опердерастил еще троих. Хотя сам не подставлялся ни разу.

К бабам так и не приучился. Всю жизнь – один. Да-а...

Когда мне Косолапов, наставник мой покойный, перед пенсией свои связи передал, за «Аристократом» уже 17 «мокрых» и 9 «мохнатых» числилось. Разнохивал он все эти убийства и изнасилования не как другие «низовые». Те, будто рыбачки-любители, забросят в одной заводи удочку и ждут поклевку. А наш-то широким неводом греб. Завалил раз к братве в Павлодаре.

– Да вы хоть знаете, кто я такой? Слышали, в каких я зонах чалился? Кого «разводил»? Колитесь, какая сука кореша моего Толяна завалила?

А через два часа – сама галантность и безутешность. Скупую мужскую слезу скрывает именно так, чтобы ее хорошо видно было. Руку одинокой тетке из реанимации с такой нежностью гладит, что у той аж соски под халатиком вскочили «Ах, чуткая и милая моя Анастасьишка, кто как не вы поймете желание брата узнать последние слова дорогого моего Анатолия».

В общем, в пяти местах побывал, пять «мастей» поменял, за пять часов раскрутил «мокрое» на пять «жмуриков». Сплошной отличник, мать его так!

Толик этот самый, которого «Аристократ» и в глаза ни разу не видел, последним у тех отмороженных проходил. А еще про четверых «дально-

бойщиков» замученных мы даже и не знали. Да-а... Ты Девятьярова-то помнишь?

Еще бы мне не помнить Девятьярова, расстрелянного в начале семидесятых! Бывший десантник, получивший орден Красной Звезды за спасение командира в воздухе. Проходил по моей специфической теме главной фигурой. Я ведь в школе по изнасилованиям специализировался. В том смысле, что два года подряд изучал уголовные дела этой особо тяжкой категории. Писал научный труд в рамках науки о жертвах – виктимологии: «Некоторые аспекты провоцирующего поведения потерпевшей».

Как тут было не запомнить, если одна из 120 выживших жертв полового гиганта – а было и пять задушенных – опознала его на улице Горького в Алма-Ате, но попросила сыщиков постоять в сторонке, пока она «с братом двоюродным» переговорит. Дамочка эта Девятьярова так сыскарям и не сдала. Они куда позже эту чудную историю от самого «насильника века» и слышали.

– Но сперва Девятьяров про эту...озабоченную «Аристократу» рассказал, – раскупорил уже свою бутылку полковник Туриценко. – На внутрикамерной-то разработке троих умельцев к нему подсаживали – ни в какую! А наш тонко все просчитал, ничего не выспрашивал, только достоинства своими мужскими хвастал. Из-за одной, мол, дуры, чалюсь, зато еще три, хотя их тоже силой брал, теперь с ума сходят, письма пишут, передачки мне приносят...

Девятьяров терпел-терпел, да и ляпни:

– Базар мол, это, дешевый. Я вот прямо у входа в гостиницу «Казахстан» артисточку мюзик-холла подхватил, на скамейке в парке разложил и так обработал, что она потом из Ленинграда два раза прилетала, сначала сама, потом с «мусорками» меня разыскивала, умоляла повторить «высшее в ее жизни блаженство».

Да-а... Давай помянем, что ли, раба божьего, «низового», грешного и святого...

– Что с ним, Тимофеич?

– Уже года два как пропал.

– Как пропал?

Дурацкий, конечно, вопрос. Исчезновение Друталева, как и множество других таинственных исчезновений в нашей стране, так и осталось бы без ответа. Если бы другой «низовой» и уже в другие времена не напел бы моему однокашнику, курирующему оперативную работу на Севере Казахстана, про два «мокрых» дела давно минувших лет.

Это было агентурное донесение про то, как убивали Друталева. Анатолий Тимофеевич ошибся всего раз. Он расслабился там, где ничего, казалось бы, ему не угрожало.

Летом 1980-го в Донецкой области, в рабочем поселке Родинское, точно

так же недооценил опасность мой родной дядя Сергеев Анатолий Геннадьевич. Сидел он после шахтерской смены с мужиками во дворе, играл в домино. Подходит чмо откровенное, испитое, оборванное, заспанное: «Рубель бы мне на опохмелку».

– Работать надо, козел! – отрезал не глядя дядя Толя. И... подписал себе смертный приговор. У спивающегося рецидивиста если чего и оставалось еще, так это своего рода гордость бластная. Остатки старых лагерных «понятий», по которым за «козла» обидчик жизнью обязан ответить. Иначе самого обиженного в «козлы» и загонят.

Дошкандыбал попрошайка до своей хибары, схватил ножик старенький, кухонный, вернулся, зашел со спины и засадил рослому силачу Анатолию Геннадьевичу прямо в сердце. Так, с улыбкой, ничего осознать не успев, мой дядя и кончился.

И Другалев зарезали грамотно. Внедрился он в группу предполагаемых железнодорожных грабителей. Выбрал самого из них главного. Провел толковую и умную работу. Где-то польстил, в чем-то заинтриговал. И уж совсем было склеилось дело, на котором банду и должны были повязать. Да только до смертельно опасного уровня довел «Аристократ» свое обращение к нескольким «шестеркам». Насмехался над ними. Одного, самого зачуханного, даже отыгел. Но тот, как только выпрямился, даже штаны не натянув, ударил. Заточкой в горло.

Ничего уже произнести не смог блистательный эрудит Другалев. Только показал изумление на побелевшем лице и всхлипнул пару раз.

Сожгли «Аристократа» в кочегарке туберкулезного диспансера. И того, кто его зарезал – там же.

– Скотина он, был, конечно, порядочная! – восхитился напоследок полковник Турищенко. – Но какая полезная, а?

12. ДИВЕРСИЯ В СТИЛЕ «ДИСКО»

Следственная моя карьера пошла под крутой откос после знакомства с Володей Тиссенем. Уже гораздо позднее, в другой, куда более вольной, но, как окажется, не менее рискованной жизни, я задумывался о мощной силе самых незначительных обстоятельств. Тех, что в определенной комбинации способны достичь критической массы и взорвать, перевернуть, направить в кардинально иное русло даже самую незыблемую, казалось, судьбу.

Моя фортуна была непритязательной и скромной. В самый раз для «совка»-провинциала: досрочная звездочка на погоне да победа в социалистическом соревновании. Ну и никаких материальных прибавок не дающее, но такое лестное звание «Лучший следователь республики».

Полный же п...ц всем этим моим «ценностям» пришел буднично. Точнее, был он даже не полный. Толстый и жирный. «Опер» Кусаинов в свои 29 лет весил под центнер с половиной. Сытная служба в ОБХСС нормальному обмену веществ в его организме явно не способствовала.

Вот и внесенный Кусаиным вопрос снова оказался продовольственным:

– Чистая семьдесят шестая дробь четыре...Уф! Признательные имеются. Ананьев не против, уф-уф! От нашего стола – вашему сазанчиков отложили. Три здоровенных. Заберешь потом у Тургамбаича.

До чего же у тебя жарко, мать-перемать! – пыхтя, отдуваясь и проклиная старательность истопника, обрисовывал оперативную ситуацию капитан.

У райотделовского крыльца понурились лошадка и низенький, кривоногий мужичок в засаленном ватнике, а также – солдатской шапке с обвисшим ухом. Печных дел мастера Мартына Тиссена взяли с поличным. В розвальнях под мешковиной было упрятано десятка полтора полуметровых рыб из Сасык-Коля. Степное это озеро, наполовину заросшее камышом, ископ

веку славилось своими громадными рыбинами. Но потом один умник защитил кандидатскую диссертацию и вывел на бумаге формулу сумасшедшего экономического эффекта от соседства такого шустрого хищника как судак с миролюбивыми и флегматичными сазанами.

Ихтиолога повысили до завлаба НИИ, а сазаньи мальки стали для прожорливых подселенцев излюбленной закуской. Деликатесная рыба почти вся в Сасык-Коле повывелась.

По этому поводу состоялось расширенное заседание бюро горкома партии. Начальника нашего ГРОВА, как и меня, и главного в Аягузе борца с хищениями социалистической собственности Тургамбаева, держали «на ковре» часа полтора. Требовали «ужесточить», «повысить» и «усовершенствовать».

После чего ОБХСС и залег в засаду, о чем печник Мартын Тиссен, на свою беду, не знал. У него болела голова за «голландку» в отстроенном недавно ретрансляционном пункте.

Харитон Купченко, главный телевизионный начальник всего района, как раз выдавал перезревшую свою дочку замуж. И тонко так намекнул Мартыну Мартыновичу: закрою наряд на твою печку «по-божески». Но только в том случае, если попросишь у брата своего Альфреда из образцовой рыболовной бригады коммунистического труда сазанчиков эдак восемь к праздничному столу.

Перечитывая протокол изъятия и путаные объяснения «подозреваемых в хищении государственного имущества», я смутно ощущал подвох. Ну не попрут осторожный «опер» Кусаинов и, тем более, наш хитромудрый начальник ОБХСС Тургамбаев против районной номенклатуры! А Купченко относился к «очень уважаемым людям». Он даже парился в одной персональной баньке с товарищем Тупицыным, председателем райисполкома! А самому Кошкарбаеву, первому секретарю городского комитета Коммунистической партии Советского Союза, привез в кабинет и самолично установил первый в городе цветной телевизор!

Да и по материалам халатно состряпанного дознания было видно: в стороне от всего остается именно Купченко. Конечно, свадьба намечается. Да, отдел коммунального хозяйства «выделил нам товарища Тиссена для повышения качества отопительного сезона на вверенном мне участке. Но при чем тут подстрекательство к преступному вылову рыбной продукции из социалистического водоема? Ни о какой рыбе с товарищем Тиссенем я никогда разговоров не заводил!»

ОБХСС явно торопится отчитаться перед партией о своих выдающихся победах над расхитителями рыбной продукции. Только почему выбрали Тиссена? Понятно, к ссыльным немцам из Поволжья местная власть всегда относилась настороженно. Но тут наверняка играет роль другое щекотливое обстоятельство. В необъятном лице начальника отдела Тургамбаева брига-

дир Альфред Тиссен приобрел злейшего врага за пару месяцев до задержания Мартына. Мы тогда немаленькой группой отправились в спивающийся рыбацкий поселок, который, по меткому выражению Альфреда, «судака сжирает вместе с сазаном».

Вылов сократился до минимума, работы не оставалось, и моторист баркаса Алпагиров ушел в длительный запой. Допился до такой степени, что уподобил себя хищной рыбе, которая должна покончить с «рыбешкой сорной и никакой». Это он свою Марию имел в виду. Безропотную и молчаливую. Лет за восемь до кровавого кошмара Кайрат взял ее в жены против воли своих родителей. Привез из Алтайского края, где служил в стройбате, упал перед отцом на колени:

– Режь меня, ата, стегай камчой, а ее не трогай – сирота, из детского дома.

Мария своему домашнему владыке в рот заглядывала. Любое его желание стремилась уредить. Но по дому оказалась полнейшей неумехой. Да и родить не могла. Для чадолубивых казахов это было величайшей катастрофой.

В тот хмурый ноябрьский денек Кайрат начал избивать Марию с утра. Весь день гонял по деревушке, лениво попинывая сапогом. Женщина сначала уворачивалась. Даже пыталась ответить коромыслом.

Потом побежала, стала стучаться в окна и двери, просить помощи. Но ближе к вечеру замолчала. Сил оставалось только на то, чтобы передвигаться на четвереньках и скрести изредка в подвернувшиеся окна. Народ, понятное дело, не вмешивался: милые бранятся – только тешатся.

Потом, правда, кое-кто озаботился. Стали выглядывать, прилипли носами к мутным, немывтым стеклам... Даже сокрушались вполголоса:

– Совсем озверел сегодня Кайрат. Как бы не порешил Марию-то.

Умерла она только после того, как трижды была брошена вниз головой на бетонное крыльцо. Дело складывалось шумное и скандальное. Ведь в убийцы придется записывать члена партии и обладателя почетного знака «Ударник коммунистического труда»! Потому и решено было провести в Сасык-Коле комплексную проверку.

Тургамбаев и Кусанов у бригадира задержались дольше всех. Но вовсе не по причине «профилактики напряженной оперативной обстановки». Упоминавшаяся уже милицейская присказка про ОБХЭС, что «сладко спит и вкусно ест» идеально подходила и к Тургамбаеву. Он был главным гурманом в районе. А лучше Альфреда Тиссена никто не лепил пельмешки с начинкой из тающего во рту сазаньего филе.

Но любое гостеприимство имеет свои пределы. На третьи сутки хозяин осмелелся заявить – «хватит!» Мечтавший похудеть Кусанов охотно выполз из-за стола. А Тургамбаев возмутился и полез в драку. Хотя вес у борца с расхитителями соцсобственности был сверхтяжелый, с жилистым рыба-

ком было не справиться. Альфред не только дал сдачи нападавшему, но и выставил товарища майора из своей по-немецки опрятной избы могучим пинком в задницу. За что и последовала теперь жестокая расплата.

– Это как же получается-то? – все никак не мог въехать в гнилую ситуацию Мартын Мартынович. – Братишка же завсегда на Сасык-Коле ловит. И государству и людям. Скоко я этого сазана всякому нашему начальству отвозил! И все мне токо «спасибо» говорили. А теперь, выходит, в тюрьму?

Могло быть и в тюрьму. Сумма-то сама по себе ничтожная. Но – «групповуха!» То есть, «хищение социалистического имущества группой лиц по предварительному сговору». Часть вторая. Чуть ли не год лишения свободы за каждую рыбью голову.

Сколько таких мартын мартынычей, простых советских и постсоветских работяг, «чалились» и оставались на «зонах» за пару куриц или ящик пива?!

Наверное, я бы поморщился, но все же принял материал «к возбуждению». Скорее всего, кто-то из моего следственного отделения взял бы с Альфреда и Мартына подписку о невыезде, быстренько нашлепал бы обвинительное заключение и пополнил бы нашу образцово-показательную отчетность еще одним «раскрытием по «горячим» следам».

Но задержанный обмолвился о своем сыне Володе. О бывшем втором секретаре райкома комсомола Володе Тиссене, неумолимо и тихо угасавшем на окраине Аягуза.

Я был еще следователем в Новой Шульбе, когда этот мой сверстник неудачно нырнул в горную речушку. После «компрессионного перелома С-5, С-6», то есть пятого и шестого шейных позвонков, чуть двигаться могли только руки.

Внутренний голос шепнул мне: «Сходи и проверь!». Так появился новый друг в моей жизни. Так вся моя судьба незаметно, вкрадчиво, но бесповоротно ступила на совсем иную тропу.

Володька оказался удивительным парнем из мира «стерео». Марта Петровна, закаменевшая от многолетнего несчастья, несколько раз в сутки поворачивала иссохшее, как мумия, тело, вкальвала сыну какие-то лекарства, ставила системы, закапывала капли в нос, меняла белье...

А мой Вергилий будто и не замечал этого. Он все дальше уводил меня в неведомое и такое чарующее пространство. Посвящая наши вечера то «Пинк Флоиду» с его «просто фантастической, волшебной» «Обратной стороной луны», то «колдовской магии бархатного голоса», принадлежащего, оказывается, Элвису Пресли. О котором я знал до встречи с парализованным меломаном лишь то, что рок-идол является «агентом ФБР и апологетом тлетворной буржуазной культуры, несовместимой с подлинными образцами мирового искусства».

Это я уже не у соседки прочитал. Изредка и в наш отдаленный ГРОВА навдывались из области страшно умные лекторы общества «Знание».

После возни с трупами, после всей этой моей работы с грязью, кровью и насилием, на фоне всех этих пьяных матюков из «обезьянника» и таких же незамысловатых разговоров моих коллег, объемные ритмы из громадных колонок казались мне ангельскими мелодиями. Я просто блаженствовал, прослушивая с Володькой его многочисленные диски и магнитофонные бобины.

По коже пробегали «мурашки», и на глаза наворачивались слезы, когда Йен Гиллан начинал арию Христа в Гефсиманском саду. Или когда «Лед Зешелин» возносил меня по своей «Лестнице» и впрямь в сияющие небеса. А «Иглз» приглашали в таинственный и такой далекий от нашей радиационной «дыры» «Отель "Калифорния"».

Иногда до самого утра не уходил я от Тиссенев. Хотя и ощущал, как накапливается все больше раздражения и обиды в моей такой ревнивой и такой несдержанной на язычок Танюхе.

А тут еще у трехлетней дочки нашей пошло непонятное для медиков внутреннее кровотечение. Дело обстояло настолько серьезно, что пришлось подключать санавиацию.

В Семипалатинске вместо предполагаемой и очень кратковременной диагностической операции почти семь часов копались в нашей Леночке. Потом провезли мимо желтую куколку с мотающейся из стороны в сторону головенкой.

Профессор Аханзарипов кинул взгляд на мои следственные эмблемы, видневшиеся из-под белого халата, бросил: «Зайдите!»

– Курить будете?

Прошелся пару раз по своему кабинету и врзал так, что потемнело в глазах и зазвенело в ушах.

– Вы милиционер, вам к несчастьям не привыкать. Поэтому я не буду «вокруг да около». У вашей девочки рак. Опухоль злокачественная, запущенная, с метастазами. Мы вырезали сколько можно. Но надежда никаких.

– Совсем никаких? – более по профессиональной привычке уточнить, а не в силу услышанного и еще не осознанного переспросил я.

– Ну... Может быть, биопсия в Алма-Ате мой диагноз и не подтвердит. Может, доброкачественная опухоль разрасталась у девочки в кипечнике. Хотя... У меня огромный опыт по этой части.

Ну-ну! Вы же офицер. Держите себя в руках! Вы с женой еще такие молодые. У вас все еще впереди!

Да слышал я это уже в роддоме! Неужели и дочка? Вслед за Димкой...

Надо было как-то пережить самую длинную неделю жизни. Надо было учиться правдоподобно врать:

– Завязывай реветь, Танюх! Профессор сказал, там фиговина какая-то пустяковая. Заживет-зарастет, будем еще внуков от нашей Ленуськи нянчить!

Жена осталась в областной клинике. Я должен был вернуться к своим подчиненным и подследственным. Но ничего делать не мог. Только тупо сидел у телефона. В республиканском онкологическом центре на мои беспрерывные звонки уже отвечали чуть ли не матом.

Один только Володя загадочно улыбался:

– Я знаю теперь, к кому и когда приходит старуха с косой. Не ваша пока очередь, ребята.

И просил меня поставить битловские «Земляничные поляны». Или – «Энджей» «Роллингов».

В Алма-Ате определили: никакого рака у дочки не было и в помине. Вырезал профессор вовсе не метастазы, а какие-то там стафилококковые образования. Так что жить Ленке нашей теперь без солидной части кишечника. Но зато – жить! Даст Бог, долго и счастливо жить.

Благодарность к бездвижному провидцу настолько меня переполняла, что решился я сразу на два дела. Точнее, одно, давно возбужденное и вяло продвигавшееся, окончательно загубил.

Вопреки всем требованиям и даже угрожающим намекам майора Тургамбаева взял да и прекратил уголовное преследование братьев Тиссенов. Для этого, взяв грех на душу, подсказал Альфреду незамысловатый, но юридически безупречный ход. Бригадир стал «вдруп» настаивать: Мартын никогда не знал и не мог знать, что сазаны, выловленные из государственного водоема, краденые. Ему, мол, сразу было сказано: все куплено мною, Альфредом, по расценкам рыбколхоза.

– Ага, было сказано! – запинаясь и не с первого раза усваивал Мартын Мартынович. Зарабатывая тем самым уведомление следователя о прекращении против него уголовного дела «за отсутствием состава преступления».

Ну, а уж по первой части статьи 76-4 в силу «малозначительности причиненного ущерба, его возмещения и деятельного раскаяния» ничего не оставалось, как отправить столь ненавистного Тургамбаеву бригадира на чисто символический «товарищеский суд для применения мер общественного воздействия».

Потом возникла одна из первых в Казахстане дискотек. Володька много чего об этой новомодной молодежной забаве по «вражьим» радиоголосам слышал. Инвалиду более всего на свете хотелось попробовать себя в качестве диск-жокея.

– Каждый приговоренный к высшей мере имеет право на последнее желание, – любил повторять Тиссен и довел новоявленного капитана до нетипичного для среднего милицейского начсостава поведения.

На первые «танцующие» под Володькины записи и пластинки мы с начальницей ИДН, инспекции по делам несовершеннолетних, чуть ли не под конвоем собрали в местном Доме культуры весь ее «подучетный элемент». Уличные хулиганы и мелкие воришки вжимались в стены и боялись пове-

рить, что эта ненавистная ментура против них ничего худого не затевает. Но тут я врубил запись с коротким, но занимательным Володькиным рассказом про «Баккару» и «Бони М». А потом на всю мощь завел нон-стоп в стиле диско. Девки обрадованно взвизгнули, пацаны облегченно вздохнули и уже к следующей «познавательной-развлекательной танцевальной программе Владимира Тиссена» от желающих «оттянуться» отбоя не было.

Так появилась в Аягузе чистые для ИДН субботы. Четыре раза в месяц преступность среди несовершеннолетних опускалась почти до нуля. «Бардак закрыт, все ушли на дискотеку!» – подшучивали коллеги.

А тут как раз по телевидению запустили фильм об очень человеческой председательнице самого гуманного в мире советского суда. Был там эпизод: служительница Фемиды рискнула в свой законный выходной отправиться на каток. А потом получила втык в райкоме:

– Что же это вы, судья, а катаетесь среди населения... В шапочке с помпончиком!

Таня досмотрела кино до конца и вдруг заметила:

– Ох, наплачешься ты еще, Золовкин, с этими вашими танцульками!

Тогда я обиделся, обозвал жену дурой и сказал, что она вечно несет какую-то чушь. Но не пройдет и полугода, как на партийном собрании родного коллектива мне влепят выговор «за пропаганду музыкальных идей, чуждых советской морали и культуре».

Дискотеку же «ВлаТис», то есть «Владимир Тиссен», закроют как «идейно враждебную». Умыкнув по ходу этого «мероприятия, оздоровляющего коммунистический дух и нравственность» пяток лучших Володиных танцевальных сборников.

Впрочем, музыка тут была совершенно ни при чем. С таким «чокнутым» начальником СО надо было кончать по иной причине. И кому как не прокурору Аягузского района Турсунхану Калиеву было это не знать.

13. РУЖЬЁ ВЫСТРЕЛИЛО

Иначе как «сыночком» Турсунхан Калиевич меня не называл. Добреньким таким дедулей казался всем нашим молодым следователям товарищ районный прокурор. Получить санкцию на арест, утвердить «обвинилровку» или продлить срок расследования всегда нервно и хлопотно. Но мы приходили в прокуратуру без особого напряжения. Знали: в кресло напротив себя Калиев усадит, чайком угостит, о жене-детях расспросит, за победы на фронтах борьбы с преступностью похвалит, за упущения в следственной работе слегка пожурит, до дверей проводит и непременно напомнит:

– На таких как вы с Маратом – вся надежда!

Марат – поздний и единственный сын прокурора. Пробивной и настырный паренек. Самый молодой в области персек райкома комсомола. Но метил гораздо выше. На большую партийную должность.

Называл себя лучшим другом Володи Тиссена. Но после того пикника у горной речушки и того рокового для Володи прыжка в воду о своем заместителе Марат позабыл быстро: пленумы, вахты памяти, пятилетки качества, эстафеты поколений, отчетно-выборные конференции...

Все это Володя прекрасно понимал. Но одиночество от этого легче не переносилось. Мысль о самоубийстве приходила все чаще.

Мы обсуждали очередной сценарий для «ВлаТиса», подбирали пластинки, записывали танцевальные сборники... Только короче и поверхностнее с каждой неделей становились Володькины комментарии. Дискотека его уже не грела. Куда чаще теперь мы говорили о медленном и мучительном угасании иссохшего тела.

Несколько раз по ночам Володя пытался забросить бинт на перекладину над кроватью и удавиться. Но даже этого сделать самостоятельно он не мог.

– Москва нам опять отказала, – обмолвилась однажды Марта Петровна и заплакала. На «спинальную» клинику профессора Лившица в семье Тиссенов чуть ли не молились. Это была последняя надежда. Но из столицы все время отвечали: очередь огромная, ждать придется неопределенно долго.

Слезы мужественной Марты Петровны меня потрясли больше всего. Примчавшись домой, я тут же заперся от неугомонной дочурки в ванной комнате. Воды там отродясь не было – на пятый этаж ведрами приносили. А защитного цвета ящик из-под автоматов Калашникова вполне заменял мне письменный стол.

В толстенный «Журнал по приходу-расходу складированных товаров» я заносил самое заветное. Первые в своей жизни рассказы. И даже повестушку про то, как возвращался молодой следователь со своей подследственной да тайным ее любовником, злодеем-водителем из отгонного участка животноводства. По дороге распутал такую тайну огромной растраты в сельмаге. Но потом в зимней степи замерз вместе с выведенным на чистую воду расхитителем.

Этот сентиментальный детективчик под названием «Трое» попозже будет опубликован в двух номерах казахстанского литературного журнала «Простор».

Но сейчас я писал о Володе. И очерк получался не менее жалостливым. «Тихая окраина негромкого городка, тихая улочка Маяковского, придавленный белой домик номер 114, угасший юноша с огромными глазами, из которых не уходят страдание и боль...»

О профессиональной журналистике тогда у меня было самое смутное представление. Детективная работа казалась единственным на всю жизнь призванием. Но наша «библия», уголовно-процессуальный кодекс, кроме всего прочего, требовала от следователя профилактики «причин и условий, способствующих совершению преступлений». То есть, «лекций и бесед в трудовых коллективах и по месту жительства обвиняемых». А также «письменных представлений по месту работы». И «периодических выступлений в средствах массовой информации».

Последнее мне нравилось больше всего. Но заметки о малолетних хулиганах, заезжих ворах и лихачах-водителях дальше областной газеты «Иртыш» не направлялись.

О беде же Володи Тиссена хотелось из своей глуши прокричать если не на весь СССР, то уж на весь Казахстан точно. «Ленинская смена», газета ЦК республиканского комсомола, подходила как нельзя лучше.

Едва дождавшись утра, возбужденный и радостный, я примчался к Марату. И стал взахлеб рассказывать про то, какую помощь сможет получить после статьи в газете наш общий друг и товарищ Володя Тиссен.

Калиев-младший моего восторга почему-то не разделал. Испуг и даже паника отразились на лоснящемся личике первого секретаря. Всегда такой

общительный и приветливый: «Целый раздел в отчетном докладе отдаем, под нашу с вами дискотеку! Как прогрессивную форму воспитательной работы с «трудными» подростками!» – Марат вдруг замкнулся, помрачнел и сослался на неотложные дела. Распрощались мы очень холодно. Я все еще недоумевал – почему? – когда в мой кабинет позвонила Раушан, прокурорская секретарша:

– Ты чего там такого натворил, Сережа? Сам рвет и мечет. Тебя срочно требует...

Калиева я не узнал. Над столом нависла холодная глыба со злыми и колючими глазами.

– Ты что это там надумал, щенок? Сына моего подставляешь, на весь мир ослабить хочешь?

– Да я... Да мы... Ведь инвалид же там погибает. В клинику бы Володю...

– Насрать мне на твоего Володю, понял! Любого, кто поперек карьеры моего Марата встанет, сотру в порошок, понял! Чтоб никакой статьи не было, понял!

И вообще, чего ты связался с этими? Как его? Тиссенами? Отец – вор. Сам Володя твой – неудачник и пьяница. Смотреть надо, куда ныряешь. И ты – смотри! Можно точно так же шею свернуть.

Займитесь там у себя лучше следствием! Развели бардак, понимаешь! Самое элементарное до ума довести не могут! На вот! Для начала.

Прокурор чуть ли не в лицо мне швырнул тощую папочку. Это было дело на особо опасного рецидивиста Гущина. Только вчера Калиев похвалил мою короткую на него «обвинилровку»:

– Исчерпывающе и точно! Ни прибавить, ни убавить. Поддерживать в суде будет одно удовольствие.

Комплимент был не совсем заслуженным. Глубоко копать по Гущину необходимости не было. Вся жизнь у этого рецидивиста прошла по формуле, озвученной в бессмертной комедии: «Украл – выпил – в тюрьму». Ничего иного Гущин и не умел. К своему 55-летию вышел на волю. На работу после седьмой судимости никто, конечно, не берет. А обмыть освобождение хочется. Ну и заскочил Гущин на сельскую почту. Схватил, что под руку подвернулось. Побежал в меру своего изрядно подорванного здоровья. Работницы отделения легко догнали, поколотили, сдали участковому...

Грабеж чистой воды. За что тут можно схлопотать ДС? Первый, за всю свою следственную практику! Это даже хуже, чем двойка по чистописанию!

Да у нас на все отделение уже два года подряд ни одного возврата на дополнительное расследование не было! Лучшие показатели не только в области, но и в республике!

Уловив на моем опрокинутом лице признаки душевной катастрофы, Калиев сбавил тон и даже улыбнулся:

– Идеализм, коммунизм, вера в добро и справедливость... Все это хорошо, сынок. Очень хорошо! В теории. А в жизни...

Тебе надо взрослеть, Золовкин! Ты все еще как... пацан какой-то! Не понимаешь самых простых истин. Одна из них такая: если выбирать между абстрактным гуманизмом в пользу чужого человеком и родной твоей дочкой, ты что выберешь? Правильно! Вот и я за своего Марата любому зверю глотку перегрызу. А уж такую шею цыплячью...

Пойми, Сережа, ты влез в большую и взрослую игру. Где от одного ошибочного хода вся твоя карьера пойдет кувырком. За мной опыт и сила... Я только вот так сделаю, – Калиев сдунул с пухленькой своей ладошки воображаемую букашку, – и нет тебя! Не бросишь эту свою затею со статьей – конец! Не жить тебе, понимаешь?

О делах же служебных даже говорить не будем. Заворачивать стану все подряд, так и знай! С говном смешаю ваш «самый передовой следотдел!»

Кто бы в области за тебя ни попросил, мой козырь всегда будет сильнее. Так что... Себя не хочешь пожалеть, о ребятах в своем отделении подумай! Им-то за что подставляться?

Иди и думай! Завтра о результатах доложить!

«Отходяня» пошел у меня не сразу, как-то вяло и заторможено. Я медленно возвращался в горрайотдел и все не верил, что случившийся кошмар реален. Потом присел на какую-то завалинку и начал торопливо листать дело. Да, вот оно, кучее «Постановление прокурора о направлении дела на ДС»: «...В процессе предварительного следствия нач. СО Золовкин С.А. проявил небрежность, легковесный подход к исследованию доказательств и не установил личные причины и мотивы, по каким обвиняемый Гуцин мог проникнуть в рабочее помещение отделения связи №55 колхоза «Заря Востока»...

К делу также не приобщены документы, подтверждающие, что гр-н Гуцин не намеревался в данном о/с получать какое-нибудь предназначенное ему отправление...».

Ну, ещё твою двадцать, что за херня! Какие такие письма или посылки мог получать одинокий, как перст ООР, особо опасный рецидивист? А если бы даже и получал, что из этого? Каким макарон на квалификацию сей факт повлияет? Что это за «личные причины и мотивы», если во всех протоколах Вася Гуцин по кличке Гундосый, только и мечтавший, как скорее вернуться в свой дом родной – тюрьму, выдавал четкий и столь желанный для следствия расклад:

– Мне было все равно, откуда и что украсть. Мне хотелось опять «на зону», так как на воле таким, как я, жизни нету. Вижу, почта открытая. Зашел, стоит у весов ящик фанерный с каким-то адресом, который я не разглядел, и сургучной печатью в двух местах. Рядом – приемщица в халате и две какнет женщины.

Я понимал, что это государственное учреждение. Понимал, что ящик уже оформленный. То есть, я осознавал, что буду сейчас похищать социалистическое, а не личное имущество. Причем, на виду у находящихся рядом граждан.

Даже «для протокола» Гундосый «кололся» не настолько культурно. Но не будешь ведь всю его «феню» и все матюки переносить в документ? И так, к общему с обвиняемым согласию, «нарисовали» стопроцентный обвинительный приговор. Лет на 7-8 усиленного режима. Но теперь все действительно кувычком.

Как точно и профессионально ударил под самый «дых» «добрый делушка» Турсунхан Калиевич! Пока я собирал справки по прежним судимостям и дождался копии приговоров, истек весь срок пребывания Гуштина в СИЗО. Даже для дополнительных вопросов по этим самым дурацким «личным мотивам и обстоятельствам» времени не осталось совершенно. Теперь надо идти на поклон к прокурору:

– Турсунхан-ата, санкционируйте, пожалуйста, постановление о продлении сроков содержания под стражей.

Впрочем, какой он мне теперь «ата»? Какой я ему «сыноку»?

– Не жить тебе, понимаешь?

В каком это, интересно, смысле, «не жить»? Не собирается ведь главный в районе страж законности вытаскивать свой табельный ствол из сейфа? Не станет же он меня уничтожать физически? Но вот морально...

Да-а, ждут меня впереди очень даже веселенькие денечки. Может, и впрямь, ну ее на фиг, эту статью? Володьке она все равно не поможет. С такими травмами, как подтвердил худшие мои опасения наш судмедэксперт Вася Казанопуло, долго не живут.

А у меня перевод в областное следственное управление намечается. С повышением. Могут на должность «важняка», старшего следователя по особо важным делам, поставить. Думай, Серега, действительно думай хорошенечко!

Впервые не по «гражданке», а в милицейской своей форме я педил в пашлычной на базаре кислое пиво. И честно пытался думать. Но мысли все время приходили какие-то другие. Никакого отношения к только что произошедшему не имеющие. Я посмотрел на Гасана-пашлычника и вспомнил о той неловкости, что мешала мне поначалу пользоваться дармовициной.

– Ты мент или не мент, Лексеич? – посмеивался капитан Сатаев, самый старый и заслуженный наш участковый. Однажды он взял меня «на профилактический обход». Заглянули к Гасану. Тот изобразил бурную радость и поставил на замызанную клеенку столика тарелку с полудюжиной пашлыков.

– Свинина? – шутливо нахмурил брови участковый.

– Как можно, дорогой! Мы же с тобой мусульмане! Нежнейшего барашка приготовил. Специально для таких гостей, как вы.

– Недовес и обсчет у Гасана, конечно имеется, – энергично чавкая и хрустя хрящами старой и недожаренной коровы, пояснил Сатаев, – но у кого из торгашей этого нет? Зато человек послушный, наблюдательный, осведомленный...

Гасан, а Гасан! Я тебе рыло за такого «барашка» когда-нибудь начищу! Опять ворованную говядину и конину от Сашки-Цыгана получаешь? В доле у него состоишь? Чего Аллахом клянешься-то? Нету у тебя в душе бога, Гасан! Одни пятаки в глазах.

Ладно, попозже не только об этом поговорим. Тут у тебя под боком какая-то шпана обнаглела совсем. Сельпо третий раз подломили. А ты все молчишь. Повнимательнее надо быть, Гасан...

И потом это... Вот перед тобой новый наш следователь... Главный по своей части на весь район. Уважай и люби Сергея Алексеевича как родного, понял!

Какое именно «уважение» имелось в виду, выяснилось при расставании. Не было тут классической схемы денежных поборов. Той, что изучалась нами в высшей школе МВД как пример «коррупцированных отношений в порочной системе буржуазных правоохранительных служб». Когда в каком-нибудь там Чикаго какой-нибудь опекающий закусную «коп» (термин «крыша» в ту невинную пору еще нигде не практиковался) за съеденную пиццу или спагетти протягивает хозяину доллар. А «сдачу» получает на порядок больше.

Нет, ни копейки честный участковый инспектор со своего доверенного лица не взял! Правда, и не заплатил ничего.

– Как же так, Есембек Сатаевич? – наивно поинтересовался я.

Капитан приостановился уже настороженно:

– Да ты не с Луны ли к нам свалился, Лексеич? Еще раз спрошу, мент ты или не мент?

Мент, еще какой мент! Сижу вот, жру-напиваюсь на халяву. И ничего внутри не ворохнется. Прямо как во время вызовов в последнее время. Даже если под утро сходятся на трассе две «легковушки» лоб в лоб. И дежурный поднимает тебя, всего на пару часов прикорнувшего, сообщением недавно еще ужасавшим: «Пять «жмуриков». Из них одна беременная, двое малолеток».

И вот уже не содрогаясь, не задумываясь о том, что сразу две семьи погибли, перебиваешь дежурного в полной нетерпичке:

– Ты мне тут «му-му» не трави, ты мне главное давай – «водилы» живы? – И если нет, чуть ли не ликуешь:

– Слава те, Господи, отказной!

Какая, блин, слава? За ЧТО и КОМУ воздаешь хвалу, богохульник?

Но это в иной совсем жизни можно было плакать над вымыслом романиста и жалеть воробышка, выпавшего из гнезда. Замотанный и затуркан-

ный следственной каруселью, начинаешь радоваться там, где нормальный человек сойдет с ума. Ведь когда отказываешь в возбуждении «по причине смерти виновного лица», избавляешься от массы работы. Не будет томиться очередь очевидцев и косвенных свидетелей, коих на оживленной трассе даже ранним утром набирается много. Не будут они торопить: «опаздываем, нам надо на конференцию в Алма-Ату!» Не буду я после копания в крови и мозгах, после всех этих осмотров и направлений, печатать протокол за протоколом, пока не померкнет в глазах, как произошло однажды, когда потерял сознание от переутомления и уткнулся лицом в клавиатуру.

Мент я, Есембек Сатаевич, законченный теперь уже мент!

– Гасан, сделай еще кружечку и пару шампуров! И пошло оно все на х...!

Шашлычник поглядывает на меня с профессиональным стукаческим любопытством: работает он еще и на КГБ, догадываюсь. Но павильон свой все же предусмотрительно закрывает «на переучет». Чтобы не разнеслась по Аягузу быстрее, чем потребуется, молва про пьяного и матерящегося начальника СО.

Но Гасан еще и добрый человек. Он пытается отвлечь меня от мрачных мыслей. Что-то спрашивает о Пашке, родившемся через год после другого моего брата Сани. У них тоже не получилось с отцом. Своего-то я и не видел вообще. А отчима попытался нокаутировать после пятого занятия в детско-юношеской секции бокса. Только что тренер наш Галям Минвалиевич показал прямой правой, едва лишь стало получаться, как выскочил я на шум очередной взрослой разборки и ударил без предупреждения в лицо.

Василий Визиряко, конечно, должен был ответить. И размазал бы мужик 15-летнего шуплого придурка по стенке. Но Василий Маркович, ныне уже покойный, только посмотрел на прыгающего в стойке подростка, только кровь, проступившую на губе, вытер, только молвил:

– Отцом станешь, сам хлебнешь... – И ушел. Он ушел, а я прощения у него не попросил. И не успею больше никогда.

И перед младшим братом виноват. Пашка целый год перед армией прожил у нас с Танюхой. На срочную провожал я его из Аягуза. Сидели в этой же самой закуской. На правах старшего, «искусшенного», внушал салаге, что надо быть повнимательнее, что за вещами своими надо присматривать, «хавку» налево направо не раздавать.

Вышли тогда обпившиеся и объевшиеся. А автобус у военкомата напротив уже давно ждет. «Покупатель»-сержант бегаёт, матерится, новобранца затерявшегося ищет. Помахал я Пашке ручкой вследа, уставился на одинокий рюкзак у обочины и взгрустнул по поводу вопиющего несовершенства суетной этой жизни. Ведь будет теперь какой-то пацан-растеряха, не имеющих такого, как я, заботливого и рачительного опекуна, всю дорогу до части голодать.

Пригляделся – Пашкин рюкзак!..

Господи, что это я все вокруг да около? Надо решаться. Надо выдуть еще одну кружку этой кислятины разбавленной: «Разбавленной, разбавленной, Гасан, а то я не знаю!» – и делать выбор.

Но что выбирать-то? Володьке пообещал, что поднимем шум на всю республику? Пообещал! Прибодрил тем, что уж точно заберут его в эту самую клинику Лившица? Прибодрил! А как загорелись тогда глаза у всех Тиссенов! Как улыбнулся Володя впервые за последний месяц! И что тогда Марта Петровна произнесла?

– Молиться на вас всю жизнь будем, Сергей Алексеевич. – Да, так она и сказала!

И теперь – что? Чуть на тебя прицкнули – сразу в кусты? С мокрыми подштанниками?

– Гасан! Сколько я тебе должен? Чего руками-то машешь? Чего боишься? Все нормально, Гасан. Но ТАК НАДО, понимаешь. Три кружки по 24 копейки и четыре шашлыка по 60 каждый? Вот тебе трояк, Гасан! И я всегда с тобой расплачивался по прейскуранту, ВСЕГДА! Ты меня понимаешь?

На службу, конечно, я уже не пошел. Чего лишний раз подставляться? Опубликуют ли в большой газете про Володьку, пошлют ли меня с моей писаниной куда подальше, в любом случае начинается война.

Понятно, что воевать с прокурором, – это не против ветра срать. Тогда, с песцами, выпала мне фантастическая удача. Сейчас, похоже, могут и впрямь с дерьмом смешать. Надо очень-очень постараться, чтобы этого не произошло. Надо все, что можно, просчитать и в меру своих сил подстраховаться.

Дома я стал готовиться к возможному обыску. Ведь первое, на чем берут за яйца расслабившегося мента, – это неучтенные, незаконно хранящиеся стволы. Или всякие иные «игрушки», вытягивающие на пять лет общего режима.

Ё-моё, и чего только у меня в шкафах за эти годы не накопилось! Тут и кастетов штук четыре: в вагонном депо наострились точить эти приспособления «ударно-раздробляющего воздействия» чуть ли не промышленными партиями. Вот этот, бронзовый, с острыми шипами и удобным «затыльником», чтоб себе пальцы при ударе не повредить, я подобрал на площади перед райкомом партии. После разгона массовой драки между солдатами из Южного городка и гражданской шпаной.

«Махаловка» тогда была – будь здоров! Примерно 50 на 50. И нас, милицейских, штук сорок. Всех, кто тогда в горрайотделе был, по тревоге и подняли. Хотя, если по честному, военной прокуратуры это была забота. И коменданта гарнизона. Но они-то все в Жангиз-Тобе, в полутора часах езды от места происшествия. А тут уже не только штакетины, но и заточки, и свинчатки, и арматурины в ход пошли. Из-за того, что пьяные танкисты телегу с сеном переехали. Парня одного местного покалечили. Родичи

пострадавшего экипаж вычислили и механику-водителю обе ноги ломом перебили. По древнему принципу Таллона: зуб – за зуб, око – за око.

Ну и поднялись два армейских взвода против возмущенного казахского клана.

Мне тогда бутылкой по уху досталось. Думал, отключусь. Но на ногах удержался. Только с левой стороны слух потерял почти полностью. А танкисты – молодцы ребята! Чтобы скандал замять, и владельцу раздавленной телеги трех баранов купили, и всему начсоставу милицейскому по пулеметному стволу преподнесли. Знатная это штука – съемный танковый ствол!

Один знакомый охотник за такую железяку готов был мне рублей 50 не глядя отстегнуть. Целая треть зарплаты! Но я ведь знаю, для чего это ему нужно было. Браконьерничать станет. Загонит военный причиндал в разогретый ствол 16-го калибра. И можно потом пулять с дальнего расстояния нарезными калибра 7,62. Хоть по сайгаку, хоть по волку, хоть по медведю.

А мне их, вообще-то, жалко. Жальче людей. Особенно после того, как мы с Димкой Пироговым чирка тогда близ острова подстрелили. Как он бился, как на нас смотрел...

Ладно, не отвлекаться! А то придется на Калиева умоляюще поглядывать, пока он санкцию на арест выписывать будет. Всего один патрон от «Калашникова» где-нибудь под диваном найдут. И гудеть тебе, Серега, паровозом по этапу «Семипалатинск – Капчагай». До самой до «ментовской» зоны. Где уже «парится» однокашник Колька Казначеев. Решившийся на взятку пустячную и топорно исполненную.

Подставился Колька, как дешевый фраер! Сначала подружился с кегебешником. Потом по пьяни из-за бабы с ним рассорился. А тот, гнида, взял, да и проверил «на вшивость» начинающего следователя Казначеева. Через своего агента, родственника одного уличного грабителя, подсунул 250 меченых рублей за изменение меры пресечения на подписку. Колька мало того, что дурак, так еще и скупердяй всегда был страшный. Еще на втором курсе целый червонец из сорока получаемых в месяц рублей у меня занял. И только на нашей с Танюхой свадьбе, уже перед выпуском, вернул. В качестве подарка, как он сам объяснил.

Да о чем же я все время? Давай, давай, пошевеливайся, фигурант ОРД! Гадом буду, взяли меня уже в оперативную разработку. Лишь бы не подбросили чего. Впрочем, сам подставляюсь. Вон, статья 202 на кухне посверкивает. От двух до пяти усиленного. За хранение холодного оружия. Хотя финка – высший класс! Ручка наборная, из цветного плексигласа. Лезвие из автомобильной рессоры. Износа не будет! В замороженное мясо как в масло входит. Входила. Прощай, любимый Танюхин инструмент! Ох, и матковок же я от нее получу, когда с работы вернется. Но – нельзя! Жалко, но нельзя.

А может, не выбрасывать? Все-таки сам Садовский из «зонь» переслал.

Мог бы покрошить своего следователя, как капусту. Но пожалел дурака. И даже такой вот подарок ко Дню милиции и к моему 25-летию сделал. «Живи, пацан!» выгравировано на лезвии.

А ты и впрямь хочешь выжить? Избавляйся от «финки»!

Хорошо, что хоть пятизарядной «берданы» больше нет. Достался мне этот раритет тридцать второго калибра после Кольки Потихина. Тот давно и безнадежно любил бывшую свою одноклассницу Вальку Зейферт. Но ссыльные немцы в наших краях держались особняком. А русский паренек, кроме всего прочего, умел славно начудить по пьяной лавочке.

И вот поздней осенью в процессе загула у прапора одного приметил Колька неучтенный этот ствол чуть ли не дореволюционного происхождения. А также новенькую «тулку» шестнадцатого калибра.

Собутыльник захрапел. Потихину захотелось стреляться. На почве неразделенных романтических чувств. Но на виду у Вали Зейферт.

Все огнестрельное из чужой квартиры Потихин с собой прихватил. По дороге часть припрятал. Оставил только двустволку, из которой брата Валиного, Вильгельма, вдруг взял да и завалил. Дулетом в упор.

Коля, собственно, никого убивать всерьез не намеревался. Даже себя. Постучал в окно Зейфертам, попросил позвать Вальку:

– Чтобы видела, как ухожу, и навсегда, блядь, запомнила.

– Захотел на тот свет, иди! – невозмутимо заметил Вильгельм, здоровенный и могучий как бык. – А Вальку звать не буду. Она кино по телеску смотрит. Там интереснее.

– Ах, так!

Сохранилось у меня памятное фото по этому поводу. Я не снимок с места происшествия имею в виду. Там все было как всегда. Раскинутые руки. Изумленно распахнутые глаза. Струйки крови от уголков рта. Зияющая рана.

Чуть позже, в процессе «выводки», при совместном с прокуратурой оформлении показаний на месте совершения преступления, Потихина пристегнули ко мне. Нас так и фотографировали: низкорослый, пасмурный с похмелья обвиняемый с ружьем наперевес. И следователь в летней офицерской фуражке, весь съжившийся на ледяном ветру.

Шапки у меня не было потому, что Колька этот гребаный испортил ее первым же выстрелом. После убийства Вильгельма засел Потихин в сарае. И «выкуривали» мы пьяного идиота часа полтора. Используя пять «Макаровых» и один АКМ.

Как гораздо позднее выяснилось, отстреливался Колька не только из новенькой двустволки. Но в горячке боя так никто тогда и не понял, что оружия у Кольки было вдвое больше изъятых.

Охотником Потихин был неплохим. Он отстрелил «сыскарю» каблук на сапоге. А я ощутил, что взмокнувшая голова леденеет лишь после того, как По-

тихин из оконца мазанки, изрядно поковырянной пулями, горячую «тулку» выбросил. Потом и сам вылез с поднятыми руками.

Шапка оказалась далеко позади. Ей оторвало картечной ухо. А берданку и противогазную сумку с патронами, уже после того, как отправился Колька в колонию на 10 лет, нашли все в том же сарае пацаны. Под старыми оглоблями и тележными колесами.

– Подарок тебе к Новому году! – раздобрился участковый Сатаев, – У меня такого добра навалом. А тебе память будет. Может, наш Колька-дурак как раз из этой старушки тебе чуть черепок не разнес.

С новинкой в огнестрельной своей коллекции я и стал знакомить наших добрых соседей после праздничного застолья. Вытащил обойму, показал внушительную округлость больших свинцовых пуль. Вроде бы все пять патронов были на месте. Потом – слава майору Макину, гонявшего нас в ВПШ как сидоровых коз:

– Даже если палку бросаешь, на человека не направляй!

Так вот, сделал я контрольный спуск строго под ноги. Громыкнуло так, что подпрыгнули опустошенные бутылки.

– Лена, я тебя не убил? – не слыша собственного голоса, проблеял я. В деревянном полу, всего в сантиметре от 15-летней соседской дочки, зияла жуткая дырища.

Побелевшая Татьяна выхватила из моих рук ружье и швырнула его с балкона. Потом не поленилась, нашла берданку в сугробе и размотила крышкой от канализационного люка врезбегги.

Теперь вот и мне приходилось спешно замечать следы. Потому что единственное, на что я был готов завтра перед прокурором, так это выпалить с отчаянием загнанного в угол:

– А не пошел ли... вы сами, уважаемый Турсунхан Калиевич!

14. ГОНКА НА ВЫЖИВАНИЕ

Отправлять рукопись почтой я не решился. И дома ее хранить было нельзя. Кто, как не прокурор держит под контролем все «литерные» мероприятия. Включая «НН» – наружное наблюдение, «ПК» – перлюстрацию корреспонденции, а также скрытное проникновение в жилища.

Подвернулась оказия. Начальник автоколонны и отец той самой девчушки, которой я по пьяной своей небрежности чуть ногу не отстрелил, собирался в Алма-Ату по служебной надобности.

А нам, то есть мне и Тане, мне и Надежде, мне и Эмме на соседей везло всегда и везде. От глухих деревушек у Семипалатинского атомного полигона, до мегаполисов в Западной Европе. Не знаю, почему так. Может быть, потому, что живущие рядом бывают отвратительны настолько, насколько неприятен им ты. А может, просто памятьвыми на добро были все наши соседи.

Вот и Николай Терентьев, куда более пожилой и умудренный, чем я, терпеливо выслушивал сбивчивые и глуповатые наставления:

– Если адрес забудете, Василич, или чего там еще... В газете написано, вот, улица Горького, пятьдесят... Объект наверняка режимный. Там у них проходная какая-нибудь должна быть. Но вы вахтеру пакет не оставляйте! Вызовите журналиста какого-нибудь там. Или даже редактора. Чтобы – лично в руки! Скажите, что в статье очень важный вопрос поднят! Вопрос жизни или смерти бывшей номенклатурной единицы. Второго секретаря райкома комсомола. И фамилию запишите, кому отдаете.

– Все будет как надо, не волнуйся, – успокаивал Николай Васильевич, – вы для нас столько сделали. Только... Чует мое сердце, Сережа, недолго вам здесь оставаться.

А сделали мы с Таней вот что. Еще до того случайного выстрела в ново-

годнюю ночь совершенно легко и беззаботно решились на поступок, который в куда более взрослую и, тем более, рыночную пору иначе как ребячеством не назовешь. У нас была просторная трехкомнатная: по должности положено. У Терентьевых через стенку – одна комнатка на четверых. Да еще и сын у Николая Васильевича жениться надумал.

– Забирайте нашу спальню! – решили мы разом с Таней.

Годом позже, когда прокуратура вдогон попытается меня достать, начнут следователи терзать бедного Николая Васильевича перекрестным допросом:

– Что, вы так вот спокойненько пробрили проем, отгородили кирпичной кладкой от квартиры гражданина Золовкина целую комнату, а он с вас даже рубля не попросил? А если подумать? А если вспомнить? А если иметь в виду, что в вашей автоколонне намечается комплексная ревизия и ожидают-ся крупные неприятности?

Нет, не подвел меня тогда добрый сосед под уголовную статью. А ведь мог бы, Николай Васильевич, ох как мог. Потому что в час чуть ли не панического нашего бегства срочно и тайно перевозили мы весь нехитрый свой скарб на самосвале из его, Николая Васильевича, хозяйства. Тоже не запла-тив ни рубля. Не захотел брать денег сосед. Просто спросил:

– Когда вам с Таней хорошо было, а нам плохо, вы разве по-другому поступали?

Увез Терентьев мой сырой, неумелый, но очень искренний очерк в Алма-Ату. Ожидание казалось бесконечным и мучительным. Почти каждый день Калиев вызывал к себе, и приходилось отбиваться:

– Да не давите вы так, Турсунхан Калиевич! Сами видите, нет ничего в газетах. Пока... В каких именно газетах? Не помню! Когда именно будет? Не знаю!

Зато прокурор все помнил. Все свои угрозы. Дела из нашего СО до судов больше не доходили. Возврат на ДС пошел косяком.

Приезжало начальство из области, о чем-то долго с Калиевым совещались, потом ко мне в кабинет заглянул пожилой полковник и только вздохнул:

– Искал на жопу приключений? Получай! Не выйдет теперь у тебя мира с прокурором! И дело тут не в статье, не оправдывайся! Молодой ты еще слишком, чтобы гонор свой показывать. Иди, если надо, на колени падай, спасай положение как только можно, кайся и винись!

В чем виниться-то, когда ни в чем не виноват? Когда глубоко внутри, вопреки всем увещаниям и угрозам, растет и крепнет убеждение: «Да, правильно все! Все – по совести».

А тут еще из самой республиканской столицы до меня дозвонились! Аж сама заведующая отделом морали печатного органа ЦК АКСМ Казахстана! Долго расспрашивала, уточняла, согласовывала правку. «Прослушка» без промедления положила на стол прокурора распечатку нашего диалога.

О Калиеве-младшем упоминалось там всего раз. Но очень неслестно.

К домашнему телефону наверняка тоже подключились. А почтальонка наша Лиза шепнула, опасливо озираясь:

- К заведующей приходили. Насчет того, чтобы «Ленинскую смену», в которой какая-то грязь про Аягуз будет, даже подписчикам не разносить. Наша плачет теперь, не знает, что делать. И прокурора боится. И Алма-Ату.

Потом зазвучал в трубке сочный бас Федора Федоровича Игнатова, главреда «Ленинской смены». Сразу перешедшего на «ты»:

– Где раньше печатался? Только в районках и областной? Ну-ну... Тут такие страсти вокруг твоего дебюта закипают. Текст к печати готов. Но возражают оч-чень уважаемые товарищи. Поэтому и будем в завтрашний номер ставить.

Газетную полосу под названием «Одиночество» храню я до сих пор. Для меня она самая дорогая. А для «Ленменки» – рекордная. Володю Тиссена письмами тогда завалили. До сотни откликов в день приходило на «тихую улочку Маяковского, в примолкший дом номер 114!» Предлагали «вечную дружбу», любовь, лекарства, деньги, диски, записи, протекцию для устройства в клинику Лившица.

Вскоре Володя там и оказался. Но поздно. Поднять Тиссена на ноги было уже невозможно. Максимум, что могли сделать хирурги, так это перерезать нервные окончания. Чтобы не так боли изводили.

Героический паренек промучался еще пару лет и тихо угас. Но до этого и Тиссенам, и мне довелось хлебнуть горяченького. Совсем другая, казалось бы, стояла на дворе погода. Застойная, как бы, эпоха. Нравы вегетарианские. Люди не озверевшие. О «контрольном» в голову даже в милиции не читали, не слышали.

Но только плюнь против ветра. Отправься против течения.

Одна надежда – жернова к началу восьмидесятых сильно изработались. Перетирали не каждое зернышко. Можно было и проскочить. Что и получилось.

Хотя... Обыски, как и ожидалось, в день выхода газеты прошли. И дома, и в кабинете. Был я в этот момент на вызове, в аule каком-то очень отдаленном. С пьяной поножовщиной разбирался. Понурившийся замполит нашего горрайотдела и пунцовый от ярости Калиев наблюдали, как административно-арестованные мелкие хулиганы корежат ломами металлические дверцы. Но ничего греховнее трех материалов о ДТП в несгораемом ящике начальника следотдела не нашлось.

Действительно, крайние сроки принятия процессуальных решений по этим авариям уже прошли. Только как без актов автотехнических экспертиз возбуждать или отказывать? Вопрос для всех следаков риторический, печальных последствий до того не имевший.

А тут в областном управлении мои объяснения даже выслушивать не стали. В том же зале, где вручали «Отличника милиции» и поздравляли наше отделение с победами, быстренько вlepили «строгача» с занесением в личное дело.

Это был крах. Четкий, как штатное расписание следотдела, мир стал разваливаться подобно карточному домику. Я шмыгал носом в служебном сортире, думал, закурить, что ли, первый раз в жизни и вспоминал отчего-то конфузную свою историю с Люськой по кличке «Большая корма».

То, что притягивало мужские взоры и не давало им оторваться, действительно впечатляло. Алкоголичка и бескорыстная новошувльбинская «давалка» Люся своими пышными и все еще не затасканными формами напоминала Данаю из классической картины Рембрандта Харменса ван Рейна.

В муках вынужденного воздержания – Тане скоро было рожать – и в томительно тянувшихся ночных часах во время дежурств эротические фантазии становились непереносимыми.

– Да разгрузись ты на Люське! – сочувственно предложил гаишник Мурзин. – Никогда еще от жены «налево» не ходил? Ну, ты и пацан совсем! Сейчас из тебя мужика делать будем!

Ночь и без того казалась душной. А теперь я взмок. В мой кабинет зашла женщина, шелкнула выключателем и молча стала раздеваться. При свете луны тело Люськи серебрилось и казалось волшебным.

Потеряв остатки рассудка, я привстал из-за стола и потянулся к грудям. Но тут в нос шибануло давно немывтым телом. И на правом бедре темнело что-то подозрительное. Я зажег настольную лампу и отшатнулся: тьфу, гадость какая! Забирается к тебе на стол жирная, грязная, голая тетка, с давно не мытыми, сальными прядями, вся в фурункулах и гнойниках!

– Пошла, пошла отсюда, на фиг!

Едва сдерживая рвоту, перегнулся через окно. Услышал, как зашлепали босые ноги по коридору. «Большая корма», не одеваясь, уплыла в мурзинский кабинет.

Раздался взрыв хохота, потом сопение, скрип стола, женские постанывания...

Такой же запущенной грязной блядью представлялась мне теперь вся родная ментовская система. Сдали не последнего своего работника задешево, без попытки сопротивления! Мало того, что строгий выговор – ни за хрен собачий. Так предложили «по собственному» перевестись в еще более глухой, чем Шувльба, район:

– Участковым инспектором, Сергей Алексеевич. Временно, повторяем, временно! Чтобы отсидеться. Пока не стихнет.

Вам надо было хорошенечко думать, прежде чем проявлять легкомыслие и обострять обстановку.

Помочь инвалиду, значит обострить обстановку? Написать правду – легкомыслие? Падлы вы дешевые, а не товарищи старшие офицеры!

Я тут же подал рапорт об увольнении. Хотя и знал, конечно – из советской милиции или выносят ногами вперед, или вышибают «по компрометирующим обстоятельствам».

Оставил бумагу в приемной начальника УВД и как сомнамбула принялся бродить по городу. Занес дело на автотехническую экспертизу. Вяло и ничего почти не соображая, выяснял отношения с трассологом, затерявшим «наш ствол». Без него расследование по разбою рассыпалось. Хотя... Если даже обрез и найдется, что толку? Не пройдет больше через прокуратуру ни хрена и ничего.

Под вечер заглянул в «Иртыш», к Валенте Ольховой. Я считал ее своей наставницей в новом и таком притягательном занятии. Два раза в месяц весь последний год выходили в областной газете мои «Заметки следователя». «Звезда» местной журналистики периодически похваливала начинающего внештатника. И ничего почти в любительских моих заметушках не правила.

Мы вышли с Валентой на набережную и стали обсуждать жутко важный для меня вопрос:

– Как становятся писателями и что для этого нужно сделать?

По ходу Ольховая читала рукопись повести «Трое». И впрямь, кто-то третий при этом присутствовал! В спине и затылке свербело от чьего-то взгляда.

Я нервно озирался, ничего не замечал, но все никак не мог избавиться от ощущения: нас с Валентой «пасут». Профессионально и грамотно ведут скрытное наружное наблюдение. Но кто кроме «семерочников» из милиции или КГБ может так чисто работать?

Этот отдел «топтунов» заряжался для «мероприятий НН» в случаях чрезвычайных. При разработках сложных, дорогостоящих, многоэшелонных, сулящих громкие судебные процессы и внушительные приговоры. А какой, прости Господи, оперативный интерес могут представлять районный следак и областная журналистка? Нет, у меня это мания преследования начинается.

Через неделю, уже в Аягузе, опухшая от слез жена вернулась со своего промтоварного склада куда позже обычного.

– Блядун ты зачуханный, Золовкин, – устало вздохнула Тania. И швырнула на пол несколько фотографий. Это была грамотная и умелая съемка с большого расстояния, при сильном увеличении. Скорее всего – телескопическим объективом М-500 или фоторужьем.

Вот наши с Валентой головы почти соприкоснулись: смеркалось, плохо читался текст, мне приходилось подсказывать. Вот я забираю рукопись. Но при удачном ракурсе и доле фантазии можно назвать эту процедуру затянувшимся, сердечным рукопожатием, чуть ли не переходящим в объятия.

– Меня сегодня часа два помощник прокурора уговаривал заявление написать. Чтобы тебя из партии, значит... И - по служебной линии. За «аморалку».

– Написала?

– Я чо, дура, Золовкин? Ленка же у нас. И потом. Посмотри на себя! Одна кожа да кости остались. Какие уж тут блядки.

Мы с тобой когда в последний раз в отпуске-то были, Золовкин? До глубокой ночи на долбаной этой службе! Чего ради? Инфаркт в тридцать, инвалидность в тридцать пять?

Нельзя всем угодить, Сережа! Нельзя быть самым лучшим сразу для всех! Мы у тебя с Ленкой лучшие. Только мы! А надрываться для остальных за копейки только дурак и может...

Помнится, я накричал тогда на Татьяну. Обвинил ее в том, что ничего бабы-дуры не понимают в офицерской чести, служебном долге, высоком призвании.

Хлопнул дверью, долго бродил вокруг чуть ли не единственного в нашем городке дерева, песчаная буря, поднышавшая как всегда внезапно и резко, забивала глаза. И это было уже хорошо: никто не подумает, что мент ходит и плачет, плачет и ходит, что-то бормоча себе под нос, непонятно кого проклянная и периодически вздымая кулаки к небу.

Утром я сдал в дежурной части свою карточку-заместитель и забрал в кабинет табельный «Макаров». Сказал, что для чистки. Патрон у меня был всего один. Но больше и не понадобится. Попросил у армейского прапорщика Одинцова. Того самого, что все еще побаивался неприятностей из-за украденных Потихиным ружей.

Я так и не могу до сих пор себе ответить: застрелился бы тогда или нет? Сомневаюсь шибок, что решился бы прикончить себя, любимого, пулей в лоб или рот, как наметил.

Но так думается сейчас. С высот пережитого. А тогда, в семьдесят девятом, я с отрешенным спокойствием выводил на бланке какого-то постановления:

– Ухожу из жизни осознанно, но под давлением злой воли. Калнев Т.К. пообещал меня уничтожить. И методично уничтожает как личность. Уничтожает мое офицерское достоинство. Без всего этого невозможно и физическое мое существование.

Я приостановился, оглушенный жуткой, но завораживающей мыслью: взять у прапора еще патрон и сначала завалить своего мучителя. А уж потом – себя.

Тут вошел Вася Казанопуло, судебный эксперт и балагур. Мы с ним не то, чтобы дружили, но тратили его медицинский спирт неоднократно.

Не знаю, что он успел на моем столе разглядеть. Такое ощущение, что он к листку и не приближался. Просто сел напротив, посмотрел в глаза и засмеялся:

- Та-ак, работенку мне подкинуть хочешь? Ну-ну. Ты только поаккуратней! Чтобы потом мозги твои ущербные со стенок не отскребывали. А я, как и положено, с башки твоей дурной и начну. Буду пилить и приговаривать: «Ох, и пустая у капитана оказалась голова. И до, и после суицида».

Пила у меня теперь хорошенькая. Новая. Представляешь, как она в твою черепушку входить будет? Как по маслу. Вжик, вжик...

Я даже зажмурился, до того явственно представил. Вспоминая наш первый курсантский выход в морг. «Контакт с клиентурой» – так называл практические занятия по судебной медицине «препод», почти такой же молодой и энергичный, как Вася Казанопуло.

«Клиентурь» оказалось человек двадцать. Но пронзительнее всего запомнились двое. Восковой желтизны солдатик из внутренних войск. Он был охранником в знаменитой еще со сталинских времен колонии у поселка Долинка. В ночном карауле выпустил из «калаша» короткую очередь себе в грудь.

В соседнем же цинковом лотке лежало нечто черное и бесформенное. Горелая человечина пахла так сладковато приторно, что почти у всех в нашем взводе подступила к горлу тошнота.

Патологоанатом всего этого будто и не замечал. Очертил лезвием полукруг на стриженной «под ноль» солдатской головушке. Отбросил лоскут кожи на лицо. Взглянул за пилу. Вжик, вжик...

Тут же напомнил о себе и Марат Султанов с нашего курса. Прокрутилась на всю жизнь врезавшаяся картинка: как он убивал себя в Советском райотделе Караганды. На глазах у всех. Говорят, из-за неразделенной, первой в его жизни любви.

Да как же явственно все вспомнилось! Практикант Султанов выхватил у дежурного офицера из полукабуры пистолет. Попятился каким-то смешным, семенящим, но быстрым шагом. Приставил дуло к виску и надавил на крючок. Выстрела не получилось. Марат всем нам, застывшим, остолбеневшим, улыбнулся сконфуженно, даже виновато. И сразу же сбросил флажок предохранителя. Именно так, как нас учил на огневой подготовке майор Макин. Большим пальцем правой руки вниз. С лязгом передернул затвор, дослылая патрон из магазина...

Это ни с чем не сравнимое движение металла по металлу и было первым звуком, до меня дошедшим. Сначала же все шло в ватной какой-то тишине. Как при ускоренной съемке.

Стоят, значит, салаги-практиканты перед утренним разводом и фиг знают о чем болтают. О бане, по-моему. Ну да, должны были нас в баню завтра отвезти. А там в перегородке между отделениями была дверь. Забитая, конечно. И сверху, где стекло – закрашенная. Самое интересное, что краску эту белую не только с мужской, но и с противоположной стороны кто-то постоянно отколупывал. Если на перевернутый тазик встать...

Тут мимо деловой такой походкой направился в «дежурку» принимающий смену майор. Кобура открытого типа у него была не на животе, как у многих милицейских пижонов, а строго по уставу. Справа на боку, но без страховящего кожаного ремешка от рукоятки к портупее.

Дальше – обрыв звука и замедленность изображения. Марат внезапно делает шаг навстречу и неправдоподобно долго тянет свою руку к чужому пистолету. Оперативный дежурный как водолаз на большой глубине целую вечность тратит на то, чтобы выронить прижатую к своей груди «Книгу учета происшествий». Еще медленнее его правая рука двигается на перехват.

Но наш товарищ куда быстрее, ловчее, собраннее. Он все заранее продумал. Ко всему подготовился и напоследок успевает все. Вот уже Марат стоит, вжавшись в угол. В самом конце коридора. Теперь он держит пистолет не у виска. Срез девятимиллиметрового дула вдавливается в подбородок.

Никто ничего по-прежнему не говорит. Ни звука не остается в райотделе. Даже рация у пульта дежурного перестает вдруг хрипеть свое вечно неразборчивое и малопонятное. Только клацанье затвора, этот пробирающий морозом по коже ляг при оттягивании «Макара» за «щечки».

«А это, Анка, щечки». А она – хрясь Петьку по роже! Такое было кино. Про Чапаева. А сейчас – про Марата. «О, Марат! Мой бедный Марат!»

Замерли и думаем: сейчас должен быть обрыв пленки. И все кончится. Ничего страшного не произойдет. Мы пойдем на улицы патрулировать. А Султанова отпустят к его девчонке. Чтобы они между собой поговорили, недоразумение выяснили и поцеловались.

А потом они поженятся. Мы будем кричать «горько» и нажираться от радости. Потому что даже в СССР, где принято нажираться по любому поводу, от радости нажираться приятнее и лучше всего.

Но все мы трезвы. А одинокий Султанов из ватной своей тишины все смотрит и смотрит на нас сверху вниз. Он и без того высокий, кучерявый, спринтер Марат. А тут еще задрал собственный подбородок стволом. Смотрит и растерянно так, смущенно, улыбается. Как ординарец Петька после пощечины. «О, Марат! Мой бедный Марат!»

– Чего делаешь, баран, завязывай, на хрен! – это я не кричу, не шепчу даже, это все беззвучно бьет в виски, отдается в голове, пустой и гулкой.

А Султанов сначала давит стволом чуть повыше своей шеи. И держит «вольну» странно, двумя руками, рукояткой ко всем нам, своей смертью – к себе. Большие пальцы – на спусковом крючке. Костяшки на них побелели. Сильный выдох, резкое движение этих самых больших...

Выстрел глуховатый, какой-то сдавленный – весь выхлоп ушел в черепную коробку. Марат падает совсем не как в кино. Не разбрасывает руки, не кричит напоследок «Прощай...» или «Да здравствует...». Как большой куль с сырым песком скользит вдоль стены на пол. Ушел парень, не закрывая глаз.

Но еще быстрее брякается о доски пистолет. Целую вечность они так и лежат рядом: кучерявый совсем-еще-пацан с широко распахнутыми глазами. И кусок железяки, способный сделать так, чтобы этого пацана больше не было.

Потом тишина разлетелась вдребезги. Захрипела рация, все вокруг завопили что-то разом, наперебой. Похоже, повторяли одно извечно мужское, русское:

– Ох, ё... твою мать, п...ц придурку!

Потом было вскрытие. И самые циничные в мире существа, наши патологоанатомы, Марата даже похвалили: крепкая кость, удачное попадание, хорошая работа! Никакого выходного отверстия в черепе, никаких мозгов навыпуск, мгновенный летальный исход, все чистенько и аккуратно...

– Заснул что ли? – толкает в меня в бок Вася Казанопуло. Я и правда как в летаргии. Вася берет из приоткрытого ящика «Макар», передергивает, подбирает патрон, кладет его себе в карман, относит ствол в «оружейку», возвращает мне карточку-заместитель...

– Ну вот, кончаешь ты, к примеру, сам себя. Не будем даже о страшном смертном грехе, о том, что самоубийство боженька запрещает. Для кого из людей это будет хорошо, а для кого плохо? – попытывался Вася уже в своей прозекторской за стаканом слегка разбавленного спирта.

Пью и даже не замечаю чьих-то пяток, желтеющих из-под грязной простыни в углу.

– Х-х-хорошо! Для всех будет хорошо, Вася! – упрямо мотаю я головой. – Потому что таких сволочей, как я, должно быть на белом свете меньше.

– Вот это ты правильно сказал! – радуется Казанопуло, – Сволочь ты, Серега, распоследняя! Тебе развлекать? Тогда не дыши. Заглатывай после выдоха, говорю! На луковицу.

Мать-отец живы? Вот увидели бы тебя в гробу, что тогда? А дочке твоей сейчас сколько лет? Четвертый годик, и малышка после операции? Нет, Серега, и-ик.. эгоист ты и сволочь, это точно! Я это давно понял. Еще когда ты хвалился, как Таньку свою в утку подсадную превратил. Помнишь?

Еще бы не помнить! На выпускном курсе, сразу после свадьбы. В Танюхе уже Димка начинал шевелиться. Да-а...

На карагандинском рынке личному сыску мы тогда учились. Курсовая работа по ОРД, оперативно-розыскной деятельности. Пацаны из нашего взвода – все по одиночке. А это безнадега. Если даже карманника вычислишь, что дальше? Взять с полицным, чтобы с судебной перспективой, чистенько и грамотно – это и для целой команды задача.

Очень хотелось выпендриться. Утереть всем нос. Вот и решился на «живца». Еле уговорил жену:

– Сама понимаешь, Тань! Госэкзамены на носу, завалим ОРД, не видать «красного» диплома, не оставят, как грозятся, при альбонктуре, сошлют в Тьмутаракань, папу-маму годами видеть не будешь.

Ну точно – сволочь наивная! Кто б меня без блата в этой самой адьюнктуре оставил-то? Обещали только.

А у троечников-то наших и раздолбаев – родители на Олимпе. ЦК, МВД, облздравотдел, управление торговли... Оттуда в науку своих детишек проще простого вытащить.

Идет, в общем, Танюха по рынку ни жива ни мертва. Бледная и трясется вся. В авоське пучок редиски, булка хлеба. И кошелек поверх всего. Тугой такой, апатитный. Краешек червонца выглядывает. Того самого, что Казначеев к свадьбе вернул. Остальное – «кукла». Нарезанные по размеру бумажки.

«Пасу» собственную жену. И не один, как вскоре выясняется. Сам Абдул Одноногий прицеливается! Живая легенда местной уголовщины! Виртуоз изящных «ручных» операций. Сыскари рассказывали: Абдул «бьет дурку», то есть снимает кошелек «с кармана» или сумки, так мастерски, что даже жена начальника КГБ в сопровождении грозной своей половинки на пару ничего не заметили. Хотя ридикюль знатной дамы резал старый вор своим острым, как бритва, пятаком вовсе даже не в толпе, а у обкомовского продраспределителя.

Брать добычу Одноногому удобно. Не надо специально держать руку на весу, прикрывая ее плащом или газетой. Чуткие пальцы на рукояти костью, чуть отвел руку в сторону и...

Танюха притормозила у молочных рядов. Вроде бы как приценивается к сметане. Умничка! Все! Абдул за ее спиной! Сейчас он вытянет кошелек, я вцеплюсь ему в руку, зажму так, чтобы не сбросил, закричу, привлеку внимание очевидцев, запротоколирую факт, и будет потом вся наша ВШ завидовать тому, как начинающий, но такой талантливый сыщик взял с поличным вора «в законе».

– Сявка, уё... пыренько со своей кралей. Пока ей рожу не подписали! – слышу я вдруг яростный шепоток. Слегка задев плечом, обгоняет меня крепенький паренек неброской наружности. Слева обходит ярко накрашенная девица с презрительной усмешкой.

Как же я забыл про ассистентов-то! Какой уважающий себя карманник будет работать без подстраховки? Нас же учили. Один ведет контрнаблюдение, вычисляет нашего брата сыскаря. Пара других на приеме «груза». Чтобы в случае шумихи инвалид оказался пустой и мог бы возмущенно «качать права», требовать извинений.

Хорошо, что тогда взрослые настоящие сыскари оказались неподалеку. Одноногую трогать не стали – уважают. А свите его, включая девуку, по пещени и почкам досталось, чтобы курсантов не обижали.

...Напиваемся мы с Васей все больше и больше. Уже не могу справиться с приступом раскаяния. Размазываю сопли: доча, мама, жена, простите за сранца! Вдруг бы и впрямь застрелился. Каково тогда вам?

– Где у тебя тут телефон, трупорезка хренова? Алё, Танюх? Почему – пьяный? Ничего я не пьяный. Нормальный я. И язык, нормально ворочается.

Ты это... Помнишь, тогда с кошельком, на рынке? Страшно тебе, наверное, было, да? Ага, страшно! А я заставлял! Твой муж, свинья, тебя заставлял. Почему дома поговорим? Я сейчас хочу сказать. Если бы тебя порезали тогда? Ты ж беременная была. Тебе ж нельзя было. А я... бросил родного человека под танк. Значит – сволочь я и свинья! Согласна? Вот и хорошо!

– Сявка, сявка! – продолжало крутиться в мутной голове по дороге домой. Далеко полночь темно, тихо и мрачно было в захолустном нашем Аягузе. Безлюдные улочки, разбитые лампочки под жестяными, облупленными козырьками на столбах. От двора к двору подхватывают собаки остервенелый брех. Меня мотает из стороны в сторону.

– Сявка и моська! – звенит в больном ухе переливистый колокольчик. – Вот Крылов над Моськой поиздевался. Все над этой собачонкой смеются. А если с противоположной точки зрения порассуждать? Дрожит она, крохотная, от страха и возмущения. Но единственная, е-дин-ствен-ная на весь городок, на всю эту толпу, осмеливается протестовать против вторжения иноземного, огромного чудища, которое для таких мест вовсе и не предназначено. Которое топчет любимые, старательно помеченные кустики. Которое нагло и по-крупному засирает родные переулки.

Моську, как и всех, ужасает слоновья мощь. Но она единственная не в состоянии молчать. Бойтся, однако пытается докричаться до толпы: «Одумайтесь! Не пускайте беду в нашу жизнь! Останетесь без продуктов, потому что эта гора жрет больше, чем вы производите. Утонете в говне, потому что...»

Философский настрой сбил свет фар прямо в лицо. Заслонился ладонью: грузовик, полуторка. Стоит у центральной нашей площади в два часа ночи. Мотор почему-то работает. Но свет погас.

– И чего этот придурок здесь делает? – успел еще задуматься я. Сделал на заплетающихся ногах несколько шагов, услышал рев двигателя за спиной, попытался резко обернуться и...

Говорят, Бог русских пьяных любит как-то по-особому. Он их бережет и даже спасает. Я был настолько, мягко говоря, не в себе, что при повороте головы меня резко мотнуло в сторону и еще стремительнее посадило на «пятую точку». Это и выручило. Водитель в своей засаде ожидал чего угодно: прыжков, зигзагов, попыток убежать. Но «клиент», только что маячивший перед капотом, просто исчез.

Потерявший меня «Газон» едва не задел ноги, затормозил. На подножке возник силуэт. Номеров и лица водителя было не различить.

– Ты чего... мать твою? – заорал я, пытаюсь подняться. – Да я тебя! Да ты знаешь, кто я?

Фигура молча скрылась в кабине. Машина задним ходом и очень быстро

стала на меня наезжать. Успеваю перекатиться к постаменту. Прижимаюсь к памятнику. Выручай, Ильич, твоего члена! То есть, члена тебя... Члена партии твоей...

Тьфу, не об этом сейчас думай, баран! Это не такой же, как ты, пьяный балует сейчас за рулем. Это смерть твоя, Золовкин, снова выглянула из кабины.

– Ты, мудило, хоть врубаешься, чего творишь? Тебе ж за мента «вышку» дадут! – кричу, а сам на четвереньках, по-крабы, боком, не выпуская из поля зрения грузовик, огибаю гипсовый памятник вождю. Теперь удобнее будет перебежками, зигзагами прорываться к райкому партии. Там наверняка сидит сторож, работает телефон.

Но и «Газон» на месте не стоит. Описал крутую дугу, снова идет на таран. Может, это не охота все-таки, а? Может, кажется мне все с пьяных-то глаз? Дернулся влево, выскочил из света фар, но опять в них же и оказался. Вправо – аналогичный результат. Точь-в-точь как в ночной степи. Когда выскочит заяц перед капотом и потом бежит только по световой дорожке, не в силах свернуть или отпрыгнуть.

Я что тебе, тоже заяц, блин? Хрен достанешь! Петляю вокруг ядовито зеленого Ильича. Пытаюсь все же прорваться к райкому. «Газон» то наступает, то отстает. Зеркало со стороны водителя задевает фуражку, сбивает под колесо. Но я уже на подножке, уже вижу за рулем молодого казаха, его крупные почти лошадиные зубы, кажущиеся особенно белыми на бронзовом, перекосившемся лице.

Стекло не поднято, дверца не заблокирована. Скорее всего, не потому, что забыл. Просто грузовичок очень старый, раздолбанный, до предела запущенный. Странно, что он вообще работает. И дверцы все еще открываются.

Парень бьет по тормозам, едва не сбрасывает меня под колеса, левой рукой дотягивается до горла. В правой появляется монтировка. Но бить неудобно. В кабине не размахнешься.

Столкнуть меня с подножки автокиллер не успевает. Пассажирская дверца распахивается и возникает врат из темноты откормленная ряшка Коли Воскресенского, могучего мясокомбинатовского грузчика.

Последняя наша встреча случилась за год до этого. ОБХСС накрыл Колю за проходной с тремя батонами колбасы полукопченной, сверхдефицитной.

Дело, как того «опера» настоятельно просили, я возбудил. Но едва ОБХСС поставил галочку в графе «раскрыто по горячим следам», тут же отправил явную мелочевку «в трудовой коллектив». Для исполнения безвредного, чисто символического ритуала под названием «меры общественного воздействия».

Коля тогда на милицию все равно обиделся. У «несунов» с местного мя-

сокомбината, как и повсюду в СССР, было свое негласное соглашение и с местной, и с вневедомственной охраной: больше трех палок колбасы зараз не воровать. Коля все честно исполнял. И «отстегивал» на проходной, как положено, 50 копеек за каждый беспрепятственный выход. А тут – такое «запахло». Нагрянули проверяющие из областного центра для «усиления охраны социалистического имущества». И вся конвенция – по боку! «Свои» же принялись выхватывать тех, «кто не спрятался».

Зато теперь Николай успел в самый раз. Я готов был чуть ли не целовать этого здоровяка, деловито и основательно месившего кулаками выдернутое из кабины тело.

Начальник ГАИ приехал на этот вызов самолично. Но Оспанов сразу смекнул: дорожно-транспортным происшествием здесь и не пахнет. Да и водитель уже на первом допросе признался:

– ...пьяный был, на всю милицию злой за то, что права отобрали. Хотел первого попавшегося в форме насмерть задавить.

Но угрозыск по своим оперативным каналам пробил: родственничек это прокурора! И не то чтобы получил Арман Сатырбаев конкретный «заказ». Не было тогда еще такой моды. Просто отозвался бескорыстно на сетования «больших людей». Очень сожалевших, что не найдется никак джигита, способного «примерно наказать этого обнаглевшего русского, оскорбившего древний жуз».

Подавленный и, чего скрывать, напуганный, решил я позвонить из своей «дыры» аж в самую приемную печатного органа Центрального Комитета ЛКСМ Казахской ССР. Сергей Подгорбунский, новый главред «Ленинской смены», как раз принимал дела от Федора Игнатова. Федор Федорович уходил в «большое ЦК» на партийное повышение.

Оба поначалу мне не очень-то и поверили. Уж слишком «из рук вон» все выглядело для «братской дружбы народов и советского интернационализма в действии». Но справки навели. Получив подтверждение, подняли большой шум с недоступной даже для Калиева высоты.

Уголовное дело о покушении на убийство работника милиции тут же приняла к своему производству областная прокуратура. 22-летнему Сатырбаеву вlepили 8 лет, а мне позвонили из «Ленинской смены» и простенько так поинтересовались:

– Работать у нас хочешь?

Поверить в такое счастье было трудно. Для меня и уровень областной газеты казался недосыгаемым. На Валенту Ольховую я смотрел как на небожительницу, почти как на живого классика. А тут – сама Алма-Ата! И разговаривают со мной на равных. Почти как с коллегой.

Наш областной генерал месяц тянул с приказом о переводе из милиции в журналисты. Почти каждый день меня уговаривали остаться. Теперь уже не в глухой деревне участковым. Старшим следователем в областном управ-

лении. Но выбор был сделан. С предателями, какими мне тогда казались коллеги, работать дальше было нестерпимо.

Тут еще из «большого ЦК» надавил сам Игнатов. Проводы из внутренних органов в партийную журналистику состоялись на очень льготных условиях. То есть, с сохранением выслуги и звания. Как переходящему на номенклатурную работу офицеру.

Оставили мне не только всю амуницию, но и удостоверение. Впрочем, о красной «корочке» не напомнили по причине спешки. Или в силу чрезвычайного изумления – слишком уж необычно разрешился спор Моськи со Слонами.

Правда, придет еще время, когда я очень пожалею о наличии грозного удостоверения. И будет это совершенно другая история из совсем иной моей жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:
С ПЕРОМ
И ПИСТОЛЕТОМ

Зацикливаться на «если бы да кабы» так же «эффективно», как после драки кулаками махать. Вот если бы не ушел из милиции в Семипалатинске. Если бы успокоился на обкомовской пайке в Караганде. Если бы не «покусился на святое» в прямом телеэфире Сочи...

У каждого из нас, дорогой читатель, найдутся свои безвозвратно упущенные возможности, не так ли? Но, как любила приговаривать покойная моя бабушка Вера Ивановна: «Что ни делается, все к лучшему».

Получал, к примеру, приписное свидетельство в военкомате. Тогда военные училища были еще в почете. Из рассказанного армейцами более всего запомнился Московский военный институт иностранных языков – разведчики, дипломаты, неведомые страны, романтика.

Мечтать, конечно, не вредно. Но в данном случае, казалось бы, бесполезно: в нашей школе вакансия учителя иностранного языка несколько лет оставалась свободной.

Сливать воду? Или бежать до последнего? Вдруг случайный трамвай желаний все еще не захлопнул дверцы?

С восьмого класса, даже в летние каникулы, каждый божий день зубрил артикли, перфекты и футурумы. Самостоятельно и с пенсионеркой-учительницей, маминной подругой. Добился относительно бойкой речи. С претензией на берлинское произношение.

Но рок продолжал настаивать: «Не твое!» Почему-то именно в том семидесятом году впервые отказали нашему военкомату в разнарядке.

Финита ля комедия? Или – беги, парнишка, беги!

Пишу в институт длинное письмо на языке вероятного противника. С разъяснением отчаянной своей ситуации. И отправляюсь на выпускной вечер. С букетом, завернутым в местный «Иртыш». Судьбоносно было завернуто! Так, чтобы бросилось в глаза объявление о первом наборе в КВШ. А я мало того, что в «ментовской» день родился, но и как можно скорее с маминной шеи соскочить норовил. Показал газету другу, не особенно оценками блиставшему. И пообещал Димке, что готовиться «на следователя» и поступать будем вместе.

А перед самым отбытием на медкомиссию, вызывает, вруг, горвоенком:

– Сам в Москву писал? Молодец! Ни одной ошибки! Выделили разнарядку! Персонально на тебя. В виде исключения. Поздравляю!

...Как – документы отослал? Куда? В Караганду? В участковые Анискины захотелось? Да ты что, парень! Москва у тебя впереди! Мос-ква! А дальше – другие страны, языки...

Решай прямо здесь! Вся жизнь твоя дальнейшая от выбора сегодняшнего зависеть будет...

Если бы сразу побежал в УВД. Если бы документы забрал. Если бы обманул друга...

Может, дивизионным переводчиком служил бы и сейчас. И спился где-нибудь под Уссурийском. А может, поднялся бы и до атташе. Или работал бы в ГРУ. Под чужой фамилией. Не исключено, что в Германии.

Как в свое будущее заглянуть? Как угадать? На какую чашу вовремя бросить нужную гирику?

Не узнал, не угадал, не бросил... Но под вымышленными анкетными данными, с документами прикрытия, выписанными полицией, приступал на пару с женой к этой повести именно в той стране, язык которой за 30 лет совершенно, казалось бы, забыл. Однако клюнуло – вспомнил. Пусть не все. Но достаточно для странствований по Европе.

Где вижу то, что мог бы увидеть, а мог бы и не увидеть после того столичного, военного института.

– Не валяйся туземец, под пальмой! Не жри тупо банан! Крутись, вертись, делай бизнес!

– А зачем?

– Соберешь урожай, продашь. Потом еще и еще... Разбогатеешь!

– И что потом?

– Ну... Ляжешь под пальму. Счастливым и беззаботным. Будешь кушать банан...

– А сейчас я что делаю?

Как там у О'Генри? «Важно не то, какие мы выбираем дороги. Важно, ЧТО внутри нас заставляет их выбирать».

1. НИВОЛОГ-2000

Ворвался я в большой курортный город на звонко цокающих, очень высоких каблуках. Других туфель просто не было. А эти, остроносые, немецкие, когда-то даже модные, долголетия и сохранности ради подбиты были толстыми металлическими пластинами.

– Жеребчатый галоп в ритме марксизма-ленинизма, – прокомментирует очередную мою пробежку по редакционным лестницам Юра Головин.

Для него, прошедшего театральные и литературные институты, вращавшегося в столичных диссидентских кругах еще в семидесятые, не было никакой разницы между Гитлером и Сталиным!

Это и многое другое доводило до иступления провинциального догматика. На втором месяце нашей дружбы мирный журналистский между собойчик у репортера Игоря Сизова превратился в ожесточенный политический диспут. И я вызвал Юрку «выйти по-мужски один на один». За то, что он «освободительный поход советских войск 1939 года» кощунственно приравнял к фашистской агрессии сорок первого. Коллеги нас еле разняли.

Но Головин, как ни странно, инвалида идеологической войны куда глубже не отправил. Самым коварным образом он принялся размывать мои политические устои «самиздатом». Совсем другая правда из совсем других, ранее для меня неведомых книг, переворачивала привычный мир с головы на ноги.

А у вальяжного кубанского казака с голубыми глазами и пышной рыжей шевелюрой давным-давно сформировалось изящно-циничное отношение к партийной прессе. Пользуясь переизбытком отдыхающих в «главной всесоюзной здравнице», Головин, не покидая стен редакции, творил собственную историю. В тиши отдельного кабинета – а у всего «творческого персонала» «Черноморской здравницы» были персональные кабинеты

– рождались героические доярки мифических передовых совхозов и генеральные директора несуществующих, но очень засекреченных оборонных заводов, шахтеры-стахановцы чуть ли не из Гренландии и чудачковатые изобретатели откуда-то из-под Читы...

Лучшие полосы «Званого гостя» всегда были Юркины.

– Чувствуются живые, конкретные, очень реальные люди! Подлинные герои нашего времени! – похваливал на летучках Головина главный редактор Горшков.

Молодежь прыскала в кулаки и тайно Юрке завидовала: его писательское воображение оказывалось куда привлекательнее тухлых наших реалий.

Однажды зам главного загорелся идеей особенного номера – курорты Краснодарского края через 15 лет. Головину досталась Анапа. Все мы уже со своими городками и поселками созвонились, чиновников расспросили, всякую казенную дребедень на бумагу старательно перенесли. И с Володькой Петровым, главным редакционным снабженцем, надежно проверенным собутыльником, в нетерпении били копытами. В буфете был отложен ящик «Золотого фазана».

Но Юрка все тянул, все никак не мог с нужными людьми соединиться. Я уже с раздражением позвонил через стенку – скоро ты там?

– Это Анапа? – не понял друг. Тут как раз заглянул Жора Иванов, бывший ресторанный «лабух» и будущий редактор лучшей на побережье газеты «Сочив».

– Ты из управления бытового обслуживания! – ткнул я Георгию трубку. Остроумца Иванова, не менее нашего ждущего коллективной выпивки, понесло в карьер.

– Это Артамон Канадский, парикмахер и бессменный победитель социалистического соревнования, беспокоит...

Но, реагируя на верчение пальцем у виска, Жора тут же нашелся:

– Кроме того, я еще и член Анапского исполкома. Не освобожденный, к сожалению. Тем не менее, отвечаю за всю архитектурную прическу нашего города, так сказать...

Более идиотского сочетания придумать было трудно. Но Головин, не менее нашего зацикленный на столь дефицитном и столь счастливо доставшемся без наценки чешском пиве, даже такую тухлую наживку заглотнул.

За всем дальнейшим, едва сдерживая приступы хохота, наблюдала вся редакция.

– К 2000 году не будет обычных общежитий для санаторно-курортных работников, – мечтательно закатив глаза, и старательно меняя голос, импровизировал Иванов. – Это будут настоящие небоскребы. Между которыми поплывут дирижабли. Для транспортировки обитателей всех пяти... э-э... сорокаэтажных общежитий к их рабочим местам...

– Да какие, на хрен, общежития останутся в двухтысячном году? – него-

дующе шипел я. Не предполагая, конечно, что и в 2010 году дочь моя Лена, как и десятки тысяч других «неновых русских», будет по-прежнему жить в сочинской «общаге».

Но Жора идейно выверенным образомотреагировал на свирепую гримасу:

– Это будут даже не общежития, а... отдельные квартиры. Почти отдельные. Очень маленькие, но отдельные. Элитный микрорайон будет называться...

Тут коллегу гениально осенило, и он перевернул Юркину фамилию, –Ниволог! Новый Ниволог...

– «Невалок», – приканчивал стопку густо исписанных листов взмыленный Головин.

– Ты все названия точно записал? – прикусив губу, чтобы не расхохотаться, переспросил через полтора часа Белов. К тому времени я уже связался с Анапским горкомом партии и нужный для партийной газеты текст от имени Головина сбросил в номер.

– Обижаете, Сергей Константинович! – с достоинством тряхнул золотистой шевелюрой статный красавец. – Профессионал он и в Африке профи. Все по буквам сверял!

Блистательную Юркину белиберду под названием «Город солнца», конечно же, не напечатали. Но рукопись вывесили на «Доску лучших». Как образец необузданной и дикой фантазии при безупречности стиля.

Через некоторое время Головин, все с теми же Ивановым и Беловым, мне славно отплатили.

– Тут какой-то писк... или диск-жокей знаменитый в Дагомыс отдохнуть приехал, – вроде бы как к случайному слову обронил Юрка. Я сделал ушки топориком и кинулся уточнять.

– Из Голландии. Сам Ван Дер Вельт! – подбавил интриги музыкально подкованный Иванов. – Да о нем все «вражьи» голоса только и говорят. Как о самой яркой звезде дискотек. Неужто не слышал? И это главный наш специалист и в роке, и в попе!

– Ну ты даешь! – почти искренне оскорбился я. – Кто ж Ван Дер Вельта не знает? Чур, я с ним «знатного гостя» делаю!

– А справишься? – очень убедительно усомнился Белов. – Тема очень специфическая, ответственная. Личность яркая, вниманием прессы избалованная...

– Сергей Константинович, да ё-мое! Вы ж меня знаете! Я же столько про него читал! У меня ж досье на всех музыкальных знаменитостей. Так хорошо его знаю, что можете Вельта этого в мои давние друзья записывать.

2. ТАМАДА ЗДЕСЬ ОТДЫХАЕТ

«Наш знакомый диск-жокей» частенько потом фигурировал и на редакционных летучках, и в процессе неформального общения, происходившего почти ежевечерне. Пили в нашей газете ничуть не реже, чем во всех остальных. С одной только разницей. Домашнего виноградного винца у самого Черного моря всегда было предостаточно. Зачем угнетать молодые организмы «Солнцедаром» или «Тремя семерками»? И потом – Кавказ как-никак! Древние традиции застолья. Именно они и помогли мне растопить ледок настроженности. А то ведь принимали поначалу «казахстанского выскочку» то ли за вечного миллионера, то ли за внедренного кагебешника.

Но умение превращать банальную выпивку в нечто более значительное способно творить чудеса.

В конце восьмидесятых, к примеру, «литгазетовец» Игорь Гамаюнов, давний друг, наставник и суровый мой критик, привел провинциала на презентацию столичного журнала «Российский адвокат». Получилось все совершенно случайно. С утра еще вынужден был отправлять в Сочи центнеров пять ценного груза. Совал взятки обнаглевшим грузчикам во Внуково. За «бережное отношение к дорогому оборудованию». До этого отстегивал диспетчерам за согласие принять в самолет негабаритный цветной ксерокс. Потом сам же и помогал паковать его в контейнер. Устал как собака, перепачкался с ног до головы. А тут – роскошный особняк у Курского вокзала. Шикарный зал с изысканной сервировкой.

Но... Не ел ведь с самого утра. Так что после первой же «соточки» коньячку повеселел быстрее обычного. Вызовом нормальному досугу показался скучный официоз вокруг. «Житы» юридических наук, те самые, по учебникам которых сдавал я в свою пору зачеты и экзамены, сдержанно обменивались репликами. Вяло закусывая осетринкой.

– Други наши! – сорвала меня с насиженного, неприметного и сытного местечка инстинктивная потребность «должным образом» застолие организовать. – Позвольте грамматически спорный, зато поэтически обоснованный прогноз из курортной глубинки!

Причем, без намека туманного,

(Тут ясно все, без изъясн).

Когда штурвал у Залманова,

Мирзоев когда капитан,

К успеху дойдет без преград

«Российский» наш «адвокат»...

Все и дошло до желаемого состояния. Незаметно и плавно переросло официальное мероприятие в нечто среднее между капустником и КВН. Ученые мужи охотно подключались к импровизациям и рифмованным экспромтам. Хохот стоял несмолкаемый.

Мероприятие завершилось для меня непредсказуемым, но весьма лестным образом. Как из-под земли выскочил паренек с полярондом. Сфотографировали самозванного тамаду прямо в замызанной его рабочей «джинсухе». И уже через десять минут Гасан Мирзоев принародно вручал мне пару удостоверений – члена Гильдии российских адвокатов и собкора нового журнала.

Шуба с царского плеча, скажете? За неприкрытую лесть сильным мира сего. Братцы мои и сестры, а кто, собственно, сказал, что льстить недостойно и грешно всегда? Точно так же искренне и щедро не скупился я на приятные слова в компаниях еще более случайных и куда менее именитых. Иначе, какой вообще смысл за столом собираться?

Где еще, как не за бокалом доброго винца или стопариком холодненькой водочки, распахивать нам души? В каком ином случае говорить друг другу комплименты? Не скупиться на которые призывал незабвенный Булат Шалвович.

Что же до «корочек». Так ни разу ими я и не воспользовался. Хотя понимал, конечно, что в иных ситуациях и в иных коллегиях за адвокатский статус платятся большие деньги. Мне же он пригодился только однажды. Когда районный судья, обозленный на публикацию про незаконно им удерживаемую квартиру, оповестил не без злорадства:

– Будешь теперь неделями у меня пропадать, журналист! В списке народных заседателей оказался!

– Извиняйте, Николай Тихоныч, не выйдет! Как член адвокатской гильдии заседателем по закону быть не могу.

Нет, что ни говорите, а течение вдохновенной, грамотно выстроенной русской пьянки способно прибить к таким волшебным берегам! В ту пору, когда непуганный отечественный бизнесмен еще не вздрагивал от слова «дефолт», некоторые турфирмы охотно посылали пишущую братию куда по-

дальше. Чтобы читали потом потенциальные клиенты о диковинных странах и заманчивых развлечениях. Запоминая попутно адреса организаторов экзотических путешествий.

В процессе такой вот халявы меня и познакомили с начальником полиции Дамаска. Генерал-майор необъятной ширины оказался профессионально любознательным. Абдульмажиду Фараби страсть как хотелось с выездом на место предполагаемого происшествия проверить слухи о невероятной выносливости славянской печени.

После бутылки виски без содовой я немного приободрился. И предложил чисто мусульманской, но конкретно пьющей компании проводить дальнейшее мероприятие организовано. В запасе был десяток арабских слов и пара местных идиоматических выражений. Их вполне хватило для вирш. Принимающая сторона периодически падала под стол от смеха. А затем свалилась и от чрезмерного накопления градусов.

– Меня впервые в жизни спонили! – восхитился поутру генерал. И наградил русского затейника именованным кальяном.

Конечно, даже такой тамада-любитель на общественных началах как ваш покорный слуга не принимает за доблесть успешное спаивание окружающих. Мне, тшеславному, просто нравилось быть в центре внимания. И делать приятное другим.

На одной армянской свадьбе пришлось предоставлять слово доброй сотне родственников жениха и невесты. Каждый хотел получить подводку к тосту в стихах. На русском языке, слава Богу. И чтобы заслуги тостующего при этом преподносились в самом выгодном свете.

Экспромты поначалу сыпались привычно. Однако крепчайшая, градусов под девяносто, но такая мягкая на вкус тутовая чача имеет одно коварное свойство. Оставляя ясной голову, она делает ватными ноги. Произнеся что-то вроде:

– Брат друга жениха – всему застолью брат!

Ему я предоставить слово рад.

Ведь именно Ашот, что было сил

Вина бочонок к жениху катил.

И так устал. Но надо приподняться!

И на ногах с бокалом удержаться! – я сам вдруг ощутил, что земля не только круглая. Она еще и вертится!

Проплывающее мимо блюдо с долмой падение смягчило. Но единственный парадный костюм оказался безнадежно выведенным из употребления.

Ностальгические эти воспоминания сделали для южанина особенно привлекательными в местах северных, сочинцу непривычных. Вольный ганзейский город Гамбург, с которого и начались наши заграничные странствия, в числе прочих загадок иноземного бытия предложил и такую живо-трепещущую тему как досуг по-немецки. Похоже, что праздников здесь куда

больше будней. Постоянно проходят какие-то фестивали и карнавалы шествия, гремят оркестры и салюты. Но существуют ли для бюргера домашние посиделки типа наших? С душой нараспанку, мнениями наотмашь, слезами напоказ и спорами наперебой?

В знаменитом и необъятном мюнхенском «Хофбройхаузе» мне довелось наблюдать стычку между юным поклонником бессменного футбольного лидера «Байер» и болельщиком из Штутгарта. Не допив и первой порции пива, местный паренек разгорячился настолько, что аккуратно плюнул оппоненту на ботинок. Тот взвизгнул и экономно отлил из своего масбира, литровой кружки, на джинсы обидчика. Тут старшие со своими именными бокалами покачали головами и произнесли «нихт гут». Спорщики мгновенно утихли, заказали еще по кружечке и перешли на менее взрывоопасную тему. Стали вполголоса обсуждать, в каком из городов мира девушки красивее, податливее и бескорыстнее.

Разговоры ни о чем, никого не затрагивающие, не взвинчивающие нерв общения, являются, как я успел заметить, главным содержанием классических немецких «партн». На одной рождественской вечеринке, к примеру, собрался коллектив очень солидной фирмы. Все там цепко держатся за свое высокооплачиваемое место и панически боятся потерять работу.

Неформальная эта встреча превратилась для славянского нашего брата в сущую пытку. Какие тут, к чертям собачьим, открытость и доверительность! Программистка Элизабет из Польши под коварным воздействием «секта» имела неосторожность выпалить:

– Босс на то и босс, чтобы считать себя умнее подчиненных. Особенно тех, кто с Востока.

Потом битый час мгновенно протрезвевшая женщина объясняла всем, что имела в виду не своего глубокоуважаемого руководителя отдела маркетинга и даже не всех вообще немецких начальников, являющихся, без сомнения, самыми лучшими начальниками в мире. Ей просто нехотелось вспомниться некий пан директор из Вроцлава, который с почтением относился лишь к коллегам из Западной Европы.

Дома, безусловно, у немцев все выглядит не так напряженно и скованно. Но тоже непривычно. Нас с женой пригласила к себе интеллигентная немецкая семья. Он – врач, она – инженер-строитель. Приглашение пришло по почте за месяц до «партн».

– Будет очень вкусно и весело! – периодически напоминала по телефону хозяйка.

Обедать дома я по-жлобски отказался. И поступил крайне опрометчиво. Вечеринка на идеально подстриженной лужайке под окнами трехэтажного особняка началась с раскупоривания двух бутылок все той же шипучки «секта». Десятка полтора мужчин и женщин с несмываемыми улыбками и холодными взглядами чуть приподнимали едва заполненные бокалы на не-

вероятно длинных и тонких ножках и вежливо кивали друг другу. Отпивая вино крохотными глоточками, они периодически, ни к кому конкретно не обращаясь, произносили скучными голосами «Прозит!». Потом наметилось некоторое оживление: хозяева принесли пару коробок пива. А на столах с одноразовыми тарелками появились чипсы и крошечные бутербродики на шпажках.

Омлет с мелко покрошенной колбаской вызвал аплодисменты.

– Сама приготовила! – гордо объявила хозяйка. И поделилась фирменным кулинарным секретом. Если хорошо взбивать, 20 яиц и 300 граммов салами на 17 человек будет вполне достаточно.

Гости одобрительно кивали: «Очень, очень экономный вариант!».

Возвращался я домой трезвый, голодный и злой. И к следующей вечеринке, намеченной уже в семье литераторов, подготовился основательно. Умял плотный обед и для поднятия настроения приговорил бутылку доброго древнего «белого» пивка «Пауланер».

Однако у Ференца с Лаурой оказалось на удивление приятно. Немцы увлеченно, со знанием дела и на довольно беглом русском рассуждали о творчестве Сорокина, Маканина, Войновича, Солженицына... И, что весьма важно, при этом не забывали регулярно менять блюда. Причем, какие! За традиционным в Германии картофельным салатом последовало зажаренное седло барашка с рисом и кедровыми орешками. Правда, на сытый желудок даже такая вкуснятина воспринималась с трудом. А тут еще баварский сюр-приз – по специальной рецептуре отваренные пороссячи ножки с тушеной капустой. И кружкой отменного пива в придачу!

Воодушевленный таким хлебосольством, я рискнул было добавить немного лиричности и теплоты в дежурные разговоры эрудированной компании. И выдал универсальный и принимаемый «на ура» в России тост, позаимствованный у Юры Головина, возглавляющего ныне кафедру журналистики одного из московских университетов. Панегирик звездам, которые сами по себе уже обворожительны. Но особенно они неотразимы, когда волей счастливого случая и благодаря гостеприимству дорогих Ференца с Лаурой объединяются в одно прекрасное и неповторимое созвездие.

– Так выпьем же за самых красивых женщин Германии, собравшихся именно сегодня именно за этим столом! – вскочил я с бокалом наперевес. Никто из мужчин моему примеру не последовал.

– Понимаете, Сергей, это не совсем политкорректно – пить только за женщин, когда рядом их мужья и знакомые. Те могут за свой пол обидеться, – на полном серьезе разъяснял чуть позднее Ференц. 55-летний литературный критик ощущал себя стопроцентным немцем – родители перевезли его из Будапешта в Гамбург еще в 1956 году.

– У нас не принято затрагивать кого-то персонально. Говорить лучше всего о погоде, о детях, об искусстве, о спорте... И вообще, произносить

тосты, наверное, очень красивый, древний русский обычай. Но разве без этого мы плохо сидим?

3. МЛАДЕНЦЫ В МОРОЗИЛЬНИКЕ

Рожденные в год Дракона и под Созвездием Скорпиона отдают женщинам ровно столько, сколько не занято делом, детьми и друзьями. То бишь, всего себя с потрохами и сдают. В том случае, конечно, если женщина – любимая. А я от Тани и дочери ушел к Надежде по любви, как мне тогда казалось, наивеличайшей. Подпитывались столь пылкие чувства не одним лишь признанием моих «литературных талантов». Новая жена умела подхвалять и за взятие другой «высоты»:

- Из какого-то райцентра и сразу в номенклатуру ЦК!

Не сразу, но довольно быстро я научился пользоваться благами «избранного» без всякого смущения. Просторная новая квартира в лучшем районе города была получена уже через месяц после утверждения в должности собкора республиканской газеты. К подъезду подкатывала белая служебная «Волга» с персональным водителем и «обкомовскими» номерами. А с какой чванливой гордостью воспринимал я, грешный, прикрепление к «партийному продпайку!» Пусть даже и «второй категории». Ведь в магазинах – шаром покати! А тут – «суповой» набор с щедрым остатком мяса на костях! Банка сгущенки!! Тушенка!!! А также пачка настоящего сливочного масла. И даже полкило сахара раз в две недели. Без очереди и талонов! Которые к середине восьмидесятых не выписывались в наших степных краях разве что на песок и ветер.

Стыдно признаваться, но признаюсь: более всего распирало меня на майские и ноябрьские праздники. Место на общегородской «почетной трибуне» полпреду «молодежки» отвели самое крайнее. За собственными корреспондентами двух «Правд» – общесоюзной и казахстанской. А также – «Известий» и «Комсомолки». Но все же заметное, видимое всеми, в самом первом ряду место! Оттуда было удобно высматривать в оцеплении

«наших»: все ли выпускники ВШ оценили роль моей личности в истории местной номенклатуры? Представляют ли они, как высоко вознесла бывшего районного мента, беспородного, не «блатного» и безденежного, внезапно расщедрившаяся Фортуна?

Подражая ЛПР – лицам, принимающим решения – я периодически спускался в буфет под трибуной. Солдно здоровался за руку даже с самым первым секретарем областного комитета Коммунистической партии Советского Союза. Опрокидывал бесплатную рюмочку коньячку «для сутрева». И, стараясь не бежать, возвращался к своему крайнему номеру на застеленной ковровой дорожке трибуны. Там я тщетно пытался сделать озабоченное, немного усталое, очень «государственное» лицо. Чтобы как все маленькие и большие советские вожди «делать ручкой» и важно кивать шествующим где-то там внизу массам.

– Лимоном бы закусывал, Золовкин! – не выдержала после очередной такой ярмарки тщеславия Татьяна. – А то из грязи – да в князи. Раздуваешься так, что вот-вот лопнешь.

Лопнуло после развода, раздела нашей трехкомнатной и беременности новой моей жены. Опять родился мальчик. Назвали его Сашей. Как и Димка, прожил он совсем немного. Умер еще в роддоме. Слабенький слишком оказался для бывшего Карлага. К тому, как раз в и июне прошло очередное испытание по соседству. И что-то такое, по слухам очень губительное, из термоядерной шахты на Семипалатинском полигоне в атмосферу вырвалось.

Получал я сынишку в какой-то особенной комнате карагандинского роддома. Умирать буду, не забуду, как толстая тетка с сонным выражением лица прошаркала в войлочных своих шлепанцах к холодильнику «Орск». Такой же стоял и у нас на кухне. Распахнула белый ящик. Скучным, сильным голосом продащицы из бакалейного магазина предложила: «Смотрите сами, мужчина! Табличка на ноге».

Картонных бирок с фамилиями было пять. И ножек с крохотными, но такими взаимравдашными ноготками – десять. Умерших за последнюю неделю новорожденных втиснули в бытовую морозилку, как забитых цыплят с местной птицефабрики. Они и были похожи на них – синенькие, тощенькие... Но Сашка мне все равно показался самым красивым. На отца очень даже похожим.

– Чего хочешь, чтобы еще раз попробовала родить? – спрошу я жену годом позже. Как раз в Сочи, куда Надя вытащила меня по своей партийной путевке.

– Остаться в этом раю! Слабо? – пошутила Надежда. Она менее всего намеревалась тогда отказываться от только что полученной должности заведующей отделом пропаганды и агитации Советского райкома КПСС.

– За слова отвечаешь? Сейчас сделаем!

Судьбе было угодно, чтобы именно в тот жизненно важный момент мы оказались рядом с внушительным, просто роскошным зданием «Черноморской здравницы». В коридорах с ковровыми дорожками и на всех этажах редакции было прохладно, тихо, пусто.

Во внутреннем дворике среди экзотических растений и пышных тропических цветов сидели серьезные люди. Они с важным видом вкушали крепкий кофе «по-турецки». Другие, в бильярдной, так же солидно и обстоятельно забивали шары в лузы. Шел священный час сна. Очередная пауза в размеренном функционировании партийного печатного органа краевого уровня.

– Драссьте! Хотите работника, каких у вас еще не было? – брякнул я с порога в первом же открытом кабинете. Оказалось, попал к заместителю главного редактора. Сергей Белов при других обстоятельствах наверняка бы послал наглеца и бахвала в... Караганду. Но Сергей Константинович сам только что переехал на курорт из мест с куда более жестким и энергичным ритмом. И как трудоголик тщеславный, неутомимый, напористый, мечтал всю эту ежедневную газету кардинально переделать, принципиально обновить, добавить, по его собственному выражению, «дикой и свежей крови».

– У вас все там в казахстанских газетах такие... скромники? – только и поинтересовался Белов. И дал три читательских отклика. В одном большая женщина из Лазаревского жаловалась на грубость и черствость повзрослевших своих детей. В двух других назывались фамилии хама-домоуправа и обленившегося до предела председателя профкома непонятно какого автобусного парка. Это были вполне приемлемые мишени для критики в советской прессе. Но – без обратных адресов на конвертах. Поэтому местные журналисты с «непроверяемыми» темами предпочли не связываться. У меня же оставалось в Сочи всего половина последней недели.

– Через трое суток все сделаю, – отрезал я себе пути к отступлению. Хотя и не представлял поначалу, с чего начинать и как действовать в городе, казавшемся из степей Казахстана вершиной самых несбыточных мечтаний.

4. НАГЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ

Сказать, что оставшееся отпускное время у меня пар из ноздрей валил, значит, не сказать ничего. Оставив жену на пляже, помчался к сочинским сыскарям. «Корочка» казахстанского следака выручила и здесь. Адреса по ЦАБу ребята пробрили, с авторами писем я переговорил, сказанное ими проверил, на три полосы отписался, свой адрес изумленному Белову оставил и всю обратную дорогу проспал.

Месяца через полтора пришла телеграмма: «Публикации вынесены на Доску лучших зпт в виде исключения приглашаетесь должность корреспондента отдела морали испытательным сроком зпт без права предоставления жилплощади зпт общежития Сочи тчк Поздравляем вскл. Главред Горшков тчю».

Уже гораздо позднее, когда и квартиру в Сочи заработаю, и пригласившая меня «Черноморка» меня же из редакции и вышибет, и в «Мосбизнесбанке» окажусь, получу я из французского посольства телеграфный текст такого же неправдоподобного содержания: «Приглашаетесь качестве преподавателя Сорбонну сроком два года...».

До первого апреля было далеко. А по указанным телефонным номерам отвечали самые что ни на есть настоящие французы. Подтверждавшие всю серьезность своих намерений:

– Будущие наши бизнесмены, месье Солоффкин, должны из первых рук получать информацию об особенностях становления рыночной экономики в постсоветской России... Оплаченное университетом жилье в Париже будет отвечать всем цивилизованным нормам. Правда, плата за ваши лекции пока не очень высокая. На уровне тысячи долларов в месяц.

Расцветшая от радости жена уже принялась паковать вещи. А я, под видом банковских своих дел, рванул в Москву. Паренек со смутно знакомой

физиономией радостно встретил меня на проходной. И запел совершенно непонятное на языке, из которого мне помнились лишь «мерси боку» и «пуркуа па». И то благодаря Боярскому и прочим «мушкетерам».

Надо было видеть бедного советника посла по экономике! Ведь он считал уже выполненным непростое задание: найти русского предпринимателя с высшим образованием и отменно подвешенным французским языком. Но бедный Жак, или Жан, теперь уже точно и не помню, не учел одного стратегического обстоятельства: свою визитную карточку я оставлял ему на теплоходе, превращенном в так называемую «школу бизнеса». То есть, в плавучую базу пьянства и бл... блаженного ничегонеделанья. На которой я оказался в качестве поощрения за успешно выполненное спецзадание работодателя своего Удалова.

За бортом теплохода проплывали дивные берега Лены. Француз на очень ломаном русском читал перекупщикам турецких джинсов и тайваньских компьютеров лекции об индексе Доу-Джонса и марже. А для тех, кто умудрялся не заснуть, на ночь глядя устраивались «капитанские встречи в кают-компанин».

Там-то, вдохновляясь сибирскими закатами, мы и нашли с Жаном средство общения настолько универсальное и могучее, что где-то под Якутском, после третьей на двоих «Столичной», наивный иностранец всерьез поверил: пьяная дружба не знает границ. А язык проникновенного общения у всех приличных людей может быть только один – французский.

Но это будет потом. А пока надо было опять начинать с нуля. В успешные авантюры Надежда никогда не верила. Но и рожать в Караганде больше не решалась. Так что выбора у меня не оставалось все равно. Сохранялось лишь данное обещание.

Надя осталась дома. До той поры, пока муж на новом месте не обживется. Или не вернется в Караганду с поджатым хвостом.

Со справкой о приеме «на работу и.о. корреспондента» и коробкой шоколадных конфет первым делом я наведалься... в сочинскую больницу. Сладкий презент медсестричке Любаше по фамилии Бельенькая и экспромт в честь... лучшей из армии медиков.

Вывод о ней простой:

нельзя не гордиться Бельенькой,

милой ее красотой... – помогли выбрать нужное направление. В историях болезней нашлись три пожилых «хроника», не навещаемых никем и живущих в центре города. В первой же палате разговор получился конструктивный. С Петром Васильевичем сговорились за плату чисто символическую: продовольственная передача раз в неделю. И – пол-литра в конце каждого месяца.

Хотя против водки я попробовал возражать:

– У тебя же цирроз, Васильич!

– Тогда к себе домой не пуцу! – проявил твердую принципиальность алкоголик со стажем.

Однокомнатная «хрущоба» у Петра Васильевича оказалась запущенной жутко. Не пропитыми оставались только кровать, матрас и тумбочка. Зато ночлег этот на улице Тоннельной был в пяти минутах ходьбы от редакции.

5. ПО СЛЕДАМ «АНТИЛОПЫ – ГНУ»

Покажусь занудным, но повторюсь: почти все, чему мы завидуем, это то, к чему мы когда-то не рискнули устремиться. Посчитали для себя невозможным. Не по Сеньке, мол, шапка. А может, элементарно поленились заглянуть за поворот. Где как раз и поджидала Удача.

– Так не определишь, всегда пробовать надо! – любил вставлять «насилник века», секс-гигант и своего рода мировой рекордсмен Михаил Девятьяров. Тот самый, которого перед расстрелом водили по Алма-Ате на цепи. Что бы хоть таким древним, варварским способом успокоить запаниковавшее население.

Вот мы с Головиным попробовали. Не как Девятьяров, конечно. Погазетному. Особо изощренным, до того в наших краях не практиковавшимся способом. И курортный сервис образца 1986 года маненечко того... изнашивали.

Профессиональные актеры на старинном автомобиле, смахивающем на «Лорен-Дитрих» Адама Козлевича, подкатывали к магазинам и прокатным пунктам, переполненным гостиницам и опоясанным очередями кассам. Служители Мельпомены подобрались как на подбор напористые и даже наглые. Новоявленные комбинаторы козыряли справками, действовавшими на плутоватый торговый люд как удав Каа на обезьянок: «Бендерович Остап Сулейманович является генеральным представителем специального централизованного коммунально-хозяйственного подразделения «Рога и копыта», Главного заготовительного управления Минторга СССР. Наделен ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМИ полномочиями в сфере торговли, бытового, транспортного и гостиничного обслуживания советских трудящихся. При осуществлении тов. Бендеровичем инспекционных, ревизионных и прочих контрольных функций оказывать ВСЯЧЕСКОЕ содействие! Председатель СЦКХП ГЗУ МТ СССР Фукс».

Ну, и множество неразборчивых, зато круглых и с серпом по молоту – печатей! Что окончательно отбивало у служителей самого ненавязчивого в мире сервиса хоть что-нибудь уточнять и перепроверять.

Вытаскивалась из-под прилавков и отпускалась «без наценки» вожделенная колбаса. Исчезали таблички «Мест в гостинице нет». Для отчаявшихся пассажиров вдруг «случайно совершенно» находились билеты без переплаты...

Только однажды наш веселый эксперимент мог закончиться печально. В глухом приморском поселке, которому была потом посвящена глава «Бетта – конец света», наткнулись мы с Юрчиком на ларек, в дислокации торговых точек совершенно не обозначенный.

Кислятина под названием «Жигулевское» явно была «левой», ворованной с Новороссийского пивзавода. Что косвенно и подтвердили четверо угрюмых мужиков с корягами в руках. Похоже, что газетчиков, сующих нос «не в свои дела», собирались не просто побить. Путь к отступлению перегородил автофургон. Не на шутку осерчавшие «теневики» явно готовились закинуть в него предварительно обездвиженные тела.

Дело было вечером. Делать нам с Головиным было вроде бы как и нечего. Загнаны в глухой угол хозяйственной пристройки. Со всех сторон высокий забор. Не перепрыгнешь и не удерешь. От бывалых, судя по всему, азербайджанцев голыми руками не отобьешься.

- Кончаем цирк! – как можно спокойнее и тише постарался проговорить я. И распахнул спасительную милицейскую корочку.

- Догадались, что мы не газетчики? Капитан милиции... Ржевский! (Как же отчетливо и с какой благодарностью опять вспомнились в те мгновения и покойный фотокор Тарасов, и любимый его персонаж!) – А это...

- Майор Головастый! – находчиво и не медля присвоил себе звание повыше солидно выглядевший Юра. – Краевое управление по борьбе с хищениями собственности. Группа комплексной проверки уже в Бетте. Чесать вас будем так, чтобы ни одной вши не осталось!

- А теперь предъявите документки! Живо! – постарался не сбить темпоритм мизансцены приободравшийся «капитан».

- Как это нет с собой? Быстренько принести! Ждем пять минут и вызываем всю опергруппу!

Пять минут мы с Юркой, конечно, ждать не стали. И секунды лишней не задержались. Как только опешившие и встревоженные ларечники удалились в киоск посоветоваться, мы тут же рванули на поиск участкового. Тот, как и положено типичному стражу советского курорта, к закату трудового дня был очень «хорош». Но на ногах еще держался. А когда узнал про наше приключение, вовсе протрезвел. Наверняка, сам отхлебывал из этого «золотого» источника.

Что там дальше было, мы с Головиным так никогда и не узнали. Редак-

ционная «Волга» спешила вслед за «Антилопой Гну-2» вдоль черноморского побережья. Сколько же всякого сладостного и приятного подарили нам те летние вечера на турбазах, в санаториях и гостиницах! Но крепче всего запомнилось, как на обратной дороге наш водитель Сережа «промухал» при развороте здоровенный автобус. И тот на приличной скорости долбанул нас в бок. На доли секунды раньше – и ДТП с несколькими смертельными исходами было бы гарантировано. Но многоопытный Сережа что есть силы даванул на газ, и ударом перекособочило только багажник. Мы отделались ссадинами и шишками.

Реальная близость непоправимого настолько нас тогда взбудоражила, что весь цикл сатирических репортажей мы с Головиным закончили стремительно. Сочиняли в просторной квартире главного в ту пору сочинского фельетониста.

Куда позднее, в пору предвыборную, мутную, больную, сей пожилой господин настолько запятнал свою репутацию постыдными поступками, так прочно связал себя со всякого рода «джинсой», завяз в клеветнической «заказухе», что, щадя его седины, назову только начальную букву известной на курорте фамилии – Г. Просто Г.

Г. подпитывал наше вдохновение баночным «Туборгом», редкостью по тем временам несусветной. Мы хлебали с Юрчиком «Туборг», пьянели больше не от хмеля, а от ощущения сохраненной по слепому случаю жизни и клеймили «отдельные недостатки». Пытаясь, понятное дело, подражать Ильфу и Петрову. Темы скучные и банальные украшали игривыми завитушками типа «Остап любил детей. Там, где побывал товарищ Бендер, через девять месяцев непременно появлялись и дети». Это о работе пионерских лагерей.

Но случались выпадки и просто отчаянные. Замахнулись мы не только на директоров двух курортных гостиниц. Зацепили и целого заведующего общепитом! Из той самой вотчины, где царствовала в свое время героиня крепенькой такой повести Юрия Головина. «Конец Железной Беллы» называлась книжка. Про Беллу Бородинку. Страшнее всех удивившую «под раздачу» в делах «океанских», «мерзловских», «медуновских»...

Эту женщину расстреляли за «систематические хищения государственного имущества в особо крупных размерах». После чего в геленджикских столовых, понятное дело, обвешивать и обсчитывать меньше не стали. Зато партийная пресса проявила последовательность в своей критике. Вернулась к напечатанному. И бесстрашно довела до сведения читателей, что все там же кто-то по-прежнему честно жить не хочет!

Наша с Головиным и господином Г. акция превзошла самые смелые ожидания. «Черноморка» пошла нарасхват и резко увеличила тираж розницы. Главного редактора похвалили в крайкоме. В столичном «Журналисте» на базе наших баечек затеяли большую полемику о пределах и этических нормах провокаций в газетном ремесле. Головину дали то, ради чего он,

собственно, в партпрессе работать и соглашался: квартиру в новой «высошке» на окраине Адлера. А меня, не вписывающегося в курортный ценз оседлости – «доступ к очереди на квартиру открывается лишь после пяти лет проживания в Сочи» – «в виде исключения» и по согласованию с горкомом подселили к двум многодетным семьям в трехкомнатной квартире оборонного санатория «Электроника».

Я еще не успел забрать немудреные свои пожитки из отмытой слегка ночлежки, как замолотил в дверь какой-то милицейский подполковник. Рядом подпрыгивала от нетерпения очень нервная дамочка. С помощью близкого своего знакомого в форме она торопилась «очистить помещение». Оказывается, всего час назад преставился в больнице добрейший Васильич. Совсем не одинокий, как выясняется, человек. Есть у него дочка. Или – была? Ведь не хотела же вспоминать больного отца до той поры, пока он не умер. А теперь вот трясет перед моим лицом какими-то бумажками, что-то кричит, брызгая слюной...

Бедная женщина! Но я ведь своего отца тоже очень долго пытался не вспоминать. Обижался на него, неведомого, незнакомого. Из-за мамы. С которой учитель ботаники и химии Золовкин Алексей Сергеевич встретился в Кок-Тереке.

В тот забытый Богом аул в самом начале пятидесятых отправили после ареста моего делушки не только золотую медалистку и обладательницу красного педагогического диплома Сергееву Надежду Геннадьевну. Был в сугубо казахской школе еще один русский. Преподававший физику и математику. Звали его Солженицын Александр Исаевич. Прибыл он тогда в такую пыльную и знойную казахстанскую глухомань из Гулага. И вызвал у мамы лишь дополнительную тревогу. Любая встреча с бывшим арестантом могла оказаться последней, роковой соломинкой на весах судьбы находившегося под следствием, но затем все-таки выпущенного отца.

– Мама, расскажи мне об этом времени, о Солженицыне, о Золовкине-старшем? – пробовал было подступиться в наше время, в период Утраченного страха. Но мать все равно молчала.

После сорока своих лет, уже в девяносто втором, дал я в «Комсомолку» объявление. Была, а может и остается там славная рубрика «Встречаемся на планете Земля».

– Опоздал, племянник, – огорошит сестра отца, сразу же откликнувшаяся из Новосибирска.

– После матери твоей он уже не женился. Жил несчастливо. Похоронен три года назад в Джамбуле.

Потом придут фотографии. Я распечатаю конверт и вздрогну: как в зеркало гляжусь! В году, эдак две тысячи десятом. Как же мы с тобой похожи, отец! Как минимум, внешне. Прости, что не торопился тебя искать, прости, что опоздал...

А ты не кричи, женщина, не кричи! И без того собирался уходить. И ты иди. Хоть похорони отца по-человечески. Есть у тебя такая возможность, есть. Это единственное, в чем я тебе завидую.

6. ЗА ВОЖДЯ ОТВЕТИШЬ!

К 1988 году «устаканилось» все просто разительно! «Кока-колу» попробовал. «Челюсти» на видео посмотрел – типичный «ужастик». И даже у моря прописался. Так стремительно и так удачно не складывалась моя биография еще ни разу.

А тут еще начальство предложило «поднять читательский интерес к отделу партийной жизни». С неистовым рвением неофита кинулся я переосмысливать коммунистическую нашу действительность. После пары-другой пивка договорился с токарем Палычем, пузатым доморощенным философом, частенько заглядывавшим в редакцию насчет поговорить за Горбачева, перестройку и ускорение. Курортный пролетарий пообещал выразить в своем письме свое уважение «руководящей и направляющей». Но не скрыть при этом личную озабоченность тем, что слишком уж снисходительны к себе отдельные номенклатурные «умы, чести и совести нашей эпохи». Ленинским заветам вопреки, обрастают жирком роскоши. Не пренебрегают двойными стандартами. Бывает – о, ужас! – даже, путают государственный карман с собственным. Что и вынуждает чувствительного и совестливого Палыча воздерживаться от вступления в КПСС.

Дискуссия на тему: «Почему мы такие добренькие?» – к моему собственному изумлению получилось очень даже оживленная. Набирала темп как раз та самая пора, когда народ хлебом не корми, а дай подискутировать. С этой своей рубрикой выезжал я даже в столичную АОН, Академию Общественных наук при ЦК КПСС. К учившимся там землякам-карагандинцам. Миша Сикордин и Витя Назаров, отзывчивые ребята, организовали в своих учебных группах встречи. И мы на полном серьезе обсуждали такие «животрепещущие» темы, как «Может ли коммунист заниматься частным извозом?» и «Совхозное поле или собственная теплица?». Шла как раз очередная

кампания «против буржуазных и частнособственнических тенденций в сельском хозяйстве Краснодарского края». Сторонники очередного раскулачивания из числа будущих партбоссов лили из своей Москвы бальзам на души кубанских функционеров.

Горшкова чуть ли не целовали в крайкоме. Главред сиял. Редакция тут же «пробила» двухкомнатную нам с Надеждой. Она уже была беременна Кирюшкой. Чего, казалось бы, еще надо?

Но эти бередившие душу разговоры с «антисоветчиком» Головиным! Эти призывы и выступления нового генсека! Эти разоблачительные публикации в толстых журналах и книгах!

Все бывшее недавно под запретом читал я запоем. Впитывал жадно, и реагировал шумно.

– Товарищи коммунисты, коллеги! – бестактно нарушал я сон редакционного ветерана Натана Непомнящего на каждом партсобрании. – Или тягостное, позорное партийное прошлое, извлекаемое сегодня из архивов, коммунистическое движение похоронит. Или мы начнем совершенно по-другому, неформально и отзывчиво реагировать на нужды и чаяния трудящихся...

Именно с этой темы: «Что рядового сочинца волнует?» – начинался в погожий летний денек очередной мой прямой эфир на местном телевидении. Уже года полтора вел я там собственную передачу «Театральная 11 «а». С коллегой Наташей Гартунг, переехавшей позднее в Германию, мы напешили немислимый «компот» из представлений местных поэтов, рецептов тортов, аукциона ювелирных изделий, показа моды и диспутов по «текущим острым вопросам». Полтора часа прямого эфира каждую неделю! С активным привлечением зрителей прямо по ходу телеимпровизаций.

И вот стою я, местный «звездун», перед крупнейшим сочинским концертным залом «Фестивальный». И беру интервью у Задорнова. А в мутной от бессонной ночи башке все еще мелькают шокирующие цитаты из неизвестного мне доселе Ильича. До утра читал подборку с его указаниями расстрелять, повесить или взять в заложники.

А тут, как на грех, вклинивается в наш разговор Лидия Лобанова, секретарь сочинского горкома КПСС по идеологии и пропаганде. Солдная такая тетечка, и сейчас двигающая какую-то там общественную работу местного уровня. А тогда она наблюдала за диалогом у «Фестивального» из центральной сочинской студии.

– Не забывайте о главном, товарищи! – заботливо нацелила нас с Задорновым секретарь. – Ведь что на самом деле волнует и тревожит сегодня местное население? Неудовлетворительное положение дел с наглядной агитацией, товарищи! Нам пишут, звонят. Жалуются народ, что много на курорте выцветших и даже порванных транспарантов, плакатов...

Но самое тревожное – не всегда есть свежие цветы у памятников Ленину. Кое-где даже краска на нашем вожде облупилась!

Я недовольно хмыкнул. И не потому даже, что живо представил то место, где облупилось сильнее всего. Нарушалась джентльменская договоренность. Согласно которой голос партии должен кратковременно звучать лишь после того, как перейдем мы к теме многолетних, малообеспеченных семей. Надо было как-то к этому и выкруливаться.

– Михаил, – вкрадчиво спросил я эстрадную звезду, – действительно ли так важна для нас всех наглядная агитация?

– Ну-у, не знаю, – дипломатично уклонился от щекотливого тогда еще вопроса Задорнов. – Она должна, наверное, быть. В разумных пределах. Но вряд ли, прочитав очередной призыв, народ задерет штаны. И быстрее, чем было, рванет к новым свершениям...

– Вот видите, Лидия Михайловна! – воодушевлено подхватила я. – Может быть, для повышения авторитета компартии сейчас куда важнее забота о считающих копейки семьях, а? Тут у нас за спиной Лена и Виталий Корабельниковы. А рядом с ними Сережа, Володя, Таня, Петенька и совсем уж крохотная Настюшка. Для которой даже коляску купить не на что. А наш горком только в этом году планирует потратить на лозунги, плакаты и памятки около сорока тысяч рублей. Если бы хоть половину этих денег мы, коммунисты, отдали остро нуждающимся, разве бы авторитет партии в глазах общества не поднялся бы?

Задорнов, откровенно до этого скучавший, сильно оживился и одобрительно закивал головой. И тут ведущего, вниманием эстрадной знаменитости польщенного, его поощрительным взглядом приободренного и, повторяю, все еще не отошедшего от прочитанного ночью, дернула нечистая высказать фатальное суждение:

– Вот превозносим мы Ленина. Цветы каждый день у подножия обновляем. А вдруг уже скоро выяснится, что поклоняемся фальшивому идолу? А то и политическому преступнику?

Что тут началось! В ПТС, передвижной телестанции, зазвенело и ухнуло. Оказалось, добрейшая и впечатлительнейшая наша режиссерша упала в обморок.

Даже на мониторе было видно, как Лобанова пошла малиновыми пятнами. Прямой эфир продолжался. Минут десять секретарь горкома выдавала заведующему отделом партийной жизни «Черноморки» очень цветистую характеристику. Наиболее корректными из эпитетов были «идеологическая незрелость, враждебное влияние, политическое вырождение».

Таким бумерангом ко мне возвращались штатпы, которыми в свою пору разбрасывался и я. Не было, пожалуй, здравницы, открытой летней эстрады, школы, училища, где не выступал бы автор этих покаянных строк с «публичной платной лекцией» на тему «Диверсия в стиле «диско». Достаточно популярное получалось шоу. Родившееся на основе переводов некоторых заграничных пляжеров «не нашей» ориентации. Еще с Володей Тиссенем,

царствие ему небесное, обратили мы внимание на некоторые ироничные, насмешливые шлягеры «Бони «М» и «Чингиз-хана». Типа песенки «Распутин» или «Казачок». С пятого на десятое перевели и чуть не задохнулись от возмущения. Ну просто издеваются, гады, над родной державой!

Уже в Сочи, уже в «городской комплексной комиссии по приему сценариев дискотек» я добавил к своему архиву запись музыкальных фрагментов с «пропагандой войны, насилия и нравственной распущенности». На общественных началах принялся в школах рассказывать и даже демонстрировать на компактном своем «Спутнике» «образчики подрывной музыкальной продукции». Подкрепляя эту искреннюю свою галиматью цитатами из настольной «Библии пропагандиста», книги Яковлева «ЦРУ против СССР».

Настолько в «жилу» попала эта тема, что общество «Знание» сделало эту дурную, как позднее сам осознал, работу платной. На пике лекторской моей популярности даже девятое управление КГБ, это самое главное и могущественное на правительственном курорте подразделение, заказало меня в самом лучшем смысле тогда еще не затасканного и не окровавленного слова. После «подписки о неразглашении» по всем госдачам ЦК КПСС, от Туапсе и до Батуми, возила «борца с идеологическими диверсиями» «Волга» с офицером за рулем.

Было межсезонье, поздняя осень. Виллы пустовали. Многочисленная, откормленная, розовощекая обслуга за высоченными заборами изнывала от безделья, охотно аплодировала, сытно и вкусно угощала, совала мне в портфель мандарины из безграничных, густо усыпанных плодами садов.

Каждая такая лекция давала «навар» в 6 рублей 60 копеек. На этом меня и зацепили. Сразу после телескандала специальная комиссия от горкома пересчитала все мои путевки за последние годы. И сверилась с ведомостями по сдаче взносов. 17 копеек, как выяснилось, от партии я утаил.

– Совместимо ли это с ответственной и высокой должностью руководителя ведущего нашего отдела? – гневно вопрошалось на редакционном собрании.

Через неделю – «персональное дело на бюро райкома». К 17 копейкам было добавлено еще 5. Но за них действительно было тошно и стыдно. Попался в московском метро как самый распоследний жлоб. Пытался, как и не раз до этого, проскочить мимо турникетов на халяву. Но постовой линейного отдела по фамилии Комаров оказался самым бдительным. Усек, что ментовская «ксива» моя устарела.

Предложить сержанту денег мне, самому никогда взятку не бравшему, просто в голову не пришло. Составили в отделении протокол изъятия... И в самое «нужное» время он пришел в «Черноморку».

Другой Комаров, пожилой, теперь уже покойный Анатолий Михайлович, на правах секретаря «первички» повел меня, понурого, на суд долгий, неправый и мучительный. Как же чехвостили на бюро за «нравственную

нечистоплотность», «жажду к аморальной наживе», «нарушение партийной этики» и, конечно же, «использование фальшивых документов!» С гневом и пафосом прорабатывали те самые ребята, что через пару лет с головой уйдут в «бизнес по-русски». Один потом попадет на подделке финансовых документов тысяч эдак на сорок. Долларов. Другого уличат в присвоении нескольких миллионов. Бюджетных рублей.

Но это будет потом. И с ними. А сейчас и со мной происходила какая уж по счету нравственная катастрофа. От позора готов был провалиться сквозь землю. Думал, заслужил, получай нотацию! Но чтением морали не ограничилось. По совокупности деяний вкатили мне и за «зайца» и за 17 копеек «строгач» с занесением в учетную карточку!

Читателю, далекому от «Устава КПСС» и «Морального кодекса строителя коммунизма», это ни о чем не говорит. Но бывалые помнят: надо было хату спалить, жену покалечить или секретарю горкома на ботинок плюнуть, чтоб на такое тяжкое наказание напроситься. Хуже могло быть только исключение из рядов...

Вновь, как и после милицейского взыскания за пустячок, ударила в голову жуткая обида. Было по вискам ощущение очень неправильного, совершенного предвзятого и даже подлого. Перемкнуло настолько, что хотел швырнуть партбилет под ноги своим безжалостным судьям. Но хватило ума понять: будет выглядеть как бабская истерика, как признание той великой вины, что мне здесь приписывают. Вот снимут через год несуразно суровое наказание – можно и нужно сказать предавшей тебя партии «гуд бай».

Так думал я мстительно, по нынешним оценкам – смешно и мелочно. Но даже когда через год, в девяностом, демонстративно и с вызовом, сдавали мы с Эммой красные свои книжицы, было неуютно и больно. И оттого, что еще не было путча, и способна еще была показать свои зубы партия. И оттого, что целых 15 лет отдавал, слепец, этому «передовому отряду» не только деньги, но и веру в большое, благородное и справедливое дело.

И неизвестно еще, перестал бы я ощущать себя «этой силы частицей», если бы не последний «взвезд», вколотенный сразу после бюро в редакции. Главного нашего, всегда такого мягкого, безвольного, даже аморфного, было не узнать. Владимир Горшков звучал жестко, резко и коротко:

– Опорочившим честь коммуниста и позорящим святое имя Ленина не место в партийном издании!

Меня, любимого, трижды кубанским «золотым пером» помеченного, начальством регулярно поощряемого, уже с треском уловили. А я все еще не мог этого понять.

– Посторонних прошу покинуть журналистское сообщество! – ледяным тоном подсказал Владимир Захарович. В Круглом зале с огромным полированным столом, в точности копирующим тот самый знаменитый,

О-образный, что стоял на Ялтинской конференции во время войны, сделалось нестерпимо тихо.

Друга к тому времени в Сочи уже не было. Головин со скандалом уволился, оставив бывшей жене Тае новую квартиру. И с будущей, Ренатой, отправился покорять Москву.

Все остальные, столь сплоченные, как мне наивно казалось, нашими частыми и задушевными возлияниями, подавленно молчали. Сидели, потупив взор. Только Ира Тодоренко, с которой я толком и знаком-то не был, охнула мне вследа:

– Да что это мы делаем-то! Разве можно так?

– Можно и хуже! – «обнадежит» вскоре знакомый майор «с Театральной». Контора у курортной госбезопасности символично располагается рядом со студней телевидения. У нас была, как я уже говорил, популярная «развлекательно-познавательная передача «Театральная, 11«а». А на Театральной, 10 разыгрывались свои сценарии.

Помнится, оперативник Игорь Комаров, сын партийного вожака редакции, пригласил меня на встречу у кинотеатра «Спутник»:

– Мы будем в красном «Жигуленке». Предстоит интересный и важный разговор.

Салон старенькой машинешки с неприметными номерами был наверняка оборудован для звукозаписи. Поэтому Игорь и более старший чин, традиционно представившийся «Иваном Ивановичем», так настойчиво и неоднократно подчеркивали всю «неформальность и необязательность беседы».

Начали издаലെка. О «хорошей репутации», которую я так быстро успел завоевать в «непростом городе». О «возрастающем брожении» в умах «идейно неустойчивых людей, поддающихся под тлетворное влияние». О «верно политически ориентированной» моей лекции. О достоинствах журналистской профессии, позволяющей «контактировать с неограниченно широким кругом лиц».

Подход был совершенно понятен и примитивно прост. Такое многим в стране Советов знакомо. Уже после следственной своей службы в милиции допустил я оплошность, прочел вслух свой любимый рассказик взводу слушателей карагандинской высшей...

Рассказ до того никому и никогда не показывался. Тема была уж слишком запретная, засекреченная. Про то, как отставной полковник утро берет на заметку странноватого, очень одинокого и нелюдимого соседа. За которым периодически и только глубокой ночью приезжает загадочная машина.

После возвращения в квартире – трехкомнатной на одного! – даже днем не гаснет свет. И сутками слышится «Реквием» Моцарта.

Заинтригованный «сыскар» пытается войти в доверительный контакт с незнакомцем. Ничего не получается. Пока таинственный сосед однажды сам

не ошарашивает полковника вопросом для особо посвященных: «Вы ведь в управлении «А» служили?»

Потом за бутылкой в парке начинает облегчать душу. Шепчет, озираясь, полковнику про то, какой у него особенный сосед. Единственный в своем роде на весь регион. Один из пяти в Союзе. Образцово-показательный исполнитель смертных приговоров. И как с первого раза, правильно, точно и чисто, попадает этот бывший биатлонист в нужную точку на затылке. С пяти шагов. Из своей ниши, упрятанной в темноте. Пока мимо палача идет к свету в конце тоннеля очередной приговоренный. И как жена, что-то, якобы, жуткое в муже учув, недавно бросила его. Не поняла, дура, какой блистательный карьерный рост ему предстоит. В каком почете и в каком уважении он находится.

Мой полковник не без внутренней дрожи выслушивает всю эту сбивчивую, горячечную похвалбу. И становится свидетелем того, как палач начинает расстреливать мишени в тире. Каждый раз, почему-то, попадая не в специальный кружок, поворачивающий забавную мордашку клоуна, а именно в ту часть жестяного затылка, на которую десятком минут ранее указывали сильные и нервные пальцы.

Никогда больше герой моего раннего, еще 1976 года, рассказа, соседа не увидит. В опустевшую квартиру въедет молодая семья: мама-хохотушка, сынок-карапуз и жизнерадостный паренек с колодкой мастера спорта по стрельбе.

А еще через несколько лет бывлые сослуживцы специалиста по агентурной работе перескажут шепотом содержание одного необычного рапорта. Начальник следственного изолятора передал по инстанции, что бессменный исполнитель «СК» – смертной казни – после очередного задания и с помощью своего рабочего инструмента системы Макарова проделал себе девятимиллиметровую дыру именно в затылке. Оставив посмертную записку следующего содержания: «Так ли все правильно у нас, если я нужен до сих пор?»

Я особенно гордился последней фразой. Она казалась мне такой смелой. Даже крамольной.

Уже на следующий день примчался в корпункт юркий курсантик. И попросил копию «Редкой профессии» для «наших ребят». Которые «восхищены вашим, Сергей Алексеевич, писательским талантом. И поражены необычностью сюжета».

Расцвел я, как та ворона... И чуть было «сыр» не выронил. Но вовремя спохватился и «клюв» защелкнул.

– Ну, тогда хоть на магнитофон запишите! Для нашего музея! – не унижался паренек, доросший впоследствии до солидной должности в КНБ, Комитете национальной безопасности Казахстана.

Но в музее родимой высшей свой след в виде выпускного фото лопухо-

го «краснодипломника» я уже оставил. А начинать журналистскую карьеру с больших неприятностей активно не хотелось.

Тогда приехал «дядя» курсантика. Судя по всему, куратор из горуправления. Легендировал себя как литератор, вхожий в самые уважаемые столичные журналы. Потом завел старую пластинку. Насчет недопущения такого смертного греха, как зарывание таланта в землю...

– Вы там что, на меня уже оперативно-профилактическое дело завели? – глядя в голубые честные глаза «Ивана Ивановича» вынужден был спросить я.

– Вопросы не понял! – не моргнув и не дрогнув профессионально среагировал «опер».

– Да ладно вам, ребята! Я бы и рад помочь, но... В общем, потерял я свою пачкотню! Как только выехал из ВШ и... Жалею – страшно! Восстановить? Как? Не помню уже ничего. Да и газетная текучка заела. Персональные задания из Центрального Комитета... Вы же понимаете?

Вроде бы поняли. Отстали.

Второй в моей жизни вербовочный подход осуществлялся явно не на компромате. На идейной, так сказать, основе. Поэтому и спрашивать можно было прямо:

– Вы, что, мужики, в агенты меня записать хотите?

Игорю и его шефу ничего не оставалось делать, как застенчиво улыбнуться. Признавая, что «настоящих друзей» у ГБ среди журналистов становится меньше, чем хотелось бы.

На том и расстались. А теперь вот на «добровольной основе» безрадостную информацию поставлял мне «дружески расположенный» майор госбезопасности. По его словам, моя «детская выходка» в пятом, «идеологическом», управлении незамеченной не осталась. «Есть мнение»: гнать этого болтаивого грешника из субтропического рая куда подальше. Но не грубо, не откровенно, не сразу. Завуалированным «методом выдавливания»

– На товарной станции были? – участливо спрашивал офицер. – И туда не ходите. Даже вагоны разгружать не возьмут.

– А что делать тогда? Сыну второй год. У жены здоровье слабое...

– Да возвращайтесь вы домой, в Караганду! – хлопнул по коленке «доброжелатель». – Там родители твоей жены. Надежда Васильевна по ним постоянно скучает. А тут рядом будете!

Что же до Сочи... Хорошей погоды у Черного моря больше вы, Сергей Алексеевич, никогда не дождетесь. Это я вам как лучшему другу говорю.

7. СОБОЛЯ ДЛЯ «АНКИ-ПУЛЕМЕТЧИЦЫ»

Империю корежило и ломало. Ее, как табуретку, выбили из-под моих ног. По-мандельштамовски, «под собою не чуя странь», задышался вчерашний везунчик в петле безжалостных обстоятельств. Казалось, финиш! Обижен, растоптан, размазан по стенке...

Но когда становилось совсем неважно, вспоминался один и тот же анекдот – дамочка с «фонарем» под глазом жалуется подруге:

– Первый муж лупил. Второй был не лучше. Третий тоже кулаки распускает. Что делать?

Мудрая подруга советует:

– Поищи причину в морде!

И то верно. Разве не сам напросился? В который уж раз. Но почему не грызет ощущение вины? Почему осталась гордость за себя? Да потому, что пересилил ведь себя, блин! Переступил через собственный страх. Загнал его туда, куда и положено. Сказал прямо то, что думал.

Но дальше-то что? Правду ведь на хлеб не намажешь. А семью кормить надо...

Самоедство прервал телефонный звонок:

– Золовкин? Интересное у вас кино получилось! Всякое про Ленина видел. Такое – в первый раз. Понравилось! Приходите, потолкуем насчет работы.

Так я и познакомился с Валерием Удаловым. Личность на курортном Юге более чем известная. В молодости два брата Удаловых «держали верх» в Мацестинской долине. Слыли Валера и Саша отчаянными забияками и бесстрашными драчунами. Потом остепенились. И старший стал заведовать

вагоном-рестораном. Клондайк! Золотая жила! Отстегивай мзду кому надо, откладывая себе на спокойную старость и не высывайся.

Но натуре беспредельно энергичной и в чем-то даже авантюрной даже на необъятных просторах МПС было тесно. Хотелось чего-то нового и неизведанного.

Напросился.

Проиграл Валера в карты деньги даже для заведующего рестораном неподъемные. Пообещал вернуть через год с процентами. Так и сделал. Но для этого пришлось уехать в пустыню, ловить там змей, сдавать яд...

Там же, в Туркмении, Удалов изучил до тонкостей технологию выделки овечьих шкур. Вернулся в Сочи портным высочайшего класса. После чего на одного подпольного «цеховика» в СССР непременно стало бы больше. Но тут дали немного воли предпринимательской инициативе. Валера организовал швейный цех при городском управлении бытового обслуживания. Допустив одну ошибку. Для советской системы хозяйствования действовал чересчур эффективно.

Уже через год крохотное хозрасчетное предприятие стало производить и зарабатывать вавое против огромного комбината. Нагрязнул ОБХСС. До суда и тюрьмы дело, правда, не дошло. Вмешалась «Литературка» с Аркадием Ваксбергом. Выход полосного очерка совпал с горбачевским призывом развивать кооперативное движение. Первым на черноморском побережье под это рискованное дело подписался, конечно, Удалов.

– Значит, на ты? – быстро определился Петрович. – Будешь у меня заведующим по маркетингу!

– Заведующим по чему?

Неподъемный «Капитал», как и вся марксистско-ленинская политэкономия, выносились в КВШ на государственные экзамены. Но про всякие там маркетинги и прочие атрибуты рынка даже отличники имели самое смутное представление.

– Маркетинг – это... Ну, в общем, надо будет действовать по ситуации! Сейчас вот большой кооператив создавать будем. Я его «Звездой» хочу назвать. Твое мнение?

– Может, «Советская звезда», Валерий Петрович? Чтобы идейно выдержанно, значит. Патриотично. В ногу со временем. И с властью проще будет дело иметь...

– А что? Принимается! Начнешь оформлять фирменный стиль этой самой «Советской» после первого задания! Вот тебе немного денег, – Удалов выгреб из ящика своего рабочего стола целую гору купюр. Столько я не видел даже после удачных обысков на квартирах подозреваемых в злостных хищениях социалистического имущества!

– Сам посчитаешь. Должно хватить. Не хватит, протелеграфируешь. Короче, я, конечно, справки про тебя наводил. На дурака, вроде бы, не похож.

Надеюсь, просто искренний до идиотизма. Это как раз и хорошо: обманывать не будешь.

Надо смотаться в Алтайский край! Набрать там хорошего меха. Выставка моды в Австрии намечается...

Жизнь опять смахивала на цветной и приятный сон. Стартовая зарплата в 500 рублей втрое превышала мою самую высокую журналистскую. А эти, полученные без всякой расписки 15 300 рублей! Кто такие деньжищи отдаст первому встречному? Не похож я, значит, на законченного неудачника, а!

Куда позднее, правда, Петрович признался: знал он, и всегда знает, сколько кому на какие расходы выдает. Но рискнул:

– Не проверишь, не проверишь.

И куда теперь ехать? К кому? Как потом с пушниной возвращаться? Да и смогу ли я купить то, что надо? Все мои познания в мехах ограничивались «песцовым делом». Я ведь норку от горностая не отличу!

Удалов к тому времени интерес ко мне уже потерял. Другими делами занялся. Дозванивался до Краснодара. Насчет дешевой и прочной ткани «Кубаночка». Без нее встанет цех, иссякнет приток этих мятых, приводящих меня в трепет купюр. Основная часть бизнеса Валеры держался в ту пору на легких и прочных плащах из «Кубаночки». А также на «Красной лихорадке». В нашем кооперативе назывались подобным образом простые, как два прилопа, платица. Скомбинированные из нескольких хлопчатобумажных тканей. И – бельевой веревочки вместо пояска. Ярко, дешево, сердито. И уходит «влет!» Чуть ли не половина сочинских отдыхающих конца восьмидесятых дефилировала вдоль моря именно в таких разноцветных одеяниях.

– Все еще здесь? – изумленно оторвался от трубки Удалов. – Не справишься?

– Да нет, чего тут сложного-то. Съездил, нашел, привез. Уточнить хотел. К какому числу надо?

– К позавчерашнему!

Мамочка моя родная, во блин! Самолета прямого до Барнаула нет. Только через Москву. Вечерний рейс. Значит, до Юрки придется добираться ночью. Чем, в случае чего, подотчетную сумму защищать? Можно, конечно, взять отвертку. Серьезный инструмент. Если нормально заточен. Не подпадает под статью за хранение и ношение холодного оружия. В чем-то опаснее ножа: входное отверстие еле заметно, внутреннее кровоизлияние – интенсивное. Пострадавший теряет силы, а то и умирает довольно быстро. Но я же не гоп-стоппик какой-нибудь вагонный. Это Саша-Кабан отвертки предпочитал. Главарь поездных разбойников. Загубивший четыре невинные души.

Нет, мы люди мирные. Но «бронепоезд» наш, много лет пылившийся на «запасном пути», в чемодане с милицейскими фотографиями, на букет незабудок, все же, не смахивает. Занятную штучку кто-то выточил из крепко-

го, как металл, пластика! В полумраке сойдет за револьвер системы мистера Кольта. Но имеет несколько отверстий в изящно выгнутой рукояти. Вроде бы – декоративное украшение. На самом деле – замаскированный кастет. Удобен и страшен в рукопашной. Еще в высшей школе, на последнем курсе, с земляком моим Ренатом Шокаевым, дослужившимся в Казахстане до больших командных высот в спецвойсках МВД, пришлось отбиваться от четверых пьяных оборотов. Опасную эту штуковину могучий Ренат перехватил у самой моей челюсти. Кисть у налетавшего сбоку хулигана треснула. И своего предмета ударно-раздробляющего воздействия он лишился.

Под статью с такой игрушкой даже предвзято настроенные эксперты не подведут. С таким же успехом можно отнести к холодному оружию и кирпич. Выбор сделан. Отбиваться есть чем. Деньги в специальную жилетку под рубашкой разложены. С Богом!

Пока пробирался по спящей столице до Головина, взмок – как лишь однажды до этого. Тогда мы еще курсантами по жаре, в противогازах, с автоматами и в костюмах химзащиты пятнадцатикилометровый марш-бросок осуществляли. А теперь у Юрки и беременной его Ренаты глаза на лоб полезли, пока я из кармашков вытаскивал пачки, пропитанные насквозь потом. Выложенные для просушки сотенные, полтинники и четвертные устилали все свободное пространство в крохотной однокомнатной «хрущобе» близ метро «Щукинская».

Но это был нужный, спасительный страх. Только добавлявший изворотливости.

– Девчата! – выставил я бутылку столь дефицитного тогда шампанского в меховом отделе барнаульского универмага. – Самым ярким красавицам – от чистой души! И с надеждой на посильную вашу помощь.

В ЦУМе было пустынно и дремотно. Редкие посетители не задерживались перед убогими прилавками. Времени у скачующих продавщиц было навалом. А рассказ у меня получался жалостливый. Стопроцентно честный. Ибо опыт, сын амурных моих ошибок, болезненных и трудных, давно уже доказал мне всю бесполезность вранья женщине. Щелкает «слабая» половинка «сильную» как орешки. Но не в силах устоять перед искренностью. Вот и пили мы под горестную исповедь простака. Получившего в руки Жарптицу. И не знающего, как ее удержать.

– Так хочется сделать все на высшем уровне, девчата! Но все то, что у вас здесь висит и пылится, разве можно предлагать буржуям в Австрии? – уточнял я в обеденный перерыв.

– Нет, нельзя это надевать приличному человеку даже в Цурипопинске! – горестно вздыхали Лизочка, Сонечка и Эллочка. Запивая в своей «подсобке» третьим по счету «полусладким» конфеты и зефир, добытые мною в ресторане.

Так и добрались мы до обнадеживающего открытия. Оказывается, «кон-

диционной), то есть отменно выделанной пушнины, на Алтае и впрямь завалились! Но только не в магазинах. Осторожный и дальновидный промысловик не хотел иметь никаких дел с разваливающимся государством. Ведь за добытое «мягкое золото» получал он в заготконторах стремительно обесценивающиеся бумажки.

– А чего охотнику надо? – подсказывала самая старшая и самая знающая Элла. – Индийский чай ему надо. Водки...

Это все мне было понятно и знакомо. Еще в Казахстане, еще в пору такого надежного и вечного, как нам казалось, «развитого социализма», на вызова в степь и на отгонные участки животноводства следователь без «трех слонов» иркутской фабрики не выезжал. На пару пачек чая можно было свободно обменять откормленного и уже разделанного барашка.

Но время, как оказалось, внесло настораживающую новизну.

– А главное, без чего тебе, Сергунчик, к охотникам соваться нечего, – заговорщически подмигнула Эллочка, – это...

– Ты с ума сошла! – совсем некстати возмутилась идейно выдержанная и очень осторожная Сонечка. Она была секретарем комсомольской организации универсама. У Сони, как и у политического клоуна, к тому времени только начинавшего свои гастроли, папа оказался юристом. А мама готовилась к переезду на историческую родину, в Израиль. Приходилось быть настороже.

– Хватит болтать! – пресекала она недозволенные речи. – Подведем человека под суд. Тогда уже нам всем придется отвечать!

Так и не выведал я ничего более про страшную тайну охотников-промысловиков. Но в ближайшей «Закусочной» сразу все прояснилось.

– Третьим будешь? – проверили на «вшивость» работяги из какого-то «почтового ящика». И окончательно прониклись доверием к командированному после того, как я у них же, не торгуясь, купил бутылку заводской самогонки. Получаемой прямо на производственной территории. Из «секретного прибора оборонного значения».

В стаканы из-под компота разлил идеально поровну. Это добавило и уважения, и доверия. Можно приступать к бартеру.

О древнем натуральном обмене под прикрытием новомодного заграничного словца говорилось тогда уже повсюду. Вот я и обменял спиртное на ценную, но весьма небезобидную информацию. Оказывается, тайга задыхается без патронов! Не простых, охотничьих, которых все еще хватало. Профессионалам позарез нужны боевые, «калашниковские». Калибра 7,62. Для карабинов, способных издаലെка валить большого промыслового зверя.

– За «цинку» в Горном Алтае тебе хоть черта лысого отдадут, – вразумляли после второй «заводской» мужики. Но во мне оживал следователь. Тоскливо примеряющий на себя обвинения в незаконном приобретении,

хранении и ношении боеприпасов. А также нарушении государственной монополии на пушнину.

Можно и даже нужно было возвращаться в Сочи. Не солоно хлебавши. Зато в тесной дружбе с Уголовным кодексом. Вряд ли за это упрекнет меня Удалов. Человек он не только предприимчивый, но и осторожный.

Но что, если сорвется тогда первая в истории Сочи международная выставка моды! Не останавливаться же на половине пути? Сам себе потом не простишь.

Так, продолжая внутреннюю борьбу между нравственным и рациональным, наткнулся я на прапорщика с прочной военной фамилией Надолба. По имени-отчеству звали его Василий Трофимович. В первую половину рабочего дня у этого лысенького пузанчика с пышными буденновскими усами читался на вечно потном лице вопрос: «Что бы еще стащить?» К вечеру проявлялась мысль: «Как незаметнее вынести?»

Две эти глобальные проблемы избородили сократовский лоб Трофимыча. Пиал он так же обстоятельно, как и думал. Только на третьем полулитре приступил прапорщик к лирическим экскурсам из армейского своего прошлого. И – еще одна улыбки Фортуны! – упомянул несколько знакомых мне фамилий из Южного военного городка столь далекого от Барнаула Аягуза.

Допивали у Трофимыча дома. Жена ушла к командиру роты полтора года назад. Так что на фоне того приюта, в котором обитала жертва американского капитализма и профессиональный безработный Маури, в свою пору даже отдыхавший бесплатно в палате-люкс сочинского санатория «Металлург», «коммуналка» армейца смахивала на декорацию к «Оливеру Твисту» или «Генералам песчаных карьеров».

Но что есть для разогревшихся русских душ паутина по углам и пустые бутылки на столе? Сдвинули стеклотару, сварганили яишницу на столь обожаемом Надолбой украинском сале, сорвали «бескозырки» у купленной в такси водки...

Поутру с дюжиной горячительного прибыли к тому самому женокраду. Дар от чистой души командир роты принял по-офицерски. Без жеманства и церемоний. И уже после первого стакана принялся налаживать военную свою связь с каким-то Кош-Агачем. Куда к послезавтрему, «ровно в тринадцать ноль-ноль» нам с Надолбой и надо было прибыть. Но уже с двумя ящиками водки. Только потом на полученном у зенитчиков гусеничном бронетранспорте можно будет следовать «в направлении заданного лесного квадрата».

Взять хотя бы рубль принципиальный Надолба отказывался:

– Тогда получится корысть и трибунал. А так – дружеская выручка и землячество.

Два «цинка» и патроны россыпью в старой офицерской фуражке как-то

незаметно материализовались в нашем защитного цвета «УАЗике» на исходе очередной «Столичной». Все это время, оказывается, «вещественные доказательства умышленного преступления по предварительномуговору группой лиц» побрякивали в хитром устройстве за сиденьями. В случае любого намека на опасность бывалый Трофимыч дернул бы специальный трюстик. В днище распахнулся бы лючок...

Доказывай потом, что валяющиеся на дороге боеприпасы имеют отношение к доблестному заместителю начальника по арттехвооружению войсковой части номер такой-то...

Все последующие воспоминания автору представляются причудливыми фрагментами многосложной конструкции. Лишь малыми частями своими проступающей из густой дымовой завесы. Вот мы трясемся в чреве гусеничного бронетранспортера. Зубы бьются о край стакана. Водка льется за воротник. Опять намокнут купюры! Как же тянет потолковать с милейшим Трофимычем насчет того, что, деньги еще как пахнут. Просто воняют! И потом, и страхом, и спиртом. Но грохот стоит в боевой машине. И к тому же, не настолько я еще пьян, чтобы утратить остатки бдительности. Половину денег оставил в камере хранения на вокзале. И даже успел позвонить домой продавщице Элочке:

– Через неделю не объявляюсь, пусть ищут через таких-то...

Впрочем, мы пробираемся сейчас через глухое ущелье. В котором найти тело ограбленного авантюриста не сможет никто и никогда.

Дальше – фантастическая, звенящая тишина. Отрезвляющей чистоты и свежести воздух. Поляна в окружении кедров. Бронзоволицый – вылитый Дерсу Узала – мужичок с трубкой поджал под себя ноги у очага. Низкая охотничья хижина из камней. Молодая женщина у котла. Вторая за что-то распекает целый выводок ребятни: мал-мала-меньше. Третья стирает в оцинкованном корыте.

– Сестры твои, Адар?

– Жёнки!

– Три жены?

– И у тебя три будет, знаю...

– Откуда ты можешь знать, Адар? Что ты можешь увидеть из этой глухомани?

– Все вижу, Сергей. Все на этом свете знаю. Шкуру медведя хочешь?

– Зачем мне шкура медведя, Адар? Соболя дашь? Горностаю дашь?

– Мы же договорились. Хорошего гостя привез... Ты пей, Трофимыч, пей! Чай привез. Главное, патроны привез. Что еще надо? Ты закусывай, свежее мясо, хороший был медведь. И не предлагай мне больше денег, ладно. Зачем они мне здесь? Женки есть. Сыновья есть. Патроны тоже теперь есть. Что еще надо?

Вернувшись в Барнаул, прикупил у девчат в универмаге каракульчи для

намечавшихся в экспозиции казачьих шапок. Потом познакомился с вежливым, «умеренно выпивающим» прорабом Василием Матвеевичем. Тот после бутылки и пяти червонцев свистнул со своей строительной площадки Ваню Гаськова, паренька, хваткой деловой сильно горящегося.

– До Сочи? – прикинул водитель самосвала. – Триста рублей и три поллитры!

И присел от собственной «наглости». Быстро поправился. – Круто заломил, да? У меня еще контейнер есть. Ничейный. На товарной станции.

О, эти чудные, жуткие, и безвозвратно минувшие времена пропойной щедрости за чужой счет! Старенький «трехтонник» всего лишь после литра «беленькой» в ночной привокзальной сторожке мы и впрямь сделали ничейным. Накрепко заварили по шву электросваркой забитый добром железный ящик. Закрепили контейнер в овальном кузове самосвала ЗИЛ-130.

– Каждый сэкономленный час – лишний червонец! – пообещал я Ване Гаськову. И поступил опрометчиво. Ваня гнал по алтайским колдобинам и буеракам с таким алчным азартом, что к исходу первого дня ничего из того, что называется филейной частью, не ощущалось.

– Вань, передохнем хоть часик-другой! – взмолился я на границе между Азией и Европой.

– Ага, двадцатник потерять! – скосил покрасневший от бессонницы и утомления глаз алчный земляк Шукшина.

Сговорились на «четвертной». За три часа стоянки. Добрались же до Сочи всего за трое суток. И три четверти выделенной на расходы суммы я вывалил из-за пазухи Удалову на стол. Тот и бровью не пошевелил. Но чувствовалось – доволен!

Потом в некоторых отечественных и зарубежных журналах появились фотографии манекенщиц кооператива «Советская звезда» и сочинского Дома моды Людмилы Ивановой. Коллекцию из кожи и меха отметили на той австрийской выставке дипломом. Тема нашей экспозиции была пропитана «романтикой» гражданской войны. «Анка-пулеметчица» дефилировала по венскому поддуну в буденовке и кожаной «чекистской» тужурке, отделанной соболями. Запад не ужасался. По-детски радовался перестройке, рукоплескал и давал хорошую прессу. Ведь бизнес по-российски едва только начинался. Тогда он мог насторожить или напугать лишь тех, кто был с ним рядом. Или – внутри него.

8. ЛОВЛЯ НА ЖИВЦА

Валентин Сидоров, не тот, который писатель, а завхоз нашего кооператива, прекрасно разбирался в тканях и коже. А я, как мне тогда самоуверенно казалось, знал толк в людях. Подобное сочетание нас двоих чуть и не погубило.

Началось же все со случайного знакомства в Стамбуле. По делам «Советской звезды» успел я там побывать раз двадцать: фурнитура, сырье, ювелирные изделия...

В дешевенькой гостинице для «челноков» познакомился с неким Костей Кулаковым. Был он под стать своей фамилии: крепко сбитый, бывалый, воевавший, по его словам, в Афгане.

Нет, я понимал, конечно: внешность бывает обманчива. Однажды в частном ресторанчике на Покровке Удалов едва заметно кивнул в сторону мужичонки, смахивающего на провинциального бухгалтера: мешковато сидящий костюмчик чуть ли не фабрики «Большевичка», старенькие кругленькие очки... Сидит в уголке эдакая тухля и ковыряется в парной телятинке.

– Это ж сам «Рэмбо»!

Ни фига себе! Многие предприниматели, и не только в Москве, содрогались при упоминании этой клички. Свиреп и безжалостен был вымогатель и главарь разветвленного преступного сообщества. Находящийся как раз в тот момент вроде бы как в розыске за очередное убийство. Но спокойно обедающий в самом центре Москвы.

Позднее Рэмбо будет застрелен другим бандитом, Солоником, вроде бы. Которого, в свою очередь, придушат в Греции.

Вот и нас с Сидоровым, хоть и не рэкетирь мы, не сводники, вполне даже могли придушить. И – концы в воду! В самом прямом смысле этого не приободряющего слова. Но все по порядку.

Отношения мои с Кулаковым были почти приятельскими. До поры до времени ни к чему не обязывающими. Пару раз на берегу Босфорского пролива посидели за кружечкой-другой неплохого турецкого пива «Эфес». Излили друг другу душу: доля «челночная», конечно, собачья, но ты хоть, Костя, на себя работаешь. А я, брат, на хозяина жилы рву, четырехпудовые тюки с кожей на горбу таскаю...

– А зачем? – изумился Кулаков. – Знаю я в Питере надежных ребят. Бывших однополчан. Выделявают овчину не хуже итальянцев и турков. А цена в несколько раз ниже.

Шефа моего такая информация заинтриговала. Хотя поначалу он ей и не поверил. Но месяца через полтора Костя за умеренный посреднический процент предложил свести нас с «афганцами». У которых «специально для вашей фирмы» уже отложен «превосходный товар».

Образцы, привезенные в Сочи пареньком на протезе, и впрямь смотрелись отменно. Цена тоже радовала.

Удалов оживился, выдал наличность и приказал нам с Валентином скупить все, что есть.

– Не верю, что эта кожа родная! Нет и не было в России такой тонкой выделки. Что-то тут не так! – не успокаивался в самолете Сидоров.

– Завидует! – снисходительно поглядывал я на коллегу. – Такой опытный снабженец. А новичок его опередил. Ай да Золовкин, ай да сукин сын! Нашел-таки отечественного производителя!

Из «Пулково» двое молчаливых крепышей на своей потрепанной иномарке повезли нас в сторону Зеленогорска. Вроде бы, на склад готовой продукции. Но слишком уж это далеко. Сделалось как-то не по себе. Левой рукой я сжимал ручки сумки, набитой деньгами. А правую на всякий случай оставлял свободной. Периодически прижимая локтем к ребрам кобуру, спрятанную под пиджаком.

В ту занятную пору было проще простого арендовать у милиции пистолеты Макарова. Оформили мы при кооперативе свое ЧОП, частное охранное предприятие. Заплатили управлению внутренних дел, как и за обучение боевым навыкам. Получили удостоверения, позволявшие перевозить пистолеты даже в самолете. Смотались с Петровичем в краевой центр. Выдали нам на милицейском складе патронов сотню. Да боевых стволов штук семь. Один тут же был записан за мной. Как за охранником, берегущим... собственные штаны и часы. Благодаря действующему до сих пор закону, такая вот смешная уловка нужна для юридически безупречного ношения оружия. Не хватало еще, чтобы оно вот-вот пригодилось! Но дело закручивалось очень уж гнилое. Нас с Валентином завезли за высокий забор в какую-то авторемонтную мастерскую. И показали такое дерьмо, после которого даже мне, полнейшему дилетанту в швейном сырье, стало понятно: образцы, продемонстрированные молодым инвалидом в

Сочи, и куча чего-то непонятного в железном ангаре есть две очень большие разницы.

– Туфту нам впаривают, – подтвердил Сидоров.

– Типе, Валя, типе! Делай вид, что все в порядке. А то не уйдем.

Ребяткам же тем крепеньким, в полный голос:

– Ну, чего, мужики, не самый, конечно, шик. Ожидали лучшего. Однако для курток в деревню сойдет. Будем брать! Но завтра. Когда основные «бабки» нам подгонят.

– А вы чего, «капусту» не прихватили? Договаривались же, полный расчет сразу и «налом», – не скрыл своего разочарования коротко стриженный, широкоплечий, с хорошо размолоченным на ринге носом.

– Есть у нас деньги. Но только половина, – включился в игру понятливый Валентин. – Завтра остальные будут.

– Чо тянуть-то? Берите на столько, сколько есть! – стал терять терпение второй, тоже спортивный, тоже боец, судя по всему. Но явно не боксер. Из тех, что ногой до челюсти стараются достать. А может и не каратист даже. Закаленный уличный драчун. Эти и есть самые опасные. От таких любой пакости можно ждать. От кирпичца в спину до – арматурой по голове. Вон, сколько железных прутков в гараже валяется...

Отступаю на всякий случай к стене поближе. Стараюсь не оставлять за собой свободного пространства. Придавливаю пяткой сумку, набитую сотенными и полтинниками. Начинаю вроде как и массировать в области своего внезапно прихвотившего сердечка:

– Душно тут у вас мужики. Айда на свежий воздух!

А сам подтягиваю кверху ствол. Советская полукобура-«секретка» – очень неудобна и опасно капризна. Лямки резиновые, узкие. Давят на плечо, пачкают рубашку. Рукоять пистолета вечно натирает подмышку и портит одежду. Оружие обнажается долго, трудно. Пока его выцарапаешь, самого трижды достанут...

Предлагал же Петровичу купить в Турции итальянские! Под «Вальтер». С которого в свое время «Макар» и слизали. Идеально подходит! ПМ в таком изящном футлярике висит пониже и горизонтально. Милое дело! Как раз под рукой. Выхватываешь молниеносно. Будем надеяться, ни мы, ни парни до такой непоправимой ситуации не дозрели. Уф, точно!

– Пойду, начальству позвоню, – сплевывает один.

И чего-то это он там выслушивает, в будке сторожа? Ишь, как старательно кивает головой. «Афганцы», мать твою! Какие, на фиг, «афганцы»? Вот еще трое подтянулись поближе. Вылитые «быки». Боевые «торпеды». Затылки чугунные, прически короткие, морды тупые...

Да-а, Сергей Алексеевич, как всегда прозорлив ты и точен. Самое вонючее говно отыскал! И в самую середочку прыгнул. За что только человека ни в чем не повинного за собой тащишь?

– Ну, эта, в общем... До завтра терпит, – прервал мой покаянный мысленный монолог боксер. – Ща отвезем вас в гостиницу. Посидим там в кабаке. Нормально обмоем. Чтобы, короче, сделка путем прошла. Наша фирма угощает! Все будет в норме, пацаны!

Получалось, однако, очень даже не нормально. Если и оставались по началу сомнения – уж не мания ли преследования? Уж не заподозрил ли в злом умысле честных работяг? – то снятый для нас номер в гостинице при Санкт-Петербургском речном вокзале избавлял от последних иллюзий. Западня подготовлено капитально! Под балконами – глубокая водица. Замок во входной двери то ли давно был сломан, то ли умышленно выведен из строя. Запереться изнутри невозможно.

Сценариев ближайшего нашего будущего вырисовывается сразу несколько. Самый простой и честный: мы и впрямь столкнулись с дилетантами в кожанном бизнесе. Предположим, завязали бывшие солдатики в незнакомом для себя деле. Привезли из Монголии грубой выделки, а то и просто бракованную кожу. Теперь вот не знают, как от нее избавиться. И рассчитывают на таких же, как сами, «лохов».

Но если все же посмотреть горькой правде в ее поганные очи, куда вероятнее совсем другое. Подманили тебя, Серега, как глупого карася, к жирному червяку. А он – на остром крючке. Попробуй, заглоти! И отказаться проблематично. Те двое, что не уходят, стоят и ждут в конце коридора, наверняка получили инструктаж. Им надо если не спойть нас с Валентином, то хотя бы в ресторане расслабить. Наличие алкоголя в трупах дает простор для самых разнообразных следственных версий. Особенно, если детективы подкупленные.

Предположим, после пьянки два этих коммерсанта из Сочи чего-то не поделили между собой. А может, удавили приезжих ночью прямо в номере «ревнивые ухагеры» тех девиц, что наверняка по ходу нашего застолья «случайно» возникнут и к нам подсядут. Есть вариант и попроще. Приходит утром горничная убирать, а в номере – никого! До залива три версты не ехать. Вот он, под нами. Чего потяжелее привязать, не всплывем...

– Мочить нас, что ли, собираются? – озвучил общую на двоих догадку Сидоров.

– Похоже на то, Валя. Рвем когти, братишка! Немедленно!

Благо, балкончики в номерах перегорожены легкими пластиковыми щитками. Выглянув еще разок в коридор:

– Через десять минут будем готовы, мужики! Друг водные процедуры заканчивает.

Зажал ручку сумки в зубах. Завис над водицей, укрытой темнотой. Карабкаемся через соседние номера за угол гостиницы. Пока везет. Пусто. Еще раз пусто. А вот тут гудит крепкая пьянка. Но это хорошо. Мужикам не до нас. А то бы приняли за «форточников». Без лишних разговоров сбросили бы вниз.

Ну, еще парочка балконов и все... О, черт! Едва не спрыгиваем с Валентином на волосатую мужскую задницу. Обвитую стройными, надо отметить, ножками.

– Парень, девушка, тысяча извинений, тут такое дело... С чужими женами нас застукали. Убегаем от скандала, сами понимаете...

Расчет оказался верным. Оба прекрасно понимают. Потому как не парень это. А явно заглянувший «налево» семьянин. Да и «девушка» в чьем-то доме наверняка числится добродетельной супругой.

– Вот спасибо вам, люди добрые! Вы одевайтесь, одевайтесь, мы не смотрим. А теперь выгляните в коридор. Там эти... ихние мужья... Скрылись за поворотом? Еще раз огромнейшее вам спасибо! И всяческих наслаждений в регулярной личной жизни!

На выходе из гостиницы никого нет. Быстрей, Валя, быстрей!

– Командир, свободен?

Едем, периодически оглядываясь, к добрейшей моей кузине Вике Марковой, коренной ленинградке в коммунальной квартире на Васильевском острове. Пытаемся заснуть на полу: другой свободной площади в комнатке нет. Сумка с деньгами под головой. Пара викиных дворняжек – под боком. И жирный нахальный кот все норовит пристроиться на груди.

– Шел вон, усатый полосатый! На душе и так тяжело.

Каким симпатичным мне показался этот Костя Кулаков! Каким славным парнем!

– Сколько я друзей под Баграмом потерял, Серега. Сколько раз смерти в глаза смотрел...

А куда же мы с Валентином заглянули сегодня? Не пойман – не разбойник. Не убит – не потерпевший.

– Чего так быстро? – изумилась жена. – Обещанные премиальные за кожу получил?

Получил, Надя, получил. Еще какие премиальные. Дороже любых денег.

9. ИГОЛКА В СЕРДЦЕ

Весь частный бизнес начальной рыночной поры был, безусловно, авантюрным. Игра почти всегда велась «втемную». Правил, не то чтобы прозрачных, вообще никаких не было. Кто смел – тот и съел. И хорошо, если при этом сам не подавился.

Наверное, даже ангел в такой неразберихе начал бы ловчить, принаравливаясь и балансировать на грани дозволенного.

Как там было у поэта? «Разве святого найдешь одного, который пошел бы в десант...». Так что весь «маркетинг» мой, несмотря на то, что степень магистра экономики получал я в МАМАРМЕНЕ, Московской академии маркетинга и менеджмента, а семинары с заочниками там проводил, например, тогдашний министр финансов Александр Лившиц, почти всегда сводился к поиску выхода из безнадежных, казалось бы, ситуаций.

На фоне иных первопроходцев Дикого Рынка ковбои Дикого Запада могут отдыхать! Им до решения постсоветских «регбусов и кроквордов» еще скакать и скакать. Получаю, к примеру, в порту Ильичевск, под Одессой, особо ценный и весьма габаритный груз. Для той самой выставки японского швейного оборудования в Сочи. Голова раскалывается. Прошлым вечером вжимался животом и всем остальным в раскаленный галечник. На первом в моей жизни пляже для nudists. Шалел и плавился от раскованности и демонстративной неприкрытости великого множества девиц обалденной красоты. А потом, в номере, подбавила бессонницы мастерица томительного жанра.

– ...Сейчас мои губки, ах, какие же у меня полные, упругие и горячие губы, смыкаются у самого основания твоей звенящей от напряжения плоти...

Не знал бы, кто нашептывает, с ума бы сдвинулся от такого виртуозного

секса по телефону! Но меня еще при оформлении в гостиницу сочная такая одесситочка предупредила:

– Раз взяли «люкс», будут вас иметь насчет интима. Но если что-то приличное, это к нам. У бабы Симы не любовь, одни воспоминания.

Лет сладкоречивой волонтерке оказалось около девяноста. Но все телефонные номера в «Пассаже» долгожительница помнила наизусть. И, маясь от безделья, периодически звонила в «люксы». Оказывая «приличным мужинкам» заочные секс-услуги не только бесплатно, но и принудительно.

Отстала в ту ночь престарелая хулиганка только после того, как догадался я ей признаться в своей, якобы, венерической запущенности. Баба Сима плюнула в трубку. И высказала напоследок все, что думает про растленную молодежь, забывшую о половой гигиене.

Вот и стою я, невыспавшийся и злой, перед стивидором. А тот виновато пожимает плечами: исчезла, так и не покинув борта сухогруза, самая важная для нашей будущей выставки коробка! Точнее – ящичек с иглами и комплектующими деталями для швейных машин фирмы «Бразерс». Что равнозначно катастрофе.

Ведь понятно было: дальновидный и расчетливый Удалов все эти японские чудеса науки и техники дальше своей швейной фабрики не выпустит. Но вначале выставку надо провести с блеском. И только потом довершить процесс обольщения на «Старой мельнице». В окружении русских красавиц и кавказских природных красот.

Все, все пойдет теперь прахом из-за каких-то там ипшуплек, спец. иголок и сменных «лапок»!

Причитаю чуть ли не в полный голос. А сам, крыса сухопутная, плаваю среди тюков, ящичков, коробок и контейнеров. В необъятные трюмы океанского сухогруза чего только не напихано!

Как я туда попал, отдельная песня. Сначала окликнули ответственного за выгрузку:

– Эдуардыч, мать твою, сколько ждать можно?

Стивидор убежал. И вахтенный куда-то запропастился. Ничего не оставалось, как воспользоваться свободным трапом...

– Эдуардыча не видели? – стараясь выглядеть начальственно и сурово, пресекал я в зародыше любые вопросы экипажа и докеров. Прекрасно осознавая всю ничтожность своих шансов. Одну иглолку в стоге сена найти проще, чем ящичек с иглами среди таких завалов латекса!

Но секрет многих удач в том, наверное, и заключается, что карабкаешься к цели из последних сил и вопреки всему. Меня вот-вот разоблачат, шутанут с борта судна, а я все еще продолжаю рыскать по укромным уголкам и закоулкам: латекс, опять сырой каучук, опять какие-то тюки и кипы. Ох, ешь твою двадцать, а это что за штуковина? Выглядывает уголок драгоценного

ящичка из-под кучи какой-то ветоши! Что скажешь теперь, плутоватый и сразу как-то притухший стивидор?

– Спрятали, сволочи! Попозже вынести хотели! – матерится Эдуардыч. – А вы? Бога, в душу, позвоночник и поджелудочную железу... мать! Как посмели? Кто на палубу посторонних допустил?

– Какая разница – кто? Возьми на водочку, брат! Нет, лучше на коньячок. И оформляй груз быстрее, не ругайся.

Петь и плясать мне хочется от радости. От усталости не осталось и следа. Вот только сердце чего-то... Как игла раскаленная в груди.

– Сейчас, сейчас... Не надо никакого врача, я сам. А насчет ваших сволочей, Эдуардыч, это вы точно подметили. Иголки для машинок – ба-альшой дефицит! Разошлись бы на Привозе влет. Знающие люди припрятавали, а! В коносамент, поди, заглянули. Уяснили, что где лежит... Сами-то швейным делом не увлекаетесь, а, Эдуардыч?

10. СВЕЧА НА ВЕТРУ

Разобравшись с японцами, неутомный Петрович стал открывать для себя Америку. Вдобавок к швейному кооперативу и банку «Черное море» организовал фирму «ВУЛ Интернешнл». «ВУЛ» это Валерий Удалов и Лариса. Лариса – бизнесвуменша из Техаса.

– Первый свой «фордик» я потеряла обидно, – щебечет русская американка. – Не знала, что надо поменять масло после каких-то там тысяч миль. Пришлось приобретать другой кабриолет. Хорошо хоть, что такой же навороченный.

Меня так и подмывает спросить: когда пепельница заполняется, в другой лимузин не пересаживаетесь? Но – молчу. Я на работе. Сопровождаю деловую партнершу шефа по Старому Арбату: матрешки, разрисованные под Горбачева и Ельцина, солдатские шапки, алые вымпелы победителей социалистического соревнования...

Команда дана четкая: выполнять любые прихоти! Очень перспективная фигура для развития нашего бизнеса. Хотя, какой он «наш, бизнес»?

Но платит ведь он тебе хорошо. Доверяет. Чего еще надо? Можешь позволить себе и жене не только средиземноморский круиз, но и в Стамбул лишний раз смотаться. Только для того, чтобы особого покроя кожаную юбку от модного Надиного костюма поменять на несколько иную, еще более выигрышного силуэта.

– Да, Лариса, я вас прекрасно понимаю. Авто, правда, никогда не имел.

– Заимеешь! Какую захочешь. Наш «Харлей Дэвидсон» – это фирма!

Еще бы не фирма. Раньше я только по контрабандным видеофильмам о свирепых байкерах мог иметь представление о классике мотоциклетного строения. А тут сам Джонс Килбс к Удалову прилетает! Главный менеджер в швейном подразделении концерна. Отвечает за майки, джинсы и прочую

«попутную» атрибутику поклонников раскидистых рулей и мощных моторов.

– Что это? – не скрывал испуга этот самый Джон уже в самолете, взявшем курс на Сочи. – Почему все так шумит и гремит? Авария?

Ну, ни фиги себе, американец, ну, ты и даешь! Гремит... Да это последнее достижение отечественного самолетостроения! Аэробус ИЛ-86! Самый престижный и комфортный на тот день российский авиатранспорт!

Знал бы ты, Джон, в каких невероятных условиях приходилось порой передвигаться! И по земле. И по воздуху. Однажды покупал в Феодосии, как всегда за наличные, десять комплектов промышленных видеокамер. Для охраны удаловского банка. Груз был с мониторами и блоками автономного питания. А они, на мою беду, смахивали на толстые пашки.

Перевозил купленное, как всегда, в одиночку. Так экономнее. И, что может показаться парадоксальным, безопаснее.

При пересадке в Воронеже волок тяжеленное приобретение по заснеженному перрону. Бумажный мешок промок и порвался. Желтые бруски выпали. Было это как раз после жутких террористических актов. В разгар первой чеченской бойни.

Заломили мне подскочившие менты руки за спину. Выхватили из-под куртки «Макар».

– Террориста поймали! – орал на весь вокзал молоденький сержантик. Господи, неужели и я был таким вот восторженным идиотом в погонах?

Пока писал объяснение в «дежурке» ЛОМа, демонстрировал накладные и разрешение на ношение оружия, пока бывшие коллеги меня перепроверяли... Поезд с бронированным купе, понятное дело, того, тю-тю...

Еле уговорил проводника забитого под завязку состава «Москва-Тбилиси». Всю дорогу до Сочи коротал в тамбуре для особо курящих. Рядом с загаженным донельзя туалетом. Амбре до такой степени впиталось в мой свитер-самовяз, что только после нескольких стирок не самые приятные запахи получилось удалить.

Но это еще что, Джон. А слабо изнывать и потеть в «ТУ-154», наполненном переполненном трамвай? Это тоже был типичный грузинский рейс. С кавказскими, очень раскрепощенными нравами. Экипаж впахивал в самолет своих «сверхнормативных». Посадчицы, техобслуга и грузчики – своих. Как же тесно прижимались «леваки» друг к другу в проходе! Водичка передавалась по цепочке. Она периодически проливалась с подносов прямо на головы. Хоть это было хорошо. А то ведь духотища была. А вентиляции не было.

А как даже в купейном вагоне приходится пробираться по головам, в Америке себе представляют?

Алеша служил в городке Богодухово Харьковской области. Ракетчиком ПВО. Эмма собралась к единственному сыну. Я был ему тогда еще никто.

Но я как раз собирался к маме на Украину. Если по дороге, отчего и не по-мочь?

На одной из пересадочных станций потерялись. Пока бегал узнавать, какой куда поезд, состав тронулся. Втиснулся, не зная, успела ли Эмма с кучей своих гостинцев? Да и как узнать! Пассажиры во всех купе и проходах стояли не шелохнувшись. До того было тесно. За просьбу посторониться потные и злые парубки готовы были разорвать, как промокашку.

– Люди добри, рятуите, жинку потерял! Нэ буду шукать, убьетъ, на горилку не дасть, шмат сала не отрижить! – на немислимом волапоке и в полный голос запричитал тогда я.

Хохлы расхохотались, подобрали. Стали перемещать меня из вагона в вагон горизонтально и поверху. Передавая из рук в руки.

А можешь ли ты, Джон, представить пассажирские перелеты в грузовом отсеке? В пилотской кабине за особенно весомый бакшиш.

А «зайцем» ты летаа? Ведь в чем наша сила, американец? В русской упертости, брат. Коль славянин чего захочет, выбьет обязательно!

– Сложное делай сразу! Потому что невозможное потребует чуть больше времени!

Это любимый девиз нашего шефа, Джон. С девизом этим перед приемом на работу Удалов всех знакомит лично. И – гонит к чертовой матери, ежели «объективные причины» делаются для исполнителя непреодолимыми.

Ну не должны мы были, по теории, все с тем же Валентином Сидоровым из Москвы вовремя улететь! Случилась такая форс-мажорная ситуация, при которой даже хорошо прикормленная кассирша ни за какие переплаты не могла найти нам билеты. Но мы помнили: не в Америке, чай, живем. В каждом большом русском аэроплане обязательно найдется парочка маленких местечек.

Тогда во Внуково свободные выходы на посадку частенько не запирались:

– Валя, за мной!

И свободно прошли на взлетное поле. И пристроились к толпе, спешащей к столь напугавшему Джона «Ил-86». И не было, как станет позднее, контроля на выдвижных трапах. И должны были новые пассажиры транзитного рейса занимать «любые свободные места». А они, как и предполагалось, конечно же нашлись.

Разов пять озабоченные бортпроводницы проходили потом по рядам. Пересчитывая головы и фильтруя растерянными взглядами лица. Самые честные, открытые, не вызывающие подозрений оказались наши с Валентином.

Авансом, выходит, влепила мне «строгач» партия! Предвидела порочную перспективу. И придала своим мощным пинком такое ускорение, что перестроился «заяц» из своего пятикопеечного подземного эшелона в куда более дорогой воздушный.

Ну а Джон Килбс, Удалов и музыкант Стас Намин тогда договорились насчет специальных маск для первого большого рок-концерта в Лужниках.

Виталий Игнатенко, бывший сочинец и бессменный руководитель ИТАР-ТАСС, презентовал нашей фирме несколько билетов в правительственную ложу.

Слушал «Скорпионз». В такт классической «Свече на ветру» размахивал огоньком зажигалки. Которую, как некурящий, позаимствовал у важного на вид соседа.

Я ликовал, пританцовывая под ритмы тех, кого еще несколько лет назад искренне считал «идеологическими диверсантами». И чуть ли не «наймитами ЦРУ». Но не было стыдно за себя. Не за что было стыдиться. Тот, другой, с догмами в башке и коммунистической убежденностью во взгляде, навсегда остался в прошлом. А для меня, обновленного, слившегося со всей этой огромной толпой на стадионе, будущее собственное и всего меняющегося государства казалось теперь именно той самой свечой на ветру. Маленьким, трепетным огоньком на горизонте. К которому стремишься, что есть сил, но он все не приближается. Если же погаснет от дикого порыва – все! Тьма! И ничего кроме нее вокруг.

11. СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ

Лешку я усыновил слишком поздно. Он, как и я, родного отца своего не помнил. И так же рос в бедности. Очень опрятной. Эммиными руками обстиранной, выглаженной.

Это была типичная для рядовой российской матери-одиночки нищета. Но Лешка был очень умный, блистательно умный, безукоризненно умный парень. С врожденным чувством такта и благородства.

– Сей Сеич станет моим папой? – поинтересовался он еще маленьким, еще в классе пятом или шестом. И больше не затрагивал болезненную для Эммы тему никогда.

Ведь у изредка возникавшего Сергея Алексеевича родился свой поздний и такой долгожданный сын. Была своя, пусть и пропадающая постоянно у родителей в Караганде, жена.

Даже месяцы одиночества для мужчины «в самом соку» – не оправдание, наверное. Да я и не оправдываюсь. Просто на втором десятке нашей не самой образцовой семейной жизни стал все чаще Надежде изменять. До самой до последней совместной поры жена ничего не подозревала. Или – делала вид. Сочинский мирок Нади замыкался на поддержании уюта в нашей квартирке с прекрасным видом на море и лес. И на максимально возможной помощи своей карагандинской родне. Вещи из Турции я отправлял в Караганду чуть ли не тюками. И все, что требовалось по дому, включая соль или сахар, приносил сам.

Все шло относительно мирно до той поры, пока не появилась Лена. У Нади не оказалось того, что позволяет мудрой женщине понять, отчего это взрослеющая дочь от предыдущего брака тянется к отцу.

Дома нам встречаться было запрещено. Снимал для дочери углы и подселения. Потом с бывшей женой Татьяной поднатужились и кушили «мало-

семейку» в общежитии: комнатка метров на 12 без кухни. Но зато с собственной ванной и туалетом.

А Наде так хотелось, чтобы я, тогда уже банкир, купил в Сочи жилье для ее родителей. Перебравшихся из села в нашу освободившуюся карагандинскую квартиру.

Возможно, «малосемейка» для дочери и стала последней каплей. Возвращаюсь летом девяносто шестого с мамино семидесятилетия. Дома тихо, чисто и пусто. Все мало-мальски ценное вывезено. И только оставлена записка: «Нас с сыном ты никогда больше не увидишь».

Катался по полу и выл: как мне жить без Кирилла? Только теперь, а не тогда, когда Леночка прижималась к ноге и умоляла: «Папочка, не уходи!» – только в эти роковые мгновения начинал я осознавать, как это нестерпимо больно, когда бросают тебя самые дорогие люди.

Бумеранг еще раз вернулся. И снова ударил.

Восьмилетнего сына к трубке не подпускали. Добрая сотня писем-мольб осталась безответной. Моя попытка выкрасть своего парня прямо из карагандинской школы провалилась. Пригрозили самодельным револьвером и даже попроситься с сыном не дали.

Вернулся в Сочи. На время забросил любую работу. Беспробудно пил в загаженной донельзя, теперь уже холостяцкой квартире. Театрально расстреливал из «Макара» книги о счастливой семейной жизни. Потом, по устоявшейся привычке, стал подумывать о том, как вернее выстрелить в себя.

Жить, конечно, было невмочь. Но умирать, как всегда, не хотелось. Загадал: позвоню той женщине, которую вспомню первой. Если придет, выберу нечто более приятное, чем сунцид.

Вспомнилась самая, казалось бы, неброская, ненавязчивая. Которая всегда была в тени. Никогда ничего не требовала. Но постоянно первой приходила на помощь. А однажды в процессе редакционного чаепития, устранившегося Эммой чтобы «умных людей почаще слушать», выпалила вдруг нечто для меня необычное: «Любовь – это сначала труд, а потом уже счастье. Но прежде постоянная и тяжелая работа».

Было два часа ночи. И не было, наверняка, денег на такси у низкооплачиваемой сотрудницы газеты. Непонятно каким образом, скорее всего, на крыльях любви своей беззаветной, преодолела Эмма сорок километров всего за сорок минут. Молча убрала недопитую водку. Спрятала подальше заряженный пистолет. Принялась все вокруг драить, чистить и мыть.

Потом примчалась встревоженная мама из Донецкой области. И Таня из Караганды. Бывшая первая и будущая третья жены поладили между собой, как родные. Это была самая мирная, добрая и теплая неделя за несколько моих последних лет.

Но тут прилетела Надя. Без Кирилла. Зато с отцом, фронтовиком и ве-

тераном. Начались нервные выяснения насчет дележа квадратных метров. И тягостный развод в суде.

Мама, Тania и я нашли убежище в Адлере. В Эмминой очень скромно обставленной квартирке.

– Я никогда не вмешивалась в твою взрослую жизнь, сынок, – скажет мать перед возвращением к себе домой. – Но если ты бросишь и ТАКУЮ женщину... Соберу в свой ночной горшок самое пахучее, чтобы вылить на твою лысеющую дурную башку.

Не эта угроза, конечно же, заставила нас через пару лет расписаться. Прожив 8 лет с Таней и 14 с Надей, я только с третьего захода угадал вторую свою половинку. Точнее, меня угадали. И осчастливили. Вопреки многолетним и упорным моим попыткам счастье собственное оттолкнуть. А то и сбросить. В самом прямом смысле этого слова. С бетонной буны в море!

Сам был весь в белом. Невеста в лучшем своем костюмчике. На руки ее! И – по пляжной полосе мимо обалдевших отдыхающих. Чтобы, не снимая даже шляпки и красных туфелек, в воду – плюх! Потом и друзей туда же. В чем пришли. Зато в душный тот августовский день всем нам было не только весело, но и прохладно. Свадебка в приморском кафе получилась славная.

Леша не смог там быть, но он был по-настоящему счастлив. Потому что счастливой была его мама. Он даже из Питера это видел. Ведь как-то все сразу идеально между «предками» сложилось, притерлось, согласовалось, тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не слазить.

Не нужны были больше слова: все понималось беззвучно. Не требовалось до бешенства, до изнурения доказывать собственную правоту: правда каким-то чудом всегда оказывалась общей на двоих.

Пусть не сразу, пусть через тернии, но продрался-таки я к той модели семейных отношений, которая всегда подспудно манила. Дедушка Геннадий Павлович душа в душу прожил более пятидесяти лет с золотой своей половинкой. Царствие им обоим небесное!

У милейшей Веры Ивановны всегда хватало женской мудрости не перечить взрывному, но такому отходчивому супругу.

– Царь ты, батюшка, конечно царь, – с доброй иронией успокаивала бабулька распалившегося дедка. А потом как-то незаметно, мягко, необидно, прокладывала семейную колею в самом точном и нужном для обоих направлении. Да так, что дед искренне гордился потом своей «руководящей и направляющей» ролью.

Эмма тоже умеет не обидно, но очень настойчиво воспитывать. Про сына ее соседи так и говорили: «Ну просто идеальный!» Алеша после службы на С-300 и в Таманской дивизии без всякого «барашка в кармашке» поступил в питерский госуниверситет. Просто упивался философией и политологией. Влюбился в сокурсницу свою Наташу. Тоже умницу и краснодипломницу.

Обоих оставили на кафедре. Знакомый профессор пообещал продать

Алеше и Наташе пустующий угол на Английском бульваре. Денег на все про все требовалось не менее шести тысяч. «Зелеными», конечно. Эмма сбилась с ног, их тщетно пытаясь раздобыть.

Примерно такая сумма за время пахоты в коммерческих структурах у меня и накопилась. Оставлял на «черный» день. На будущую учебу детей. О значке этой знала только мама. Как мне наивно тогда казалось. И лишь после того, как отдал я эти деньги Алешке с Наташей, жена призналась: давным-давно и совершенно случайно наткнулась она на мой примитивный тайничок. Но тут же приказала себе о долларах забыть.

– Нет ведь у меня на них никаких прав. Это деньги не из нашей с тобой жизни.

Больше никогда и ни разу даже рубля от Эммы я не припрятывал.

А Алеша с Наташей блестяще защитили кандидатские диссертации. И выиграли какой-то престижный грант. По которому Леха должен был отправиться аж в Оксфорд. В рамках обмена молодыми учеными.

Да и у нас к тому времени все складывалось славно. Хватило сил и решимости вернуться в журналистику. Приглашен был в сочинские соборы престижной столичной газеты. Много печатался. В журналистских конкурсах регулярно побеждал. Известность какую-никакую в газетном мире приобрел...

На дачу мы никогда не копили. Вполне могут у лезущего на рожон журналиста хибарку спалить. О хорошей машине даже и не думали – вдруг уютят. Заработанное откладывали на самое для нас главное. На впечатления от путешествий. Такое богатство можно отобрать лишь вместе с головой.

По дешевому автобусному туру осенью 2001 года отправились в Англию. Посмотреть вожделенный Оксфорд. Лишний раз погордиться сыном. Рассказать Лехе, какой именно антураж будет его окружать в недалеком будущем. Но будущего у парня не оказалось. Даже самого короткого, маленького...

Мы ожидали нашу московскую тургруппу в Бресте. Как раз выбирался Лукашенко. В президенты на второй срок. Из репродукторов на площадях и улицах оглушительно и как-то особенно зловеще ревело: «Будет людям счастье, счастье – на века! У советской власти сила велика!». Все вокруг было красным от стягов. Стаи каких-то черных птиц, то ли галок, то ли грачей, густо кружили над нашей привокзальной гостиницей. И пугающе молча улетали в сторону заката.

Познакомились в кафе с пареньком Сашей. Белорусского «батьку» он не ругал и не хвалил. Больше говорил о своей работе. Доволен был густым «наваром» и молчаливостью клиентов. Саша оказался могильщиком.

Именно Саша, но уже из совсем другого похоронного бюро, после отпевания в старообрядческой церкви повезет Алешу в цинковом гробу к самолету.

А за несколько суток до этого жуткого рейса «Санкт-Петербург – Сочи» будет совсем другой самолет в другой части света. Огненный шар от второго «Боинга», врезавшегося во Всемирный торговый центр, мы с Эммой увидели в голландской закускойной. Весь мир к тому моменту уже осознал: идет прямой эфир. А мы с женой все еще недоумевали: надо же кому-то в этой придорожной закускойной крутить к обеду какой-то голливудский «ужастик»!

На следующий день, уже в Шотландии, Эмма не отходила от телеэкрана. Постоянно плакала. Тягостное, ничем и никак не объяснимое предчувствие охватило нас.

Лешке как раз исполнялось 29. Мы позвонили в Питер. Но никто не отвечал в крохотной, такой милой квартирке.

– Это же исторический центр! – восторгался за полгода до этого Алексей. – «Улица, фонарь, аптека...». Помнишь у Блока? Это же рядом с нами, за углом.

Мы все помнили. Мы радовались вместе с талантливой, такой красивой и такой перспективной семейной парой Чазовых. Но теперь Леша молчит. И Наташи дома нет. Почему?

15 сентября, прямо перед входом в Эдинбургский замок, запиликал «мобильник» у Сережи, руководителя нашей группы. Ровно сутки, оказывается, пыталась до нас дозвониться из Сочи Эмина сестра.

– Крепитесь, Алеша исчез!

– Как исчез?

– Наташа еще спала. Он ушел на зарядку. И – все!

– Что, что там? – закричала Эмма. Она не умеет кричать. Жена моя вообще не кричит никогда. Но тут... Как же страшно и как больно она кричит. – Твоя мама? Моя? Не молчи!

Но я уже не ощущал собственного тела. Как и всегда, в минуты самые тяжкие, непоправимые, сделалось очень отстранено спокойно, почти сонно. Как будто все происходит не со мной, не с нами, не на этой Земле...

– Жди здесь, не волнуйся, сейчас вернусь.

Отвел в сторонку ребят, с которыми вчера еще, в честь первого «шотландского» нашего дня, оценивали достоинства настоящего виски:

– Тут такое дело, мужики... Похоже, наше путешествие закончилось. Сына потеряли. Как, как? Будем в Питере устанавливать. Или несчастный случай, или убили.

Заняли бы лучше на дорогу. Кто сколько сможет. И еще. Поспрашивайте у своих баб капли успокаивающие, что ли. Валидол там какой-нибудь. Похоже, сейчас начнется...

Но Эмма только вскрикнула «Нет!» и закаменела. Провел ее, ничего не сообщающую, сквозь ворота, мимо гвардейцев в клетчатых юбках-килтах и с автоматическими винтовками.

На большее и у меня уже сил не хватило. Группа ушла дальше. Оце-

нивать жемчужину архитектуры. А Сережа умчался бронировать билеты до Лондона, а затем и до Петербурга.

Побелевшая и поседевшая в одно мгновение Эмма не пропускала сквозь сцепленные зубы ни стоны. Мимо змеялась очередь. Люди на разных языках участливо спрашивали, можно ли чем нам помочь?

Сам никогда не куривший, я понимал: масе моей сейчас это очень даже нужно. Но никто тогда сигаретой так и не поделлся. Или потому, что они в Великобритании очень дороги. Или потому, что на Западе закурить незнакомым людям не дают. А может, совершенно непонятым показался туристам всего мира очень ломаный английский из пересохшего до скрипа горла.

Потом был лондонский вокзал. Откуда нас, как и всех бездомных бедолаг, поперли к полуночи. Дул нестерпимо холодный ветер. От него негде было укрыться. И негде было даже присесть. К нам подходили наркоманы, проститутки, сутенеры, вглядывались в лица, говорили «Сорри» и удалялись.

В аэропорту «Хитроу» время тоже остановилось. До продажи билетов оставалось бесконечно далеко. А в Караганде, наверное, сын уже вернулся из школы.

– Наберу номер. И трубку впервые поднимет не Надя, а Кирилл, – мелькнуло именно в тот момент, когда я проходил мимо телефона-автомата.

– А-а, это ты...Привет, – настороженно отозвались на том конце провода. Голос у сына уже перескакивал с фальцета на басок. Переходный возраст.

– Как вы там? Деньги за август-сентябрь дошли? А посылка к школе?

Зачем я это все говорю? Почему все мои безответные письма, все тщетные попытки дозвониться начинаются именно с этого заискивающего, сутелливого, виноватого обещания каких-то материальных благ? Так проигравший битву протягивает победителю выкуп. Умоляя: «Милости, милости!»

Но в чем я виноват перед Кириллом? Не я его бросил. Его у меня украли. Хотя... У всех своя правда. И у меня. И у бывшей моей жены. И у нашего с ней сына. Никто ни перед кем не имеет абсолютной вины. Никто ни в чем и никогда не может быть непогрешимо прав. Мы просто связанные родством люди. Но только на разных берегах.

Быть может, Надежда успокоится и что-то поймет. Может, с Кириллкой мы еще встретимся. А вот с Лешкой – никогда!

– Знаешь, сын, на одного славного человека стало меньше. Он мог быть твоим старшим братом, сын. Классным братом! Но Лешки больше нет. Умер вчера Лешка.

Я уже знаю, чувствую: смерть отобрала приемного сына. Но как можно сказать такое родной матери? Покачивающейся мерно и страшно на мягком, ворсистом полу переполненного английского аэропорта. Хорошо, что ей не надо ничего говорить. Телефон далеко. Эмма не видит меня у трубки.

– Да? Умер? Как жалко! – совсем по-другому, куда более тепло и сострадательно реагирует сын. Это первый наш за последние шесть лет разговор один на один. Первая удачная попытка из сотен. Такое ощущение, что Леха был рядом. И это он помог. Как позднее, 11 марта 2002-го. Возьмет, да и отведет, наш незримый и вездесущий, руку с пистолетом. Так, чтобы пуля только чиркнула по одежде.

Потом был Питер. И был поиск так непонятно, так страшно исчезнувшего Алексея. Он оказался в морге. Лежал среди «не затребованных». В перепачканном тренировочном костюме и черной, фирменной майке «Новой газетъ». Как «беспаспортный и неопознанный». Но какие могут быть документы у человека, выбежавшего на утреннюю зарядку? Только ключи и плеер. Который, понятное дело, исчез еще на стадионе физкультурного института. Там Леша отжимался от земли. И вдруг молча, без вскрика, без всхлипа, уткнулся лицом в грязь. Повредив бровь о кирпич на земле.

Мне говорили потом, что этой боли сын уже не почувствовал. Он умер в том мгновенном полете сверху вниз. Уже на вскрытии, «без очереди и срочно», за что взятка питерским судебным медикам передана была огромнейшая, эксперт мне объяснит:

– По коронарным сосудам вашего мальчишка можно скальпелем стучать. Заизвестковано не по возрасту. Этот вот при повышенной нагрузке и надломился. Смерть святого! Моментальная и безболезненная. Бессимптомная ИБС, ишемическая болезнь сердца.

Действительно, ни одной жалобы на здоровье не было от 29-летнего атлета, не пьющего, увлекающегося спортом и наукой. И мама Лешина никогда не жалуется. Никогда! Свеча ее единственная загашена непонятно кем и непонятно ради чего. Тьма крошечная и вечная обступила, не отпускает. Воет, буквально воет жена бессонными ночами. Но – беззвучно. Чтобы не разбудить меня. Не вспугнуть соседей. Не опечалить лишний раз этот равнодушный мир.

Впрочем, такой уж он и равнодушный? Даже Надя, не скупившаяся до того черного сентября на обвинения, претензии и проклятия, прислала длинное, полное скорби и сострадания письмо. А людей в Сочи на похороны пришло сколько! Почти никого мы с Эммой так и не запомнили. Вроде бы, могучий Анисимов, реально неподкупный судья, а теперь – лучший на побережье адвокат, отказывался весь скорбный путь освободить свое плечо из-под гроба. Бледный Валерий Удалов и его преуспевший в гостиничном бизнесе Москвы брат Саша протягивали какие-то деньги. Жорка Иванов и вся редакция действительно независимого еженедельника «Сочи» лепетали что-то утешающее...

Слилось все это и многое другое в нечто неперсонифицированное, безликое. Но очень участливое, понимающее, поддерживающее. Это была настоящая людская доброта, без которой даже самому сильному не выжить.

Как и без проблеска света в конце тоннеля. Без зажженной свечи во Вселенской бездне...

... Опять зажурчала вода в кране. Опять мяся не спит. Но скоро она вернется. И следов слез будет не видно. Жена научилась их прятать, как никто другой.

Утром, как и всегда, как и в любой иной день одной на двоих жизни, Эмма принесет мне кофе в постель. Такая вот у нее славная традиция. Расскажет, что Леша опять не приснился. Что он, наверное, сейчас занят чем-то другим.

Потом, наверное, процитирует начитанная моя староверка из летописи времен куда более трудных и страшных. Про то, как единоведец, проповедник и бунтарь Аввакум в цепях, под конвоем, продвигался в лютые северные края. Навстречу своей мучительной кончине.

Верная его половинка лишь однажды не удержалась и кротко спросила:

– Долго ли мука сия, протопоп?

– До самыя до смерти! – отрезал гордый старец.

– Ну, ино еще побредем! – облегченно вздохнула женщина. И заскользила по льду замерзшей реки чуть быстрее. Чтобы не отставать от самого дорогого в ее судьбе мужчины.

12. ТРОФЕЙ С ВАСИЛЬЕВСКОГО СПУСКА

Три Валеры соседствуют в моей памяти. Первый – Валерка Порубаймех. С одного следственного взвода мы с ним милицейскую выспую начинали. Вместе к выпуску и подошли.

Отличников в этом нашем подразделении было больше, чем у «ИТеУшников» – будущих работников колоний и «оперов» вместе взятых. Но Валерка, прошедший до ВШ почти полный курс гражданского университета, был на голову выше всех нас. Звали его «ходячей энциклопедией».

Аккурат перед курсовыми экзаменами приключилась свадьба у будущего следака Котова. Там мы с Валеркой друг друга и потеряли. Я, как молодой и непьющий, благополучно вернулся в казарму. А старший товарищ едва дополз до... ближайшего кладбища. Где и заснул между свежими могилками.

Какой-то смельчак привычно спрямлял свой путь. Спешил на ночную смену к своей шахте через погост. Валерка проснулся, приподнялся как всегда резко: «Мужик, закурить не найдется?».

У проходчика, слава Богу, сердце оказалось крепкое. Но рванул так, чтошиб пару крестов. И в руках у недоумевающего Порубаймеха плащ свой новенький, болоньевый, оставил.

С ним Валера на экзамен по государственному праву и заявился. Разя перегаром и мурлыкая любимую свою песенку: «А счастье, как ни странно, нужно всем...». Сдал, как всегда, на пятерку.

Следующий Валерий – Удалов. Единственный, кто дал мне работу в ту пору, когда никто на это не решался.

И, конечно, Остапенко Валера. Рыжий, здоровенный, золотозубый московский «бомбила», царствие ему небесное. В свои сорок с небольшим вер-

нулся он со смены домой, хлебнул на кухне борща, захрипел и помер на глазах у жены и двух своих малолетних детишек. Тоже – сердце. Тоже ИБС. И тоже – бессимптомная.

Но это будет гораздо позднее. А пока Валера, живой, веселый, менее всего думающий о бренности и скоротечности земного бытия, встречает меня с Джоном и его американским коллегой в аэропорту. И потом везет в гостиницу «Москва». В наш тогда еще постоянно забронированный «люкс». Время вечного дефицита заставляло. «Новые русские» из провинции покупали в столице «своих» кассиров, «свой» столик в «своем» ресторане, «свой» постоянный номер в гостинице...

В «Литературке» той поры вышел еще один очерк про братьев Удаловых. С большой фотографией процветающего фирмача и банкира на Манежной площади. Сапа Карзанов, бессменный, если не вечный фотокор газеты, буквально потребовал притащить из гостиницы самое массивное и внушительное кресло. И усадил в него Петровича. Как символ возрождающегося капитализма на избавленной от предпринимательства земле.

Дела в Москве и с Америкой у работодателя моего и впрямь складывались: свой магазин на Юго-Западе, вот-вот, вроде бы, должна быть запущена швейная фабрика в Техасе.

Но тут Джону и некоему Максу из бывших «наших» взбрело перед самым вылетом домой полюбоваться Красной площадью. Прихоти хозяйские – закон для подчиненного!

Американцы, не торопясь, направились к мавзолею. Поздняя ночь, невесомый пушистый снежок, лучи прожекторов, рубиновые звезды... Прелесть! Правда, сил на созерцание этих красот у сопровождающих уже не оставалось. Дремлем с Валерой в машине на Васильевском спуске. Вдруг дверца распахивается и рядом со мной плюхается молодой «лось» с парой шампанского в руках. Другой дергает заблокированную правую мою дверцу и орет «Вылазь на х...!». Третий паренек уже на переднем сидении:

– Командир, живо на Ленинские горы, плачу в два конца!»

– Вы же видите, я с пассажиром...

– Да пошел он... Свою цену назови!

Веселенькие такие ребятки. Умные глазки, румяные щечки...

– Мы – футболисты, командир, понятно? «Югов» сделали, празднуем.

– А мы – онанисты. Друг другу сделали... Отдыхаем, – не поворачивая головы, невозмутимо цедит Валера. Но бычья его шея багровеет, накаляется. Чувствую, быть грозе! На всякий случай натягиваю тугую кожаную перчатку на правую руку.

Да нет, драки, вроде, быть не должно. Матерятся, но из салона выбирают. У-уф, слава Богу! Не хватало нам еще осложнений с американцами. На почве уличной российской «разборки».

Тоже высказываю, делаю несколько шагов к Спасской башне: как там

наши подопечные? Ага, рассматривают бюсты у кремлевской стены. Делаю беззаботно ручкой: все, мол, братцы, у нас о'кэй! Отдыхайте, любуйтесь...

Оборачиваюсь – мать честная! Разыгрывается сценка на охоте: медведь раскидывает трех гончих. Поджарые парни пытаются дотянуться до Валеры ногами. А могучий мужик рубится размахисто, от плеча, по-русски.

А все из-за того, что молодые идиоты, возбужденные алкоголем и победой, допустили роковую для себя ошибку. Один из спортсменов долбанул с досады по лобовому стеклу кулаком. Поползли по нему трещины. А надо было знать Валерино отношение к своей «ласточке». Однажды во Внуковском аэропорту я и выбрал Остапенко в постоянные извозчики Удалову из-за поразительно опрятного вида не самой новой, но идеально отрегулированной и всегда вымытой «Волги».

Да за свою кормилицу Валера против целой дивизии войной пойдет! Бегу, на ходу снимая ремень. Те, советские, прочные милицейские ремни делались специально очень длинными. Чтобы можно было захлестнуть петлей кисть руки противника, закинуть за шею и затянуть на второй руке. Упражнение достаточно простое и быстрое, если остались навыки. Если твои руки ментовские тренировки помнят. Помнят, руки-то!

Пока один, уже связанный, но еще не до конца понявший, что с ним произошло, придушенно хрипел, принялись мы с Валерой объяснять правила хорошего тона оставшимся. Зрелище, я вам скажу, получилось еще то. Посмотреть с американской стороны – не оторвешься! Валера неподъемной своей массой буквально впечатал в историческую брусчатку самого длинного. А я пытался достать прямым в челюсть или хотя бы в лоб того коренастого и юркого. Но не в состоянии был сделать даже выпад: штаны, лишенные ремня, сползли чуть ли не до колен!

Идут, значит, белые снега. Как по нитке скользя. Алеют рубиновые звезды. Бьют часы на Спасской башне. И бьются между собой русские. Которым – жить и жить бы на этом свете. Мирно. Да, как видно, нельзя!

Пыхтят и матерятся пятеро, пытаюсь сделать друг другу как можно больнее. И не подозревают об этой схватке не на жизнь, а на смерть беспечные иностранцы. Хотя отделяют нас всего несколько десятков метров подъема, Кузьма Минин, поднимающий князя Пожарского, и храм Василия Блаженного.

Хорошо, что заслонили они Америку. И хорошо, что Америка там, выше Васильевского спуска. Там, наверху, ей ничего не остается, как восхищаться умнротворенной, такой безопасной, как им кажется, красотой Красной нашей площади.

И ниже брусчатка уже красная. Валерка своему морду расквасил. У меня из губы на снег капает. Чувствую, собственные же штаны меня и погубят. Ныряю противнику в ноги. Падаем. Лежа – проще. Массу болевых приемов удобнее всего проводить лежа. Было бы до чего дотянуться. Ага, попалось

самое мягкое и сокровенное. Да не звони ты так громко, Герцен недоделанный! Американцев разбудишь! Пусть остаются подольше в придуманной ими сказке.

Бросаем всех троих в салон, возем к гостинице «Россия». Там милицейский пост. Знакомая Валере смена. Дежурные сразу же начинают потирать руки, чуют поживу.

Пока смывал в туалете кровь, видимо сторговались. Пять бутылок с «Советским шампанским», не пущенных в ход, слава Богу, никем из дерущихся, перекочевали в стол дежурной части. Один из мигом протрезвевших и сразу сникших студентов, а это оказались ребята из МГУ, действительно выигравшие в Югославии футбольный молодежный турнир, рванул в свою общагу вместе с пострадавшим таксистом.

Разъяренный Валера заломил за лобовое стекло цену и впрямь «в два конца». Денег таких у спортсменов не нашлось. Добавили единственную ценную вещь, найденную в комнате. Новенькие зимние кроссовки.

Валера поначалу их взял. И разошлись, вроде бы, по-мирному. Успели даже к американцам в самый раз. Те только-только завершили свой ночной променад. И еще не начали тревожиться из-за нашего отсутствия.

Отвезли дорогих гостей в «Шереметьево-2». Джон, растроганный и размягченный первым зимним пейзажем, этим чистым снежком, прикрывшим все наши помойки, говорил и говорил о загадочной русской душе. И ее неистощимом таланте дарить красоту.

А бывший одессит Майкл, он же Миша Перельман, в отличие от коренного американца, неладное учуял. Да и синяк под левым глазом Валеры все отчетливее набухал. Следы крови на моей куртке не до конца замылись.

Но переводил Миша наивный бред своего компаньона очень даже добросовестно. Только перед самой посадкой приблизил к моему действующему уху свое ухоженное лицо:

– Мафия?

– Какая мафия, Майкл? – Вопросы я, действительно, не понял.

– Ну, русская. У вас здесь обязательно будет то же, что когда-то было в Чикаго.

– Да бросьте вы, Миша! А то вы эту страну не знаете?

– Именно потому, что знаю. Мафия!

Это ли опасение, какие иные причины, но швейной фабрики в штате Техас у Петровича не получилось. Промаялся Валерий Удалов в Форт-Ворте несколько лет и плюнул на их размеренное спокойствие, на их преласказуемость и комфорт. Ну, негде было развернуться в Техасе отчаянной славянской душе. Вернулся сочинский предприниматель в родимый дурдом. Чтобы и дальше рисковать, делать бизнес, а потом и политику по-русски. Выкручиваясь из немысленных ситуаций, стелая под прессом наших налоговиков, силовиков и прочих «крыш». И... рутая американцев:

– Какие же они все правильные и скучные!

А наш могучий водила долго тогда еще вертел яркую, глянцевую коробку:

– И какого х... я согласился на такую дрянь? Размер не мой. Фасон – тоже. Нет, надо было деньгами!

Хотел даже сгоряча вышвырнуть кроссовки из машины. Прямо на ходу.

– Да ты чего, Валерка, слурел что ли! Давай я их у тебя... куплю, что ли.

– Это ты, Серёня, слурел. Ты ж мне спину прикрывал. Я и не думал, что тебе такое говно понравится. Бери просто так!

Давно уже Валеры Остапенко нет в живых. А обувку его... (или тех ребятишек горячих и неразумных), я до сих пор таскаю. И каждый раз, нанизывая бесконечные петли шнурков на высокие синтетические ботинки, вспоминаю растроганного, ничего не подозревающего американца у гранитного куба с надписью «Ленин».

А также клубок из разъяренных, душащих друг друга, пинающихся и матерящихся русских. У которых за секунду до этого был праздник. Или – работа. Но как мало нам, братцы-славяне, требуется, чтобы все самым печальным, а то и непоправимым образом переменить.

13. КИНЖАЛ ДЛЯ САМУРАЯ

В первые замы управляющей отделения «Мосбизнесбанка» угодил я по протекции Сергея Мужикова, главного юриста головной конторы престижнейшего в ту пору финансового учреждения. Сергей, молодой, подтянутый, во всем очень осторожный и аккуратный, был немного снобом, как и положено коренному москвичу. И был неистощим на изящные комбинации. Позволявшие «Мосбизнесбанку» до поры до времени лидировать в категории А-1. То есть, числиться среди тех, кого считали самыми прибыльными и надежными.

Трагическое «был» связано с той невидимой и ожесточенной войной, жертвами которой пали тысячи российских финансистов, предпринимателей, политиков...

Сергея, в частности, нашли дома под кроватью. С простреленной головой. Предполагались какие-то служебные или личные разборки. Точнее никто сказать до сих пор не может. «Мокрое» это дело – вечный, наверно, «глухарь» и «висяк».

Убийство Мужикова произошло почти сразу после моего вынужденного, во многом, назначения. Внутренний голос подсказывал:

– Не садись, м... чужак! Чужие сани!

Но... Эти болезненные амбиции! Это неизбывное тщеславие, не позволившее вовремя догадаться: банкир из меня – как из пластилина ворона.

Да и казалось сначала, что иного пути попросту не остается. Самое что ни на есть заочное экономическое образование в МАМАРМЕНЕ получил. А здоровье потерял. Однажды в Стамбуле под тюком кожи что-то хрустнуло в позвоночнике. Ойкнул, помассировал поясницу, вроде бы, как и отошло. Но месяца полтора спустя стала отказывать та самая, переломанная в колене нога. Но на этот раз ныло в тазобедренном суставе.

Никто ничего не мог понять. Диагнозы ставились один неутешительнее другого. На очень популярного мануалиста я потратил чуть ли не половину денежных накоплений. Коновал гнул и выкручивал меня нещадно. Попытки в застенках гестапо или НКВД могли после таких сеансов показаться эротическими ласками.

Наконец знаменитость вынесла приговор:

– Случай безнадежный, одна нога у вас короче другой с рождения. Вы раньше просто этого не замечали.

Так я и шкандыбал, переваливаясь. Словно подбитый селезень. Периодически взывая от нестерпимой боли.

При таком раскладе, понятное дело, многие деликатные задания Удалова превращались в невыполнимые. Успел лишь в начальной стадии болезни раздобыть для представителей МОКа... черкески с газырями. Да папахи с кинжалами.

Этот анекдот из истории субтропического города-курорта возник потому, что Сочи впервые тогда рискнул выдвинуться кандидатом на проведение зимних Олимпийских игр. Хотя показывать мировому спортивному сообществу было абсолютно нечего. Кроме старых лыжных подъемников в запущенном донельзя поселке Красная Поляна да горной извилистой, чрезвычайной опасной дороги к ним.

Пробили этот путь через скалы еще до революции. И назвали «Пронеси, Господи!». Потому что камнепады на этой узенькой дороге до недавнего времени уносили каждый год до десятка жизней.

Но что может поколебать веру нашего чиновника в силу «потемкинских» деревень? На курорте у начальства давно накоплен опыт подкупающего хлебосольства. Не за свой, конечно, счет.

А кого в ту дикую, «раннерночную» пору напрягали больше всего? Тех же, кого и всегда. То есть, кто везет – на того и грузят. А Удалов и старушкам к пенсиям доплачивал. И Дому ребенка игрушки привозил. И застолья для особо важных «гостей города» организовывал.

Однако обрушилось теперь особенное поручение. Японцев, собиравшихся проинспектировать новых кандидатов на Белую Олимпиаду, мэр наш курортный возжелал превратить в настоящих кавказских джигитов. За трое суток, хоть из-под земли, требовалось найти пять комплектов экзотического «обмундирования».

Карпов, значит, убедительно попросил Удалова. А шеф выдал срочное поручение мне. Но обзвон Адыгеи, Минвода и Осетии ничего не дал. Надо было садиться в поезд и просто ехать, куда глаза глядят.

Глаза посмотрели на Тбилиси. Я был там до этого лишь однажды. В середине семидесятых. По «горящей» комсомольской путевке в молодежном центре у водохранилища. Которое местные упорно называли морем.

Вывез из Грузии болезненную «занозу». Купился горе-детектив на «слю-

нявую конфетку». Только ступил на перрон, как подскочил чрезвычайно деловой и представительный водитель частной «Волги»:

– В «Золотое руно», товарищ? Я его официальный представитель! По транспортной части. Вас с ветерком доставить?

– Вот, – растроганно думал я тогда, – как в братской республике все четко налажено. Как умеют встречать гостей! Подвозят персонально к самому подъезду!

Но за какие бешеные «бабки», как выяснилось чуть позже. Малость местной специфики глотнув, реальные цены разузнав, осознал начинающий казахстанский следователь, что кинул его профессиональный «бомбила» как самого настоящего деревенского «лоха». Содрал раз в пять больше положенного. Так крупно я пролетал лишь однажды. Уже гораздо позднее, в Бангкоке. Для одного столичного журнала пообещал оттуда сделать очерк о зланных местах Таиланда.

Мужчина к тому времени был я холостой, свободный. Моральными обязательствами не обремененный. Однако не понимавший ничегошеньки в добротном профессиональном разврате.

«Грязное шоу», где натренированные тетки сбивают воздушные шары специальными стрелками, выпущенными из самого интимного женского местечка, я еще как-то переварил. Трансвеститов за измену мужескому полу мысленно осудил. Но хореографию оценил положительно: не всякая дамочка так изящно может ножками выделывать. Стриптиз вообще посчитал невинной забавой. А вот знаменитый тайский эротический массаж...

Я долго не решался к нему подступиться. Но какой из журналиста толк, если тема не пропущена через себя? И вот водитель «туки-туки», трехколесного, оглушительно трескучего мотороллера, обещает мне на невообразимой смеси разных языков «самых дешевых и самых сладких массажисток».

Я еще подумал тогда: «Ага, типа дуриана». Который очень даже ничего на вкус. Если не принюхиваться. Но согласиться глупости хватило.

По каким-то немислимым закоулкам сводник довез меня до здания, напоминающего стандартную нашу девятиэтажку. Только тут раза четыре по девять будет. Высокие, крепкие ворота захлопнулись за нами со скрежетом старой мышеловки. В холле – что-то вроде огромного аквариума. Молодой человек за стойкой, очень напоминающей гостиничную, предлагает мне «массажисток». Для чего подводит к огромному стеклянному кубу. Своего рода – аквариуму без воды. Где расселись эдакие... русалочки. Очень даже ничего девицы, не при всех трех моих женах будет сказано.

Улыбаются потенциальному клиенту прелестницы из Филиппин, Вьетнама, Китая... Своим, таиландским, подобным безобразием заниматься категорически не рекомендуется. Зато есть мулатка и негритянка.

– Вам какую? Или – каких? Подороже? Подешевле? – на англо-немецкой смеси интересуется «администратор».

Два ведь раза в своей многогрешной жизни попробовать буду. Первый, он же и последний. Так что...

– Заверните-ка, товарищ, во-он ту, желтенькую, с миндалевидными раскосыми глазками. И эту, черненькую, с изумительно высокой грудью.

– Анал, вагинал, орал? – чиркает в своем блокнотике управделами. Ага, напел дурачка! Журнал, конечно, престижный, на всю Россию известный. Ради него и постараться можно. Но и СПИД, он ведь того... не спит!

– Только орал, пожалуйста. И обязательно с кондомом!

– Йес, сэп! С вас 200 долларов, сэп.

– Скоко, скоко?!

Где тот танк с заряженной пушкой? На котором великий наш Жванецкий намеревался подехать к рынку и поинтересоваться ценой. Где была моя головка неразумная? Когда я ввязывался в сомнительную эту историю с таким печальным финалом. Точнее – фингалом. Причем, не одним, в случае чего. Вон, какие бугаи подтягиваются к администратору. Один смахивает на самого свирепого противника Брюса Ли. В фильмах про кун-фу и прочее зубодробление. И у второго рожа шире моих плеч...

– Хорошо, хорошо, плачу!

Остатки эротических желаний прищемляет дверца лифта. На котором все трое, желтенькая, черненькая и багровый от переживаний возносятся бесконечно долго.

Выходим в коридор, напоминающий советское общежитие. Бегают и галдят чьи-то детишки. Старуха в лохмотьях прикорнула на куче смятого постельного белья.

– Доигрался, мать твою! – бьется трепетной ланью покаянная мыслишка. – Лететь вам, Сей Сенч, «фанерой» над Королевской рекой. Что эта мафия может думать, если я такие дурные деньги отдал? Вместо 40–50 долларов, которым рады в любом ином «массажном» салоне. Мафия может подумать, что заманили придурочного миллионера. О местопребывании которого не известно никому.

Ограбят одиночку. И сбросят в воду. С тем самым концом, который вечно находит на задницу приключений.

Проконвоировали меня красотки до обшарпанных каких-то дверей. Врата в рай они явно не напоминали. Зловеще скрежетнул ключ. Душная, ничем не обставленная комната. Только огромная круглая кровать слева. И такая же круглая ванна в углу напротив. Стены унылого цвета. Мрачный, весь какой-то черный и лохматый паук заплел паутиной потолок. Какой тут, к чертям собачьим, массаж и «орал»! Если кому здесь и орать, так это перетрусившему туристу-журналисту: «Мамочка, забери меня обратно!»

А желто-черные уже скинули с себя халатики, остались в костюмах Евы. И манят к себе. Ага, щас! Эти прохиндейки тащат меня к ванне. Для чего? Ясное дело, для того, чтобы ослабить профессиональную бдительность!

Отвлечь от охраняемого объекта. Так и оставлю я вам без присмотра свою новенькую видеокамеру «Панасоник». А также – кассет компактных три штучки. И аккумулятор запасной – один. Но что самое главное – паспорт гражданина СССР! В который вложена вся моя оставшаяся наличность эквивалентом 47 у.е. и обратный авиабилет.

Но как же все это богатство сберечь? Обзора из этой глубокой емкости с пенной жидкостью у меня явно не будет. Да-а, не без своего коварного умысла раздевают меня сейчас красотки. Собираются, гадины, будущую свою жертву усадить лицом к кафельной стене. И покуситься на то, что еще Маяковский доставал из штанин. Дубликатом бесценного груза.

Врешь, русского так просто не возьмешь! В чем мама родила и на глазах у присевших от изумления массажисток неимоверным усилием приподымаю чуть ли не центнеровой тяжести ложе. Накрываю массивной кроватью все свои переносные ценности. Теперь этим двоим, миниатюрным, слабым, без подмоги не справиться.

Точно, зовут! Одна соскальзывает с меня, как пингвиненок с айсберга. Шлепает босыми ножонками к выходу. Кричит что-то раздраженно, почти гневно. Выворачиваю шею, вижу какого-то азиатского мужичонку в комбинезоне и с лестницей-стремянкой. Правда, к моим сокровищам он даже не приближается. Начинает ковыряться в кондиционере над дверью. Периодически мне с лестницы улыбаясь, кланяясь и делая знаки типа:

– Не отвлекайтесь, товарищ, ловите побольше кайфа! Раз уж столько вами ухлопано.

Здесь точно слышишь! Вон, желтенькая, постоянно издает какие-то подозрительные звуки. После мытья, обмазывания какими-то кремами и легких шлепков по разным частям так и не расслабившегося тела, меня укладывают на резиновый надувной матрац с инвентарным «бомбардировочным» номером «В-52». Черненькая в роли наездницы катается по нижней половине. Желтенькая – по верхней. Встречается с напарницей в районе моего пупка и – назад. При этом так громко и часто шмыгая носом!

Где же я читал, что насморк – это первый симптом СПИДа? Кажется, в «Комсомолке»? А может – в «Здоровье»?

За думами о судьбах отечественных СМИ окончательно забываю, зачем пришел. Запыхавшиеся, измученные «массажистки», перепробовавшие натруженными частями своих довольно изящных фигур все доступные им способы трения, скольжения и верчения, разве что только не спрашивают уже:

– Советико туристо – облик импотенто?

Но и это уже «до фонаря». И не потому даже, что нет никакого подъема. Или последних денег жалко. Великое разочарование от крушения еще одной заветной иллюзии поселилось в душу. И угнетает тело. Вот вам и хваленый восточный эротизм! Вот вам и кому с утра, а кому с вечера! Куда

вкуснее, занятнее и романтичнее происходили бесплатные забавы у самого Черного моря. Под шелест волн, стихотворные экспромты на салфетках и домашнюю «Изабеллу» прямо из пластиковой бутылки!

Нет и не может быть улады от платной любви! Или – чрезмерно переплаченной?

Однако, после бесконечно долгого, утомительного и всем троим поднадоевшего пути к безрадостному финалу, труженицы секса еще имеют наглость потирать пальчиком о пальчик:

– Мани, мани, сэр!

Какие еще вам «мани», гражданочки?!

– Их хабе кейн гельд, леди...

Черненькая, то ли из Гаити, то ли из Гватемалы, не скрывает презрения на мордашке. Достает из своего халатика мятый доллар – возьми, мол, жмот и бедолага! Получи, белая раса, за прежнее издевательство над черной!

Хорошо, что хоть за немца себя выдал. За державу не так обидно будет. Но к чему это я? Начал с грузин, еле кончил на гаитянке. Тбилиси-то здесь причем? Да при том, что батону Григорий из швейного ателье у тогда еще совсем не «беженской» и не такой как теперь запущенной гостиницы «Иверия» достал кувшинчик «Телави». А после парочки стаканов янтарного чуда переправил меня на улицу имени Коставы. К племяннику своему Важе. Важа из скобяной лавочки вытащил из-под прилавка бутылок несколько «Кахети». И после третьего тоста убедительно попросил не путать этот благородный напиток 1948 года рождения с таким новоделом как портвейн «Колхети», выпускавшийся в Грузии «всего лишь с 1977 года».

– Это же так просто, брат! – горячился от непонятливости случайного, но такого дорого гостя продавец топоров, серпов и бидонов для керосина. – Бархатный «Кахети» творят из винограда Мцване! А «Колхети»? Какой-то белый, кислый, сморщенный сорт «Цицка», понимаешь!

Наконец спохватился и посоветовал обратиться к тете Нике с улицы Ви-намдз...

– Попробуй еще «Алазанскую долину», брат! Легче станет, сердце затрепещет, язык запоет!

...С улицы Ви-нам-д-з-г-в-р- швили, уф! А Гиви, троюродный брат тети Ники, как раз и работает в краеведческом музее. Он уж точно знает, где можно купить папахы, газыри и даже бурки.

На улице Винам...дзр... Ну, в общем, вы поняли где, сердобольная тетя Ника сжалилась и никаким больше спиртным меня не угощала. Кроме замечательной абхазской «Лыхны». Но тут примчался Гиви и принес настоящую «Хванчкару». А тот, кто пренебрегает жемчужиной кавказских вин, не восхищается «кровью солнца» из благородного винограда «Александроули» и «Муджуретули», разве тот не враг всего грузинского народа?

До государственного оперного театра, где заведовала костюмерной ча-

стью знакомая сестры лучшего друга Гиви, мы то ли доползли, то ли долетели. На винных парах.

Денег мне было приказано не жалеть. Но за пять комплектов одеяния настоящего абрека с меня взяли по-божески. В первом же сувенирном отделе прикупил никелированные кинжалы. И только в поезде с ужасом разглядел: черески и бурки – детские!

Но японцы, в том числе и потомок какого-то знаменитого самурая, оказались традиционно маленького роста. Мэр Сочи самолично напяливал на комиссию папахи. Дети Страны восходящего солнца в свою очередь поулыбались. Ничего не молвили при виде обветшалой и убогой нашей спортбазы. И даже не зажмурились, пока полз автобус через камнепадный участок «Пронеси, Господи!».

Но потом написали такой отчет, после которого на Красной Поляне не только Белую Олимпиаду, районный слет туристской песни под гитару организовывать было бы стыдно.

Однако начальство сочинское под свою авантюрную акцию кое-какие денежки из бюджета вытрясти все же успело. И по миру за казенный счет, якобы для «обмена опытом», очень даже не хило попутешествовало. Жалуюсь попутно, что проверяющие из МОКа оказались предвзятыми и «националистически ориентированными».

Ведь ради кого отказали Красной Поляне? Ради Нагано! А комиссия МОК из чьих проверяющих состояла? Из японских. То-то же.

14. ПОЛТОРА ПУДА «ЗЕЛЕНИ» В «ЯМЕ» НА ПУШКИНСКОЙ

Если точнее, долларов было 23 килограмма и 300 граммов. Считая с пластиковой упаковкой, плотно обволакивавшей стотысячные брикеты из сотенных купюр.

Как-то я прочитал интервью с Коржаковым. Там у него десять тысяч таких вот бумажек, миллион долларов, тянет чуть ли не под триста кило. Не знаю, не знаю... Может, весы у телохранителя были другие. Или – деньги.

А два миллиона «зеленых» вполне даже укладываются в такого же цвета сумку. В нее мы с женой до самого нашего отбытия за границу картошку грузили. Ведерка три-четыре зараз. Эмма всегда при этом делала «озабоченное» лицо:

– Постой! Проверь за подкладкой! Может, какая сотенная и завалилась?

За валютой в Москву и один я до этого уже несколько раз отправлялся. Так делали в ту пору тысячи «черных» курьеров. Резонно полагавших: не охрана, а конспиративность перевозки дает относительную безопасность. Что же до вооруженного эскорта, то не однажды именно он губил из-за денег инкассаторов. Центнеры, тонны этого добра перебрасывали из столицы в Свердловск и Магадан, в Ростов и Грозный люди неприметно одетые и неброско выглядящие. Но рубли интересовали народ все меньше и меньше. Филиалы и отделения покупали в своих головных конторах доллары. К ним неумолимо возрастал интерес.

Два миллиона нужны были для конвертации рублей в Сочи просто позарез. И еще вчера. Успешный курортный сезон клонился к закату. Смутное предчувствие чего-то дурного и неумолимо приближающегося все ощущимее тревожило «челноков», торговцев розницей, квартиросдатчиков и бар-

менов. Еще никто не знал, что финансовую катастрофу миллионов россиян назовут дефолтом. Но заокеанские бумажки требовали чуть ли не все. Наше хиленькое отделение на ажиотажном спросе могло и приподняться.

К тому времени стало уже понятно: скрытные, неторопливые и тщательно продуманные банковские операции, многоходовые финансовые комбинации с просчитыванием всех вариантов наперед абсолютно не подходят моей холерической натуре.

Ногу, а точнее, сдвинувшиеся под грузом позвонки, мне постепенно выправил Толя Сергеев, сочинский самородок с волшебными пальцами. И диплом магистра в академии мне выписали с отличием. Но успехов в банковском деле это не добавляло. Становилось все очевиднее: совершена фатальная ошибка. «Санш» и впрямь оказались чужими.

Теперь-то я понимаю, насколько смешным и нелепым в глазах профессионалов кредитования, инвестирования и накопления выглядел новый заместитель, а потом даже и.о. управляющего сочинским отделением «Мосбизнесбанка». Я много и бестолково суетился. В конфликтных ситуациях с заемщиками мог, как самый настоящий пацан, словно бы невзначай распахнуть или даже снять пиджак. Чтобы повоздействовало на психику должников оружие в подмышечной кобуре.

В то же время я по-дилетантски доверял там, где следовало трижды перепроверить.

Нет, поначалу даже что-то и получалось. Ведь покойный начальник юридического управления головной конторы верно все рассчитал. И убедил в этом своего шефа, матерого финансиста Букато. Мол, этот провинциальный паренек Золовкин болезненной скромностью не страдает. Захочет – горы свернет. Такой может и должен «отбить» хотя бы часть долгов, накопившихся у самой маленькой и самой убыточной провинции банковской империи.

«Кидали» же наше отделение самые добросовестные, на первый взгляд, заемщики. В ту веселенькую пору мошенником поневоле мог стать даже самый честный предприниматель. Государственный и бандитский рэкет сделался настолько тяжким, что даже такому «крепкому орешку», как Валерий Удалов, пришлось закрыть свои мастерские, ателье, швейную фабрику, магазины...

Добрая половина всех кредитов банковской системы страны присваивалась разного рода проходимцами и процельгами. Чаще всего работала элементарная система «отката». Когда в тайном сговоре с банкиром изымалась кругленькая сумма из не своего, естественно, кармана. Выдавалось казенное, под липовое кредитное обеспечение. Часть этих обналиченных кредитов, от десяти процентов до половины, тут же возвращалась благодетелю. И финансист делал беспомощный вид: банкротство заемщика неизбежно, на возврате не настаиваем, сумма ущерба для учреждения приемлема.

Такого рода махинации послужили стартовым капиталом для немалого числа отечественных миллиардеров и мультимиллионеров. Но Сочи, далекий от промышленных центров и могучих финансовых потоков, ограничивался масштабами разворовывания куда более скромными.

Некоторые наши должники действительно становились жертвами форс-мажора. Я навещался к ним чаще, чем к себе домой. Увещевал и даже угрожал. Не утюгом, конечно же, и не паяльником. «Капание на мозги» и призывы к совести при многократном повторении тоже могут быть эффективны. Но подкреплять их энергичными действиями приходилось постоянно. Собирается, к примеру, Хвича Лазаревич, классный специалист по колбасному делу и хронический неудачник, за карточным столом спустить в «блэк-джек» подвернувшуюся пару тысяч долларов. Но у входа в казино его уже поджидает ваш покорный слуга с двумя «мальчиками» из охраны:

– Здравствуй, дорогой! Как жена, как дети? Зачем будем деньги Гусю отдавать? Зачем криминал будем подкармливать? Ты же честный человек, Хвича Лазаревич. Тебе Арсенчик скоро будет в глаза заглядывать, плакать и спрашивать: «Зачем долг «Мосбизнесбанку» не вернул? Почему мне за душу стыдно?»

Беру под локоток сникшего заемщика, везу на работу, оформляем ссачу пусть малой, но зато конкретной части кредита.

Но, приободренная даже локальными успехами, Москва тут же доверила мне не только выдавливание денег, но и выдачу. А все, кто жаждал ссуды, казались такими милыми, порядочными людьми! Приходят два ангелочка, в глазах горит энтузиазм первопроходцев капитализма, в руках грамотно составленный бизнес-план розничной реализации «Пепси-коль», закупленной в Новороссийске. Эти самые Мухин и Арустамов готовы были даже передать в залог «чистую», то есть освобожденную от проживания квартиру.

Но наступает время расплаты и обнаруживается, что вся партия «Пепси» пропитана, в карты проиграна и на девок спущена. А в заложенном жилье задним числом обозначился по документам малолетний сын одного из горе-бизнесменов. Но милиция возбуждать дело по мошенничеству не собирается. Докажите, мол, что с ними в доле не были и что у ваших клиентов имеется заведомый умысел на обман. Судебные исполнители по гражданскому производству разводят руками и плутовато отводят взоры в сторону: квартиру у ребенка не отнимешь, а родители – голы, нищи, босы...

Посмотришь таким козлам в ясные очи. И даже плевать в них не хочется. До того все понятно и безнадежно.

А тут еще молодая поросль «Черноморки», взбаламученная ветрами перемени, вышла из партийной газеты. Собрались в беседке турбазы «Сокол»: орел, Жорка Иванов; эстет и художник, Саша Бесков; мудрейший и старейший из нас – Леонид Константинович Рыжков. Ну и я в придачу.

Решили учредить свою независимую газету. Еженедельник под незатейливым, зато ясным названием «Сочи».

Даже домашний, ожиревший и обленившийся гусь волнуется при виде перелетного клана диких своих собратьев. Затосковал, захлопал было крыльями и я. Но семье требуется одно. Душе – другое. Уйти из коммерции в газету – значит потерять в доходах почти на два порядка.

Правда, семейный напч челн и без этого испытания давно трещал под натиском житейских бурь. Хотя одна только мысль о возможной разлуке с сыном приводила меня в ужас.

Не репаясь выбрать между сердцем и мошной, смотался даже в Израиль. Посетил святые места. Наивно полагая, что голос сверху где-нибудь на Голгофе или в Гефсиманском саду все мне растолкует и про все расскажет.

Ща! Одиноким мужик в этот мир приходит. Один уйдет. И в промежутке между первым и вторым обязан самостоятельно принимать фатальные решения. Не докучая небесной канцелярии суетной мелочевкой.

Потому и вернулся с Земли Обетованной я еще более тоскливым, неудовлетворенным. Все яснее осознавая: пятое я колесо в этом непонятно для меня устроенном банковском механизме. Да, денежно здесь. Тихо. Мирно и сытно. Но до чего же тошно отбивать впустую время. Пыжиться, делая вид, что и ты в мире мудреных финансовых терминов и схем хоть что-то да значишь.

Единственное, чем я еще мог быть полезен отделению, так это экономией девяти процентов от заказанной в головной конторе гигантской суммы. О суперпартии валюты, кроме наших управляющей и главбуха, должны были знать только сам «черный» курьер и высшее руководство акционерного банка в Москве. Но это теоретически. На практике такой вариант смахивал на игру в догонялки с завязанными глазами на минном поле.

Поэтому из круглого кассового зала на Кузнецком мосту выходить я не торопился. Мне «мечта оккупанта», так тогда «челноки» называли огромные дорожные сумки, плечо пока не давила. Билеты есть и на поезд, и на самолет. Но последнее исключается первым. Даже если никто ничего не знает сейчас, узнают в аэропорту. Просветят груз и сойдут с ума от алчности: двадцать брикетов с сотней «тонн гринов» в каждой! Даже за крохотный процент от таких денег сдадут меня с потрохами «братве». Если не линейные менты, то посадчицы.

Теперь – поезд. Одет я с провинциальным шиком – стоптанные, давно не мытые кроссовки «мейд ин Чайна», черная рубашка с претензий на французскую «фирму» из стамбульской кустарной «фабрики», такого же подпольного производства джинсы. Типичный мелкий перекупщик, загрузившийся под завязку видеокассетами с «порнухой» и пиратскими CD-дисками где-нибудь в Лужниках или на «Горбушке». Но именно к таким всякая вшивота купейно-плацкартная и присасывается. А чего везешь, мужик? А почему не

делишься? А почему «подорожную» не платишь? Кто-нибудь хватать за сумку. Если увидят что в ней – и ночи дожидаться не будут. Выбросят курьера под откос на виду у всех. Следом сами на ходу выпрыгнут. Уже валютными миллионерами.

Не-ет, тут нужно что-то нестандартное, в нормальные мозги не укладываемое, никем даже теоретически не просчитываемое. Чего никогда не станет делать уже нагруженный «черный» курьер? Он не станет напиваться. Потому что не должен терять бдительность. Что эквивалентно потере как жизни, так и денег. Но с другой стороны, нужно ли чего опасаться там, где тебя никому и в голову не придет искать? Вот и отлично!

– Чего делаешь, Юрчик?

– Да так. Бойцы вспоминают минувшие дни...

Голос у Головина скучный. С бизнесом своим окололитературным он уже закончил. Издал несколько своих повестей о Сочи, несколько прибыльных справочников, побывал на пике материального процветания, построил себе дачку в Новом Иерусалиме и подступился к самой главной своей мечте. Для чего свернул набиравшее темп предприятие, уединился и пытается теперь справиться с романом про апостола Павла. Ни больше, ни меньше. Но пока идет туго. И на душе, судя по всему, маотно.

Встретились в «Яме» на улице Пушкинской. Пивнушка в ту пору выше категории «гадюшник» еще не поднялась. В воздухе – хоть топор вешай. Какой-то алкаш «чистит» другому рожу из-за рубля. Добрый десяток мужиков весьма свирепой наружности и высшей степени опьянения сгрудились вокруг круглой стойки и пересчитывают последние свои монеты для пивных автоматов.

Нормальная, в общем, мужская обстановка. Самое место для надежного сбережения капитала.

– А вот интересно, – раздумчиво прогнозировал друг, почти до шепота понизив голос. Хотя гвалт вокруг стоял такой, из мортиры стреляй, не услышат. – Исчезни ты сейчас с этим своим... грузом. Получилась бы у тебя новая жизнь?

Уже гораздо позанее, действительно в новой жизни, мы с Эммой будем ходить на «шпрахкурсе» в тот же гамбургский университет, который закончил и Мохаммед Атта. Тот самый камикадзе из числа учинивших ад в Нью-Йорке.

Уничтожение ВТЦ вся наша интернациональная группа безусловно осудила. Тут ни у кого вопросов быть не могло. Но беседа от терроризма плавно перешла к деньгам. И наша преподавательница Бригитта предложила тему «Что бы я сделал, с миллионом долларов?»

– А если с двумя? – не удержался я. И на своем, изрядно подзабытом, немецком поведал о давнем приключении. Надо было видеть округлившиеся глаза молодежи. Особенно турков. Как они сожалели об упущенном мною

«звездном часе». Как пылко доказывали: в том же Стамбуле, к примеру, жил бы я сейчас, как падишах. Имел бы яхту, горделиво распускающую хоть алые, хоть белые паруса. Знойную красавицу на палубе. А то и целый гарем.

Эти начинающие завоеватели безбедной жизни в азарте своим юношеском забыли лишь о том, что мечтают о чужих, не заработанных, а значит и не приносящих счастья деньгах. Они еще не прошли нашу с Эммой школу. Перед ними не распахивал «дипломат» начинающий политик, готовый переступить через все и вся ради такой бездонной кормушки, как управление крупнейшим городом-курортом. Они не получали предложений, от которых и впрямь почти невозможно отказаться. В пору, когда дыр в семейном бюджете куда больше, чем возможностей по их заделке. А тут тебе чуть ли не силой заталкивают в руки огромные деньги. Только за то, чтобы смолчал. Не написал бы про негодяя и лжеца, что он негодяй и лжец.

– Здесь 180 тысяч «гринов», Сергей Алексеевич. Номера купюр не переписаны, не бойтесь. На время выборной кампании смотайтесь куда-нибудь в Париж, на Сейшелы... Отдохните! А то вы бледный какой-то, замученный. Спите, наверное, плохо?

А мы и впрямь с Эммой в ту ночь не спали: соглашаться, не соглашаться? Неужто моя репутация провинциального журналиста-расследователя и впрямь таких денег стоит? Хотя... Столько лет я ее зарабатывала! Сколько раз задницу под та-акие пинки подставляла! И сколько людей говорили ведь, искренне говорили:

– Другим не верим, а вам верим, Сергей Алексеевич.

Еще на следствии, не забуду, плакала в моем кабинете пожилая казашка:

– Заберите дело моего сына к себе! Своим не доверяю. Наши взятки берут. Засудят моего парня ни за что. А вы плохих денег боитесь. Если посадите, то честно.

Это я-то – честный? А сам тайно просчитываю, как вытаскил бы дочку из «общаги». Как подбросили бы мы с Эммой Лешке в Питер на нормальную квартиру вместо уголка в старом доме. Как заплатил бы Надежде сколько она захочет. Чтобы кончила эту фронтду. Вернулась, наконец, с сыном из Караганды в Сочи. И жила бы в давно пустующей и неумолимо ветшающей квартире на Курортном проспекте.

Великая, ох, великая власть у рубля, у доллара, у евро. Но как там у куда более великой Раневской:

– Деньги пройдут, позор останется.

И как потом мне жить с ним? Ради чего?

Однажды завалились к нам с Эммой аж в два часа ночи шестеро мужиков. Один другого крепче. Три незнакомых мне доселе СОБРовца, два ОМОНовца и обожающий боевые искусства силач Анисимов. Тогда еще судьба. Но уже в опале у начальства за попытки сохранить честного лица не-общее выраженье.

Приехали ребята не морду журналюге бить. И не перья ему в жопу засовывать. Как периодически обещал мне один аноним по телефону. Приехали с ящиком водки и ящиком пива. На своего рода «разводку» приехали. Выбор у них стоял такой. Или к «смотрящему» Коле Гусю, то есть Гусейнову, направиться. Или к человеку, которого каждая из конфликтующих сторон пусть заочно, по публикациям, по телевизионным выступлениям, но знает. И – что мне бальзамом на душу пролилось – уважает.

Конфликт, который предстояло за столом «развести», иных путей уже не признавал. Потому что дело дошло до вызова на перестрелку где-нибудь за городом. И все после того, как в ресторане «Три толстяка» несколько «сыскарей» в штатском повели себя как дешевые «баклань». Доступнее говоря, оперативники из городского управления «расслабились» до такой степени, что начали хулиганить и приставать к чужим женщинам.

За порядок в ночном заведении отвечали два бойца отряда милиции особого назначения. Были они «по форме». Но не «при исполнении». Просто подрабатывали после службы у коммерсантов. Как и большинство тех стражей порядка на мизерном окладе, кто не ворует, не мздоимствует, но семью прокормить как-то стремится.

Дальнейшие события предугадать не трудно. Братки..., то есть, братья из угрозыска оказались сынками очень влиятельного кавказского человека, занимающего большой милицейский пост. Они давно отвыкли от того, чтобы кто-то делал им замечания. Завязалась свирепая драка. Перепуганные рестораторы вызвали на подмогу СОБР. Отряд действительно отреагировал быстро. Навалили дебоширам по первое число. С нарушением спокойствия внутренних органов в лице разъяренного папаши сыщиков. Тот возбудил дело. Провел обыски на квартирах ОМОНовцев и СОБРовцев...

Вот и решили горячие парни из спецназа с не менее лихими джигитами из угрозыска стреляться. О тридцати шагах. Потому как пистолеты все же не пушкинской поры. «Макаров» куда дальнобойнее и точнее Лепажа будет. А если обидчики откажутся:

– Будем шлепать гнусов поодиночке в лобец и с пятисот метров, – горячился высоченный атлет, орденосец и снайпер Станислав. Явная жертва «чеченской» войны. Дважды контуженный. Дважды убивавший в упор при задержании вооруженных преступников. Когда выбора нет. Или – он тебя. Или – ты его.

Слушать Стаса было жутковато. Но водка с пивом делали свое дело. К рассвету договорились встретиться еще раз. Но теперь в расширенном составе. Добавив оперативников. Чтобы обошлось без стрельбы.

Такое вот мужское доверие спецназа к журналисту. И теперь взять его и предать? Купиться на чемоданчик с «зеленью», как на тайский массаж в Бангкоке?

– Куда пошлем этого... Мася? На три буквы или на пять?

– А давай на все восемь!

Помогли тогда провалить субчика. Не прошел он в мэры. А позднее стало известно: классную пиар-кампанию столичной «штучке» сорвали! Фиксировалась на пленку наша тайная вечеря. Потом начался бы шантаж. И выбор между позором или такой же постыдной, холопской работой на этого господина.

Не-ет, ребятки-младотурки, дети нового времени, «не догоняете», как говорил Алеша, вы некоторых вещей! А вот Юрчик, на то и друг, чтобы все понять.

– Странные мы, все-таки, люди, интеллигенты советского периода, – взгрустнул Головин после третьей кружки пива. – Вместе с нами уйдет не только серое и убогое. Что-то очень важное для нормального будущего уйдет. Вот живет в тебе, Серый, пара светлых мыслей и пара принципиальных идей. Но и это уже прививка от алчности. Уже есть гарантия, что доведешь ты самое великое и самое ужасное изобретение человеческое – деньги, до этого своего банка. Как морковку какую-то. С грядки - в погреб.

– А ты бы довез?

– Я? Ну, брат, не у всех же так просто. Я... Я просто не стал бы братья за чужое. Чтобы не возник соблазн сделать его своим.

Напились мы тогда, как и следовало ожидать, до изумительно легкого, почти что праздничного состояния. После чего выбрался я на кольцевую. На заправке поймал одну попутку, через восемь часов – другую...

От Ростова до самого до Сочи ехал с «дальнобойщиком» Колей. Сбрасывавшим несколько вилок капусты на каждом посту ГАИ.

– Себе возьмешь? – протянул Коля здоровенный кочан уже в Дагомысе. Оттуда на такси до банка оставалось минут двадцать, не более.

– Терпеть ненавижу!

– Чего так?

– Аллергию подцепил на капусту! Особенно на зеленую...

15. ДВОРЦЫ-«НЕВИДИМКИ»

Жить на Руси, как на «американской» горке кататься: гарантирован полет вниз после каждого взлета. Расслабляться опасно даже на вершине успеха.

Вспомнился по этому поводу один казус. До сих пор никому не известный. Связан он с почти уже закатившейся эстрадной «звездой».

Валерий Удалов в пору расцвета своего швейного бизнеса немножечко меценатствовал. Дарил концертные костюмы Кларе Новиковой, к примеру. Но активнее всего опекал Азизу. До выстрела, сгубившего не только Талькова, но и карьеру поп-дивы, оставалось еще время. Певица из Ташкента купалась в лучах общесоюзной славы. Снимала клип в Дагомысе. Что-то типа «Улыбки», которая то манит, то обжигает.

К этому событию шеф изготовил в своем ателье особенно эффектное платье. А я, по указанию Удалова, раздобыл серебристый «мерс». Естественно, «шестисотый». Чтобы «все как у людей».

На площадке, откуда открывался захватывающий вид и на море, и на гостиницу, Азиза должна была проехать мимо телекамер. Сделать призывно ручкой. И улететь домой: на центральном стадионе Ташкента готовился гала-концерт. Билеты были давно раскуплены.

Все сорвалось по причине чисто российской. То есть – идиотской. Молоденький сотрудник фирмы проката совсем недавно пересел из «Икаруса» в лимузин. Со знаменитыми людьми дел не имел. А тут – вот она, «звезда», совсем рядом! Пареньку захотелось отличиться. Шикануть. Эффектно и красиво замереть у самого края трассы. Откуда, в случае чего, лететь на камни секунд двадцать. Если не больше.

Но дилетант вместо тормоза даванул на газ. Перед самым бордюром машина рванула вперед. Стесала себе все брюхо. И только чудом не сорвалась в море.

Азиза головой пробила лобовое стекло. Получила сотрясение мозга. И строгий медицинский запрет на ближайшие выступления. Да и «Мерседес» надолго вышел из строя.

Так вот и я замер на своей обочине – огушенный и переломанный. В банке делать было нечего. Чем дальше я там оставался, тем меньше себя уважал. Но от жирного куска отказаться сил не хватало. И в опустевшую квартиру приходить не хотелось.

Жена не просто уехала из Сочи. Она запретила любые контакты с ребенком: трубку не поднимать, на письма отцовы не отвечать...

Попытка похищения сына из Караганды скандально провалилась. Остановили нас с Кирюхой на выходе из школы. Набежали Надины родственники. Потом один из них настоятельно посоветовал лететь куда подальше... Трудно отказать, когда в живот тебе направляют револьвер. Пусть даже и самодельный. Малокалиберный. Но – заряженный.

Любая попойка с друзьями и даже случайными знакомыми завершалась теперь соплями и стонами. Жалко себя, любимого и обделенного, делалось нестерпимо.

Но когда терять нечего, начинаешь приобретать. Хотя бы осознание того, что спастись можно единственным, неоднократно проверенным и довольно банальным способом. Помогли тем, кому еще хуже.

Особенно плохо у нас в Сочи обстояло и обстоит дело с общедоступными пляжами. Это заметно сказывается и на местных, и на отдыхающих. Почти все на крупнейшем курорте страны поделено и разгорожено. Остаются свободными только окраины и отдельные лоскутки морского берега в центре.

Именно такой лакомый кусочек под горой Малый Ахун у молодежного турцентра «Спутник» начальство и прихватизировало.

Нудистам и, особенно, нудисточкам, столь впечатлившим меня еще в Одессе, негде теперь было сливаться с матушкой-природой. Единственный для них пляж заняли строители.

В это время Эмма все глубже входила в мою холостяцкую жизнь. Я переехал к ней. И теперь в банк приходилось добираться из Адлера.

За окном служебной машины мелькали пышные особняки. В местной администрации их называли почему-то «лодочными ангарчиками». А на вопрос: «Законно ли частникам занимать пляжную полосу, вроде бы, как и принадлежащую всем?» – чиновники вжимали голову в плечи. Непроизвольно понижая голос:

– Ну, вы же понимаете...

Я не понимал.

– Ты там, в финансовой своей сфере, от новой жизни совсем оторвался! – изумлялись некоторые местные газетчики. – Ка-акие люди сейчас у моря обустроиваются, представляешь?

– А какие?

– Ну-у, старик, вопрос ниже пояса. Да они пальцем шевельнут и ты – без башки!

Это было уже интересно. Отвлекало от личной катастрофы и взбадривало. Как ведро ледяной водицы на голову. Но главное, тему пляжных застроек никто из курортных журналистов не застолбил. Да и не собирався, вроде бы.

– Вот и славненько! – не без мазохизма подумывал я. С каждым новым безответным письмом и безрезультатным звонком в Казахстан, куда бывшая жена увезла ребенка, зрел и крепчал самоубийственный, как мне тогда казалось, замысел. Кирилла, ясен перец, мне не отдадут. Могут и во вражде к фазеру вырастить. Но вот однажды, уже взрослому, попадется случайно ему знакомая фамилия в пожелтевшей газете. С чем-нибудь отчаянным. Разоблачительным. И присвистнет парень от удивления:

– Надо же! А – ничего, мужик, был мой предок. Не прятал тело жирное в утесах...

И придет Кирилл на могилку безвременно покинувшего этот несовершенный мир журналиста. И оставит на памятнике – наверняка будет внушительная и дорогая гранитная плита: должна же потрясенная общественность хоть как-то выразить свою признательность борцу за светлые их идеалы? – оставит, раскаявшийся и без отца выросший сын, букет скромных полевых цветочков...

На этом месте я всегда начинал растроганно пшмыгать носом. И в десятый раз садился писать заявление «по собственному». Выслушивая увещевания столичных кураторов:

– Из корпоративной банковской системы нормальные люди добровольно не уходят. А если и решаются на такую глупость, к хорошим деньгам потом их нигде уже не подпустят.

– Да пошли все эти финансовые потоки куда подальше!

Фатальную эту фразу я все же выпалил. Но в типичном российском состоянии. То есть, в подогретом. Ведь к закату своей банковской «карьер» частенько выходил один я на дорогу. И буквально вылавливал даже мало-знакомых журналистов:

– Пошли выпьем! Я угощаю!

Одна такая случайная пьянка с Виктором Америковым, теперь, к сожалению, уже покойным, послужила своего рода роковой «соломинкой», переломившей спину «верблюда».

Ох, и острое же перо у этого парня было! И не раз он попадал в экстремальные ситуации в связи со своими очерками. Даже под следствие угодил, защищая валютного менялу, спровоцированного агентом КГБ.

А потом случится инфаркт и мгновенная кончина у себя на кухне. На глазах у жены Людоочки.

Потом, потом... Уже в иной нашей жизни. На «иной планете». И нельзя будет проводить друга в последний путь.

Но это неведомое смертным будущее еще даже не брезжило впереди. А Витя находился в самом зените своей местной журналистской славы.

Сидели мы с ним в кафе у гостиницы «Москва». Пили пиво. Пусть не эталонное немецкое. Но уже и не советскую кислятину. Задали, что в Германии, конечно же, просто недопустимо, вяленой воблой. Пытаясь в который уж раз ответить на извечно русские вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?».

Американец наседавал, обосновывая необходимость моего возвращения в «Сочив». Эта газета все еще относилась ко мне к числу своих «отцов-основателей». Но недавно редакция преобразовалась в акционерное общество. Так что войти в прежний свой коллектив я мог теперь только наемным работником. На очень скромный оклад и без дивидендов.

На этом вопросе я и завелся:

– Деньги, деньги... Все вот говорят: «Не в деньгах счастье!». Но сами к этому «несчастью» изо всех сил стремятся.

Вот и я столько лет материально ни в чем не нуждаюсь. Надежду, пока вместе были, одевал во все самое модное и дорогое. У Кирилла были игрушки, какие он пожелает. Самые престижные многотомники расставлялись в зале по цвету и фасону...

Все, короче, как у зажиточных. Но любовь, почему-то, обитала в нас бедная, нервная и скандальная. Не было настоящей Любви! Может, потому, что я просто пытался купить её, Любовь эту?

И то верно. Что получаешь от задариваемой, но тебя разлюбившей? Краткую вспышку благодарности. А потом опять пустота. Холодность. Раздражение. Зачем же тогда много денег, ежели не приносят они даже малой радости?

– Да пошли они на х..., все эти финансовые потоки!

Пообещал я в тот хмельной вечер, что в течение недели сдам все дела в банке. Спрыгну с должности и.о. управляющего отделением «Мосбизнесбанка» в простые подмастерья газетного цеха.

Потому как на лидера и твоего полноценного конкурента, извини, Витюш, не потяну.

Какой из меня может быть профи после столь долгого перерыва?

Опасения подтвердились сразу же. Примчался в нашу редакцию, занимавшую тогда несколько комнаток у Зимнего театра, один чрезвычайно возбужденный столичный коллега. В глазах провинциала почти все они доволно... своеобразные, эти московские журналисты. Смотрят на «деревню» свысока, снисходительно. Но если что надо, проникаются отеческой заботой и любовью.

Один такой после того, как влез я в историю с пляжными постройками

и схлопотал «черную метку», прилетел вроде бы как меня спасать. О чем торжественно и объявил на берегу моря. В процессе поглощения колбаски с водочкой, выставленных на галечник признательным хозяином.

На следующий день этот же «расследователь» дегустировал куда более изысканные яства в ресторане. В компании застройщиков «дворянского гнезда». А потом вышла в Москве полоса, в которой заявлялось, что прогресс не остановить. Что частные виллы и особняки есть показатель уровня культуры и достатка нации. И что такие ретрограды с пещерными взглядами, как бывший милиционер Золовкин, только мешают российскому курортному бизнесу вливаться в общемировое русло цивилизации.

Но это я так, к слову. Слов, кстати, признательных к центральной прессе у меня куда больше, нежели укоризненных. Состоится еще чуток ниже разговор о роли отдельных газетных и телевизионных личностей в напумевших на всю страну историях.

Сейчас же предстояло размотать клубок весьма запутанный. Со слов «звездь», которую не раз до того приходилось видеть в столь нравившемся мне тогда дискуссионном «Пресс-клубе», «крышевала» Хостинская ментура рестораны и кафе. Доблестный рыцарь пера попытался «оборотней в погонах» на чистую воду вывести. И угодил за это в КПЗ. Где был жестоко бит.

– Ясное дело! – загорелся Коля Семенов, натура высокохудожественная, от грубой прозы жизни довольно сильно оторванная. – Мафия в фуражках мстит свободной прессе!

– Почему так топорно? – попытался я сразу же охладить пыл коллеги. Не корпоративная «ментовская» солидарность во мне зыграла. Опыт имелся. Знал, как юридически недоказуемо может орудовать хоть мало-мальски мыслящий мент. Особенно там, где скандал связан с прессой. Да еще и личной. Нет, тут что-то не так.

На месте убедились – точно! Приехала знаменитость в провинцию «оттянуться». Отдохнуть от быта и семьи с молоденькой пассией. Заначку свою москвич быстро промотал. И ничего умнее не придумал, как заняться... вымогательством. Не обслужите, мол, в ресторане на халяву, так ваше заведение распишу!

Шантажист, понятное дело, напросился на опеуху администратора. А потом, за драку и битье посуды, наш коллега в милицию угодил. Под административный арест.

Преподобнейшая, постыдная для газетного цеха история. Но Жора Иванов принципиальностью в ту пору отличался рафинированной. Ничего скрывать не собирався. Бить по своим – значит по своим. Раз того заслужили.

А милицию будем защищать. Если даже читателя этим отпугнем.

Сделали мы с Колей один вариант. Редактор «зарубил». Много, мол,

снисходительности к зарвавшейся столичной «штучке». Вторая попытка снова неудачна: какие-то милиционеры у вас ангелоподобные.

На четвертом заходе соавтор сдался. Отказался от темы. А я, засунув куда подальше уязвленное самолюбие трижды кубанского лауреата и бывшего заведующего газетным отделом, три раза еще приносил Иванову варианты своего «очерка нравов». Все более убеждаясь в собственной бездарности.

Но отступать было поздно. И жалеть себя опротивело. Есть банальное, но всегда истинное правило барона Мюнхгаузена и Остапа Бендера, согласно которому никто, кроме тебя самого, из дерьма тебя не вытащит.

«Спасение утопающего есть дело рук самого утопающего». Хочешь, не хочешь, бери себя за шкуру. Припечатывай задницу к стулу. И выбивай восьмой по счету вариант из старенькой своей «Москвы».

Приходилось начинать заново то, что когда-то казалось таким простым. Надо было заново привыкать к трудной правде. И к трудным деньгам. Они показались мне после первого, самого изнурительного месяца в «Сочи», просто ничтожными. Когда я назвал Надежде сумму, которую смогу теперь пересылать Кирюшке в Караганду, она подумала, что ослышалась.

Зато Саша Жуков, тогдашний начальник Хостинского ОВД, ставший позднее главным спецом Сочи по «убойным» делам, не без изумления публикацию прочитал и уважительно пожал руку.

Его парни позднее очень даже ощутимо и совершенно бескорыстно помогут мне с пляжными «дворцами». Уже на втором месяце журналистского расследования все эти хоромы я назову невидимыми. Потому что глава города Карпов Николай Иванович и будущий Генеральный прокурор страны Устинов Владимир Васильевич, занимавший до того пост главного стража законности в Сочи, подозрительной возни на пляжной полосе замечать упорно не желали.

Акция протеста началась с довольно обтекаемой заметки. Не из-за страха. Просто писать не о чем было. Куда ни ткнусь – от ворот поворот. Минимум информации. Оставались лишь общежитейские, так сказать, рассуждения. О том, что есть в Сочи и в России одно Черное море на всех. И один берег. Который и без того изуродован заборами. А теперь вот еще на пару сотен метров свободного пляжа станет меньше. Народ возмущается и недоумевает – доколе?

Безобидный, казалось бы, хлопок, оказался громом подобен: нарушено одно из двух негласных в нашем городе правил! Первое и самое «святое» – не углубляться в подробности отдыха президента на Бочаровом ручье. Даже если тебе стало известно, к примеру, что прапорщик М. сумел быстро и ловко избавить любимую собачку родных Путина В.В. от блох. После чего, бывают же такие совпадения, почти сразу был повышен до лейтенанта.

Второй фигурой умолчания оставался пляжный поселок на Малом

Ахуне. Он вроде бы есть. Стремительно и неумолимо разрастается вывьс и вширь. Но...

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – орал после публикации в еженедельнике «Сочи» заместитель по хозяйственной части начальника городского УВД. Этот горячий кавказский человек имел все основания новоявленного изобличителя возненавидеть. Ведь одна из первых моих достаточно громких работ в местной газете называлась «У власти на «Советской» сила велика». Про то, как секретарь горкома партии, главный сочинский полицмейстер, новый председатель суда и основной уголовный «авторитет» побережья поселились в одном роскошном особняке на улице Советской. Переделанном в просторное жилье «повышенной комфортности» из ведомственного детского садика УВД. За казенный, разумеется, счет. Руководил этой незаконной реконструкцией тот самый полковник-хозяйственник.

– Сидел бы ты в своем банке! А то ведь... Можешь опять сесть. У параш. Да и где дочка твоя живет-работает, мои сыновья хорошо знают.

Это была ошибка. Стратегическая. Для некоторых обитателей «дворянского гнезда» у самой кромки прибоя она потом дорого будет стоить. В самом прямом смысле этого слова. Потому что есть категория трусов, которая пуще всего на свете боится собственного страха.

Однажды, когда Кирюша был еще со мной, я учил сына нырять и плавать. Поначалу он, совсем маленький еще, дошкольный, хныкал и предлагал:

– Ага, сам попробуй.

Нырнул несколько раз с буну. Не убедил. Кирилл с завистью показывал на отчаянных местных пацанов, сигавших вниз головой с крыши солярия. А он в ЦВС, Центральном военном санатории, тогда еще носившем фамилию Ворошилова, довольно высокий. Метров 8, пожалуй, будет.

– Вот нырнешь оттуда, тогда и я – с буну.

– За слова отвечаешь, сын?

На высоте, однако, ноги задрожали. Слабым и непослушным сделалось тело. Педагогический эксперимент грозил постыдным провалом. Ничего не оставалось как зажмуриться и прыгнуть. Кириллка тут же бросился с волнореза. Едва успел тогда до сына доплыть и на мелководье вытащить.

Не надо, ох, не надо запугивать журналистов! Далеко не каждый из них после окрика забивается в уголок и молчит в тряпочку. Да и как молчать, когда фактура пошло валом. Притихшие поначалу читатели с изумлением обнаружили: можно, оказывается, и по «пляжным» русским пройтис. И остаться невредимым.

Вот тогда-то, как в бородатом анекдоте про Петьку, мне «карта и повалила». Обрушился поток конфиденциальной информации. В провинции она достается не всегда так, как привыкли в мегаполисе. О некоторых московских журналистах-расследователях частенько приходилось читать и слышать: на-

супленный Хинштейн, мол, есть «сливной бачок» для госбезопасности. А сын тогдашнего первого заместителя начальника ФСО Пиманов вовсе не случайно воспеваает на телевидении доблесть президентской охраны...

Со свечкой при вербовке не стоял. Кто агент спецслужб, кто журналист, а кто совмещает все в одном «флаконе», не знаю. Зато убежден: если в каком-нибудь Мухосранске идут на откровенный контакт с местным газетчиком-правдорубом заместитель городского мэра, начальник угрозыска, уголовный «авторитет» или крутой бизнесмен, – это признак уважения и доверия. Или же попытка использовать журналиста «в темную».

Но тут уж, извиняйте, дядечки! Специалист по «жареным» темам собственный нюх иметь должен. Вот я и пытался «фильтровать базар». Понимая, что у допущенных к служебной тайне могут быть самые разные причины ее не сохранить. Кому-то из городской верхушки не досталось, положим, местечко под трех-четырёхэтажный «ангарчик». С причалом для яхты, сауной, биллиардной, танцзалом и биением волн у основания личной беседки.

А кому-то было действительно обидно за уничтожаемую природную красоту. Ведь даже канализации на той «пляжной Рублевке» не было. Вся грязь, включая и остатки ГСМ из гаражей, сливалась без всякой очистки в море.

Но не только по экологии стал я получать весьма скандальные документки. Оказалось, в одни только подъездные пути к «райскому уголку» вбуханы уже сотни тысяч казенных рублей. Это было очень серьезно. От реагирования на «нецелевую трату бюджетных средств в особо крупном размере» даже самой продажной сволочи при должности и власти отмахиваться трудно.

Местная прокуратура довольно быстро смекнула: публичные обвинения выдвигает пусть бывший, пусть какой никакой, но все же юрист. Уже имеющий опыт поиска казенных миллионов. Связано это было, в частности, с захватом вишневого сада близ Мацесты. Там новоявленные лопахины совхозные деревья безжалостно вырубали. И на этом месте собственные дачки построили.

Казаков-самозахватчиков местная власть трогать побоялась. А пострадавшему чайсовхозу «Хостинский» из казны очень даже щедрую компенсацию выделила. Только эти миллионы мгновенно расплозились по счетам подставных фирм-однодневок. И лишь после журналистского расследования местные стражи законности возбудили дело. Через несколько лет благополучно прекращенное.

Еще наглее и масштабнее в краю непуганых мордоворотов происходила дележка так называемых «футбольных» денег между чиновниками, бандитами и спортсменами. Эту «бомбу» удалось мне взорвать через полгода работы в газете «Сочи».

Сам автор превращается в болельщика только на чемпионатах мира. Но

с фанатами этой славной игры общается часто. От них-то и пошли сигналы о непомерных бюджетных тратах под прикрытием команды «Жемчужина».

Прочесал уже довольно густой массив своих информаторов. Из отрывочных сведений сложилась занятная картинка. Любимица сочинского мэра кормилась из государственного котла, конечно же, сытно. Иной легионер, удерживавший «Жемчужину» в высшей лиге, мог себе позволить в подаренной ему у моря квартире двери из особо ценных пород дерева. По цене, сопоставимой с годовым бюджетом всех ДЮСШ самого большого района курорта.

Но и это были цветочки. Некоторые молодые «опера» госбезопасности и не утратившие совесть следаки из районных прокуратур рассказывали в каком-нибудь укромном уголке про многочисленные заграничные турне своего начальства. Которое вместе с другими «отцами» города оформляло свои увеселения как «тренировочные сборы». И устраивало потом оргии на халяву где-нибудь в Турции или на Кипре.

Правда, разврат этот всегда уравнивался примерным семейным бытом. Для жен и чад на деньги налогоплательщиков бралась в аренду яхта опять же в районе Средиземноморья.

Документально все это подтвердить оказалось невозможно. Но и без счетов-фактур, накладных, видеозаписей и таможенных выписок хватало информации для смачных сенок из очередного заграничного турне «главного курортного законника У.» или «ведущего сочинского чекиста Ш.».

И хотя критика излагалась на эзоповом языке, о ком конкретно речь, понимали в Сочи все. Возмущение поднялось изрядное. Денежный кран для присосавшихся «авторитетов» и госслужащих прикрутили. Но это сказалось и на «Жемчужине». Она мгновенно зачахла, из высшей лиги вылетела. О большом футболе в Сочи стали говорить только в прошедшем времени. Иногда не самым добрым словом помяная и журналиста:

– Оно, конечно, правильно, что раскопал. Кому только с этого польза?

Выгоды и мне, на первый взгляд, не было никакой. По домашнему и служебному телефону далекие от дипломатии анонимы доходчиво принялись объяснять, в каких именно белых тапочках и где они меня видели. А также, по какой дороге к трем общепотребительным буквам мне будет всего короче. Я добросовестно записывал матюги и проклятия на пленку. Отнес потом кассету Коле Меграбяну, тогдашнему главному «сыскарю» управления. Не для того даже, чтобы «висяков» милиции добавить. Была слабая надежда: вдруг подскажут когда оперативники, с какой стороны кирпич ждаты?

Подчиняясь инстинкту самосохранения и только потом жажде славы, активно рассылал в большие столичные газеты самые громкие свои разоблачения. Наивно веря, что даже в нашей стране уровень огласки прямо пропорционален степени журналистской защищенности.

«Самотек» из провинции, он и есть «самотек». На неизвестного автора в

лучшем случае реагировали два издания из каждых пяти. Вежливо обещали прислать своих спецкоров для перепроверки и возможного соавторства. А вот «Новая газета», поклон ей, сразу же принялась публиковать внештатника, внезапно вынырнувшего в районе Черного моря.

Тогда же познакомился я и с Юрой Шекочихиним, царствие ему небесное! После страшной и явно насильственной его кончины из немецкого «подполья» отправил я в интернет-пространство стон души под названием «Его хватало на всех. Только не на себя». И это была чистая правда. Юра очень тепло отнесся к новичку «газетного спецназа». Так, во всяком случае, мне казалось и в процессе неформальных наших встреч дома, и на Красной поляне.

Он регулярно звонил потом в Адлер, поспособствовал моему выезду в Царское село, где состоялась учредительная конференция российских журналистов-расследователей.

Юра подсказал насчет участия в республиканском конкурсе исследовательской журналистики «Вопреки» имени Ларисы Юдиной. Как на первом, так и на втором состязании ваш автор умудрился непонятно каким образом победить.

– Кошунственно выхватил священную премию в честь героически погибшей коллеги! происходила дележка так называемых «футбольных» денег съездив в главной газете Кубани тогдашний декан краснодарского журфака...

Новые связи и громкие для Сочи победы принесли известность, а также некоторое влияние. «Не слышать» моих выступлений местная власть больше не могла. Владимир Ульянов, сменивший ушедшего на повышение Владимира Устинова, уголовное дело против застройщиков «пляжной деревни» все же возбудил. Прекрасно, наверное, осознавая, всю безнадежность этой вынужденной затеи.

16. «СНАЧАЛА УБЬЕМ ДОЧКУ. ПОТОМ И ТЕБЯ»

– Это у тебя что, изощренная форма самоубийства такая, что ли? На миру и смерть красна? – пронизательно предположил один очень неглупый, чрезвычайно предусмотрительный коллега. Он не однажды называл мой уход из банка величайшей глупостью. Потому что не видел у воспринувшей было российской журналистики никакого светлого будущего.

– Нас скоро поставят на прежнее место, Сергей. То есть, опустят до уровня прислуги.

– Сколько же лизоблюдствовать можно, Миша?

– Столько, сколько захотят там, – многозначительно устремляя перст к небу будущий медиамагнат краевого значения. Перерождение этого телевизионщика и бизнесмена меня удручает до сих пор. Был оппозиционером. Ратовал за честные, свободные выборы. Только его телеканал не подчинился одной нечистоплотной и властолюбивой персоне, мешая переходу из Государственной думы в кресло сочинского мэра.

В процессе этого вознаМЭРивания постоянно возникали какие-то фальшивые фонды, способные, якобы, озолотить сочинцев. Обещано было избирателям побратимство с американскими курортами.

Но особенно много «песен» в местном телеэфире звучало про тесную и давнюю дружбу молодого проходимца с политиками и чиновниками калибра Суркова, Райкова, Починка, Лесина...

Последний, на правах министра печати, и прикрыл не нравящийся кандидату телеканал. Многие сочинцы примчались тогда к студии. Готовы были встать живой цепью против ОМОНа.

Я за полночь просил помощи у безотказного Юры Щекочихина. Давал

тревожное интервью в прямом эфире Савику Шустеру, тогда еще работавшему на радио «Свобода».

Независимый канал отстояли. А он тут же взял да и «прогнул» под самого в ту пору сильного. Под нового краевого губернатора.

Дальновидный Миша уехал «на большое повышение» в Краснодар. И оттуда, как доносится и до Германии, пытается заставить все кубанские СМИ дуть в одну дуду. Медную. Превозносящую краевое руководство и, само собой разумеется, новую «партию власти».

Некоторые сочинские журналисты жалуются теперь нам в письмах: «До чего же тоскливо и противно стало работать. Словно барщину отбываешь».

Понимаю. Драйв, он и вправду дороже денег. Это почти как секс с любимой женщиной. Как блистательная следственная удача. Это то, что превращает нас, пишущую и снимающую братию, в счастливых.

Чем больше ввали, юлили, изворачивались те, кто давал добро на захват пляжа, тем сладостнее было загонять их в угол. Стали понятны и причины той неприкрытой враждебности, с которой местная милицмейская верхушка отнеслась ко всей этой «газетной возне». Первый зам начальника УВД, возглавивший позднее местную таможню, оказался среди новоселов «элитной» застройки. Его многоэтажная вилла с гаражом под две машины была, как и большинство остальных, оформлена на подставное лицо.

Какие только «звездные» фамилии из Генеральной прокуратуры, МВД, Госдумы, разного уровня администраций и шоу-бизнеса могли бы оказаться в том списке! Но, само собой, не оказались. Некоторые из подозреваемых VIP-персон по «случайному совпадению», как мне пытались потом внушить следователи, действительно навевались в те самые «ангарчики». И сфотографированы. Хотя каждый раз безропотному, исполнительнейшему фотокору Вите Ключкину приходилось спасаться бегством от охраны. Очень быстро заскакивая в редакционный «Москвичок».

В документах же вся эта роскошь значилась за каким-нибудь Пупкиным из села Барановка. Или за «пенсионерами-работягами с Крайнего Севера». Именно так окрестил владельцев построек, оценивавшихся поначалу до миллиона долларов каждая, некий Факторович. В «Аргументах и фактах», а чуть позже на первой полосе «Вольной Кубани» сей незнакомый мне автор разошелся так, что патриарх российской журналистики Ясен Засурский в «Литературке» потом не удержался:

– Подобное возмутительно и недопустимо!

Организация «Журналисты за гражданское общество» тоже в эмоциональности себе не отказала:

– Для того, чтобы дезавуировать в глазах жителей Краснодарского края критические публикации в «Новой газете» и «Сочи», появляется разгром-

ный, уничижительный, в большинстве своем хамский материал за подписью другого журналиста со стажем, декана (и доктора филологических наук) факультета журналистики Краснодарского университета.

Некоторые из нас лично знакомы с обоими «фигурантами» этой премерзкой истории. И тем более сложно говорить об этом публично. Но коллег! Первая древнейшая – это образец порядочности по сравнению с тем, на что отваживаются некоторые из нас.

Журналист и ассенизатор одинаково важны для общества. Но ставить их в один ряд нельзя. И не потому, что журналисты лучше, просто мы ДРУГИЕ. И не только писатель, а и журналист в России больше, чем простой представитель своей профессии.

Декан факультета журналистики для начала поливает грязью «Новую газету» - «малотиражная», да к тому же, кормящаяся с руки Березовского. Затем «навешивает всех собак» на Сергея Золовкина. Мол, мздоимец, проходимец, да и просто подлец. Не осталась в стороне и законная супруга Сергея, обзванная, походя, «сожигательницей».

Мрак какой-то! Читали мы сей пасквиль в «Вольной Кубани» и поражались, как же надо не любить свою профессию!

Зачем коллегам, членам одной профессиональной корпорации, публично поливать друг друга грязью?!

Хороший вопрос! Впервые я тогда убедился: даже на виду у множества читателей можно вытворять черт знает что. Пренебрегая элементарными приличиями и нормами.

На трех полосах самым безобидным про автора этих строк было то, что он, по завидушей и плебейской своей натуре, паршивый пес Шариков. Который «лает как моська и шавка» на власть. А также на «скромные строения, напоминающие бараки палестинцев-беженцев». В то время, как воздвигнуты эти «хижины» трудовыми, мозолистыми руками пожилых северян. А также лично первым заместителем Сочинской городской администрации товарищем Кашниковым, у которого на захваченном пляже «все-то» пара «лодочных ангарчиков».

Жену особенно задело описание тех дорогих подарков, лимузинов, яхт и многотысячных долларовых гонораров, на которые я, оказываясь, не скуплюсь для «какой-то там сожигательницы».

Зная, что с любовницами я завязал, ибо лучше своей половинки найти кого-то уже не рассчитывал, Эмма до полуночи что-то шлепала на компьютере, подаренном мне за победу в первом конкурсе «Вопреки».

Потом выяснил, выдала свою отповедь:

– Г-н Факторович! Как только вы сможете представить доказательство ХОТЯ БЫ ОДНОГО такого факта, торжественно обещаю, я съем свою шляпу на той площади, какую вы сами выберете, – поклялась моя славная защитница в «Новой газете» и на нескольких Интернет-сайтах. – Пока же

могу только сказать, вы – ЛЖЕЦ! От публичной женской пощечины вас спасает только то, что вы в Краснодаре, а я в Сочи!

Факторович и впрямь подставился. Причем, крепко. Рассчитывая, по всей видимости, на высоких покровителей в гражданском суде края. Но я обратился в прокуратуру. Требуя возбуждения уголовного дела за клевету и отстранения «наставника» подрастающей журналистской смены с должности декана.

И того, и другого со временем добился. Но обида за профессию не прошла. Напротив, как-то так стало складываться, такая пошла полоса, что все чаще и чаще за современную журналистику «по-российски» становилось стыдно.

Ну, сами посудите, уважаемый читатель: как иначе реагировать было даже тогда, в начальный период правления Путина, если выступаешь, к примеру, в защиту горожан, избитых перепившейся личной охраной новоявленного президента, и тут же прибывает бригада от Александра Невзорова. Мужики показывают «ксивы» Первого телеканала и клятвенно заверяют: дадим мощную огласку на всю страну!

Я, как дурак, выложил тогда эксклюзивные подробности погрома силами элитной спецслужбы. И даже к «нашему всему» персонально обратился. Глядел в камеру с лейблом ОРТ и наивно лепетал про то, что вы, Владимир Владимирович, хотя и сами из КГБ, но гарант наших конституционных прав все-таки. Приструнили бы своих опричников...

На ЦТ телебригада, поднимавшая до того тосты «за верность мужскому слову» и «журналистское братство», конечно же, ничего не дала. Зато все, что касалось избития в аэропорту, без моего ведома и согласия, было подклеено... к рекламному предвыборному ролику! Подкреплялась эта агитка как всегда гневным и пафосным комментарием Александра Глебовича.

Не за красивые глазки, надо полагать, питерский журналист и депутат Госдумы призывал горожан впустить начальника сочинского аэропорта Обухова в самый главный кабинет города-курорта.

Те шабашники из команды Невзорова даже не извинились за использование провинциального коллеги «в темную». И за обман свой не сказали «прости». Ни один из тех телефонов, что они мне оставили, так и не ответил.

Еще один плевок в душу, как это ни парадоксально, последовал за благороднейшим проявлением журналистского характера. Тамара Карташева, сочинский собкор еще того, первого НТВ, единственная из местных телевизионщиков не струсила, не сочла для себя возможным промолчать. Она без колебаний подключилась к моему расследованию бесчинств президентской охраны и отправила в Москву сюжет про выбитые зубы, сломанные кости и сотрясенные пудовыми кулачищами мозги.

Вот тут-то Первый канал немедленно откликнулся. В «Человеке и за коне» Алексей Пинанов с Сергеем Девятовым, пресс-секретарем ФСО, без

смущения перевернули все с ног на голову. Теперь получалось, что горстка безоружных чекистов доблестно отбивала в сочинском аэропорту атаки «этнолического бандформирования». И навела-таки порядок на курорте.

– Мы провели собственное расследование, – как всегда честно глядя стране в глаза, пиндел Пиманов, – И выяснили, что сочинский журналист, поднявший эту шумиху, выполнял заказ криминальных сил...

Я смотрел, записывал на видеомagneитофон и задыхался от негодования. Это Леша-то проверку проводил? Или его подчиненные? Да они ни одного звонка местным силовикам не сделали! Ни одной кассеты с записями пострадавших ни у меня, ни у Карташовой не прослушали!

Задниц от кресел не оторвав, источника ни одного не перепроверив, с объектом критики даже не встретившись, клеймят коллегу позором, пачкают самое ценное, что у него есть, – рискованным трудом нажитую репутацию.

– Будь ты проклят, гад! Ты всех нас продал! – так, кажется, Жеглов-Высоцкий в «Месте встрече изменить нельзя» действительно трусу и действительно предателю в рожу бросил? С этой крылатой фразы миф и о моем предательстве начали создавать. Некый Иван Мартыненко, бывший «веселый и находчивый», потом пристроившийся в руководстве сочинской лигой КВН, запустил в телеэфир, подчиненный тому самому «другу Лесина», свое «аналитическое исследование». Ударный момент передачи выглядел следующим образом. Бородатый, густобровый Ваня, делавший в ту пору еще и какую-то религиозную передачу «на тему морали, нравственности и веры», многозначительно хмурился и возносил перст к небу:

– Так кто же он, Сергей Золовкин? Бывший сотрудник внутренних органов Казахстана. Откуда, как известно, так просто не уходят...

И сразу же, встык, без паузы, крупным планом – яростное лицо Жеглова. Его пронизанное болью:

– Будь ты проклят, гад...

Ах, как гордился этот самый Ваня юридически неуязвимой своей находкой! И как старательно избегал со мной встречи. Даже когда я узнал номер его сотового и предложил «поговорить по-мужски».

Не стал бы я его бить, чесслово. Мне бы в глаза эти хитрющие, весело-находчивые заглянуть. И спросить – зачем? Зачем, брат-журналист, пытаешься «убить» брата-журналиста? Ради чего, Каин? Ради каких-то 200 долларов? Что выдавались тогда черным «налом» за черное дело.

Мама, царствие ей небесное, как раз была у нас с Эммой в гостях. Случайно увидела тот телевизионный сюжет...

Это позднее я умный стал. От газет и телепередач, где старшего ее сыночка полоскали, старушку оберегал. И более двух лет держал от мамы в тайне самое нашумевшее из нападений. Звонил ей на... в Украину и напоминал периодически: нахожусь, мол, в Западной Европе по журналистской надобности. Как собкор «Новой газеты». В длительной командировке.

А тогда «скорую» пришлось вызывать. И, казалось, не будет уже ничего тяжелее и больнее.

Но тут прибежала дочка. Вся в слезах, бледная, руки трясутся. Оказывается, подошла к прилавку ее обувного отдела в универмаге женщина. Хорошая такая, заботливая:

– Что же твой папа делает, Леночка? Ведь предупреждали его. И не раз. Такой шум поднял, что цены на пляжные постройки упали почти вдвое. Получаются большие убытки. Очень большие. В общем... Ничего личного. Но убьют вас обоих. Пусть папа выбирает, кто будет первым?

Вот это был действительно ужас! К кому идти? В ФСБ? Но как минимум два высших офицера шелестом прибоя из своих пляжных апартаментов наслаждаются. К сочинским ментам? Эти хитрее и дальновиднее всех оказались. Успели сбегать свои «ангарчики» московским бандитам. Но зло на меня все еще держат. Престижность «дворянского гнезда» из-за газетной шумихи ведь и впрямь упала. Избавляться от недвижимости «стражам законности» пришлось по демпинговой цене.

Оставался только наш еженедельник. Напечатали мы в «Сочи» открытое письмо бандюкам и коррупционерам. Так его и озаглавив: «Почему журналистов убивать невыгодно?».

Разъяснял я там как мог: после «мокрого» вашего дела, мол, поднимется большой шум. Не такой, конечно, как после Листьева или Холодова. Но все же, все же... Наверняка слетится пресса. Соберутся на месте происшествия погоны с большими звездами. Возьмут труп «под личный контроль». Могут даже назвать раскрытие «делом чести».

А вдруг начнется углубленное расследование бюджетных трат на частные коттеджи в пляжном городке? Еще больше, чем после моих публикаций, потеряете...

Излагал все это и понимал: наивно и неубедительно. Детский лепет на лужайке. Но где найти защиту весомее?

И тут, в который уж раз дано было убедиться: все в жизни тем или иным образом повторяется. Когда-то звонил, растерянный и одинокий, в казахстанскую газету. Теперь вот рискнул набрать номер главного редактора «Новой», которого лично не знал. И видел всего пару раз при подведении итогов конкурсов.

Диме Муратову хватило секунды на решение:

– Срочно пиши на мое имя докладную записку типа «Нашему собственному корреспонденту и его дочери угрожают смертью!»

– С каких это пор я ваш собкор, Дмитрий Андреевич?

– С этого мгновения.

Де жавю, да и только! Ведь и в 1979 году хотели прикончить. Но помогли, сами того не желая, начать новую, куда более насыщенную жизнь.

Через 20 лет угроза смертью опять выталкивает на куда более высокую орбиту.

Наверное, есть у той пишущей братии, которая не скурвилась окончательно, свой добрый ЖБ, Журналистский Бог. Не всегда, правда, и он успевает. Но уж если за кого взялся...

В тот сумасшедший день у меня еще хватило сил проверить, надежно ли спрятана дочка. Возвращался в редакцию никакой. И замер как вкопанный на центральной площади у городской администрации. Стояли под палящим зноем, по всей видимости, уже давно, десятки мужчин и женщин. Я не знал никого из них. И они, судя по всему, не догадывались, кто сейчас, потрясенный, с комком в горле, читает их самодельные плакаты. Это были призывы защитить и спасти журналиста Золовкина. Самые трогательные и самые памятные за все мои несколько жизней призывы.

17. ШАНТАЖ В КАБИНЕТЕ МЭРА

Через месяц после той смертной угрозы встретили меня возле местной редакции двое. Выразительные такие ребята с набитыми костяшками на кулаках. Одного из них я знал давно. Бывший охранник Удалова. Каратист этот вынужден был уйти из фирмы после того, как лучшего друга его зарезали в собственном подъезде после какой-то очень мутной разборки. А криминальных историй, как и любого общения с уголовным миром, Удалов избегал. Хотел оставаться чистым. Стремясь утвердиться и в легальном российском бизнесе, и в политике краевого уровня.

К бандитам же, как и к тем, кто против них должен бороться, Валера обратился только однажды. Когда исчезла его жена Лена.

Вернулась эта женщина в Сочи после нескольких лет беззаботной и безопасной жизни в Америке. Вышла после обеда на улицу. И – все! Никто и никогда больше Лену не видел.

Другой Удалов, однофамилец, опытный сыскарь, живущий ныне в Гамбурге, во время наших встреч на чужой земле упорно настаивал на простой до неправдоподобия версии. Идет, допустим, по пустынной улочке жена процветающего предпринимателя. В ушах серьги с бриллиантами. На пальце дорогой перстень.

Отмороженному на всю голову, обкуренному и явно случайному в этом городе «гастролеру» конечно же без разницы, Удалов ли здесь самый влиятельный или Гусейнов? А вот вся эта ювелирная роскошь по глазам бьет.

Выскакивает урод из машины. Бьет. Да так, что падает Лена без чувств. Снимать «цацки» на месте время и обстановка не позволяют. Забрасывается тело в багажник. А уж потом...

Мест, где можно спрятать труп, в такой горно-лесистой местности, как наша, хватает.

Много, конечно, натяжек в таком варианте. Но и другие версии не убедительнее. Кто-то говорил о страшной мести конкурентов бизнесмена Удалова. О его политических противниках. А есть и те, кто способен предположить: «Не сам ли «пострадавший» избавился от надоевшей жены?»

Такие просто не видели, как закаменел Валера от горя. Сколько денег отдал уголовным «авторитетам», частным сыщикам и штатным оперативникам, стремясь найти хоть какие-то концы. Тщетно...

Однако, до возникновения жутчайшей, до сих пор не раскрытой сочинской тайны, было еще далеко. И город гудел вовсе не от инфы по пропаже Лены Удаловой.

Все ждали развязки в истории с пляжными коттеджами и покусившимся на них журналистом. А тот, исподлобья поглядывая на каратиста с его дружкой, представлял, как его сейчас начнут молотить:

– Хорошо, если кончат сразу. А если потом много лет из-под меня кому-то «утку» выносить? Не приведи, Господи, участь Володи Тиссена!

Но получилось обескураживающе мирно. Боевая «торпеда» местного «смотрящего» протянула натруженную ладонь:

– Ты это, Серый, сбил бы волну. Кому, на х..., эти хибары мешают? Тут реальные люди попросили передать... «Мочить» вас с дочкой не будут. Перетерли эту тему. Дали отбой.

Если интересует чего на Малом Ахуне, можешь ангарчик один прикупить. Вдвое ниже себестоимости. Поручили передать. Думай!

Задуматься, понятное дело, требовалось. Но только над тем, что же нам с дочкой помогло? Быть может, уголовное дело, возбужденное после шума в «Новой» по личному указанию тогдашнего министра внутренних дел Рушайло? Или то, что было оно, по сообщениям в прессе, взято на контроль Генеральной прокуратурой?

А может, в криминальной среде курорта и впрямь опомнились? Сообразили, не «по понятиям» наезжают. Несложно ведь было убедиться: не исполняет надоедливый писака заказов недругов или конкурентов. Не получает за многолетнее копание в той же пляжной афере ничего, кроме мизерных гонораров, большой нервотрепки и некоторой популярности.

Со мной уже случалось нечто подобное. После того, как удалось втереться в доверие к туповатому и простодушному «быку» из «лохотронной» бригады. Тогда у меня десятка полтора публикаций вышло про мошенников от «станка». В «Новой», «Сочи», «Огоньке», «Литературке», «Версии», «Криминальной хронике»...

Достал я своими буквами главк МВД до такой степени, что Москва на сочинских своих подчиненных грозно прищкнула. Курортная милиция общественной безопасности и патрульно-постовая служба от «крышевания» «лохотронщиков» вынуждены были отойти. И, вопреки прежним разговорам о «технической невозможности накопления доказательной базы по

мошенничеству», оперативники ОБЭПа тут же передали следователям несколько материалов с хорошей судебной перспективой.

После чего в кафе на Платановой аллее со мной повел вежливый разговор один крупный чиновник, имевший прямое отношение к уличной торговле и рекламному бизнесу. А также – хмурый держатель десятка-другого «станков». То бишь, столшков с шариками или номерками. Окруженных подставными и охраняющими.

Суть «предъявы» была конкретна: чего тебе, Золовкин, надо?

Но главный и основной вопрос, о деньгах, пришлось свернуть почти сразу:

– Если бы за «бабки» тебя московские пацаны наняли, лежал бы давно на дне морском, – вынужден был согласиться усатый. Так что чиновнику, причисляющему себя к эстетам, оставалось только посетовать на несовершенство людской природы. Алчущей азартных игр и мгновенного обогащения.

«Разборка» заглохла, толком не начавшись. Было понятно, предъявлять претензии к журналисту так же глупо, как стрелять в пианиста. Ведь каждый из участников той разборки занимался, как умел, своим делом. Чиновник брал взятки и выписывал лицензии на проведение «благотворительных лотерей».

«Лохотронщики» сами же «лоханулись». Выпустили разоблачающие их сведения из узкого своего круга. Поделались подробностями своего преступного промысла не со священником на исповеди, а с журналистом. Так какие могут быть претензии?

Наверное, в случае с «пляжными» русскими, обустроившими берег под копаком у местной мафии, получилось нечто подобное. Провинция все же теплая, субтропическая, не отморозенная. Оставались еще кое-какие понятия и у «решаемых», и у «крутых».

А может, произвело на заказчика впечатление, как несколько недель стояли демонстранты на жаре. И требовали «какого-то там писачу» оставить в покое.

Мне же этот урок дал повод лишний раз убедиться: как ни старается иной наш брат газетчик или телевизионщик посадить собственную профессию в помойную яму, как ни похабит ее, не мордует, а уважение к отдельным представителям нашего цеха все равно сохраняется.

И даже прирастает. В том случае, конечно, когда мы, пишущая братия, не уподобляемся горластой птице, которой лишь бы прокукарекать. А там – хоть трава не расти.

Одним таким добрым делом, без ложной скромности, и мне можно погордиться в особенности. Для достижения благородной цели пришлось несколько лет рассылать в самые разные издания варианты примерно такого несколько сентиментального текста:

– Преняная жизнь кончилась для Варлама Боджуга в мае 1980 года. На

пыльной кабульской дороге военный «газик» сопровождения подорвался на мощной мине. С кем и о чем говорил за секунду до этого Варлам, как его переправляли в Кутаисский госпиталь, а потом в Тбилиси, как резали и сшивали, сшивали и резали, как сообщали родным, что этот парень – уже не жилец, что шансов – один из ста, все это осталось за чертой контуженной памяти старшего лейтенанта.

Только через месяц он увидел потолок над собой, ощутил прикосновение материнской руки и услышал теплый ее шепоток: «Ты стал совсем седым, сынок... Ничего, ничего... Прокормим. Без ног тоже живут...»

Варлам так не думал. После гибели отца он привык быть главой большой семьи Боджуа. Кормилцем. Надо было опять становиться таким. Или – больше не жить.

Отечественные протезы напоминали бронебойные болванки и во время очередного падения громыхали на весь коридор.

Варлам вытирал кровь и снова учился ходить. Через год ему, как инвалиду войны первой группы, дали «Запорожец». Позже заменили его «Жигулями шестеркой». Став одним из лучших учителей истории в небольшом грузинском городке, Варлам продолжал преодолевать тернистую дорогу судьбы, полагаясь только на себя.

В Тбилисский университет, на юридический, поступал на общих основаниях. Никому не рассказывая о своей беде. Поступил.

От автобусной остановки до студгородка было 1 438 ступенек. Варлам переживал в магазинчике, когда схлынет толпа, а потом в одиночку помечал каждую из этих ступеней каплями пота. Иногда – крови.

– Так нельзя, дорогой, – не выдержал однажды бывший «афганец» и замвоенкома тогда еще Грузинской ССР Евгений Ворон. – У меня «горит» путевка в Сочи. Бесплатная. Поезжай.

– Не люблю Сочи. И море тоже. – ответил Варлам, солгав другу впервые в жизни.

Варлама передергивало от одной мысли, что кто-нибудь на пляже начнет с жалостью коситься на протезы и страшные шрамы на теле.

– Тебе уже 35, ты всегда один, – наставлял Ворон. – И потом, если ты откажешься, стоимость этой путевки вычтут из моего оклада.

Это тоже была ложь, но ложь святая, поспособствовавшая тому, что Варлам впоследствии назвал чудом, главным подарком всей своей жизни.

...Двадцатилетняя Лена Азарова, процедурная медсестра санатория «Кавказская Ривьера», прикидывала на себя пуховой платок, предложенный за 40 рублей по случаю.

– Он вам очень идет – услышала она тихий голос за спиной. – Моя мама давно мечтает о таком же...

...Нателла Михайловна, вместе со студенческими друзьями сына, приехавшими в Сочи на свадьбу из Тбилиси, все уговаривали Варлама присесть

на одну из скамеечек в храме. Но он вместе с Леной все четыре часа выстоял на улице, под январскими крупными снежинками года 1990-го.

Венчание намечалось массовое, восемь пар сразу.

– Я не могу так, – призналась Лена. – Я выхожу замуж всего один раз. И навсегда...

Покойный ныне, погибший в нелепой автокатастрофе отец Константин сразу разгадал невинную хитрость лжеопоздавших. Но обряд христианского бракосочетания свершил по полной форме и для них одних.

И было все. И славно вел застолье тамада Шота, ставший затем замгенпрокурора Грузии. И кричали «Горько!» медсестричка Наташа Мишутина, тогда еще веселая и живая, ничего не ведавшая о скором и роковом тромбе, заклинившем насмерть аорту...

А потом праздник кончился и начались будни. Как издавна повелось в этой непостижимой стране для честных, то есть, почти всегда, небогатых – будни изнуряющие. Свою первую брачную ночь молодые провели в двух креслах. Между ними был столик. Диван и кровать уступили хозяйкам жилья – матери невесты и младшей сестренке Кате.

Другая мебель в комнатку на четвертом этаже общежития по переулку Дагомысскому попросту не вмещалась. Но надо было как-то и вопреки все-таки жить. И, что особенно поразительно, жить очень хорошо!

Некоторые соседки, уже безнадежно искалеченные стадным бытом, шипели в длинном коридоре общежития: «За счет инвалида квартиру без очереди норовишь урвать, Ленусик?»

Лена тихо и незаметно плакала на заплыванной лестничной площадке, потом снова брала ведра и несла в комнату горячую воду из общей на 20 семей душевой. Она купала своего мужа бережно, как ребенка и светлела лицом. Будто смывала грязь не только со шрамов, но и с памяти. Лена Боджгуа действительно ни о ком ничего не помнит плохого. У нее слишком много других, куда более важных и приятных дел.

Первую дочку назвали Натукой, что в переводе с грузинского – нежная. Голубоглазую Лиечку Лена подарила счастливому отцу в декабре 92-го...

К тому времени рухнувший Союз с его кавказскими войнами на обломках империи окончательно отгородил Варлама от его мечты снова попасть в Тбилиси и защитить юридический диплом.

Раньше «афганская» пенсия в 320 рублей позволяла жить относительно безбедно. Теперь обесцененной половины миллиона не хватало даже на самое скромное питание.

Лена с младшенькой – в отпуске без содержания. За детский садик – 150 000 тысяч в месяц. Со льготной скидкой получается наполовину меньше, но свое добавляет внушительная сумма за «общагу»...

Управление соцзащиты никогда ни в чем и ни разу семейству Боджгуа не помогло. Ни новыми протезами. Ни материальной помощью. Ни, тем

более, новой машиной, взамен окончательно износившейся. Лишь однажды туманно разъяснили Лене, что муж ее еще молодой и только от желания конкретного бухгалтера будет зависеть, освободить ли полностью от платы за жилье, к примеру, причисляя Варлама к инвалидам войны...

Несколько раз, тайком от Варлама, Лена ходила в администрацию и квартирно-правовую службу Центрального района Сочи. Там ее терпеливо выслушивали, подтверждали, что всеми уважаемый инвалид-«афганец» уж который год значится первым в самом льготном списке, называли даже номер будущей квартиры в сдаваемом доме №5 по Завокзальному переулку...

Но потом огорошили – ситуация изменилась, нету для вас жилья. Оно распродано по коммерческим ценам. «Для пополнения городского бюджета».

Еще трижды потом, в каждую новую годовщину нашего позора в Афганистане, местное телевидение у мемориала или же на площади перед зданием городской администрации торжественно поздравляло Варлама с новосельем...

Он молчал, стесняясь сказать, что это не так. Потом возвращался в комнату со стеной, вечно сырой из-за смежной общественной умывальной, прятал лицо в подушку и на несколько часов даже Натюка, льнущая к отцу ежеминутно, оставляла его один на один с нелегкими, как все это время, мыслями.

Лишь однажды, впервые за всю их душа в душу проживание, Варлам повысил на Лену голос: «Никогда и ничего больше не проси у этих, слышишь! Нам хватит друг друга. Наших детей. Наших родных и друзей. Этого достаточно, чтобы не жаловаться».

Семья Боджуга так и продолжала бы всю свою дальнейшую жизнь. Без жилья. Без денег. Но и без сетований, уныния и причитаний.

Но публикации, одна за другой, в самых разных СМИ, все же делали свое дело. Отставной подполковник, а ныне предприниматель Михаил Таран сказал Варламу: «Как офицер – офицеру. Без обиды. Возьми этот киоск. Бесплатно. Иначе не прокормитесь».

Варлам, никогда и никакого отношения к коммерции не имевший, поначалу растерялся. Но еще два бывших офицера, Анатолий Казначеев и Александр Шмидт бескорыстно помогли с оформлением торгового места и кое-каким товаром. Младший брат Алик, мурманский рыбак, упрямил взять «для раскрутки» тысячу долларов...

Только вот наживать капитал у Варлама Боджуга никак не получается! Сигареты, спиртное, напитки и прочая бакалейная мелочь из его киоска – самые дешевые в сочинском микрорайоне Арета. На закупленное по случаю у Боджуга хватает сил и совести набавлять сущие копейки. Всего дневного «навара» «коммерсанта» с трудом хватает на питание. Хотя случаются дни, когда Лена без всякого упрека сообщает мужу: «Осталась одна картошка. Какую предпочитаешь: жареную или вареную?»

Но старый «видак» с рук приобрести все-таки удалось. Это единственная крупная покупка за последние пять лет. Зато теперь Натука и Лиечка с нетерпением ждут папу не только к столу, за которым ужинают обязательно всей семьей. Еще один общий и неизменный праздник – просмотр очередного «мультика», взятого в прокатном пункте.

Поначалу соседи по торговому ряду пытались учить Варлама «жизни», более чем настоятельно советуя не сбивать цены. Потом смирились, зауважали, а теперь вот каждый вечер заглядывает в киоск внушительного вида участковый Юрий Попель, тоже бывший «афганец»: «Никто не обижает, братишка?»

– Все хорошо, – неизменно отвечает Варлам. И в его устах это не звучит как дежурная отговорка.

Наконец удалось Эдите Яковлевне, самой лучшей, по мнению Варлама, теще добиться-таки в своем строительном управлении комнатки для себя и младшей дочки. И это уже праздник: можно перебраться с четвертого этажа на второй и разместиться чуть попросторнее.

Обокрали как-то семейство Боджуа, вместе с небольшими деньгами забрав самое ценное – свадебные фото. Но именно их и именно Варламу удалось найти чуть позднее на одной из дорожных обочин – счастливый знак судьбы!

Умение извлекать крупицы радости из породы неласковой судьбы – дар редкостный и счастливый. О нем, о бесхитростной и такой святой истории Леночки и Варлама я однажды рассказал одному давнему знакомому.

До этого он казался мне циничным и более чем удачливым бизнесменом с надежной милицейской «крышей», очень броской, уже третьей по счету женой, не скупящейся на макияж всегда недовольного лица, холеной собакой величиной с теленка и особняком со спутниковой антенной и бассейном.

Миллионер слушал меня в своей перламутровой иномарке внимательно, не перебивая, а потом отвернулся и нервно дернул плечом...

– Чего ты молчишь, Юра? – наконец прервал я затянувшуюся паузу.

– Я... Я не молчу. Я им ... завидую. Точнее – ему. Дай адрес. Подброшу деньжат...

Я не рискнул. Варлам бы обиделся. Да и Лена – тоже. Именно такие муж и жена есть ... нет – не одна сатана. У этих двоих – общий и такой доброжелательный взгляд на совсем не такой уж и добрый мир. Одно дыхание. Одни боли и радости. Одна на двоих Большая Любовь...

...Вот я и назвал, наконец, это святое слово. Хотя ни Варлам, ни Лена ни разу о нем при долгом нашем общении ни упоминали. Это ведь только при душеньке начинаешь хрипеть: «Воздуху!». А до этого его не замечаешь. Просто живешь им. Не всегда, правда, задумываясь – ради чего?!»

Когда делал финал, плакал. И многие читатели, знаю, растроганную

слезу смахивали. Но это были простые люди, не обладающие властью все-лять и наделять.

Факт по-прежнему оставался постыднейшим для Сочи фактом. Как подтверждала справка из Минобороны, Варлам Боджуа был последним в «ельцинской России» безногим «афганцем», все еще не получившим отдельного жилья.

Обозленный и раздосадованный, применил я тогда другую методу. Написал в соавторстве с Витей Америковым про то, как Павел Грачев, отдыхая в Сочи, раздаривал казенные квартиры массажисткам, допущенным к телу «лучшего за всю российскую историю министра обороны».

Докопался и до того, как начальник ГРУ пробивал без всякой очереди благоустроенное жилье у моря для «своих людей». И как дочь командующего Северокавказским военным округом справила внеочередное новоселье не просто в центре Сочи на Курортном проспекте, 78/10, а в хоромы, совмещенных из двух трехкомнатных квартир. Где даже потолки на четыре кирпича выше стандарта.

Разгорелся скандал, совпавший с особым рода новосельем на улице Абрикосовой. Единственная многоэтажка, отстроенная в те годы за бюджетный счет, была тайно поделена между «своими»: ФСБ, МВД, налоговая полиция, администрация, депутаты...

Никто из этих высокопоставленных персон, конечно же, не бедствовал. У каждого имелось очень даже не хилое жилье.

Пылая от возмущения, ворвался я к мэру Сочи:

– Николай Иванович, заселение это ваше «боярское» сорвать, конечно, не получится. Но праздник омрачить в состоянии. Развоняюсь на всю страну!

– Откуда узнал? Чего хочешь? – только и молвил помрачневший Карпов. Кресло под ним и без того уже качалось.

И тут я согласился на сделку. За которую мне совершенно не стыдно. Журналист договорился с властью имущими на таких условиях: полгода об «элитных» новосельях в обход огромных сочинских очередей молчать. Но прямо сейчас, не выходя из своего кабинета, мэр должен договориться хотя бы с двумя из уже имеющих квартиры, но переезжающих на Абрикосовую, чтобы те не оставляли прежнее жилье родне и не продавали его. А передали безвозмездно, то есть даром, безногому «афганцу» и одному тяжелобольному «чернобыльцу». Тоже давнему герою моих публикаций.

Самой престижной и просторной оказалась прежняя квартира заместителя начальника городской милиции. Находилась она, правда, на пятом этаже. Но не верящий своему счастью Варлам взлетал на протезах словно на крыльях. Не менее рад был и тот полковник. Огласка некрасивой истории ему очень даже была не нужна. А за то, что оставил замнач бедной семье чуть ли не половину своей богатой обстановки и даже кондиционер, пообещал

псал я никогда не оглашать его фамилию. Что, возможно, заслуживает упрека. Но дал слово – держи...

18. СПЕЦНАЗ НА ЗАКАЗ

... Если бьют, беги! Этого явно не учел опер ОБЭПа Илья Герасимов. На него «наехали» как раз в пору очередного «Кинотавра». В самом центре Сочи. Неподалеку от «звездной» фестивальной дорожки. Люди в камуфляже, в черных масках и с автоматами действовали как голливудские командос. Наперерез «объекту» вывернул «УАЗ» серо-песочного цвета. Двое упали на капот «девятки» и заблокировали водителю обзор. Слева и справа рванули дверцы еще двое. Хват за волосы, удар высоким кованым ботинком в пах...

– Я из милиции! – успел еще крикнуть Герасимов.

«Но меня уже выволокли из салона. Заломили руки за спину. Застегнули пальчиковые наручники. Стали избивать руками, ногами, дубинками. По всему телу. То есть, по голове, почкам, позвоночнику, в область живота, по коленям. Потом связанного бросили в багажник моей же машины, отвезли вниз к морю и у стройки опять били, били, били. Избивал меня и Шелковой Евгений. Он был единственный без маски. Потом требовали, чтобы виновником своего избития я назвал Михаила Колодия, работника кафе «Шарм»...»

Это уже из тех документов, что удалось мне раздобыть. Каюсь, сыграл на вспыхнувших в тот момент расприх между милицией и госбезопасностью. Потому что давно слышал: спецназ ФСБ не только дворцы в Афганистане штурмует. На курорте, где «силовикам» и делать-то особо нечего, скопилось разных засекреченных служб великое множество. Государева дача, как-никак...

«Волкодавы» изнывали от безделья. Некоторые дошли до того, что соглашались на «заказы» самого отвратительного свойства

Я записывал на пленку голоса потерпевших. А затем под честное слово,

обещая никогда не называть источников, забирал домой для копирования документы, за которые кое-кто из спецназа отдал бы многое: «Подлетел микроавтобус защитного цвета. Выскочило 10-13 мужиков в масках. Вначале нас били дубинками прямо у мангала. Потом затащили внутрь. Поставили лицом к стене: ноги врозь, руки вверх. Снова били куда побольнее. Потом на пол швырнули. Зажали большие пальцы рук какими-то специальными наручниками. Били... А голову Миши Колодия совали во фритюрницу, где кипело масло».

Люди вспоминали пережитое почти шепотом. Испуганно озираясь. Ведь не какая-то банальная криминальная «пехота» с Торговой галереи на них наезжала. И даже не отморозки из осетинской и грузинской ОПГ, которые занимались тем летом очередным переделом Сочи. Все оказалось куда тревожнее и опаснее.

Избитый до неузнаваемости Герасимов собственноручно допишет в один из протоколов: «...То, что это была спецгруппа «Альфа» ФСБ я не обманиваюсь. Так как много был наслышан о ней, о ее бесчинствах и безпределах» (так в оригинале, С.3).

Но когда я глянул в ясные очи начальника курортной госбезопасности, ушедшего чуть позднее на большое повышение, когда спросил его про сочинскую «Альфу», про побоище, происходившее на глазах столичных киношников, тот и бровью не повел.

– Какая такая «Альфа»? Какие такие спецмероприятия силами ФСБ? Ох, и любите вы присочинять, Сергей Алексеевич.

Когда принимают за дурака, обидно. И вдвойне – при наличии пухлой папочки с доказательствами того, что и у легендарного РОСО, регионального отдела спецопераций, имеется своя грязная сторона.

В данном случае бойцы были подняты по тревоге лишь потому, что их коллега упился до свиного состояния.

– К 3 часа утра я приблизился к кафе, – поведал гораздо позднее чекист Евгений Шелковой. – И тут из-за угла появился какой-то парень в белом грязном коротком халате. Молча ударил меня чем-то по голове. Я потерял сознание...

Далее, по версии оперативника и каратиста, хлипенький пашлычник и примкнувший к нему сын хозяина кафе Илья Герасимов, якобы работающий здесь «крышей» и снабженцем, до самого рассвета измывались над офицером ФСБ. Нанося удары и восклицая: «Всех вас, гзбешников, кончать надо!»

Шелковой вошел в шокое состояние и выдал истязателям свои телефоны и домашний адрес. Потом отдал дорогие часы. Было уже совсем светло, когда жертву отпустили за деньгами в сумме 310 рублей. Управление ФСБ было совсем рядом...

Мне довольно легко удалось выяснить, откуда возникла такая странная

сумма выкупа. Сверил с описью инвентаря с места происшествия. Стоимость разбитого пластикового стула и разломанного стола составила по тем относительно недавним временам ровно 310 рублей.

– Это «гость» наш запоздалый разломал, – в один голос утверждали в «Шарме». – Буянил. Хотел напитки и закуску из бара бесплатно забрать. Буфетчице нахамил. Кричал, что он из ЧеКа и ему все можно. Пришлось успокаивать, требовать возмещения ущерба...

Чем глубже я погружался в эту тему, тем меньше оставалось уверенности, что можно будет из нее благополучно вернуться. Уж слишком кошмарные открывались факты. Слишком мерзкие люди могли, оказывается, служить там, где мнились мне одни лишь рыцари без страха и упрека. Например, сотрудница местной таможни Елена Сотникова и Резо Габедава, ее гражданский супруг из линейного отдела милиции, заказали «Альфе» некую Додонову, которая вроде как «кинула» при обмене квартиры на 35 000 долларов. «Неформальный» способ разборки избавлял от вопросов о происхождении больших сумм у бюджетников с мизерным окладом.

– Я, а также мои друзья Бесик Джалангония и Зураб Кучухидзе вышли из квартиры на улице Тоннельной, 29, – рассказывала Додонова. – Из вип-невой «девятки», стоявшей поодаль, тут же выскочили люди в камуфляже и в шапочках-масках. У них были длинные дубинки с металлическими ручками. Сначала нас повалили на газон, стали бить этими дубинками, потом Бесика кинули в багажник, а нас в салон машины. Пока мы ехали, нас все время оскорбляли и били. Минут через 5 пересадили в машину белого цвета. Зарика, ну, Зураба, там постоянно избивал пассажир, сидевший рядом с водителем. Тут в приемнике у них запел Меладзе «Какая ты красивая сегодня». Эти в масках заржали, несколько раз ударили меня по лицу и сказали: «Будешь ты сегодня у нас красивой»...

Дальше закрутилось «кино» из серии «ужастиков». Должницу и ее друзей отвезли на спецбазу УФСБ близ Красной Поляны. По словам заложников, подтвержденным медицинским освидетельствованием, садисты в камуфляже и масках не просто требовали вернуть деньги Сотниковой и Габедава. Они выбивали зубы. А одного из друзей Додоновой попросту сделали инвалидом, повредив ему седалищный нерв. Несколько раз имитировался расстрел. Всех троих заставляли копать могилы. Сковывали наручниками в самых неудобных и мучительных позах. Не давали еды и питья. И все время били, били, били... Но своего так не добились. Так как нужной суммы ни у кого попросту не было.

На третьи сутки с 34-летней Надежды Додоновой палачи все-таки сняли наручники, заставили смыть с себя и ее друзей кровь и все тщательно прибрать в «палате пыток». Потом всех троих, едва живых и еле передвигающихся, выбросили из машины далеко от Сочи.

Как только заложница рассказала в прокуратуре подробности похище-

ния, ее арестовал следователь одного из райотделов милиции по обвинению в мошенничестве. Но совсем по другому делу, не связанному с Еленой Сотниковой и Резо Габедавой. Сам же Резо Евгеньевич к тому времени таинственно и бесследно исчез. Ходили слухи, что спецназ его попросту уничтожил.

А вот того, кто раззвонил про дикую эту историю на всю страну, почему-то не тронули. Возможно, ЖБ, журналистский Бог сохранил. А может, «сермерка», «топтуны» из упоминавшейся уже милицейской конторы, которые, насколько я знаю, с прессой никогда не общаются. Но тут сделали исключение. И, рискуя своим служебным положением, а может и свободой, поделались просто убойной фактурой.

Примерно такое же было у меня лишь однажды. Когда боролся за то, чтобы сыскаря Сапу Иванникова признали погибшим «при исполнении». Это дало бы вдове и малолетнему Сапиному ребенку хоть какую-то прибавку к мизерной пенсии. А также реальный шанс выбраться из подселения и получить квартиру.

Но застрелили молодого «старлея» поздним вечером в кафе на территории санатория имени Кирова. Что и подтолкнуло чиновников из министерства к подозрению: внеслужебное время было у парня. А то, что случайно оказавшийся там рецидивист стрелял из ТТ именно в мента, является, мол, форс-мажором, по которому льготные пособия не предусмотрены.

И вот тогда местные сыщики решились на отчаянный шаг. Доверили мне копию рапорта из агентурного дела. Не подлежащего ни под каким видом разглашению. Документ был написан Сапшей всего за несколько часов до гибели и подтверждал факт предстоящего контакта с «источником», который молниеносно и незаметно должен был передать записку. С информацией по «мокрому всяку». То есть – нераскрытому убийству.

Встреча так и не состоялась. Не успел агент к своему куратору. Так что осведомителя, работающего и сегодня на угрозыск, вычислить после публикации никто бы не смог. А вот огласка хотя бы части совсекретной бумаги придавала совсем иное звучание трагической истории. Помогла покончить с бюрократической волокитой.

Признали-таки офицера Иванникова погибшим при исполнении служебных обязанностей. Начислили его семье все, что положено. И фамилию Сапину увековечили в граните. Вместе с другими сочинскими милиционерами, потерявшими жизнь на службе.

Теперь же «семёрочники» давали мне мощные козыри против руководства сочинского УФСБ. Каждый раз заявлявшего:

– Совершенно точно, это были не наши сотрудники!

Однако «топтуны» «пасли» своего железнодорожного коллегу Габедаву до того профессионально и тщательно, что тот уже вскоре «засветил» все свои контакты с давними «друзьями-альфистами». Негласную фотосъемку

встреч, происходивших прямо у крыльца УФСБ на улице Театральной, в прокуратуре оформили по закону. И среди прочих снимков при понятых предъявили потерпевшим. Уверенно опознаны были двое мучителей. Они беспечно снимали маски-шапочки во время трапезы и в перерывах между пытками.

Опьянение безнаказанностью и своей исключительностью было настолько велико, что в день похищения некоторые секретные сотрудники «Альфь» не просто выходили на пейджинговую связь с предполагаемым заказчиком Габедавой. Они саморазоблачительно воспользовались особым позывным. Пейджинговая компания после публикаций вынуждена будет официально подтвердить: с таким паролем в Сочи работали одни только чекисты.

Но шумом в прессе все и ограничилось. Тогдашний начальник Краснодарского УФСБ, генерал-лейтенант Воронцов подтвердил давно известное: закон на Руси не каждому писан. «Гражданская» прокуратура получила категоричный «отлуп»:

– С учетом возложенных на меня обязанностей по сохранности сведений о негласном составе органов ФСБ, вынужден запретить подчиненным мне сотрудникам участвовать в проведении следственных действий, создающих угрозу разглашения сведений, составляющих государственную тайну.

А военные следователи дело успешно заволоkitили. Дальнейшая судьба его так и осталась неизвестной. Как очень многое неизвестно и в ситуации с другой, еще более засекреченной, особо привилегированной силой особого назначения.

19. В МОРДУ – ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Понятно, что сам ВВП к той особенно запутанной и темной ночи в городе Сочи отношения не имел. После официальной встречи с президентом Белоруссии Путин, наверняка, почивал на «Бочаров ручье». А вот СБ, Служба его персональной безопасности, бодрствовала. Да еще как! Без тормозов. Ведь в глазах государевых стражников наш провинциальный городок был всего лишь одной из дач Хозяина. Где с прислугой не церемонятся. Где все дозволено тем, для кого Бога не существует. Выше этой охраны – только их босс.

Это я не злобствую насчет спецслужб. Там ведь тоже всякие люди работают. В том числе и нормальные. Может быть.

Но в памяти многих сочинцев прочнее и больше всего останутся самые обнаглевшие. Не те даже, что изводят местных и отдыхающих оглушительно вопящими и ослепительно сверкающими автоколоннами. Так называемые спецпроезды москвичей тоже достали.

Самой опасной для простого гражданина «демократического» государства оказалась президентская обслуга, не знающая, куда себя деть в нерабочее время, когда барин спит, а холопам свою силушку давать некуда.

Слова к делу не подошьешь, а «под протокол» самоубийц не найдется. Но вы сами, уважаемые читатели, если будете в Сочи, поспрашивайте ненароком у рестораторов и официантов: расплачивался ли кто из личной охраны, будь то Ельцина, будь то Путина после совсем не скромных застолий?

Возможно, после того побойща и после той шумихи в СМИ, что удалось все же поднять, государева спецслужба малость присмирела. И в сочинских заведениях дает теперь «на чай», а не в зубы. Но тогда, 21 октября двухтысячного, на курорте приключилась «ночь свинцовых кулаков».

О ней я узнал почти сразу же. В два часа поднял с постели телефонный

звонок. «Источник» из числа коммерсантов просил срочной встречи. Примчался он в Адлер на своей иномарке перепуганный и притихший:

– Алексей, ведь предупреждали же меня умные люди, проголосуешь за кагебешника, вернется тридцать седьмой год!

– Что стряслось, говори толком?

– А смысл? Президентская стража лютует! Все равно против них не напишешь.

– Да хоть против самого Путина!

Не было в тех словах никакой бравады. Был интерес профессионала, все еще ощущающего себя действительно независимым. Мне очень нравится на этот счет высказывание «кита» американских СМИ, Уолтера Липпмана, кажется:

– Хороший журналист никогда не будет другом президента.

Это в том смысле, что нормальная пресса априори оппозиционна. И не потому, что не терпит кого-то во власти персонально или не любит власть, как таковую, вообще. Просто у нас с чиновником должны быть разные группы крови, что очень даже сказывается и во взглядах на жизнь, на добро, на закон и на справедливость.

Когда у кордона «Лаура», прямо над уникальным подземным месторождением питьевой воды, да еще и в заповеднике, строятся виллы для нефтяных магнатов и лесной «Дом приемов» для «хозяина Кремля», задача государственного служащего, наверное – сохранение «государственной тайны». А долг свободного журналиста и гражданина – бить тревогу. Хотя бы потому, что без этой питьевой воды можно будет поставить крест на действительно полноценном развитии Красной Поляны как уникального центра отдыха, лечения и горнолыжного спорта. И без того добываемого варварским строительством для грядущей Олимпиады.

Точно так же не было сомнений и колебаний, когда брался я за раскрытку темы, аналогов в мировой практике не имеющей. Это не журналистское бахвальство. Это выражение соболезнования всем россиянам. Потому что нигде и никогда еще в новейшей истории охрана высшего государственного лица не вела себя так отвратительно и мерзко, как было это продемонстрировано в Сочи.

– ...Стоял спокойно, «язычком» кушал. Вдруг подлетают и дубинкой – по голове!

Таксист Миша имел несчастье заглянуть в аэропортовское кафе «Анжелика» как раз в ту минуту, когда туда примчалась группа оперативного реагирования ФСО с «Бочарова Ручья».

Пожилая женщина получила автоматным прикладом в лицо. Случайно подвернувшийся парнишка – кованым ботинком под зад.

– Ворвались восемь-десять человек в защитной форме без опознавательных знаков, – не мог сдержать слез обиды мужик с устрашающим

фиолетовым кровоподтеком под глазом. – Мы с другом и его женой там случайно оказались. Должны были родича встречать. К другу, который сидел лицом к входу, сбоку подскочил амбал в маске. Друг только приподнялся, хотел что-то спросить и получил ботинком в пах. Он скорчился и упал головой о бетон. Его жена кинулась на помощь. Тот, в камуфляже, оттолкнул ее с такой силой, что женщина отлетела к столику спиной. И ударилась о край затылком. Со словами: «Получи, черножопый!» меня кто-то сзади трижды ударил по пояснице. По-моему, дубинкой. Было так больно, что я тоже упал. Удар ботинком в голову... Когда пришел в себя, человек десять кое-как поднимались с пола. У некоторых на лице была кровь. У одного пожилого армянина началась рвота от сотрясения мозга. Кто-то стонал, что у него рука перебита. Кто-то на ногу наступить не мог...

С коллегой из НТВ я записывал сенсационные признания и многозначительно с Тамарой Карташевой переглядывался, наивно полагая, что стоим мы сейчас у истоков если не правительственного кризиса, то грандиозной чистки в зарвавшемся силовом ведомстве.

А ведь с такой мелочи вся эта каша заварилась! Трое офицеров Федеральной службы охраны (по гражданке) провожали четвертого. Были сильно навеселе. Стали заигрывать с местными девушками. Преподнесли самой симпатичной букет цветов. Та отказалась. Спецслужбу строитивость изумила. Попридержали за рукав местного паренька, приняв его за официанта. Приказали ему принести девушкам коньяку.

Местный парень, понятное дело, послал пьяненьких отдыхающих, как ему тогда показалось, подальше. Возникла потасовка, к которой подключилось еще несколько местных ребят.

Обращаться в милицию слегка помятые офицеры не стали. Если верить транспортному прокурору Сочи Евгению Ряховскому, дежурный наряд сам примчался на шум.

– Никаких проблем, никаких претензий! – заявили фактические зачинщики драки. А в это время к аэропорту на всех парах уже неслись вооруженные мстители.

Основные же «боевые действия» развернулись за полночь. Когда сразу 25 здоровенных лбов явились в ночной клуб «Экипаж» и вместо входных билетов предъявили красные «корочки» офицеров президентской службы безопасности.

Пройдя в «зеркальный зал», бесцеремонные гости сдвинули вместе семь столов и, перегородив ими выход, заказали 15 бутылок водки с ящиком сока. На просьбу администратора заплатить за вход двухметровый лейтенант пропедил сквозь зубы:

– Зачем, когда мы уже вошли?

Спустя еще пять минут этот же верзила со товарищи собьют с ног и

слегка попинают трех парней. Вся вина которых заключалась в том, что они «непозволительно близко» подошли к гуляющим телохранителям.

Встревоженный хозяин клуба Александр Фроленков в самых корректных выражениях попытался выяснить, в чем, собственно, проблема.

– Да ни в чем, – загоготал в ответ один из пьяных громил. – Мы пришли, чтобы научить макак бояться. За водку не заплатим, а морды набьем.

Угрозу подкрепили несколькими легкими тычками в голову Фроленкова. А тот, между прочим, возглавляет именно белорусскую общину в Сочи. Лично знаком с Лукашенко и за несколько часов до происшествия с ним сердечно общался.

Полный возмущения бизнесмен немедленно созвонился с дежурным местного ОМОНа. Тот лишь руками развел:

– Нас здесь сейчас всего шестеро. А их четверть сотни. Вооруженных.

В Центральном райуправлении внутренних дел хозяину развлекательно-го заведения участливо посоветовали обратиться в ФСБ. К оперативникам из местной «девятки».

Между тем разбушевавшаяся президентская рать начала «мочить» уже всех без разбору. Прибежавшие из расположенного по соседству здания городского УВД два автоматчика вмешаться не рискнули: у перепившихся опричников под мышками то ли «Беретты», то ли «Стечкины». Сколько крови пролилось бы, начнись перестрелка с милицией! Даже представить себе страшно.

Впрочем, ее и так было немало: вскоре сотрудники СБ выскочили на улицу и дружно набросились на какого-то парня, попытавшегося оказать сопротивление и пальнувшего поверх голов нападавших из газового пистолета. От души попинав жертву, они переключились на другого посетителя ночного клуба, ни в чем не повинного Александра Наконечного. Его били головой о подоконник с такой силой, что утро Саша встретил в нейрохирургическом отделении четвертой городской больницы.

И это еще было не все. Эсбэшники сломали ребра одному из секьюрити клуба и схлестнулись с тремя заглянувшими на дискотеку операми из сыского отдела. Отобрав у милиционеров оружие и документы, охранники заковали двоих из них в наручники и, пристегнув к оконной решетке, принялись избивать. Вскоре сотрудники ОСО потеряли сознание. Одному из них, оказавшемуся сыном начальника сочинского РУОПа, для восстановления дыхания пришлось даже откачивать кровь из носоглотки.

Третий милиционер успел несколько раз выстрелить в воздух из табельного «Макарова» и смешался с толпой. Только после этого ФСОшники покинули «Экипаж». По дороге к своим машинам они приложили об асфальт еще нескольких случайных прохожих.

А на вокзале, избив сутенера, прихватили с собой несколько проституток. На сексуальный «субботник».

Такая вот веселенькая получилась ночка. В иной стране она могла бы стоять должности не только начальнику президентской охраны, но и главной охраняемой персоне. А что получилось у нас?

Упоминавшийся уже Алексей Пиманов спешно организовал встречу с Сергеем Девятовым. Сергея Викторовича я знал лично. Общались неформально в очень порядочной компании. И Сергей мне показался достойным человеком, да и к Пиманову проникся заочно уважением – нормальную, вроде бы, передачу ведет мужик!

И вдруг эти двое все в том же «Человеке и законе» втаптывают в грязь Сочи и сочинцев, вместо того, чтобы поддержать изморожденных, униженных ни за что ни про что людей.

Хоть фальшивку-то свою состряпали бы толком. Настолько, видимо, были уверены в неуязвимости обеляемой ими спецслужбы, что не постарались даже юридические нестыковки и всякие прочие нелепости подчинить.

Бывая на телесъемках в Останкино, я несколько раз потом заносил в приемную Пиманова подробные разъяснения всех обстоятельств ЧП в Сочи. Не заметив никакой реакции, отправлял Пиманову письма с «детскими» вопросами, на которые у телена начальника не находилось или времени, или правдоподобных ответов:

– Вы на весь бывший СССР распространили информацию о «вооруженном этническом бандформировании» в Сочи, которое, якобы, напало на офицеров ФСО. Но где продолжение в рамках УК и УПК? Где результаты расследования? Где хотя бы формально возбужденное уголовное дело?

– Ты же русский интеллигент, как ты мог так подло обманывать, Сережа? – глупо орал я в трубку.

– Не задавай смешных вопросов! – отрезал генерал и, вроде бы, дважды доктор наук Девятов. – Я был на службе. Так надо.

Надо было сделать ментов крайними там, где они действительно не виноваты? Надо было загонять чуть ли не на Крайний Север начальника сочинского УВД? Хотя до пенсии у ласкового моря генерал-майору оставалось совсем ничего.

За одно только и могу выразить признательность СБ ФСО. Чего им стоило раздавить такого, как я, «комара»? Прихлопнули бы грамотно и квалифицированно. Под видом автокатастрофы. Разбойничьего налета. Хулиганской драки у подъезда...

Но даже отзвука угрозы не доносилось с той могущественной и укрытой тайнами стороны. Или потому, что спецслужба была уверена: Главный чекист СВОИХ не сдаст. Или потому, что «новые старые» подступали времена, предсказанные прозорливым Мишей из телебизнеса. Времена, когда голос СМИ становится «слабее комариного писка».

Да, так оно и было, наверное. От доброго десятка моих публикаций про

президентский погромотряд даже отмахиваться не стали. Только одно большое, солидное, государственное информационное агентство дернулось разок. Выдало официальное разъяснение, в котором сообщалось: в Сочи, мол, совсем обнаглела «таксистская» мафия. Спецслужба президента вынуждена была вмешаться. После чего был наведен порядок.

Ничего не оставалось делать, как признаться в журналистской беспомощности. Вроде бы, сделал все что мог. Но, как отмечал в заключающей тот цикл публикации: «...Подавляющее большинство покалеченных, а их, по самым приблизительным подсчетам, около трех десятков человек, не верит, что Путин отдаст под суд хоть кого-то из своих охранников».

Правильно опасалась. Вся эта провозглашенная Путиным «диктатура закона» оказалась бессильна перед молодчиками из конторы, охраняющей главного гаранта законности в неподвластной законам стране.

Чуть позже еще на том, настоящем НТВ прошло «Независимое расследование» Николая Николаева. Но многие из тех, кого я записывал на диктофон, кто вставлял выбитые зубы, ходил в гипсе и лежал в нейрохирургии, по вполне понятным причинам, лететь в Москву отказались.

Да и Сапа Фроленков вдруг забормотал в студии совсем не то, о чем с возмущением вспоминал раньше. Теперь получалось, что его подчиненные, весь персонал и клиенты дискотеки «Экипаж» сами виноваты в том, что их унизили и избili.

– Меня очень попросили люди из ФСО. Передо мной лично они извинились, – оправдывался бизнесмен после съемок.

В самом угнетенном состоянии духа отправился я из Останкино на ночевку к Юрке Головину. На троллейбусной остановке было нас только двое. Пьяненький мужичок в длинном плаще, в массивных очках, наружности вполне интеллигентной, все поглядывал на меня и чуть ли не прикидывал:

– Не реви!

А я и не ревел вовсе. Просто не хотелось ничего видеть вокруг. Съемка утомительная была. Фроленков этот...

И потом... День рождения Кирилла как раз сегодня, 19 апреля. А мне по прежнему не дают с ним общаться даже по телефону.

Ехал до метро «ВДНХ» и вспоминал, сколько лет мы уже с сыном не вместе. И какой огромный торт, какого супертрансформера притащил я ему на последнее совместное празднование.

– Не реви! – продолжал бубнить странный тип за спиной. Он начинал меня уже напрягать. У Аллеи Космонавтов голос вдруг смолк и шаги стали тише. Я резко обернулся. И тем себя спас. Явный псих с весенним своим обострением так и не справился. Он чем-то на меня замахивался! Времени изумляться не оставалось. В руке я держал увесистый дипломат с острыми алюминиевыми уголками. Удар пришелся по колену. Маньяк взвыл и захромал через кусты в темноту, скрылся между бюстами Терешковой и Нико-

лаеву. Догнать его было просто. И что дальше? Избить? Скрутить и сдать в милицию? Пиши потом объяснения, доказывай, что сам не верблюд...

Не хотелось, повторюсь, ничего совершенно. Апатично поднял нож. Старенький, кухонный, с пластмассовой рукоятью, но лезвие острое, отменно заточенное. Отвез его Головину: для дачи пригодится.

Посидели за бутылочкой. Подивились превратностям судьбы. Исключили вариант умышленного покушения со стороны ФСО или ФСБ. Те, когда захотят, зарежут с гарантией.

Посетовали на одичание нравов, на то, что превращаются российские города в какие-то джунгли. Но о том грядущем кошмаре, что накроет курортный город, не могли тогда даже и предположить.

20. КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Притормозил как-то сочинский ОМОН с десяток абхазских работяг на привокзальном рынке. Повода, даже формального, у спецназа не было. Крестьяне законно купили на пограничном посту «Псоу» суточные пропуска, намереваясь приобрести у куда более зажиточных соседей учебники и школьную форму для детишек. Приближалось первое сентября.

Но небольшие деньги, собираемые от продажи овощей и фруктов почти год, теперь нужно было отдать вымогателям в форме. Иначе не вернут паспорта.

– А документики-то незаконно изъяты, а, Владимир Яковлевич? – чуть ли не мурлыкал я в кабинете тогдашнего начальника УВД Малова.

Без ложной скромности, местное начальство эту свою «занозу в заднице» уже хорошо изучило. Понимая, чем мягче стелет Золовкин, тем жестче будет спать.

Однажды новый начальник налоговой полиции по пьяному делу и в силу чрезмерной эмоциональной возбудимости – какой-то «гаишник» не уступает дорогу! – из своего табельного «Макара» прострелил милиционеру колесо служебной машины.

Скандальчик вырисовывался вкусный. Оставалось только переговорить с главным персонажем почти готовой реплики. Но полковник послал меня по самому распространенному на Руси адресу.

– Именно это я от вас и ожидал услышать, – чуть ли не пропел я в трубку. – А остальное и так известно.

Персонаж оказался не только горячим, но и дальновидным. Пробил по своим каналам обо мне информацию. Оценил невыгодный для себя расклад. Наступил на горло лихой песне. И минут через 25 примчался в редакцию. С извинениями и вторым участником конфликта:

– Разобрались, помирились, зачем шум поднимать, когда можно дружить?

«Дружба» у независимого журналиста с нашей властью понятно какая. А вот горячие новости из первых рук не помешают. На чем и сговорились. Пожертвовал я сотней строк, зато выиграл в качестве добываемых сведений.

В случае с абхазцами, попросившими у меня защиты, тоже нашелся компромисс. Малов вызвал к себе Жабко, начальника сочинского отдела милиции особого назначения. Тот, честь своего мундира защищая, долго сетовал на засилье «черножопых». Но документы абхазским пахарям вернул совершенно бесплатно.

– Мы еще пригодимся, – благодарили мужики. Как в воду глядели! Чуть позже началась моя работа по Эле Кондратюк. Дело нашумевшее, трудоемкое и продолжительное, прогремевшее на весь мир. А теперь уже почти забытое.

Главным несчастьем для девушки из многолетней и очень небогатой семьи обернулась ее собственная красота. В 1998 году высокая, стройная блондинка претендовала на титул «Мисс Сочи». Своей броской внешностью действительно сводила с ума горячих кавказских мужчин.

В некоторых бульварных изданиях рассказывалось потом о бурном романе Элеоноры с одноглазым громиллой из Адлера. Пусть это останется на совести авторов. Никого наивная девчушка в этой жизни не обольщала. Ничего она толком не успела в свои неполные 18 лет. Разве что согласилась пару-тройку раз прокатиться на «BMW» Григоряна. Но уж очень эффектно подавал себя двухметровый «качок». Бывал, мол, в США. Побеждал за океаном в «боях без правил». Лишился глаза, защищая девушку от банды наильников...

Хотя, на самом деле, Григоряна едва не пришибли после того, как с приятелем Суреном накуролесил он 25 июля 1998 года. Тогда охранник-грек потребовал с каждого по 5 рублей, официально установленную плату за вход в адлерское кафе «Бриз». Но надо знать Рубена с его гипертрофированной самооценкой. И хотя в криминальных кругах выше обычной «торпеды», бойцовского «мяса», Рубена никогда не поднимали, сам себя Григорян считал пупом Вселенной.

Приговаривая:

– Мы на этой земле хозяева и никому платить не обязаны! – два армянина грека избili.

К следующему вечеру персонал кафе подготовился серьезно. За вновь отказавшимися платить «хозяевам» погнались несколько мужиков с палками и железными прутьями. Побойще получилось жуткое. Сурен скончался на месте. Рубен лишился глаза.

После этого произошла серия покушений на греческих предпринимателей. Те в отместку начали «заказывать» армянских коллег. Впервые в исто-

рии Адлерского района вооруженный взрыв межнациональной розни мог оказаться реальностью. Завершилось все взрывом мины направленного действия в ночном кафе «Оазис» у железной дороги. Погибло несколько ни в чем не повинных мужчин и женщин, включая отдыхающего из Москвы.

Курортный сезон оказался под угрозой срыва. Этого ни власть формальная, ни власть криминальная допустить не хотели. Состоялся слет старейшин, совещание в городской администрации и внеочередной «сходняк» «авторитетов». Грозу предотвратили. Почти все преступления повисли «глухарями». Хотя сыщики и наиболее осведомленные местные жители упорно приписывают некоторые из них, включая и взрыв в «Оазисе», именно Григоряну.

Выздоровев, он так и не разуверился в своей исключительности. Понравилась девушка, попросту взял да и украл ее. Скандал поднялся выше небес! Но у вышибалы и охранника казино оказались серьезные покровители. С родителями потерпевшей местный «авторитет» сговорился о свадьбе. Брак вышел несчастливым, зато «позора» на девушке не осталось.

А плейбой продолжал действовать по давнему курортному принципу: «Кто даму танцует, тот ее и ужинает».

Те немногочисленные знаки внимания, что успела принять от рослого незнакомца Элеонора, оказались для нее роковыми. И это при том, что углублять отношения девушка отказалась почти сразу. Дошли и до нее слухи о похождениях этого «страшного человека». Однако спустить все на тормозах уже не получалось. Ведь Григорян поклялся друзьям:

– Девчонка обязательно будет моей!

Все дальнейшее множество раз описывалось в прессе. В том числе и автором этих строк. Восходящая «звезда» модельного бизнеса собиралась 3 сентября 1999 года улететь в Москву на российский конкурс красоты, но за день до этого судьба Элеоноры Кондратюк навсегда поделилась на «до» и «после». Последнее «до» – это беспечная прогулка к морю через двор бывшей Элиной школы в Дагомысе. Первое «после» – двое нелюдей, нагнавших девушку сзади. Их запомнили младшеклассницы. А Эля, так и не приученная нашей кровожадной действительностью озираться, ничего увидеть не успела.

Сильная мужская рука в резиновой перчатке уцепилась за пышные волосы и резко потянула назад. Голова запрокинулась, девушка вскрикнула. И тогда в распахнутый рот, в нос, глаза, на грудь хлынула из заранее приготовленной кофейной банки концентрированная серная кислота. Разбавленная для большего поражающего эффекта маслом.

Эля на ощупь нашла дверь, побежала по коридору, успела, пока не отказали обожженные голосовые связки, позвать на помощь... Ее обступили учителя. Но никто уже не узнавал «солнечную красавицу», как называли свою лучшую выпускницу в школе. Поражение кожи, мышц и даже костей оказалось ужасающим.

Жертву самого зверского нападения в истории Сочи вертолет МЧС унес в краевую клинику. А в Дагомысском поселковом отделении милиции началось очень неторопливое, поразительно вялое разбирательство.

Я оказался в курсе всех дел сразу же – сводку ежедневных происшествий получал прямо из штаба УВД. Но уже вскоре проявил «черную неблагодарность». Публично упрекая бывших коллег:

– Чем дальше, тем явственнее обозначаются проблемы, не позволяющие рассчитывать на немедленный успех сыска и следствия.

Претензий к милиции и впрямь накопилось много:

– Такое ощущение, что это не целенаправленный поиск преступника, а топтание на месте! – возмущался Евгений Кондратюк, отец потерпевшей. – Я сам бывший следователь. Способен оценивать эту работу профессионально, изнутри. И вот когда меня вызвал на допрос Сологуб Евгений, по направленности его вопросов я понял: у них там абсолютно отсутствует конкретная версия. Абсолютно! Столько недоделок, столько промахов допущено даже на начальном этапе! Я одну такую недоработку сам исправлял. Ведь они потеряли даже пленку! Сам Сологуб мне признавался, что они пленку из дела каким-то непонятным для меня образом потеряли. И мне пришлось самому почти через месяц фотографировать место преступления. Но там уже утрачено очень многое было.

Понятно, что с этим, как и с остальными обвинениями Евгения Иосифовича, местные детективы категорично не согласились. Повторную фотосъемку школьного двора объяснили желанием заполучить в дело качественные цветные фотоснимки. А Кондратюк после увольнения из следственного аппарата сочинского УВД переквалифицировался именно в фотографа. Причем известного не только в Дагомысе. В большой коллекции Жени есть очень выразительные фотопортреты Андрея Сахарова и Аллы Пугачевой.

Пришлось опять вмешиваться, теребить милицейское начальство:

– У вас что, собственных специалистов по фотододелу не нашлось? Ничего гуманнее не придумали, как лишний раз травмировать израненную родительскую душу?

Такт, милосердие и сострадание, как ни прискорбно бывшему менту признавать, вообще-то самой сильной стороной наших внутренних органов не являются. Подруга Элеоноры билась у меня на приеме в истерике. Какой-то «колу» страдал девчонку арестом:

– За решеткой сгноим, если не признаешься, что была в створе с Рубеном!

Григорян сразу сделался подозреваемым номер один. Да и как иначе, если незадолго до нападения кричал Эле отвергнутый ухажер:

– Ты еще поплачешь у меня кровавыми слезами!

Незадолго до акции мести Григорян уехал из Сочи. Потом позвонил...

начальнику Дагомысского ПОМа Руслану Китазе. Сам Руслан Чемяльевич объяснил мне это красноречивое событие следующим образом:

– Он у моего хорошего знакомого Юры охранником работал. И, в принципе, они из одного места там, в Армении. Оттуда вместе приехали. Рубена я давно знаю, конечно. Он такой «качок» в спортивном плане. Ему передали про обыск, который мы у него делали, и он со мной связался.

Роскошный подарок могло бы получить следствие! Умелый переговорщик способен кардинально повлиять на психику беглеца, изменить его планы, заставить действовать в нужном направлении. Помнится, ударившийся в бег дупегуб тоже позвонил «сыскарю». Было это в Новой Шульбе. Определителя номера на допотопном пульте дежурной части не было. Но зато все звонки проходили через АТС. И был наготове «Урал» сержанта Шалыгина. Пока Тарасенко доводил женоубийцу неторопливыми поддевками типа: «... выйти бы нам с тобой где-нибудь в степи один на один и без оружия. Как настоящий мужик против мужика...», – мы вместе с Яшей домчались до села, который нам указали телефонистки и взяли бытового «мокрушника» Тищенко прямо у почты.

Понятно, что раз на раз не приходится. Необходим и фактор везения. Но уж точно никаких шансов на успех не будет без профессионализма. А его, как раз, у начальника ПОМа не хватало:

– Когда я ему объяснил, что случилось, я понял, что он был потрясен этим известием. Он спрашивал, что мне теперь делать? Может, я в Краснодар поеду? Может, мне Эле чем-то помочь? Я ему сказал, в Краснодаре от тебя помощи не будет никакой. Ты давай приезжай к нам. Потому что все подозрения пока на тебя. Почему я так сказал? Ну, потому что он ведь мне позвонил. Так что я, скрывать что-то буду? Сказал прямо, давай, приезжай! Мы ведь все равно тебя объявим в розыск. И разница большая есть, или тебя привезут сюда по этапу в наручниках из Москвы. Или откуда ты там звонишь...

Поразительно, но за период этих довольно продолжительных переговоров так и не было установлено, откуда подал сигнал встревоженный Григорян! Остались лишь неуверенные догадки следственно-оперативной группы во главе с Русланом Китазе: Рубен позвонил то ли из столицы, то ли из Ярославля...

Пользуясь тем, что у нашего пишущего брата руки уголовно-процессуальным кодексом не связаны и свободы маневра больше, чем у милиции, обратился я и к уголовникам. Можно расценивать такой шаг как угодно. Но контакты с крупными «авторитетами» журналисту-расследователю иногда даже необходимы. Приходит, к примеру, наш читатель. Совершенно убитый. Машину у него угнали. Много лет на нее кошил.

Все правильно, милиции это дело. Но жалко ведь работягу! Перед самой пенсией на машину накопить сумел. Другого такого случая у него уже никогда не будет.

Звоню «Гусю»:

– Николай, ваши люди, понятное дело, никакого отношения к этому безобразию не имеют. Но если постараемся помочь?

К следующему утру целехонькая «семерка» стояла во дворе потерпевшего.

А в ситуации с Элей пришлось обращаться к Виктору Сырцову, куда более известному в Сочи как «Нерусский». При упоминании об Эле тот выставил руки:

– Видишь, у меня сразу мурашки по коже пошли. Такого беспредела мы терпеть не будем. Вот этими самыми того, кто такое над девчужкой сотворил, придушу! Если это Григоряна работа, ему тоже не жить. Пацаны его уже ищут. Но он где-то в Армении.

И сыщики, и воры оказались, мягко говоря, не точны. И потому живет сейчас Григоряну в колонии почти комфортно: «качалка», солнечные процедуры...

Нашел его угрозыск в Карелии. Сыскари Медвежьегорского ГОВД мне потом рассказывали:

– К нам по «низовым» каналам пришла информация про поселившегося у местной женщины высокого парня кавказской национальности с повреждением правого глаза. Вы же понимаете, в Карелии сейчас, как везде, кавказцы под пристальным вниманием. А этот еще и бизнес с местными братками затеял. Что-то с лесом связанное...

Учитывая физические данные Григоряна и тяжесть им содеянного, мероприятие по задержанию проводилось с усилением СОБРа и ОМОНа. В ночь с 29 на 30 марта 2000 года взяли мы этого вашего Рубена из засады на одной «засвеченной» квартирке. Сопrotивления он никакого не оказывал. Не успел.

Признательные показания стал давать почти сразу. Сказал, что часто читал про себя в центральных газетах и это сильно било по его нервам, заставляя суесться. Еще сказал, что потерпевшая, мол, во многом виновата была сама. Потому что вела себя по отношению к нему, Григоряну, очень надменно. Но он на нее теперь уже не обижается и даже хочет заработать побольше денег на лечение Эли.

Приятно, чего скрывать, было слышать про вклад газетчиков в поиск того, кого я и человеком-то назвать не могу. Но не все поначалу было так гладко. Приходилось постоянно напоминать в СМИ:

– За несколько недель следствия по делу Элеоноры Кондратюк никто не удосужился хотя бы раздать милиционерам фотографии разыскиваемого Григоряна. Что мешает руководству Дагомьсского ПОМа принять нашу помощь? Амбиции? Служебные тайны? Газеты охотно опубликуют фото подозреваемого. Благо, при обыске в доме Григоряна было изъято несколько альбомов. Будут регулярно транслироваться тревожные сообщения по

всем местным телеканалам. Глядишь, и поможет общественность выйти на верный след.

На этот счет уже здесь, в Германии, я с завистью наблюдал за действиями немецких сыщиков. У них всегда и прежде всего делается главная ставка на население.

Зато во время расследования самого напумевшего в истории Сочи преступления от общественности милиция отмахивалась как от назойливых мух. Обвинив меня в причинении моральной травмы... Григоряну:

– Окрестили парня чуть ли не убийцей. Оттого человек и боится домой вернуться, с нами поговорить.

Сергей Щербеха, тогдашний прокурор Лазаревского района, куда территориально относится и Дагомыс, сильно изумился, когда я «настучал» ему про отсутствие фото подозреваемого даже у патрульно-постовой службы. К тому времени счет моих публикаций о разгильдяйском расследовании действительно перевалил за десяток. Да и многие столичные коллеги слетелись в Сочи. Жаль только, что некоторые из них интересовалось совсем не тем, чем надо:

– Нет, ты мне как другу скажи, спала она с Григоряном или не успела? – подливал водочки довольно известный телереporter. – Как думаешь, за полтинник баксов в этом вашем Краснодаре дадут реанимацию и девчонку подсадить?

Хотелось дать в морду «телезвезде». Но все равно шумиха в прессе свое доброе дело сделала. Трагедию Эли Кондратюк перевели из разряда обычных и бытовых в уголовное дело особой важности. Забрали в следственное управление города.

В рамках своих предвыборных кампаний некоторые депутаты в Госдуму, а также крупные местные чиновники стали наперебой заявлять о крупных денежных переводах в адрес жертвы нападения. Однако большинство обещаний остались пустыми словами. Хотя «Новая» и «Сочи» дважды в месяц публиковали банковские реквизиты Эли Кондратюк. И деньги шли. Это были небольшие рубли от рядовых сердобольных сограждан. Но после выступления на НТВ у Коли Николаева в его «Независимом расследовании» подключился «Газпром» с его немецкими партнерами. Элю забрали в университетскую клинику во Фрайбурге, дивном городке на границе со Швейцарией.

Дело, взятое на контроль министром, теперь двигалось бойко. Весной двухтысячного были вынесены первые приговоры. В Лазаревском осудили второстепенных пособников Богоса Нубаряна и Артема Воскояна. Первого из них взбешенный Григорян просил найти «кислоту покрепче». Мелкий предприниматель Нубарян догадывался, адская смесь нужна вовсе не для «извлечения золота из микросхем». Но именно это плел продавцу.

Содержимое бутылки Григоряна не устроило. Проверку он проводил

на собственной коже, чтобы насладиться той болью, от которой будет корчиться строитивица. Но кислота недостаточно глубоко прожигала плоть. Пришлось Нубаряну повторить попытку и добыть жидкость концентрированную.

Тут как раз из Абхазии прибыли давние знакомцы Рубена, исполнители «заказа». Одного звали Адгур Гочуа, второго – Роман Дбар. Григорян попросил подыскать для них жилище с телефоном где-нибудь в Дагомьсе. Так и возник еще один фигурант первого судебного процесса – Артем Воскоян.

В процессе обострились две сугубо юридические, но очень важные коллизии. Защита подняла интересный вопрос: их доверители проходят как пособники умышленного причинения тяжкого вреда здоровью Элеоноры Кондратюк. Но разве законно наказывать за помощь тем лицам, что преступниками по приговору еще не признаны?

Такая софистика сильно возмутила представителя отца потерпевшей. Евгений Кондратюк резонно возражал: поимка и осуждение основных участников бесчеловечного преступления может затянуться на неопределенный срок, а изощренное орудие преступления, способ заливки кислоты в рот и глаза Элеоноры могут свидетельствовать только об одном. Заказчик и исполнители желали не просто изуродовать ни в чем не повинную жертву. Необходимо переквалифицировать прежнюю статью на более тяжкую и судить за покушение на особо мучительное убийство.

В своем комментарии уже после приговора судья Николай Трухан так объяснил мне причину отклонения данного ходатайства потерпевшей стороны:

– Имеется исчерпывающее решение органа следствия по этому вопросу.

Но даже при более мягкой квалификации Николай Иванович отвесил пособникам щедро. 37-летний Артем Воскоян должен будет отсидеть в колонии строгого режима 6 лет. 39-летний Богос Нубарян – на год больше.

Не было проявлено особого снисхождения и к Григоряну, чередовавшему на скамье подсудимых чтение Библии с угрозами и проклятиями почему-то только в мой адрес. Но разве способны одиннадцать лет неволи из тех двенадцати, что максимально предусмотрены за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, хоть как-то облегчить муки Элеоноры?

К тому же, самое страшное для сочинской красавицы и ее мамы, Тамары Владимировны, было еще впереди.

С Тамарой, женщиной видной, броской и невероятно мужественной, общались мы много и часто. И я, и Эмма. Еще больше объединила нас общая беда: могилы нашего Алеши и Юли Кондратюк оказались на сочинском кладбище рядом.

Юля – это старшая сестра Эли. За сутки до своей гибели озорная, веселая дивчина пригласила нас с женой в ресторанчик «Вятка» на берегу моря. Там Юля работала управляющей.

А потом «Мерседес» хозяина этого заведения занесло перед тоннелем на скоростной трассе между Сочи и Адлером. «Шестисотый» перелетел через бетонный колесоотбойник. Развернулся в воздухе. И впечатался в противоположную стену правым бортом. 31-летняя пассажирка на переднем сиденье погибла сразу. Никто, кроме Юлии, в салоне не пострадал.

Отец Элеоноры тогда мне сказал:

– В Германии об этом знать не должны! Смерть Юлечки Тамару и Элю тоже убьет.

– Да с ума Женя сошел! – возмутилась мудрая моя жена. – Мать не переживет другого. Если с дочкой не попрощается.

И я решился на свой страх и риск позвонить во Фрайбург.

– Томочка, – лепетал я в трубку. – Ты ведь у нас такая сильная и мужественная, Томочка...

И замолкал, не в силах решиться на главное. Потом просил позвать к трубке какого-нибудь врача, понимающего по-русски, чтобы можно было передать убийственную весть через него. Тогда, быть может, быстрее и успешнее поддержат усталое материнское сердце. Если оно варуд не выдержит текущей, как нож, фразы:

– Юлии больше нет.

Услышав это, Тамара Владимировна все же вскрикнула. Сдавленно и коротко. Но сразу вспомнила: рядом Эля! Именно в эти мгновения профессор Штарк с ассистентами бережно снимали бинты с лица Элеоноры. И уже показался новый носик, «слепленный» профессором взамен родного, уничтоженного кислотой. Дочка вся обратилась в слух, ожидая первой реакции матери.

– Она подумает, что все выглядит ужасно. И оттого я кричу, – мелькнуло у Тамары Владимировны. Она уронила трубку на пол, опрометью выскочила в просторный коридор клиники и зажала ладонью рот. Мимо деловито шествовал ухоженный и аккуратный, как вся эта страна, персонал.

– Гутен морген, фрау Тамара! – уважительно склоняли головы врачи и медсестры. Главное чудо минувшего века, Интернет, помогло даже из Сочи достучаться до германских СМИ. И теперь перед мужеством матери и дочери с труднопроизносимой фамилией Кондратюк преклонялась вся Западная Европа.

Тамара Владимировна не замечала уже ничего. Ей казалось, что она умерла. Что больше не остается никаких сил страдать и мучиться.

– Но как без меня Элечке, Яне, Костику? А кто теперь позаботится об осиротевшей внучке Элине? Ей же всего девять лет! – устыдилась собственной слабости Тамара. Она в который уж раз осознавала: собственной жизнью ей распоряжаться больше не дано.

Через 20 минут после того, как немецким врачам стало известно о ночной сочинской аварии, в конференц-зале клиники собрался представительный

консилиум. При виде стольких медицинских светил с крайне озабоченными лицами у Тамары Владимировны подкосились ноги. Она поняла, что роковая пятница 8 сентября двухтысячного года ее добьет окончательно. Что сейчас безжалостная судьба зачитает приговор и для второй ее доченьки.

– В чем они нам откажут? – уже с безучастным, леденящим душу спокойствием прикидывала мать. – Нельзя дальше восстанавливать кожные покровы? Измученный Элечкин организм не принимает новый носик? Будет поставлен крест на реконструкции ушных раковин? Или – глаза? Ну конечно же, зрение!

Уже дважды комфортабельный реанимобиль столь фатальной для Кондратиюков марки «Мерседес» был готов доставить Элечку из Фрайбурга в Дюссельдорф. Там спецы по трансплантации органов зрения тщательно подбирали в своем банке доноров роговицу для правого глаза русской девушки. О левом уже не могло быть и речи. Нигде в мире и ни за какие деньги нельзя было вернуть зрение левому глазу Элечки Кондратюк: смесь из кислоты и масла, не дающего смыть адскую жидкость, сделала свое дело. Правая роговица не выдержала и месяца после покушения. Один из лучших российских профессоров поставил тогда искусственную защитную пленку. Она не позволяла хоть что-либо видеть и не была рассчитана на длительный срок. Именно от этих нескольких месяцев в Германии зависела теперь возможность обрести хоть частицу зрения в будущем.

Но первый выезд в дюссельдорфскую клинику был отменен в самый последний момент из-за инфекции, обнаруженной в роговице донорского глаза. Второе «прозрачное бессосудистое образование, в оптическом отношении действующее подобно сильному выпуклому стеклу», немцы сумели подобрать через месяц. Но роговица принадлежала очень старому человеку. Даже в случае самой удачной операции остатки зрения стали бы исчезать с катастрофической быстротой.

– Конечно же, глаза! – обессилено рухнула в заботливо подставленное кресло Тамара. – Они сейчас скажут, что со зрением Эли ничего сделать нельзя.

Тамара Владимировна не ошиблась только в одном. Профессор Штарк после выражения скорби и сочувствия очень осторожно повел речь о глазах. Только о глазах другой ее дочери.

– Осталось еще 50 часов, – объяснял через переводчицу профессор. – Смерть одной вашей дочери дарит уникальную возможность для другой. Надо только успеть все сделать. И успеть сделать все очень правильно.

Последующие двое суток прошли для Тамары Владимировны, как в утаре. Вначале надо было решиться рассказать все Элечке. Но именно это оказалось не самым сложным. Тяжелейшие испытания проявили в хрупкой красавице не одно только фантастическое мужество. Мама и дочь, как и 19 лет назад, в пору беременности Тамары Владимировны, сделались единым

целым. Тамара сразу же ощущала, где, что и как болит у Элочки. Элеонора каким-то невероятным чутьем угадывала мысли, гнетущие Тамару Владимировну.

– Мы потеряли кого-то очень близкого, мама? – первой спросила забинтованная с ног до головы девушка. – Говори сразу, не бойся, я все выдержу.

Она действительно выдержала. Потому что научилась одному спасительному средству, не доступному для слабых, изверившихся, озлобившихся, отчаявшихся. Уже через короткое время Эля приказала себе не рыдать и принялась помогать тем, кого посчитала в те жуткие часы куда более уязвимыми.

Даже меня эта чудо-девушка утешала мелодичным своим голоском:

– Вы там не сильно расстраивайтесь, Сергей Алексеевич. Вы очень правильно сделали, что нам позвонили. Так Юля захотела. Я знаю. Я это и сейчас от нее слышу.

А маме она сказала мудро и просто:

– Если все пройдет хорошо, Юля никуда от нас с тобой не денется. У тебя просто срастутся две дочери в одной. Я научусь смотреть на этот мир глазами своей старшей сестры.

Не раз и не два повторяла Тамара эту фразу уже в Адлере, на той съемной квартире, где жила Юля и куда привезли погибшую в ту жуткую ночь. Мы сидели до рассвета у гроба Юли. Пили втроем водку, не имевшую вкуса и крепости. На Тамару было страшно смотреть. Она не почернела, нет. И даже не потеряла прежней своей красоты. Но это была как... фарфоровая кукла с остановившимся взглядом. Жутковатая маска венецианского карнавала. Повторяющая, как заклинание:

– Эля еще увидит этот мир. Глазами своей сестры.

Для этого безвестные и хорошо знакомые Тамаре земляки творили просто чудеса. Счет шел на часы. После звонков из Германии даже в выходной день, как по мановению волшебной палочки, в нужное время в нужном месте появлялся транспорт, стремительно находились лучшие сочинские медики, брались из остывающего разбитого тела необходимые анализы, передавались в Германию обнадеживающие результаты, через переводчиков по телефону и факсу шли согласования и консультации, на операционном столе проводилась ювелирно тонкая операция по удалению все еще сохраняющих жизнь роговиц, пилоты нарушали инструкции и принимали на московский борт драгоценные емкости с идеальным донорским материалом...

В это время господин Штарк лично отбирал из 800 человек своего вышколенного персонала лучших опекунов для этой необыкновенной русской девушки. Семь опытных медсестер, понимающих ее речь, должны были, сменяя друг друга, не отлучаться от Элеоноры ни на секунду. Ирина Шмидт, представитель уважаемой фирмы «Винтерхаус», уже много пожертвовавшей на лечение Элеоноры Кондратюк, приехала за Тамарой

Владимировной с чертовски дорогими авиабилетами «Франкфурт–Москва–Сочи–Москва–Франкфурт». Дата возвращения в них оставалась открытой, потому что в Германии резонно опасались: даже такую невероятно сильную русскую женщину похороны дочери могут подкосить если не окончательно, то надолго.

– Я понимаю, вам там будет очень и очень трудно, – напутствовал профессор Штарк. – Но я знаю, что вы настоящая Мать. Вы очень хотите заглянуть в живые глаза своей дочери. Поэтому вы не просто передадите эти термосы со специальным раствором моим русским коллегам. Напомните им лично о необходимости строгого соблюдения всех без исключения правил хранения и транспортировки донорского материала. Вплоть до самых незначительных мелочей. Впрочем, фрау Тамара, в таком важном деле мелочей не бывает вообще.

В ночном «Шереметьеве-2» Тамару Владимировну встречал медик. Некий столичный врач, уже получивший подробную инструкцию из Германии. Он держал круглую металлическую коробку, только что доставленную именно тем самолетом, что через пару часов должен был унести Тамару Владимировну на душераздирающие по своей драматичности похороны.

Тамара понимала: в стерильной коробке все еще продолжают жить частички глаз ее погибшей дочери. Это тоже надо было выдержать. И не забыть несколько раз повторить врачу про необходимость срочного, но очень аккуратного перемещения Юлиных роговичек в животворный немецкий раствор.

Тамара все так и сделала. Но не успела проконтролировать. А врач, чье имя никто даже не запомнил, просто... оставил все как есть. В лучшем случае, по причине недостаточной своей квалификации, он побоялся нарушить стерильность роговиц при их перемещении из одной емкости в другую. В худшем, российский медик элементарно поленился, самонадеянно решив: до клиники в Дюссельдорфе трансплантаты и в старой упаковке доедут.

Теперь с доскональной точностью все равно ничего не установишь. Вот только одним шокирующим фактом в мировой медицине стало больше. И госпожа Шмидт зря рисковала своей жизнью, на бешеной скорости доставляя заветную коробку из франкфуртского аэропорта в Дюссельдорф. И главные специалисты глазной клиники напрасно ждали донорский материал все воскресенье. Без подпитывающего раствора роговицы сделались окончательно не пригодными к пересадке всего за 40 минут до прибытия в клинику!

Узнав об этом, профессор Штарк заплакал в своем кабинете. Этот хирург-пластик высочайшего класса так ничего и не смог понять в загадочной стране России. Готовой из кожи вон вылезти и последнее отдать ради попавшей в беду соотечественницы. Но тут же самым нелепым и непоправимым образом отбирающей даже намек на спасение.

Хотя часть зрения Элеоноре все же вернули. Позднее. С помощью другого, голландского трансплантата. Но к той поре как раз возобновилось дело Гочуа. Того самого, что на пару с Дбаром обливал Элю кислотой. Получив за смертный сей грех три тысячи долларов на двоих.

Чуть позже Дбара постигнет кара. Он будет застрелен в Абхазии при попытке получения выкупа за похищенных им заложников.

А безнаказанный Гочуа со временем совсем обнаглел и почти перестанет прятаться. Ведь дело на него давно уже пылалось на полке. Как приостановленное «за нерозыском лица, подозреваемого в совершении преступления».

Для Гочуа это было равнозначно индульгенции. Основная фигура за решеткой. Шумиха вокруг сочинской трагедии стихает. С розыскников в России давно уже требуют результатов по куда более свежим делам. Так что и сама милиция рассчитывает лишь на «авось». Глядишь, где-нибудь, когда-нибудь и всплывет этот самый Адгур...

Смириться с подобным нормальному человеку невозможно. Мало рассчитывая на успех, я все же напросился в гости к знакомцу из-под Пицунды. Уговорил его прокатиться по местам боевой «славы» Дбара и Гочуа. Те приехали к оружию еще в пору грузинско-абхазской войны. У Гочуа, к тому же, брат служит на серьезной должности в МВД самопровозглашенной республики.

Алик, назовем его так, понимал: это обстоятельство риск только повышает. Но обещал ведь когда-то отплатить добром за добро. Так что ездили по деревням под видом закупки домашнего вина. Пробовали такую мягкую на вкус и такую убойную тутовую чачу. Вели разговоры «за жизнь». Про политику. Про туманное будущее курортного края, разоренного войной и зависшего в правовом вакууме. Переходили на столь близкие мужикам отцовские темы. Каждый готов был собственными руками придушить извергов, изувечивших девчущку. Но...

– Ты же понимаешь, мы люди мирные. А у этих уродов всегда автоматы под рукой. Тебя вот выловят однажды. Ты пыток не выдержишь и нас сдашь. Всем тогда не жить.

Договорились следующим образом. Пусть грамотного и надежного человека попросят или самолично накарябают мне письмецо. Но обязательно анонимное. Тогда при всем желании я «предателя» не назову, потому что не буду его знать.

Честно говоря, не сильно я поверил коллективному обещанию. Но уже через полмесяца держал в руках оказию на свое имя. В конверте старательным женским почерком было обозначено – 27-летний Адгур Гочуа держит кафе в бывшем Леселидзе, нынешнем Цандрипше. Живет по такому-то адресу...

Дальнейшее было делом техники. Надо отдать должное Тайгибу Тайги-

бову. Заместитель начальника Сочинского УВД по следствию к моей наволочке отнесся с предельным вниманием. И отреагировал оперативно. Хотя, для правоведов-теоретиков, крайне спорно. Но о какой экстрадиции в установленном Конвенцией порядке могла быть речь? В прокуратуру Грузии запрос посылать? Что она на территории нынешней Абхазии сможет сделать? К абхазцам обращаться? Но где гарантия, что братец Гочуа и здесь себя не проявит?

В общем, из Цандришпа, находящегося всего в пятнадцати минутах езды от госграницы, сочинская опергруппа Адгура Гочуа элементарно выкрала. Дали в «пятак», оглушили, бросили в машину и скорее домой!

Но это была только присказка. «Сказка» началась с момента вынесения первого приговора. Тем, кто только орудие преступления приобрел и к месту происшествия подвозил – семь полновесных лет. Строгого режима. А исполнителю – на два года меньше! Песня!

Присоединяю свой голосок к прокуратуре, вынесшей протест. Пытаюсь поднять шум на всю страну. Раскручиваю версию про большие деньги, которые, по сведениям надежных источников, были привезены родственниками Гочуа в Лазаревское сразу после продажи двух угнанных из Сочи автомобилей за пару дней до скандального приговора.

Решение председателя Лазаревского райсуда Бацуева за неправомерной мягкостью отменяют. Но его подчиненный после многомесячной волокочки оставляет исполнителю бесчеловечного «заказа» прежние пять лет. Добавив, правда, еще шесть. Месяцев!

Уже не пишу, кричу в самых разных газетах. Прежде всего, в «Новой» и в «Сочи», конечно. До какого же, мол, уровня продажности докатилась наша Фемида?

Новая волокита. Дополнительное, вроде бы как и расследование в милицейском управлении. Потом дело пылится еще несколько месяцев без всякого движения в Лазаревском райсуде.

Такое опущение, что там все надеялись: может, эта назойливая пресса замолкнет? Не получилось. Восемью лет колонии для Гочуа все же удалось добиться. Но какой ценой!

За это время успел я получить несколько угроз с явным «абхазским» следом. А Эля, потрясенная таким гуманным отношением к своему палачу, потеряла зрение вторично.

Оказавшись в Германии, я смог, наконец-то, навестить Кондратюков в Мюнхене. Деньги у них заканчивались. Прежние спонсоры – низкий им поклон за многолетнюю помощь! – дальнейшее финансирование лечения посчитали для себя невозможным. Будущее казалось мрачным. Чувствовалось, Эля на пределе.

Огромных трудов стоило ее уговорить дать интервью «Штерну». Он первым откликнулся на мои обращения к немецким коллегам. Еще сложнее было уговорить Элю сфотографироваться хотя бы в профиль.

– Зачем людям видеть, какая я теперь? – повторяла сквозь слезы изувеченная красавица. – Пусть помнят меня прежней!

– Но тогда мы не поднимем новую волну сострадания. Не поступят новые пожертвования. Один раз увидеть всегда лучше, чем десятки раз прочитать, – мягко наставил журналист Ведемайер, хорошо изучивший психологию своего читателя.

Статья «Девушка и мафия» в солидном журнале все же появилась. Деньги в новый, теперь уже немецкий, фонд помощи Эле Кондратюк потекли. Накопилось около десяти тысяч евро. Главную проблему такая мизерная сумма решить никак не могла. На все операции по зрению и восстановлению внешности требовалось гораздо больше.

Но, похоже, Эле не хотелось уже ничего. Протест вызвала даже крохотная моя заметушечка в «Новой» про собранные иностранцами деньги, в то время как Россия-мачеха позабыла о своей измученной страданиями доченьке.

– Не надо больше обо мне вообще ничего писать, Сергей Алексеевич! – потребовала Эля.

Отказалась она и от помощи крупнейшего западноевропейского телеконцерна «Про Зибен». Хотя уговорить их подключиться стоило немалых трудов. Намечалась очень перспективная акция. Документальный фильм с обращением к телезрителям Западной Европы помочь сочинской великомученице. Такой проект в отзывчивом на беду обществе мог вполне принести необходимую на дальнейшее лечение сумму.

Однако Берндту Лизерту было сообщено: всеми правами на телесъемку Элеоноры обладает Первый канал России. И по любым вопросам, связанным с Элей, немецкие телевизионщики обязаны обращаться в Останкино.

Обескураженный журналист еще раз наведался в наше любекское убежище и попросил связать его с коллективом передачи «Экстренный вызов». Договорились, вроде бы, о продаже коротенького давнего фильма про Элеонору. За какие-то очень крутые деньги.

Вслед за этим по электронной почте пришло такое вот предложение:

– Здравствуйте Сергей! Меня зовут Евгения Резван, я руководитель пресс-службы телекомпании «Останкино». Наш Генеральный директор – Алексей Пиманов, ведущий «Человек и закон» и «Кремль, 9».

С интересом читала ваши публикации в «Новой газете», посвященные Эле Кондратюк. Насколько я понимаю, вы разрабатываете эту тему давно. Также как и наша телекомпания. Дело в том, что вся эта печальная история волнует нас уже несколько лет, с самого начала.

Автор программы «Экстренный вызов» Елена Лецкая постоянно следит за судьбой Эли. Об этом неоднократно были ее программы. Она также ездила в Германию. А какое-то время была практически единственным человеком, с которым эта несчастная семья общалась.

Кроме того, подробности уголовного дела над людьми, совершившими это преступление, были не раз обнародованы в программе «Человек и закон».

Собственно, суть моего письма к вам – это предложение объединить усилия и в помощи Элеоноре, и, может быть, даже в том, чтобы правосудие по этому делу наконец свершилось в полном объеме.

Пока не совсем представляю, в какой форме это может быть, но давайте вместе подумаем, если, конечно, это предложение вам в принципе интересно и вы считаете такую консолидацию эффективной.

С вашего позволения позвоню вам завтра...

Обрадовался страшно! Тут же сам вышел на связь. Рассказал про неожиданные проблемы у наших потенциальных немецких партнеров. И про то, какие перспективы сулит для Элеоноры Кондратюк совместная немецко-российской телевизионная акция.

– Ведь монополии на помощь в беде не бывает, не правда ли? И конкуренция в святом деле кощунственна, – особо подчеркивал я. И затем честно предупредил: господина Пиманова лично я к числу положительных героев не отношу. Но помощи Кондратюкам это помешать не должно...

Обещанного ответа так и не последовало. И Берндту «Останкино» фильм про Элю продавать передумало.

На таком вот недопонимании и расстались. Тамара увезла Элю в Сочи. Я обескуражено развел руками перед немцами...

Порой все еще приходит от коллег вопрос: «Где Эля? Почему больше о ней ничего не пишешь?» Все что мог, написал и сделал. Во всяком случае – пока. Упрекнуть себя не в чем. Но и Элю с Тамарой – тоже.

21. 1 000 000 ДОЛЛАРОВ ДЛЯ ГОСПОДИНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Приказ заткнуться довелось впервые услышать в школе на последнем году учебы. Собрали нас всех в актовом зале и повели речь о коммунизме. Как всем нам в нем будет хорошо. И что именно должен делать советский школьник сегодня, чтобы светлое это завтра наступило побыстрее. Скучотища, в общем, полнейшая.

Но в ту пору нам с Димкой Пироговым нравилась одна на двоих девочка. Только у Димки любовь к Людке Авиловой была явная и безответная, а я тайные свои чувства к однокласснице выплескивал в стишочках. Но стеснялся их показывать и все никак не мог найти способа обратить на себя Людмилино внимание.

А тут – полный зал зрителей! Или сейчас, или никогда! Как иголкой кто в задницу ткнул. Подскочил и выпалил:

– А я вот в коммунизм не верю!

Воцарилась такая тишина, какой в нашей второй семипалатинской школе за всю историю, наверное, не было.

Историчка, проводившая политчас, побледнела, осеклась, но потом все же спросила:

– Почему?

Поймав на себе изумленный взгляд пассии, вдохновился я до такой степени, что понес что-то о праве человеческой индивидуальности не шагать в безликом строю, а получать от общества ровно столько, сколько он заслуживает.

Полемика склонялась явно не в пользу педагогического состава. И тогда химничка, меня из класса явно выделявшая, искренне теплые чувства к

претенденту на золотую медаль испытывавшая, бегом приблизилась, к уху моему оттопыренному склонилась и вложила в яростный шепот всю силу своего педагогического убеждения:

– Что же ты делаешь? Маму хотя бы пожалей. Заткнись немедленно!

Тогда получилось. Заткнулся. Неприятных последствий за пацанский выпендрез для сына завуча школы не последовало. Это, наверное, и поспособствовало привычке не молчать, даже когда другим от меня именно этого очень хочется.

Незадолго до эмиграции «Заткнись!» звучало чуть ли не ежемесячно, потому что каждую неделю публиковалось какое-нибудь скандальное разоблачение сильных мира сего.

Как успевал? Часов по 12 каждые сутки ловил истинный кайф за компьютером. Ведь было из чего выбирать. Убойной «фактурой» – навалом!

По пятницам, в мой единственный приемный день, у редакции газеты «Сочи» выстраивалась очередь. Местные коллеги знали: время для журналиста-расследователя наступило особенное. Как у крестьянина – сбор урожая, когда один день год кормит. Поэтому освобождали кабинет безропотно и в него даже не заглядывали.

Комната на три рабочих места превращалась в исповедальню. Читатели посвящали меня во всевозможные свои тайны. Жалуюсь заодно на соседей, родственников, участкового, прокурора, судью, криминального «авторитета», бывшую любовницу...

Почти никогда не говорил я «нет». Искренне обещал разобраться, но успевал лишь к самым запущенным и опасным болячкам.

Не однажды, часика эдак в три ночи, будил нас с Эммой телефонный звонок. В трубку чаще сопели. Но иногда энергично объясняли, в какое именно место мне засунут собственное «ядовитое перо».

Для бодрости духа и «поддержки штанов» периодически приходилось просить помощи у сотрудников ЦТ. Как правило, интересы наши совпадали. Темы Москве казались привлекательными. По ним делали сюжеты, а то и целые фильмы телебригады Эдика Петрова, Олега Вакуловского, Сергея Соколова...

«Гнойник» вроде бы вскрывали. Курортные чиновники, как правило, с потрохами купленные, клялись перед объективом «все устранить и нормализовать».

Но Москва далеко, а дома набухал очередной нарыв. Хочешь, не хочешь, вскрывай! «Наступай» на финансовые интересы «больших» людей. Осилывай весь алфавит, если уж однажды решился на «А».

Чем дальше, тем больше напоминал этот Сизифов труд даже не схватку на гладиаторской арене, а игру в кошки-мышки. Хищником, плотоядно облизывающимся, был явно не журналист-одиночка.

Мы с женой не однажды спрашивали себя: когда же начнут кушать? И каким именно образом? Неужели устранят физически?

Первый звоночек на этот счет подал Коля Черенков. Интересный такой мужчишка. Бывший сосед наш по девятиэтажке. Он же – квалифицированный киллер, прозванный в определенных кругах Колей-Людоедом. Хотя каннибализмом Черенков не увлекался. Он просто убивал на «заказ». А также «из спортивного интереса».

Однажды Коля угодил точно в сердце клиенту через толстую дубовую дверь. Вслепую. Завалив таким редкостным образом крайне северного «авторитета» по кличке Шорох. Тот знал, что «заказан». У себя дома над прилококой в коридоре всегда держал «Вальтер» наготове, но не учел того, что бронебойной смерти калибра 7,62 наплевать на любые сейфовые замки. Едва только Шорох приник к смотровому глазку, осведомленный о его габаритах Черенков поднял до уровня груди автомат Калашникова, поставленный на одиночный огонь. И всего раз придавил крючок.

Потом у Коли-Людоеда была переправка оружия из Сочи в Москву. Целый склад стволов, доставленных из воюющей Абхазии, хранился, оказывається, у нас над головой на чердаке «высотки».

На непонятно каком «мокро» деле – в суде доказано было лишь шесть убийств, а сыщики приписывают Черенкову от пятнадцати до тридцати – Колю повязали и впаяли «двадцатник», включая несколько лет «крытых». То есть – в ПКТ, помещениях камерного типа.

«На зоне» киллер прочитал про себя небольшую повесть, включенную в нашу с Андреем Дышевым книгу «Досье следователя», которой открывалась милицейская библиотечка «200 лет МВД России». Колю-Людоеда описание собственных садистских технологий не смутило, но привел в ярость эпизод из трудного детства. Про то, как засунул мальчик Коля кошку в «авоську», облил ее керосином. Поджег, живую. И бросил на парочку, занимавшуюся в кустах любовью.

Тут меня ввели в заблуждение. Коля-Людоед животных любит. Никогда не бил по голове он братьев наших меньших и живых факелов из зверья не делал. На другом рецидивисте-«мокрушнике», как выяснилось позднее, висит этот грех. Но печатное слово – как тот воробей. Который вылетит и так нагадит...

Обиженный Черенков детально обрисовал мне подробности страшной казни, которая уже вскоре достигнет лжеца. «Приговор» передал через сожительницу, побывавшую на «свиданке».

Позднее, правда, тональность его писем переменилась. Осужденный не без одобрения стал отзываться о моих журналистских расследованиях. Столичная пресса, судя по всему, доходила до камеры регулярно.

Уровень доверия поднялся до такой степени, что Коля-Людоед изложил на добром десятке листов подробности некоторых убийств, считавшихся нераскрытыми. Скорее всего, взял он эти «мокрые» дела на себя потому, что сидеть в «крытой» наскучило. Если же пресса поднимет шум и возобновит-

сы расследование, будет «выводка» – проверка показаний подозреваемого на месте совершения преступления. Какое-никакое, а разнообразие, да и шанс на побег появляется.

Вдобавок Черенков намекнул на якобы полученную им от другого арестанта сенсационную информацию по убийству Листьева.

Ксерокопии этих рукописей я передал городскому прокурору лично в руки. Не хватало еще загреметь по статье за недонесение о совершенных, либо готовящихся преступлениях.

Позднее опубликовал «Исповедь убийцы» в «Версии», отметив по ходу, что к издевательствам над кошками «заслуженный киллер» Черенков никакого отношения не имеет.

Колю-Людоеда это подкупило. И тюремная «почта» вскоре донесла:

– На добро отвечаю добром. Птичка на хвосте принесла, будут тебя, Серега, «мочить». Узнаю поточнее, дам знать.

Становилось совсем уж неудобно. Я предупреждал свою московскую контору:

– Градус ненависти сильных мира сего достиг точки кипения. Дышать становится все труднее. Некоторые фигуранты разработок не останутся, похоже, ни перед чем.

В крохотной нашей спальне приходилось работать за шифоньером, поставленным поперек комнаты. Предусмотрительная Эмма на этом настояла.

В уголке этом было всегда темно и душно, зато перекрывался обзор из чердачного оконца напротив – оттуда можно достать цель даже из гладкоствольного обреза.

Соглашаясь с этим, я все же злился на жену, обвинял ее в паникерстве и мании преследования. Цепляясь за спасительную заповедь:

- Убивают за деньги, а не за идею. Пока журналист не принимает заказы, не строчит «джинсу» и не врет, будет жить!

Но отгонять тяжкие предчувствия становилось все труднее. К началу 2002 года количество потенциальных заказчиков начинало зашкаливать. Чего стоила одна лишь только вражда с заместителем начальника местного УФСБ по оперативной работе. Мы оба, и журналист, и чекист, получили из надежного, как позднее выяснилось, идентичного источника, сенсационную видеокассету. На ней тайно было записано, как теперь уже бывший кандидат в главные архитекторы Сочи, а также местный и столичный «авторитет» в сфере недвижимости обсуждают судьбу взятки размером в 300 000 долларов за земельный участок в запретной зоне заповедника. Под боком у санаторного комплекса «Дагомыс», только что перешедшего под начало Управления делами президента.

Полковник ФСБ имел большую фору. Он узнал об этой «стрелке» гораздо раньше меня. Но в оперативную разработку засветившихся фигурантов так и

не взял, а если и взял, то за отдельные места. Очень болезненные и деликатные. Потому что в «Японском садике» на Курортном проспекте, месте золотом, престижнейшем, под жилищную застройку ни в коем случае не предназначенном, выросли вдруг два роскошных особняка. Один приписывают держателю воровского «общака». Второй, пошире, пореспектабельнее – тому самому «борцу» с коррупцией, о чем и пришлось опубликовать очерк.

Пресловутый «квартирный вопрос» испортил курортное население почти так же, как москвичей. Попросил как-то Юрий Медведев, краевой депутат-бессребреник (бывают и такие!), вмешаться в одну изнурительную тяжбу по поводу того, как у молоденькой матери-одиночки Ани Багдасарян выкрали документы и по ним продали Анину квартиру.

Ситуация для юристов элементарная. Сделку необходимо признавать мошеннической и недействительной. Но покупатели оказались настолько «уважаемыми» на побережье людьми, что уголовное дело сошло на нет. А гражданское судопроизводство, напоминающее вялотекущий шизофренический процесс, растянулось на многие годы.

Тиснул текст в «Новой» в самом начале 2002-го. Это был кропотливый такой анализ самых вопиющих ляпов и судейских упущений по этой тяжбе, дающий понять даже самому несообразительному читателю – без коррупции не обошлось.

Открываю газету, и в глазах темнеет: к очерку подверстана справка, касающаяся персонально председателя краевого суда Александра Чернова. Оклад, мол, у него, всего 300 долларов. А носит швейцарские часы за пятьдесят тыщ «зеленых». Раскатывает на БМВ и «мерсах». И предпочитает отдыхать в Рио-де-Жанейро.

В другой ситуации и другой чиновник, возможно, только бы ухмылялся: собака лает, каравану – ни холодно, ни жарко. Но устойчивая молва как раз в тот самый период предрекала Александру Дмитриевичу переход в Верховный суд чуть ли не на должность первого заместителя председателя.

При таком раскладе двойного толкования в ту еще не окончательно загнившую пору быть не могло. Или журналист – клеветник. Или служитель Фемиды действительно живет не по средствам нагло и вызывающе.

И вот на «Большое журналистское жюри» прилетел из Краснодара в Москву весь президиум и вся квалификационная коллегия крайсуда.

Десятка полтора суровых мужчин и разгневанных женщин подписали вердикт: член СЖ Золовкин – клеветник, лжец, пасквильянт и позор отечественных СМИ. Но после того, как выяснилось, что к справке о материальном сверхблагополучии их руководителя я вообще никакого отношения не имею, инициаторы разборки подрастерялись. Ведь по сути самого судебного очерка возразить было нечего. Все семь крутов бюрократического ада, проделанные матерью-одиночкой в судах разных инстанций за семь лет, подтверждались ссылками на конкретные листы конкретного дела.

Своего рода суд журналистской чести все же сделал мне два замечания. Посчитав «чрезмерно издевательским» заголовок «Ложись! Суд идет!». И не найдя логической связи между содержанием очерка и последним абзацем, где сообщалось о возможном карьерном взлете Александра Чернова.

Тогда я оправдывался, как мог. Лепетал что-то о важности роли отдельных личностей в истории правосудия. Но теперь-то можно признаться: не за свои оплошности получил щелчки. Родная контора, в русле традиционной столичной практики, малость раскрасила скудный слог провинциального собкора, не предупредив о перемене моего заголовка «Семь кругов судебного ада» и не сообщив о новой концовке.

Но не будешь же перед почтенной публикой выметать эту соринку из родной избы. На радость таким как Сырык из «Парламентской», в которой и восхвалялся краснодарский суд с указанием на то, что «...клеветник Золовкин в свое время был позорно изгнан из милиции за продажу преступникам оперативных секретов следствия».

Наблюдал я за автором этих слов на Большом жюри и недоумевал. Чего, казалось бы, стоило спросить у того же Белоцерковского, собкора «Парламентской» в Ростове-на-Дону:

– Гена, ты как раз в «Ленсменке» работал, когда такой-рассякой Золовкин к вам из милиции переходил. Как на самом деле все было?

Да и одновзвододец мой, Сергей Соколов, тогда уже генерал-лейтенант, шеф Интерпола СНГ, очень недалеко от редакции Сырыка начальствовал, а он-то уж всегда в курсе всех и каждого из нашего «золотого» выпуска ВШ...

Впрочем, о чем это я? Зачем все эти проверки-перепроверки Сырыку? Понятно, что совсем другие задачи перед ним ставились.

Сердце стучало где-то в горле. Кулаки чесались. В перерыве подошел к этому высокому, спортивного вида парню, который в чем-то оправдывался перед Александром Черновым:

– Вы Сырык? Вынужден считать вас подлецом и негодяем. Жалко, что дуэли сейчас не практикуются.

– Слышали, Александр Дмитриевич, слышали, господа, меня только что оскорбили!

Поразительно, но чуть ли не готовый меня сожрать президиум, вкупе с квалифколлегией и лично председателем, вдруг стал пристально разглядывать высокие потолки Домжура на Суворовском.

Ни одного свидетеля для подачи жалобы в суд среди обидевшихся на меня судей так и не нашлось. Сохранились, видимо, кое-какие мужские понятия и у служителей российской Фемиды.

Что же до «многостаночника» Сырыка... После той стычки выдал он в своем государственном печатном органе очередную, как бы это помягче сказать, брехню. Мол, набросился я на журналиста «Парламентской газеты» с

кулаками в бессильной ярости оттого, что Большим жюри и Басманным судом столицы признан виновным по всем пунктам.

Не спору, и так могло бы случиться. Если бы вместо защиты бедной Ани Багдасарян сосредоточился на хронометре «Франк Мюллер» или на костюме от Valentino. И уж тогда бы адвокат Чернова непременно вытащил бы справку, согласно которой часы на руке председателя крайсуда – только подделка под престижную фирму. Цена им в базарный день – рубль за пучок. А одежду простой, как правда, доверитель носит исключительно отечественную. Но такого отродного качества, что костюм вполне можно спутать с творениями кутюрье.

И вот тогда бы влепили так, как еще не бывало. Ведь за свой «моральный ущерб» потребовал главный судейский начальник Кубани десять миллионов долларов.

В «Новой» поступили честно и просто. Дали официальную справку: «к предмету судебного разбирательства наш собственный корреспондент никакого отношения не имеет». На первом же заседании меня из числа истцов исключили, а вот редакции присудили штраф, на ту пору беспрецедентный. Миллион «американских рублей».

22. КАЗНЬ БЕЗ ПРИГОВОРА

Все дальнейшее покатилося, словно камень с крутого склона. Для начала кто-то ночью выбрал из пяти десятков машин на неохраняемой стоянке близ нашей «высотки» самую старенькую и невзрачную, «шестерку» восьмидесятого года выпуска. Купленную «с рук» всего за тысячу долларов в подарок жене к ее пятидесятилетнему юбилею.

После ушастого «Запорожика» это был второй в нашей семейной летописи «лимузин». Зато первый – по степени перенесенных увечий.

Какой-то вандал свои силы не экономил и разделал машинешку, как бог черепуху. Ремонт обошелся чуть ли не вдвое дороже покупки.

Не прошла и неделя после того случая, как в три часа ночи – звонок. Соседке не спалось, она курила на балконе и заметила, как крутятся двое подозрительных у наших реанимированных «колес», припаркованных в пятне фонарного света прямо под окнами.

Выпрыгнул из постели в одних плавках, слетел с четвертого этажа... Одна тень метнулась в кусты. Другой, мятого вида и хмельной наружности, присел за уже взломанным капотом.

Пришлось брать на болевой, удерживать на сырой, февральской земле всей своей центнеровой тяжестью.

Эмма возвышалась над нами, держа наготове брюки и куртку.

– Чего стоишь? В милицию звони!

– Сначала оденься, простудишься, – буднично, словно перед походом в булочную, возразила ко всему привыкшая жена. Так и не поверившая пришедшей чуть позже милицейской бумаге: «Задержанный вами гражданин действовал в одиночку, спонтанно и хотел похитить аккумулятор».

Эмме чудился заговор, а я беззлобно вышучивал эту ее «паранойю».

Дошутился до инвалидности Саши Попова, родного брата жены. Он давно уговаривал нас на двух машинах «смотреть на природу». В заповедную тогда еще и не тронутую бульдозерами Красную поляну.

Теперь понимаю, нас уже «пасли» и, наверное, прослушивали. Не случайно ведь Сашкину «копейку» неподалеку от нашего жилья подрезал «Форд». Выскочил некий верзила по фамилии Перепеча, как потом было установлено. Молча выдернул сублильного нашего родича и без объяснения причин принялся «месить» и кулаками, и тяжелыми «берцами».

Все могло закончиться роковым образом. Но решительная и резкая Лена, сестра моей жены, заметила человека в форме, скучавшего поодаль в милицейской «канарейке».

– Я запомнила номер вашей машины! – крикнула прапорщику находчивая сестра. – И знаю адрес прокуратуры.

– Ну, ладно, ладно, кончайте ссориться! – оживился после этого прапорщик. После чего пошептался с Перепечей, и они разъехались в разные стороны.

Брата Эммы с тяжелой черепно-мозговой травмой госпитализировали вначале в Хосте. Потом отвезли в Лазаревскую больницу.

Дома телефон раскалился добела – пришлось подключать друга нашего и депутата Госдумы Юру Щекочихина, чтобы хоть как-то расшевелить сочинскую прокуратуру.

Уже на следующий день взмокший «прапор» из УВД готов был встать на колени у больничной койки. Всячески отрицая стговор, он напирал на постыдную свою трусость «перед известным бандитом», способным «просто так покалечить кого угодно».

Однако сыскари из местного утро Перепечу не боялись и быстренько задержали. Для санкции на его арест требовалась справка о состоянии потерпевшего. Срочно заполучить ее можно было только с оказией. Ею оказался машинист последней электрички из Лазаревской.

В тот поздний вечер 11 марта 2002 мы с женой отправились ее встречать. Но поезда все задерживался и задерживался.

Жена допивала кофе в буфете, я бродил по пустынному перрону и все очевиднее начинал осознавать: а ведь действительно «пасут»!

Незнакомый паренек не отставал, медленно приближаясь. Когда оставалось между нами метров семь, пришлось замереть в круге яркого света под столбом и резко повернуться.

Рука демонстративно поползла под куртку, к поясу. «Газовик», купленный сразу же после того, как пришлось сдать «Макар», давно уже приходилось таскать не в кобуре скрытого ношения, а за ремнем. Хотя Эмма над этим и подтрунивала добродушно:

– Седой мальчишка, никак в «войнушку» не наиграешься?

Не будешь же жене объяснять, как всего проще и быстрее выхватывать

ствол в случае чего. А то, что это «чего» вот-вот наступит, сомневаться теперь не приходилось.

Только даже бдительная Эмма не догадывалась, насколько безжалостным и страшным такое «чего» окажется.

Паренек потоптался в нерешительности и так же молча растворился в темноте. Жене я ничего рассказывать не стал. И без того нервы на пределе: всюду ей мерещится угроза.

Ну вот, что я говорил! Поставила «жигуль» у дома и опять насторожилась. Не понравилась чем-то компания в припаркованной поодаль машине:

– Давай из салона за ними понаблюдаем!

– Да хватит ерундой заниматься! Пошли спать!

Хлопнул раздраженно дверцей. Не стал жену дожидаться. Спасительно, как через миг выяснится, оставил ее за спиной. Прошел метров десять. Поравнялся с тем местом, где перед самым выездом на кладбище соседи прощались с нашим Лешей.

Слева – свободное пространство, пара легковушек и та самая скамеечка. У которой был гроб. Справа – кирпичная стена нового магазина. Я почти задеваю ее плечом...

...На Масин вскрик, точнее, нечто среднее между рычанием и стоном, я должен был именно от стенки и отпрянуть. Повернуться туда, куда удобнее, и тогда бы первая пуля не скользнула по одежде, а ударила в пах. Оставила бы без того, без чего остается о женщинах только мечтать...

Но – спасибо пустой бутылке, которой хулиганье в Аягузе повредило мне барабанную перепонку! После разгона той массовой драки я инстинктивно оборачиваюсь только направо. В ту сторону, откуда слышно.

Чуть не утыкаюсь лицом в кирпичи. Боковым зрением вижу – налетает нечто темное, неотвратимое. Эмма тянет к этому «нечто» руки. Пытается за-слонить меня, встать между мной и тем, чей бесшумный бег за своей спиной она даже не услышала, учуяла.

Дальше все на рефлексках. За них милицейской школе и свирепому нашему инструктору по спецподготовке – огромнейшая благодарность!

Разворот, рывок пистолета из-за спины, сброс предохранителя большим пальцем и досыл патрона в ствол получаются почти одновременно.

Какое громкое, выразительное клацанье! Этот звук ни с чем спутать невозможно. Леденящий душу ляг одинаково впечатляет как при работе с боевым «Макаровым», так и с «игрушечной» его копией системы «Байкал».

Тень словно бы споткнулась. Словно бы налетела на прозрачную стену. И вскрикнула: «Ох, ёб...» – настолько громко, что услышала это даже соседка с третьего этажа.

Теперь мы лицом к лицу. Метра три между мной и коренастой фигурой в сером, облегающем, спортивном...

Разглядеть приметы в полумраке невозможно. Да и не остается на это

времени. Все внимание – на странном предмете. Неуклюжая и длинная штукovina подбегающей к нам Эмме покажется тесаком. А мне – обрезом охотничьего ружья.

Если это так, гарантия летального исхода стопроцентна. Нет ничего страшнее дробового заряда с очень близкого расстояния. Сам много раз осматривал развороченные грудные клетки и снесенные картечью черепа.

Оружие прыгает и мечется где-то на уровне моего лица.

– Все, п...ц! – успеваю подумать я в тот миг, когда как-то коротко и блекло озаряется срез железяки. Где же грохот, без которого любой обрез – не обрез? И где ослепительный, длинный сноп пламени?

Что за дурацкие вопросы! В моем интересном положении звук уже не имеет значения. И потому, что картечь его быстрее. И потому, что грохот просто нечем будет воспринимать: мозги – в одну сторону, ухо – в другую...

– Все, п...ц! – продолжает крутиться в башке. Она, как ни странно, все еще целая. И песок не примчался. Да и боли – никакой!

Может, это и есть «тот свет»? Но почему в нем так мало света? И почему я продолжаю топтаться у нашего дома, пытаюсь дотянуться своей «пукалкой» до лица, которое так и не успел разглядеть?

А киллеру за какое-то мгновение до своего второго выстрела, подумалось, что это ему сейчас засадят свинец между глаз. Он перекатывался через капот машины и нажимал на спусковой крючок почти одновременно.

– Эй, сынок, это ты палача нашего дернул? Ты, невидимый, вечный и вездесущий потянул его к СВОЕМУ месту у скамеечки? Алеша, это ты нас с мамой спас?

А может, просто сдали нервы у новичка? Может, элементарно споткнулся о бордюр и потерял равновесие неумеха?

Все самое несопоставимое и друг друга исключаящее спшиблось одновременно в том начинающем наемнике. И дикое желание уберечься от встречной пули. И животный ужас. И резкий его рывок назад. И непреодолимое стремление поскорее ударить. И острая необходимость все же выстрелить, как учили. Сначала – в корпус, потом, контрольный, в голову...

Левее и выше той самой бесшабашной журналистской башки ударилась третья пуля в стену. И ушла рикошетом настолько далеко и непредсказуемо, что найти ее потом не смогла даже усиленная оперативно-следственная группа.

Мне очень хотелось пальнуть в ответ! Но хватило ума и опыта удержаться. В противном случае – все! Действительно – все!

Даже самый тупой и боязливый душегуб догадался бы тогда, что ничего, совсем ничего, кроме жжения в глазах и носу ему не угрожает. И смог бы расстреливать не торопясь. Наверняка...

Но этот, спортивный и безликий, уже рванул наутек. Он бежал все так

же быстро и бесшумно. Ощущение, что парень даже не касался кроссовками земли.

Улетает мой ангел смерти! Так и не выполнив взятых на себя обязательств. Только бы не вернулся! Не остановился бы! Пугать, пугать этого сукиного сына дальше:

– Стой, стрелять буду!

Зачем-то я припал на одно колено. Потому что учили нас именно этому. Почти тридцать лет прошло, а помнит «ментовское» тело лучшую, самую устойчивую позицию при стрельбе на поражение по убегающей цели.

Трижды убедился тогда: как хлопнушка «газовик» «Байкал» очень даже хорош. Выстрелы получаются резкими, оглушительными!

Нападавший метров с двадцати, через плечо, на ходу, пытался в ответ попасть. «Но это – вряд ли», – как любил приговаривать замечательный наш товарищ Сухов. Такое чудо по силам разве что Адару, горно-алтайскому снайперу-кудеснику. После доброй выпивки и дополнительной пачки патронов от прапорщика Надолбы он демонстрировал нам, на что способен хорошо пристрелянный охотничий карабин. Дырявил консервные банки на лету, на скаку и чуть ли не с кувырка.

А здесь я вижу лишь беззвучную вспышку без посвиста пули. И только теперь понимаю: никакой это не обрез! Пистолет или револьвер с очень длинным, качественным глушителем.

На следующий день «Коммерсантъ» безапелляционно расставит точки над своим твердым знаком:

– Журналист тоже оказался никудышным стрелком. Все его пули не попали в улепетывающего киллера.

Ха, «пули!» Влетев в облачко от трех газовых патронов, Эмма всего лишь разок чихнула. Ей было совершенно некогда думать о себе...

– Пуся, куда ранили?

В те мгновения мы не сомневались: хоть раз, да попало. Невозможно в такую габаритную мишень не угодить с трех, пусть даже с пяти метров! Да и левая нога как-то странно занемела:

– Мась, кажется, в бедро!

На штанах – косой, продолговатый разрыв. Но крови – никакой! Этому бы и радоваться. А я стоял и как распоследний скряга причитывал:

– Новые джинсы! Бельгийские! Стрейч! Такие дорогие!

Не знал еще, конечно, про будущую замену. Да еще какую! Напоминающую о славном советском фильме «Офицеры».

Вряд ли еще какому журналисту в мире коллети вручали или вручат когда столь же оригинальный приз:

– За выдержку и мужество... награждается красными революционными пароварами! – объявят через месяц со сцены в Домжуре на Кутузовском. И

Дима Муратов, наш главред, вручит шелковые, действительно, ярко-алые... галифе! Классно сшитые самим маэстро Зайцевым.

Но это все будет потом, в непредсказуемом будущем. А вначале будет то, что в криминалистической практике доселе и не бывало. Жадина-киллер не просто пожалеет оставить «ствол» на месте происшествия. С ним, еще тепленьким, он налетит на... милицейскую машину. Буквально врежется на бегу в бампер. И пистолет брякнется на капот патрульного «УАЗика» с оперативно среагировавшими автоматчиками.

Затем начнется шумиха в прессе. Закрутится машина предварительного следствия, и начнут проявляться леденящие душу подробности.

Оказывается, автора этих строк поначалу планировалось ужокошить обрезком арматуры. Потом – бейсбольной битой.

Задержанный по фамилии Минасян сам об этом и рассказывал на первых же допросах, которые, по причине повышенного внимания СМИ, прокуратура решила проводить с участием потерпевшего.

Только вот им, «терпилой» этим самым, ощутил себя не сразу. Как-то не верилось, что сижу напротив собственной несостоявшейся смерти. Сколько суждено было видеть наемного убийцу – как самое последнее в жизни! А тут вот участвую в очной ставке. Вглядываюсь в открытую, совсем не злодейскую физиономию...

Всего 23 года арестованному. Если даже полностью отсидит «червонец», выйдет на волю в возрасте Христа. Моему Димке сейчас было бы тридцать. Лешка навсегда остался двадцатидевятилетним. Сын Саша – почти ровесник Минасяна...

Но всех их, чистых и безгрешных, нет среди живых. А этот... плотненький, спортивный, накачанный, похоже, и не понял, что за незнакомые слова нашептывает ему адвокат:

– Ну, извинись, хотя бы, перед Сергеем Алексеевичем! Скажи: «Простите, пожалуйста!»

Наверное, определение «отморозок» возникло после таких. Хотя нет! Отморозок – как прямая линия. Без всплеска чувств. А в этом бурлил ужас, выплескивал через края страх. Скорее он – крестьянский паренек из малообеспеченной неблагополучной семьи. Привлекался однажды за попытку использования подложных документов при переходе госграницы. Получил условный срок. А вот паспорта в Абхазии так и не получил.

Некий Андрей Мумджан, якобы, обещал в Адлере одну тысячу долларов. «На документы». Но деньги – потом. Сначала Артур должен «заткнуть одного журналиста», который «слишком много лишнего пишет».

Нищий, как церковная мышь, наемник бубнил все это в присутствии одного из двух обслуживавших его юристов. Кто-то сразу же нанял Минасяну дорогостоящих защитников. Кто?

Талантливый воронежский публицист и литератор Александр Ягодкин, глубоко влезший в нашу историю, так ответил на этот вопрос:

«Даже за рюмкой чаю с друзьями пострадавшие журналисты, как правило, не в состоянии с достаточной долей вероятности определить, кто же их «заказал». Джунгли – это когда загрызенной антилопе радуется и лев, и шакал, и гриф.

Убивать журналистов в нашей стране – довольно безопасное занятие. Безопасней, чем охотиться с джипа в африканской саванне».

Трудно возражать Ягодкину. Мне тоже не понять, почему отпустили Мумджана.

– Он вину свою не признал.

Значитца, так и запишем, Шарапов: безработный Мумджан, раскаты-вающий на шикарном БМВ, имеющий особняк и самые тесные связи с уголовным «авторитетом» по кличке «Робсон», при выдвижении его на роль посредника в организации убийства по найму дал самоотвоод. Причину признать уважительной. Содержание под стражей отменить!

Ягодкин в «Журналисте» тоже не удержался от иронии:

«Киллер оказался дилетантом. 11 марта он собора «Новой» не убил, и даже наоборот – сам был пойман практически на месте преступления. Фортуна провела восхитительный эксперимент, предоставив следствию все: пистолет, гильзы, следы от выстрелов, жертву, фантастическим образом оставшуюся в живых, правда с дыркой в джинсах, свидетелей – вот они. О чем еще можно мечтать? Ничего подобного до сих пор при покушениях на журналистов не случалось. Бери преступников тепленькими и рапортуй наверх по всей звенящей вертикали: «Работаем! Не хуже, чем на Западе! Громкое покушение раскрыли!..»

А что в итоге? Пишик. Сегодня даже в прокуратуре считают, что вероятность найти заказчика убийства равна нулю. Речь идет лишь о сроке для наемного убийцы. Если бы заказчик не пожадничал и нанял профессионала, покушение прошло бы, как обычно, шито-крыто, хотя целые министры берут такие дела под личный контроль, выражают гнев в адрес обнаглевших бандитов и клянутся, что рано или поздно преступление будет раскрыто. «Рано» в таких делах не припомню, а «поздно» – понятие, растяжимое на годы. К сегодняшнему дню дело о покушении на Золовкина продемонстрировало импотенцию правоохранительной системы. Восхитительный, сто-процентный результат эксперимента Фортуны».

Друг мой Саша в своей публикации допустил одну неточность. Повезло совсем по-другому и совсем другим. Повезло Минасяну. Которого наверняка использовали в качестве «одноразового шприца» и непременно погрузили бы на дно морское, если бы он не угодил в милицейские наручники.

Повезло тем ментам, что по данным из прокурорского источника сорвали жирный куш с некоторых вначале задержанных, а затем отпущенных.

А уж как повезло мне! На следствии выяснилось, киллер более недели подстерегал своего «клиента». А я все это время возвращался домой не один. Глушила тяжкие предчувствия алкоголем. В компании с такими атлетически сложенными друзьями, как Анисимов.

Один раз, правда, Минасян столкнулся со мной лицом к лицу. И я, мент в душе навечно, не обратил на него никакого внимания! Вряд ли оправдывает меня то, что был навеселе. Без настороженности.

Черный длинный плащ развевался в ночи. Край «шерифской» шляпы нависал над зенками, залитыми пивом. Уголки усов лихо задирались кверху...

– Испугался я, – простодушно признается потом подследственный. – Вокруг дядечки не было никого. Но мне он показался здоровенным. Если бы я с первого удара его не вырубил, мог бы и дубину отобрать. И тогда...

Тогда Минасян попросил пистолет с глушителем. У кого? И тут не удержаться от пространной цитаты из «Журналиста»:

«Вся «мощь» правоохранительной системы вроде бы на стороне Золовкина. Шум большой в СМИ, вплоть до ОБСЕ. То есть, как бы дело чести для силовой вертикали. Раскрыть или застрелиться. Тем более, что Фортуна подыгрывает. Но... ничего не раскрыли, никто не застрелился. Даже в отставку никто не подал. Может, у системы какие-то иные, не понятные нам цели. Тогда не проще ли (пока мы дорастем до понимания) поменять места: наше правосудие и уголовные «крыши»? На последних, кстати, из бюджета не уходит ни копейки, а эффективность работы тысячекратно выше.

Каким-то странным образом интересы власти и криминала в отношении журналистов сходятся. Пост-ельцинская власть любовно строит свои вертикали, перелазя развесистую клюкву в пирамидальные тополя. Но к СМИ это, простите, каким боком? Пожалуй, что нам уже дано предугадать, чем наше слово отзовется: пулей отзовется, или судебным иском, или визитами налоговой, СЭС, «братков». А то и всем одновременно.

Кстати, в моем родном Воронеже СЭС закрывала газету, вызвавшую гнев мэра, на основании того, что температура в помещении редакции на полтора градуса выше положенного, и у журналистов нет подставок для ног! Не надо смеяться. Просто здесь откровенность властного наезда (мэр предупредил о нем журналистов публично и заранее, на планерке) доведена до совершенства, а в большинстве других случаев наезд прикрывается лживыми официальными причинами.

Один иск, другой, третий... От самых разнообразных юридических и должностных физических лиц. Одна угроза, другая, третья – от самых разных лиц уголовных. Когда иски и угрозы начинают воплощаться, невозможно понять, чьи же именно, в натуре, конкретные интересы исполняются здесь и сейчас. Велики российские джунгли, и несть числа симбиозам веточек власти с хищниками. В этой многоликости для честных оперов большая

проблема: попробуй определи, кто именно загрыз антилопу, если желающих его полакомиться – пруд пруди.

«Вот стою я перед вами, простой российский журналиста, бандитами стреляный, властями суженый, коррупцией пуганый. Живучий. Пока». Стоит и понимает, бедалага, что если завтра его все-таки пристукнут, то никто никогда не узнает ни заказчика, ни «причины». Сочинский суд лишь расширил рамки этого понимания.

Что дальше? «Этапы большого пути»: Листьев, Холодов, Юдина, Иванов... Золовкин из Сочи? Токарский или Елисеева из Екатеринбурга? Гаврилов из Кызыла? Политаев из Находки? Лейбград из Самары? Кирпиченко из Новосибирска? Попова из Владивостока? Мальцев из Йошкар-Олы? Кузнецов из Санкт-Петербурга? Гулиев из Ингушетии?.. Это меньше половины имен журналистов, подвергнувшихся нападениям в связи с профессиональной деятельностью в 2002 году! Дай им Бог здоровья всем. Но теперь мы знаем, что это продолжается, и продолжаться будет, пока суд к преступникам милует людскою лаской, давая условные сроки самым-самым, от проворовавшегося министра до наркоторговца, на счету которого тысячи загубленных душ».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

О ЧЕМ ЭТО Я?

Мой муж, бывший следователь, любит повторять: если показания очевидцев одного происшествия совпадают до мелочей – сомневайся! Возможен сговор. Не могут люди воспринимать и пересказывать события абсолютно одинаково.

Еще говорят: две идеальные «половинки» со временем срастаются. Срастаются так, что их не разнять, не разять. Мы с Сергеем срослись. Однако каждый умудрился остаться самим собой. Оттого и рассказы наши – разные. С этого места начинается моя половина нашего общего повествования.

Я не преувеличиваю роль своей личности ни в чьей в истории. Я была когда-то винтиком. Маленьким винтиком в большой и слепой машине, которая называлась СССР. Сесть же за эти записки заставила мысль рассказать не только о нас с мужем, детях незадачливой нашей Родины, но и о ней, о Родине. И даже там, где я пишу не о России, все мои мысли, все мои чувства – там, дома. Да и смешно было бы предполагать, что может быть иначе.

Почему возникла такая мысль? Потому что слишком резким был переход советского (продолжавшего оставаться советским, несмотря ни на какие перестройки и новые мышления) винтика в совсем другую реальность. Потому что слишком болезненной была ломка стереотипов, впитанных с молоком и вбитым воспитанием.

То, что мы с моим мужем, журналистом Сергеем Золовкиным, продукт советской эпохи – это без сомнения. Родились еще при Сталине. Я немного помню московский Фестиваль молодежи и студентов. Помню, как ехали на целину эшелоны добровольцев с гармошками. Помню, как полетел в космос Юрий Гагарин. Помню, как ходили «на телевизор» к соседям по барaku. Помню, как в школу подруга приносила карточки из тонкого, но прочного картона – отличный материал для вырезания рисованных кукол. Родители

той девочки работали на чуде чудном – ЭВМ размером с жилую комнату. Я помню, как в техникуме учили считать на логарифмической линейке. Помню арифмометр и пишущую машинку «Москва». Я такой «динозавр», что помню, как разжигают керогаз и умею писать ручкой, перышко которой окунается в чернильницу-непроливайку.

Все это прошло. Этого ничего больше нет.

И страны, в которой мы родились, тоже больше нет. Жизнь теперь у нас с мужем не просто другая. Она – вторая.

Переход из обыденной и привычной в неведомое был настолько стремительным и ошеломляющим, что напоминал падение «с Луны». Точнее – на Луну.

Увиденным, услышанным и прочувствованным хочется поделиться с теми, кто, возможно, еще не скоро сможет позволить себе приехать сюда, на Запад, и посмотреть своими глазами «ладно ль за морем, иль худо».

Мы спешно покидали Адлер с парой спортивных сумок в убеждении, что через шесть месяцев вернемся. Но – хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах...

Вы держите в руках короткие истории, произошедшие с нами на чужой земле в чужом мире. Это впечатления и приключения. Иногда смешные. Иногда – грустные. Но всегда изложенные честно. Именно так, как они мне запомнились.

ТЫ МОЯ ЛУНА...

Кто сказал, что время лечит? Никого оно не лечит. И даже наоборот. Чем больше его проходит, тем беспощадней осознание, что впереди – пустота. Нет ничего и никогда больше не будет.

Вот уже не один год прошел. Не забылось, не заросло, не зарубцевалось. Внутри все то же выгоревшее дерево. Снаружи – мертвая корка, которая почему-то двигается, ест, спит, иногда даже смеется, смотрит на окружающий мир. Как-то и зачем-то существует.

Алеши больше нет... Закончились вместе с ним и мои светлые дни в этой жизни. Осталось непонятным, почему тогда же не разорвалось сердце? Почему продолжается жизнь?

Вспоминаю, как однажды вечером я пришла с тяжеловатой для женщины работы на заводе совершенно обессиленная и от жалости к себе, к своей, казавшейся беспросветно неудачной и горькой, судьбе, сидела на диване и беззвучно плакала. Взять маленького сынульку на руки просто физически не могла, не было сил.

Он, сначала притихнув и прижавшись к моим ногам, молча смотрел снизу вверх, потом самостоятельно вскарабкался на диван, перебрался на колени, начал ладошками вытирать мои мокрые щеки, потихоньку приговаривая:

- Эмма, Эм... Не плачь... Ты мое сонасико (солнышко)... – Потом немножко подумал и добавил: – Ты – моя луна...

И жизнь показалась не такой уж мрачной.

- Это ты мое солнышко. И моя луна тоже...

Разное потом было в нашей с ним жизни. Перебирая сегодня каждый прошедший день по минутам, понимаю, что хорошего мой сын подарил мне несказанно много. И никогда не забуду его белое лицо в том ужасном

помещении Петербургского морга. Белое. Испуганное. Он только что вслух не говорил: «Боже, что я наделал! Что будет сейчас с ней, с мамиком? А ну, как забьется в истерике?»

Не забилась.

Не поверила. Просто не поверила, что все это всерьез. Что это не дурацкая шутка, от которой уже давно хочется криком кричать: «Ну хватит уже! Хватит! Я больше не могу! Пошутили? Будет!»

И понимаешь умом, что это не шутка, что это – навсегда! Что красавец и умница, самый лучший, самый добрый и ласковый сын и молодой муж, только что защитивший кандидатскую диссертацию преподаватель филологии в Санкт-Петербургском университете и готовящийся на завтра праздновать 29-й свой день рождения, уже никогда его не отпразднует. Он просто не вернется с утренней пробежки.

Врач сказал, что ему не было больно. Сердце разорвалось мгновенно, и он ничего не успел ни понять, ни почувствовать.

Утешает. Но слабо.

А потом, не прошло и полугода – следующее испытание, за малым не такое же по силе. Выстрелы в пустынном дворе в мужа, журналиста Сергея Золовкина.

Потом – будто сказочный вихрь подхватил и потащил куда-то, понес, как Элли в изумрудный город.

Сходство было полное. Уже через месяц после тех ночных выстрелов мы вышли из самолета с двумя спортивными сумками через плечо. Промышленный, а значит, долженствующий быть мрачно-грязным (по отрывочным воспоминаниям школьных учебников) Гамбург оказался на диво зеленым. Просто изумрудно-зеленым! Едва-едва распутившиеся листочки еще не набрали летних красок, светились после дождя чем-то Ван-Гоговским. Небо синело глубоким ультрамарином.

И началось наше постижение Германии. Постигание Европы. Постигание другого мира, другой жизни.

Поначалу мы просто писали домой письма. Оттуда приходили ответы: давайте еще! Еще пишите! Пишите побольше и обо всем! Пишите даже о том, какого цвета молочные пакеты, какие «кактусы» цветут под окошком и как выглядит вода в Эльбе.

И мы написали столько писем, отщелкали столько фотографий, что со временем поняли: грех не поделиться всем, что наоткрывали, с теми, кто никогда, возможно, всего этого не увидит.

Правда, одна наша московская знакомая выразилась так: «Кому нужен ваш восторг неофитов? Он смешон. Дуньку уже активно пускают в Европу, и ее (Дуньку, как, впрочем, и Европу) – ничем не удивишь. Жить надо здесь и теперь, не оглядываясь ни на какую Германию. К тому же мы еще сами любой «загранице» фору дадим!»

Не знаю, не знаю. Дуньку с толстым кошельком, возможно, и не удивишь. А такие работяги, как мой отец... Он всю жизнь покупал те жалкие брошюрки «Политиздата», что продавались по пятаку за пучок, лишь бы кто брал! И он брал. Только читал всегда с карандашом в руках, пропуская пассажи типа: «Солнце всходит над Парижем, но не радуется оно простых парижан...» Он выскивал в них крупинцы правды. И для легкомысленной первокурсницы, какой я была, стало откровением, когда отец предложил одну из таких брошюрок, карандаш и клочок бумаги.

– Посчитай. Вот какую зарплату получает рядовой француз за работу на примерно таком же токарном станке, на каких работаем мы с тобой. Вот сколько (в процентах от зарплаты) тратит он на аренду квартиры. Вот сколько у него остается на все остальное. А вот – цены на продукты, на одежду, обувь...

– ...

– Теперь перебрось эту процентную прикидку на нашу с тобой зарплату.

...

Да... – протянул он задумчиво вместо ответа на мой вопросительный взгляд. – Солнце всходит над Парижем...

Вот для тех, кто понимает, что солнце всходит над Парижем и настроение у парижан при этом не такое уж мрачное, как требовалось писать в политиздатовской книжке, но у кого так никогда и не наберется нужной суммы, чтобы своими глазами это проверить, я попробую рассказать, как же на самом деле «за морем» живут люди.

Одно дело – готовиться к восприятию чужой действительности (готовиться к командировке, поездке в к друзьям и родственникам, к эмиграции, наконец) и совсем другое – быть выдернутым вмиг без предупреждения и подготовки из привычных реалий.

Другая причина, заставившая сесть за письменный стол – фраза, как-то вскользь брошенная одной знакомой, незадолго до этого уехавшей «за море» насовсем:

Ну, что ты спрашиваешь... Не могу я писать, более подробно. Мне стыдно, что у нас все так хорошо, как в сказке, и я боюсь, что меня просто сочтут хвастуньей.

Так вот, я буду писать именно о том, чего так не хватало мне самой в письмах «оттуда». Как мне казалось, действительно – с другой планеты.

Очувтившись здесь, я поняла: да. Это действительно другая планета.

И, наконец, почему еще я пишу все это? Потому что продолжает болеть внутри. «Ты мое солнышко... Ты моя луна... Прости меня. Я так много тебе недодала. Не успела. Не сообразила. Слишком много приходилось работать. Теперь я пишу этот текст с мыслью о тебе и так, как если бы рассказывала тебе».

РАЗБИТАЯ «ЛАСТОЧКА» – ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Звонок в дверь прозвучал резко и требовательно. Первая мысль еще не проснувшегося мозга: Алеша! Приехал Алеша, и дурной сон наконец-то кончился!

Правда, пока я бежала к двери, не попадая рукой в рукав халата, я отрезвела уже настолько, что только где-то на самом доньышке сознания билось беспомощное: а врут...

Никакого «врут» на пороге не было. Стоял высоченный хлопец в милитерской форме. Строго осведомился: «Чазова?»

Она самая.

Где ваша машина?

Час от часу не легче. Ставила под окнами с самого приобретения старенькой «шестерки», прекрасно понимая, – там ей не место... Но сказать, что в городе со стоянками «напряженка» – ничего не сказать. Мало кто из счастливиц имеет плохонький гараж, а стоимость его потихоньку подползает к стоимости однокомнатной «хрущевки».

- Под окном стоит, где же еще? – неуверенно залепетала я, уже понимая: вопросы такие в четыре часа ночи задаются явно неспроста.

- Оденьтесь, выйдите во двор. Посмотрите, это ваша машина? Ее только что угнали...

Одеваюсь и вылетаю на улицу. Точно! Стоит моя ласточка как-то сиротливо и грустно. Разбитая форточка – как подбитый глаз, вырванный «с мясом» бампер перекосялся рваным ухом. Двери настежь, через порог свисают какие-то провода.

Рядом и «умелец», все это сотворивший. В наручниках.

Говорит – ваш друг, – поясняет милиционер, – хотел до дому доехать.

Пару таких друзей, – свирепею я, – врагов не надо... В первый раз вижу.

«Друг» бессмысленно лупает глазенками и мычит что-то невнятное. Приезжает дознаватель. Составляют протокол, тщательно записывают чего и как сломано или выдернуто. Я чуть не плачу от жалости к машине.

Давно, еще на заре перестройки, я купила первый в своей жизни старенький, невзрачный «ушастенький» Запорожик. Он безотказно катал меня почти два года, и за то, что я его «предала», то есть – продала в надежде купить другой, поновее, Бог меня тут же и наказал. За неделю цены на машины тогда вскочили чуть не вдвое, и угнаться за ними я уже не смогла.

Прошло много лет. Подарок мужа на круглую дату – пятидесятилетие – был «царским»! Подержанная «шестерка», но в отличном состоянии! Ага. Была до той ночи в отличном.

В общем – «друга» увезли, а машину утром сосед потащил на станцию техобслуживания.

Ремонт влетел в копеечку. Последующие события раскручивались так стремительно, что и по сей день не знаю ни судьбы ни имени раскурочившего нашу «шестерку» юного «друга».

На четвертый день подлатанная моя ласточка снова стояла под окном.

ДЕЖА ВЮ

В два часа ночи я не спала. Как обычно, не надеясь заснуть, старалась забить мозги чем-нибудь посторонним, чтобы не возвращаться мыслями к одному и тому же, самому больному, но глаза до изнеможения скользили по строчкам, которые отказывался воспринимать мозг.

Звонок в дверь — как ощутимый удар по натянутым до предела нервам. На сей раз бледная и перепуганная соседка:

– Вашу машину снова вскрывают...

На ночь перед домом ставилось едва ли не полсотни разнообразнейших: от «москвичка» Господь ведает какого года выпуска до навороченных серебристых иномарок ценой не в один десяток тысяч долларов. Наша даже стоит не с краю. И снова? Чего вдруг? Самая сладкая?

Сережа вылетел на улицу в одних трусах, успев схватить свой «газовик». Я мчалась за ним через три ступеньки, держа в руках брюки и куртку.

Пока мы бежали через двор, смурной какой-то мужичонка мягко метнулся от машины, оставив открытым капот. Понятно, что «не пойман — не вор». Косясь совершенно трезвыми злыми глазами на прыгающий в руках взбешенного Сергея пистолет и старательно притворяясь пьяным, не вяжущим лыка, он придурился:

– Чо? Чо случилось-то? Я? Какая, на хрен, машина? Ты чо, мужик... Не трогал я никакую машину...

Поставленная еще вчера новенькая сигнализация была аккуратно блокирована и не пикнула. Кое-какие проводочки не вырваны, как в прошлый раз, а отсоединены. Что собирались подключить к ним? Тайна сия осталась за кадром. Вызванная милиция забрала и этого «крестника», а мы уже начали смеяться нервным смехом и обшучивать строчки милицейских протоколов, которые будут ложиться на стол начальства через месяц: «Ловля преступни-

ков на живца, каковым является машина журналиста-расследователя Сергея Золовкина, протекает настолько успешно, что по нашим сведениям, все милицейские участки уже через месяц можно будет закрыть, а милиционерам выдать двухмесячное пособие в связи с увольнением по причине ликвидации преступности в городе Сочи...».

И как ни убеждал меня Сергей, что это снова всего лишь случайность, что и этот увезенный ночью «умелец» хотел всего лишь угнать машину, а не заминировать, как была уверена я, меня его доводы не успокаивали. Я с утроенным вниманием стала относиться к каждой поездке и теперь уже не стесняюсь окружающих, откровенно заглядывала и под колеса и под днище, стараясь и дверь открыть раньше, чем Сергей к ней подойдет.

В общем – понятно – психоз во всей своей красе, но посмотрела бы я на кого-нибудь, рискнувшего поменяться со мной местами.

СТО ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Тем временем прошла еще неделя.

Все это время меня по телефону уговаривал брат, живущий за сотню километров от нас, съездить вместе с ними на Красную Поляну.

Высокогорный курорт, приглянувшийся тогдашнему президенту для зимних забав, сочинцы не считают таким уж шикетным. То есть, поехать на Красную Поляну, покататься с горок на лыжах, на санках, на половичке, на куске картона или полиэтиленовой пленки – примерно то же самое, что для москвича смотаться в Сокольники на качели-карусели.

Но мое настроение не соответствовало никакому празднику. В конце концов, рассудив, что если я не хочу никуда ехать и никак веселиться, это еще не повод мешать другим, предложила:

– А вы приезжайте седьмого марта. Переночуете, поговорим, а там и решим, ехать, не ехать...

Мой брат Саша с женой Наташей, внучкой и младшей моей сестрой Леной приехали накануне вечером, а утром, так и не уговорив меня, а значит и Сергея, отправились кататься на санках.

Приехали вечером. Возбужденные до последней степени. На Саше – испачканная и порванная куртка, кулак сбит до крови, под глазом наливается отчетливый синяк.

Рассказывают, перебивая друг друга:

– Еду, никого не трогаю... Сигналит, пропусти, мол. Пропускаю.

Нива. Красная Нива.

Ага. Красная Нива. Пропускаю. Выскакивает вперед и – наперерез! Я – по тормозам! Деваться некуда. Останавливаюсь. Подбежал и с ходу – в ухо:

Ты, б...дь, кого, б...дь, не пропустил?! Ты знаешь, кого ты не пропустил? Да я тебя замочу щас!

Да, главное, из машины не дает выйти, коленом дверь держит, а сам знай сует в окошко...

Вика (внучка) – так испугалась! Как закричит!

Ну, я, наконец, из машины выбрался, тут мы с ним и сцепились!

Да на проезжую часть выкатились!

Машины встречные несутся, еле тормозить успевают!

Да он, гад, здоровый такой! Саня ему по пояс будет! Качок – одно слово!

Я менту говорю: задержите его! Он пьяный вдобавок ко всему! Слышите, от него без трубочки за три версты разит?! А он мне:

Он не пьяный, он больной!

А я говорю, а вы откуда знаете, что он больной? К тому же, если больной, пусть дома сидит, а не по дорогам шляется!

Стоп, стоп! – прерывает разноголосицу Сергей. – С этого места еще раз и помедленнее. Какой мент? Он-то откуда там взялся?

Я и говорю, – пытается рассказывать понятнее Лена. – Следом за нами ехала милицейская «канарейка». Она тоже остановилась. А поодаль еще машина. В ней еще два качка сидели, но те только вышли, посмотрели издали, а потом, когда Нива поехала, сорвались и понеслись вдогонку. Они явно были все вместе.

Ну, – продолжал допрашивать Сергей, – а мент что? Он был в форме?

Нет. Не в форме, – вступает в объяснение Наташа, – но с рацией. Я ему говорю: задержите его, а он мне:

Ты мне не указывай, что делать!

Я говорю:

Хотя бы милицию вызовите, у вас же рация в машине, и я слышу – она включена!

Тут он совсем разозлился. Как давай на меня орать:

Будешь еще мне указывать! Тебе надо – иди ищи автомат и вызывай! Я никого вызывать не собираюсь!

Ну, тут уже меня просто зло взяло, – продолжает Лена. – Да вы, как я погляжу – все заодно! – Схватила я карандаш и все номера машин записала. Смотрю, а этот мент заботливо так шапочку качка с земли поднял, отряхнул и безошибочно хозяину подает! Казалось бы... Ты же при начале драки не присутствовал, откуда ты знаешь, чья? На Сане же тоже ничего нет...

Сережа уже набирал номер. С журналистом, вечно раскапывающим какие-нибудь неблагоприятные делишки, начальство, даже милицейское, предпочитает не связываться. Тут же начинаются судорожные поиски красной Нивы. «Мента» и нападавшего находят только ночью. Попутно выясняется, что «мент» – не совсем мент, то есть – был водителем на этой именно служебной машине, номер которой записала Лена, но не так давно... из милиции уволился.

С «мента», кажется, берут что-то типа объяснительной и ... отпускают с миром. Назавтра он будет чуть не валяться в ногах у Наташи, пытаясь вымолить прощение: «Семья, жена молодая, ребенок... Простите... Растерялся... Испугался...». Причем, мигом научился хорошим манерам и больше не «тычет» женщине. Вопросов, каким образом он оказался за рулем служебной машины, никто ему, насколько я знаю, не задавал и не задает.

Качка (по фамилии Перепеча) берет под стражу поздно ночью.

Мы всей компанией несколько часов стоим в коридоре отделения милиции, где ни одного стула. Избитый Саня, как выяснилось уже ночью – еще и с поломанными ребрами – стоит тоже. Ему плохо, но уйти нельзя, сейчас появится тот, кто должен все записать в протокол. Выйти на крыльцо покурить – тоже. Дверь охраняется бдительным дежурным с автоматом.

Уже глубокой ночью появляется «наш» следователь с жесточайшей простудой и насморком. Ему – понятно, тоже не до нас. Стражику законности – чаю бы с малиной да полежать под теплым одеялом, чтобы никто не трогал хоть пару дней...

Тем не менее, он добросовестнейшим образом записывает все, что мы по одному ему рассказываем, периодически удивленно поглядывая на меня:

Вас-то там не было, откуда вы знаете?

В возбуждении и по самым горячим следам они рассказывали настолько ярко, что я запомнила подробности, которые сейчас у них уже пропадают...

Записывает и мой рассказ.

Мне становится настолько жаль этого насквозь больного парнишку, что я от всей души сочувствую ему:

В век электроники и компьютеров, вы протокол почему-то от руки заполняете. Не умеете или техники просто нет?

О каких компьютерах речь? – усмехается он. – Тут машинка пишущая одна на все отделение. Чтобы бумагу напечатать в очередь стоим...

Наконец-то свою старенькую «Эрику» в хорошие руки пристрою. У нас компьютер давно, а машина хорошая. И выбросить жалко, и подарить некому. Хотите?

Еще как хочу, – радуется следователь.

Уже выходя из отделения поздней ночью, увидели: привели «нашего». Я, правда, посмотрела на него только со спины. Здоровенный!

А через пару часов Саню увезла скорая. Он терпел, сколько мог, пытаясь отбиться от сестер и жены, в один голос вопящих, что надо вызывать врача.

Врач с нами долго рассусоливать не стал:

Живо в машину. – скомандовал он. – После таких случаев что угодно может произойти, а мне потом отвечать?

Дышал Сапа с трудом. Лежать не мог. Сидеть тоже. Но когда мы приехали рано утром в больницу, встретил нас мольбой:

Как угодно, только отсюда! В любую другую больницу!

Сань, – перебила я его, – мы только что с врачом разговаривали. О выпiske не может быть и речи. У тебя сотрясение мозга, перелом двух ребер, не считая «мелких брызг» – синяков и ссадин...

В любую другую. – еле дыша, настаивал он. – Ты не представляешь, какие тут тараканы по морде бегают!

На другой день он уже лежал в Лазаревской больнице. Это в двух шагах от дома, в любой день жена прибежит, да и почище Хостинской.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ...

Милицейская машина со скрипом, начала проворачивать свои колеса. Вот уже и справка из лечебного учреждения понадобилась о том, насколько тяжкими оказались последствия избиения.

Город Сочи – пожалуй, самый длинный город в России. 145 километров вдоль берега моря между нами и Сашинной больницей. Все еще придавленную горем, меня не рисковали отпускать одну в такой дальний путь по южному серпантину, а поехать со мной у Сережи не было времени, он по горло был загружен работой.

Наши же правоохранители считают, что спасение утопающих – дело самих утопающих. То есть, если милиции нужна какая-нибудь справка, то беги, гражданин потерпевший, да тащи ты ее сам! И скоренько, скоренько! Сроки поджимают!

Вот так и получилось, что вечером 11 марта мы поехали на вокзал встречать электричку, машинист которой вез нам из Лазаревской справку о состоянии Санниного здоровья.

Электричка ожидалась где-то к 9. Мы ехали по времени в обрез, и я бросила машину на пустынной стоянке возле вокзала - как попало. Но оказалось, что спешили мы совершенно напрасно: поезд опаздывал больше, чем на час.

Давай пока поставим хотя бы машину по-человечески, – предложила я Сергею.

Ну, пойди сама, – отозвался он. – Я, если киоск работает, куплю «Новую газету». А потом подожду тебя в кафешке, выпьем кофе.

Я ушла отогнать нашу «лошадку». По дороге почему-то обратила внимание на светлые, почти белые «Жигули», стоящие прямо напротив выхода и почему-то запомнила их номер.

С делом справилась в пять минут, и когда вернулась, муж все еще был на перроне. Он шел мне навстречу, держа руку за спиной, слегка откинув полу куртки.

Зайдя в вокзальный ресторан, мы не нашли там ни души. Скучавшая в одиночестве барменша принялась варить нам кофе. Возшедшие следом женщина и двое мужчин с порога помахали Сергеем рукой: «Здравствуйте. Как дела?»

Нормально, здравствуйте, – кивнул Сергей.

Кто это? – спросила я.

Понятия не имею, – ответил Сергей, и я не удивилась. Я почти привыкла, что к нему подходили на улице незнакомые люди, как родного, звали в гости, часто выражали свое (кстати, не всегда самое одобрительное) мнение о его статьях и телевыступлениях. Это нормально для журналиста в маленьком городе.

Незнакомцы устроились за столиком почти у выхода. К выходу потянулись на мгновение раньше нас, как только объявили о прибытии электрички.

Нужную нам бумажку мы забрали у машиниста без проблем и так же без проблем добрались до дому.

Проблемы начались уже во дворе...

ВРЕМЯ ЛЕКАРЬ И ПАЛАЧ

Время... Время – вещь жуткая. Мне как-то рассказывал Алеппа, что однажды, сдав один из экзаменов на своем философском факультете, пришел домой и не помнил от усталости, как заснул. А когда проснулся ночью, долго не мог сообразить, кто он, где, но не это его занимало. Время.

– Ты понимаешь, мамуль? – все старался он мне втолковать. – Не, сколько времени, я не мог понять, об этом вообще мысли не было, а, я как-то чувствовал, что еще немножко, еще чуть-чуть, и я ухвачу самую суть, самый кончик понятия, что такое время... Ну, как сон. Когда хочешь его запомнить, надо только не шевелиться, ухватить за ускользающий хвостик, потянуть осторожненько, и вспомнишь все!

Чего-то так и не понял, – досадовал он. – А так близко было...

Мы путешествовали по Англии. Один раз за два года до этого мы уже съездили самым дешевым, но и трудным видом транспорта – автобусом, как говорится – галопом по Европам. И вот тогда я впервые увидела Париж! Тогда я поняла, почему этот город «стоит мессь». Я увидела Вену! Амстердам и Берлин. Наших следующих двухлетних накоплений хватило на такой же автобусный тур по Англии.

Мы перебрались через Ла-Манш в ночь с 10 на 11 сентября и сразу с паром отправилась в поездку по Шотландии. Наш автобус остановился на обед у небольшого придорожного кабачка. Я вошла в зал, бросила взгляд на огромный телеэкран и подумала: «И здесь эти «ужастики». Надо же, как натуралистично...».

Горела нью-йоркская башня, и в этот самый миг, когда я смотрела на экран, самолет врезался во вторую.

Да это же прямой эфир, – вскричал вдруг наш гид, тоже Сергей.

Как это – прямой? – задала дурацкий вопрос я. – Вы что хотите сказать, что вот это сейчас такое там происходит?

Да! Именно сейчас именно такое и именно происходит! – попробовал он мне втолковать.

Так, это что, война? – выдвинула я полную смятения догадку, вспомнив недавнюю мысль, возникшую и быстренько мною отогнанную, как совершенно дикую. Уезжая в это путешествие и уже шагнув в лифт, я почему-то очень ясно и очень отчетливо подумала: «Ну, вот и все. Кто знает, когда ты теперь вернешься и вернешься ли вообще...»

Красот Шотландии я уже почти не воспринимала. Из головы не выходило виденное пару часов назад. По вечерам в гостиницах долго-долго смотрела новостные каналы, выхватывая обрывки понятных слов на разных языках, ориентируясь больше на картинки, чем на объяснения ведущих. И плакала, плакала, плакала. Слезы лились неостановимо.

Давным-давно, еще когда Алеша ушел в армию, я часто «разговаривала» с ним мысленно. Просыпалась рано утром и мечтала: как придет он домой живой и здоровый, как поступит учиться, как будет у него все по нагаданному двумя совершенно разными гадалками: «Будет он знаменит, и будешь гордиться им не только ты одна. Он будет великим философом...».

Ке-ем?! – засмеялась я в первый раз. – У нас рабочая семья. Откуда в ней философы?

Не смейся, – слегка обиделась гадалка.

Будет у него всего две женщины в жизни, – говорила другая. – Детей двое. А жить будет под конец – на юге Франции.

Ну, на юге Франции – это хорошо, – довольно улыбалась я. – Лишь бы не на юге Ледовитого океана.

Потом все так и начало сбываться! Алеша поехал поступать на свое любимое востоковедение, но в тот год не было приема на дальневосточное отделение. Только – ближний Восток. А это значит – иврит и арабский. Это мне всю жизнь дрожать, не зная, где в этом горячем регионе поджидает сына самое страшное?

– Ну, тогда придется поступать на философию, – рассуждал Алеша. – Знаешь, мамуль, я, наверное, так и сделаю. Чего зря год терять. А там, глядишь, если на факультативе или еще как, догоню группу дальневосточников, то попробую перевестись без потери курса.

Я не возражала. Философия так философия. Правда, вот тогда я и вспомнила в первый раз ту гадалку.

Алеша приехал через год с горящими глазами.

Мамуль! Ты знаешь, философия – это то, о чем я всегда мечтал, только я не знал, что такая наука есть и что вообще этому учат. – Только знаешь, – продолжал он. – если учиться на философском, надо переходить на дневное. Иначе – это не учеба. Это только диплом, но вряд ли – знания...

Переходи, – без раздумий согласилась я. – Проживем как-нибудь!

В то утро, когда его уже не было, я проснулась в шотландской гостинице рано. Попробовала мысленно поздравить с днем рождения, как делала раньше – поговорить с ним. Удивилась. Как-то не получилось у меня это. Не почувствовала встречного движения родной души.

Телефон тоже не отвечал.

Не знаю, входило ли изучение времени в сферу Алешиных научных интересов...

Я же с этим удивительным явлением столкнулась в Хитроу, пытаюсь как можно скорее покинуть Англию, когда нам уже сообщили, что Алеша ушел вчера утром на зарядку и не вернулся, и что нашли его поздно ночью среди «неопознанных». Жена, Наташа, нашла. Когда же он упал на дорожке стадиона института имени Лесгафта, врачи прибежали сразу. Подумали, что это кто-то из их студентов. Кардиореанимация прибыла через 4 минуты...

Мы коротали время в аэропорту. Когда уже не было сил плакать, просто сидела, уставившись в одну точку, и перебирала мысленно день за днем своей безумно долгой жизни.

День за днем. Вспоминая все до мелочей и поминутно. Открывала глаза в надежде, что прошло еще столько же, сколько я уже прожила... Большая стрелка часов, висящих в витрине напротив, преодолевала два крохотных штриха на циферблате.

Я снова закрывала глаза. Крутила в памяти старые картинки. Вот Алеша маленький, стоит в кровати и «разговаривает» со мной на своем тарабарском языке, произнося совершенно «нечитаемые» звуки. Я отвечаю. Он, в свою очередь, что-то снова говорит, говорит, разводит ручонками... Я снова отвечаю, рассказывая во всех подробностях, как я вот сейчас мою посуду, как глажу его распашонки. Разворачиваю перед ним радужные картинки: «Вырастешь, сыночек мой, станешь большим и умным! Мы будем жить с тобой у самого синего моря! Прочитаем все книжки на свете!..»

Так мы подолгу общались. Главное – не засмеяться. Тогда он стеснялся, садился, надувал губенку и отворачивался к стенке. Не буду, мол, с тобой больше разговаривать, ты смеешься...

И тогда я уже просто хохотала, вытаскивала его из кровати, зацеловывала: «Солнышко мое!»

...Еще три минуты прошло...

Вот я с коляской иду среди высоченных рыжих стволов. Сосновые иголки мягко пружинят под ногами. Горьковато-смолистый аромат нагретой хвои, косые солнечные лучи, перечеркивающие дорожку. Колесо попадает на небольшой корешок... Алеша, стоящий в коляске на коленках и внимательно смотрящий по сторонам, выпадает на дорожку. С оборвавшимся сердцем подхватываю его на руки, прижимаю к себе, кляня попутно: «Мамка у тебя – дура набитая! Мое солнышко! Тебе больно?!»

Он почти не плачет. Не столько ушибся, сколько вместе со мной испугался. Домой несу сынульку на руках, и он доверчиво засыпает.

... Еще полминуты...

Вот я ухожу в баню, оставляя его с родителем. Прихожу – спит. Крепко запеленутый, чуть не связанный, прерывисто вздыхает, как после долгого плача, и на ресничках еще не просохли слезки.

Плакал?

Немножко. Спать не хотел.

Распеленываю наутро и замираю от ужаса. На кругленькой розовой попе ясный отпечаток ремешка от часов вместе с пряжкой!

Чазов! Что это?

Не знаю... – Глаза уходят в сторону. – Наверное, на руке лежал, вот ремешок, што-сь и отпечатался...

Но, видимо, я свирепею не на шутку. Версия о «простом лежании» больше не поддерживается после моего спокойно-яростного обещания:

Еще раз ребенка тронешь хоть пальцем – убью!

Наверное, тогда он впервые понял: эта – убьет. Больше никогда его не бил. Да, собственно, и бить-то было некогда. Мы уехали с Алешей, едва ему исполнилось 10 месяцев. К тому времени я окончательно «дозрела», что «какой-никакой, а все ж родной Олешке отец» – как, нажимая на о, убеждала меня свекровь, – сыну не нужен. Смотреть, как папенька регулярно напивается в лоскуты, а потом и брать с него пример? Спасибо. Обойдемся. В нашей семье алкоголиков, слава Богу, не было.

... Еще полторы минуты...

И вот теперь, 11 марта 2002 года время опять так же безумно долго и в то же время безумно стремительно и тащилося, и летело.

ПОПЫТКА ЛИКВИДАЦИИ

Мы подъехали к дому часов около 10. Стемнело, когда еще там, на вокзале, пили кофе. Но на фасаде перед подъездом ярко горел галогеновый мертвенно-голубоватый фонарь. Здесь же, где я снова ставила свою «ласточку» и где оставалось одно свободное местечко, было достаточно темно. Уже припарковавшись, увидела: в машине рядом — полно людей и слышится разухабистая музыка.

— Это еще кто? — насторожилась я. — Почему сидят в салоне? Кого или чего ждут? Снова какое-нибудь совпадение, как потом будет уверять меня Сергей?

Он тем временем уже хлопнул дверкой со своей стороны и, не дожидаясь меня, направился к подъезду.

Я подергала ручки, пикнула сигнализацией, наклонилась, как будто поправить туфли, пытаюсь все-таки запомнить номер встревожившей меня машины и только потом отправилась вслед за мужем.

И уже почти догнала его. Оставалось каких-то пять-семь шагов, когда началась эта чехарда со временем. Оно спрессовалось и растянулось одновременно. Оно летело и ползло. В него уместилось столько всего, о чем не успевалось подумать.

Не оборачиваясь, но всей спиной, каждой клеточкой скорее почувствовала, чем услышала: бежит! Кто-то бежит, и этот кто-то бежит за нами!

Резко оглянулась. Картинки до сих пор в подробностях и деталях, красках и запахах стоят перед глазами.

Вот стоп-кадр. Крепенькая спортивная фигурка в позе спринтера на высоком старте, подобравшись, слетает с тротуара. Черная куртка, черные брюки, белые кроссовки, вязаная шапочка...

Что у него в руке?!

Еще стоп-кадр. Вот это длинное в руке у бегуна, сверкнувшее металлом. Метал какой-то странно черный для ножа. Нож? Почему нож? Куда он бежит с ножом? Это надо обдумать. Надо что-то, наверное, предпринять? Да погоди ты, не так скоро! Погоди! Я не успеваю подумать! Мне же надо что-то сделать! Сейчас произойдет что-то страшное! Пробегая мимо Сергея, ведь, понятно, мишень – мой муж, он просто полоснет изо всей силы ничего не подозревающего грузного и не самого молодого человека по поясище и развалит пополам... И все!

Что, все? Как это, полоснет? Да, погоди же ты! Дай подумать! Я не могу так стремительно! Сережа! Оглянись, Сергей!

Еще стоп-кадр. Огонь! Сноп огня! Огонь из ножа? Почему этот нож такой длинный и как-то странно блестит? Перехватить, оттолкнуть! Успею оттолкнуть? Да оглянись же ты, наконец, оглянись!

Еще вспышка! Да это не нож! Это пистолет! Почему я подумала, что нож? Да что же это так стремительно все несется, что я ни рассмотреть, ни подумать не успеваю? Вот он уже вровень со мной, ударить по руке, оттолкнуть, не дать прицелиться, Боже, да где же голос? Кричи, кричи! Чем? Воздуху нет! Толкнуть! Не успеваю! Он лишь на шаг сбивается от меня в сторону, оббегая и я не успеваю дотянуться и оттолкнуть. Оглянись! Сергей! Оглянись!

Обрывки мыслей-молний метались в моей голове, пока этот спортивный мальчик-бегунчик в два прыжка преодолевал расстояние между тротуаром и нами.

Кричать я не кричала. Чтобы кричать, надо бы сначала воздуху набрать, а на это-то времени не было. Поэтому я и захрипела как-то нечеловечески на тех остатках, что еще были на доньшке легких.

Это был не крик, не хрип, не утробное мычание. Это был какой-то невнятный, но чудовищный звук, издаваемый мной. Еще не оглянувшись до конца, Сергей уже потянул из-за спины свой газовик, внешне один к одному похожий на ПМ.

Медленно! Медленно! Немыслимо медленно поворачивался и поворачивался через правое плечо, тогда как, чтобы встретить этого стрелка лицом и более устойчиво при этом держаться на ногах – надо бы поворачиваться через левое! Но его уже не застать врасплох, и то хорошо! Вот уже отпрыгивает этот, с пистолетом, кубарем летит через стоящую чью-то машину (Брумель навзрыд плачет в сторонке), и скрывается в темноте. Сергей стреляет вследа, падает на колено, стреляет еще! Ага! Это вы из газовика его достать хотите, Сергей Алексенч?

Понимаю, что по инерции попадаю в «дружественное» газовое облако. Совершенно четко, как учили в школе команду сама себе: «Газы!», задерживаю дыхание и зажмуриваю глаза, пролетая лицом сквозь голубоватый туман. Но расслабляться не приходится.

Из подозрительной машины начинают по одному вылезать какие-то люди. Я не знаю, кто они, что собираются делать? Может, идут добивать?

– Уйди в подъезд! – кричу я Сергею. – Уйди, пожалуйста. Уговариваю, пытаюсь в то же время встать между ним и этой новой неведомой опасностью.

Не могу. – выдавливает Сергей сквозь побелевшие губы. – Похоже, я ранен.

Бросаюсь к нему, с ужасом жду, что вот сейчас он начнет оседать, падать, и я не смогу его ни удержать, ни защитить от тех, кто уже вышел из машины и приближается к нам...

Подставляю плечо.

Куда ранен? Где больно? Больно где-нибудь? Обопрись на меня!

Нога...

Суетливо шарю по ноге, внутренне замирая от ужаса: вот сейчас наткнулся на горячее и липкое... Ничего. Быстро провожу по ноге еще раз.

Где? Где больно?

Не знаю... Везде. Стоять не могу...

Сядь. Сядь на ступеньки, солнышко... – В тот же миг попадаю пальцем в дырку, которой там просто неоткуда было взяться. Джинсы новые. Второй раз надел...

А эти, из машины? Вот они уже рассыпались цепью, идут прямо как в кино, со всех сторон...

Зайди в подъезд!

Да не кричи ты! Не паникуй! Все уже кончилось!

А это кто?

Кто-кто. Соседи, не видишь?

Милиция приехала не так быстро, как телевизионщики. Оказалось, что Сережа, буквально на днях купивший мобильный телефон, не сильно хорошо научился им пользоваться и, набрав 02, попал в отделение милиции, которое вызов приняло, но долго не могло уяснить, где эта улица и кто это – Золовкин? В конце концов, разобрались, что в милицию он позвонил – в краснодарскую! А когда разобрались и дозвонились в Адлерское отделение, там бодренько сообщили:

– Киллер? Стреляли, говорите? Золовкин? Ну, так мы его уже поймали, стрелка вашего. Щас привезем на место, посмотрите, тот ли...

Помните, я упомянула машину у входа в вокзал? И отметила, что почему-то запомнила ее номер! И трое в вокзальном ресторане?

Приезжала эта машина и эти люди в наш двор! Третьего не видела, врать не буду, а вот женщина на пассажирском сиденье аж чуть из окна не выпрыгнула, как напряженно всматривалась, что же там происходит, на кого направлены телевизионные софиты? Может, смотрела, нет ли скорой, не склонились ли врачи над распростертым на земле телом?

Столкнулась с моим напряженно-припоминающим взглядом, бросила что-то коротко тому, кто за рулем, и машина с пробуксовкой сорвалась с места.

А киллер на милицию выбежал сам. Они себе ехали, никого не трогали... Сначала, как сами рассказывают, не сильно поняли, что стрельба. Пистолет-то у него был с глушителем. Детские хлопушки громче... А вот уже когда Сережин газовик грохнул, тогда и услышали. Пока раздумывали, в какой это стороне, а вот он и сам, голубчик, бежит по пустой улице.

– Стой!

Остановился.

– Руки!

Поднял послушно, едва живой, отдышаться не мог, так улепетывал. Ну, пистолет-то из-за пазухи и выпали...

– Ага... Наш клиент...

Застегнули наручники. А тут и ориентировка пришла: на такой-то улице журналиста убить попытались.

Уверена я, что, не попадись этот глупый пацан милиции, жить бы ему оставалось от силы полчаса – час. Сделал дело? Вот и ладненько. А теперь давай. Или прикопать в лесу, или рыбам на прокорм. И никто не узнает, где могилка твоя, парниша!

В Сочи ты не прописан. В Абхазии, где, вроде бы, живешь, будут думать, что ты в Сочи у родственников. А здесь – что дома, в Абхазии. Пока это хватятся...

Уже потом, ночью, когда разъехались телевизионщики, снимавшие «картинку» «по горячим следам», а милиционеры нашли почти все стреляные гильзы, зарисовали их в своих схемах и протоколах, мы начали считать, сколько тем затронул Сергей в своих публикациях, за любую из которых могли вот так вот «оторвать голову»? Навспоминали что-то около 15 и бросили это занятие.

Уже где-то под утро, почти засыпая, Сергей встрепенулся:

А помнишь, ты подходила ко мне на перроне, а я руку за спиной держал?

Помню.

Теперь я думаю, что «наехать» на меня пытались еще там. Это, видимо, тот парнишка и был. Он за мной как-то стремительно и упруго шел, но резко изменил направление и просто отпрыгнул в тень, как только я услышал и обернулся.

Не надо стол от окна убирать, не надо шкафом загораживаться! У тебя паранойя! Мне в том углу дышать нечем! Мне надо, чтоб окно... Кто был прав?

«НЕ ДОЖДУТСЯ!»

Бедные, бедные «новые русские» и олигархи вместе с ними... Я не шучу. Жить под недреманным оком, ходить по улицам, когда за тобой неотступно пагает вооруженный хлопец с настроженным взглядом, а то и двое-трое... Кошмар – врагу не пожелаешь.

Спасение от ненормальной жизни под охраной пришло оттуда, откуда ни я, ни Сергей его просто не ожидали. Немецкий фонд помощи политически преследуемым предложил нам пожить немного в Германии. Оглядеться, отдышаться, возможно, кое-что переосмыслить да и попросту отдохнуть.

Что хотят взамен? – настроженно спросила я, свято уверенная, что ЦРУ не дремлет и только спит и видит, как бы поймать в свои сети глупенького русского и выведать за «кило печенья и банку варенья» все «военные тайны», даже те, которыми он никогда не владел.

Мася (так называет меня дома Сергей), ты все перепутала. ЦРУ – это в Америке. А нам предлагает помощь Германия.

Какая разница? Все равно они чего-то захотят взамен. Выступать с какими бы то ни было заявлениями я не согласна. Да и ты, уверена, тоже. Не так?

Так. Но они ничего не требуют.

Что, за красивые глазки приглашают пожить полгода да еще и денег дают?

Не знаю, как обернется дальше, но пока – именно так. Дают денег на дорогу, предоставляют квартиру, обещают послать на оплаченные курсы немецкого языка, да еще и на мелкие расходы какую-то сумму. Соглашаемся?

И сколько эта лафа будет длиться?

Приглашают на шесть месяцев.

Ну, так едем...

«ХЕНДЕ ХОХ» РЕШАЕТ ДЕЛО

На сборы нам дали два дня. Их вполне хватило на то, чтобы уладить кое-какие бумажно-нотариальные дела, купить пару спортивных сумок, побросать в них какую-то одежду, пару-тройку любимых книг, фотографий, кассет. И – все. Мы ведь ехали ненадолго. Рассчитывая уже к осени вернуться. Надо было ставить памятник... Сергея ожидала куча неразобранных документов. Масса начатой и незаконченной работы у меня...

В Москве, где мы должны были ждать оформления виз, выяснилось, что вариантов нашего отъезда может быть два: Норвегия и Германия.

Прям, «куда желают господа?»

В Норвегию чуть ли не завтра можно оформить. А в Германию придется пару-тройку дней подождать.

Чего мы будем делать абсолютно «без языка» в Норвегии? Ты хоть как «здравствуйте» сказать, знаешь? – допрашивала я Сергея.

Нет. А ты?

Вот то-то и оно, что и я не знаю. Зато немецкий у нас был в школе. И еще в институте. Со второго курса ушла.

А я когда-то сам учил.

Ну. И чего, допустим, выучил?

О! Яяя! – Сергей еще больше выпятил кругленький свой животик, важно приосанился и подкрутил усы:

Яяя! Да, значит... И еще найн!

Это и я помню. А еще?

Еще? Гутен таг! Хенде хох! А, вот еще – Гитлер капут! Да не бойсь, Мася! Пробьемся!

Ну, с эдаким словарным запасом, понятно, нигде не пропадем, не то что в Германии... У меня он примерно такой же.

Бояться, как мне кажется, я с некоторых пор перестала. Самое страшное в моей жизни уже произошло, страшнее ничего быть уже не может, поэтому мы просто начали ждать.

Сергей уходил в редакцию «Новой газеты», а я оставалась в гостинице.

В какой-то момент, когда ожидание затянулось почти на месяц, мы готовы были сказать: да ну ее к Богу в рай всю эту поездку. Добьют так добьют...

Подождем, – останавливала я Сергея. – Хорошо, если, как Алепа, сразу... А если бы ты чуть-чуть не так дернулся? Штаны прострелили в таком месте, что стоило тебе только начать поворачиваться через другое плечо – сам понимаешь. В лучшем случае, быть бы тебе сейчас инвалидом. А жизнь инвалидская в Советском Союзе...

Союза уж триста лет, как нету. Вспомнила.

Не вижу разницы. В «свободной России» им живется едва ли не тяжелее, чем раньше. К тому же – машина уже вертится. Сказать сейчас: «Спасибочки, мы домой» - нехорошо. Стольким людям работу дали...

Когда же однажды утром я увидела под окнами нашего отеля машину с сочинскими номерами, Сергеем стоило большого труда отцепиться от меня и уйти в редакцию одному.

Я пойду с тобой. – настаивала я. – Ты снова сам не услышишь. Да и убьют – лучше вместе.

Не смейши, защитница, – с улыбкой отбивался он. – все уже позади. Человек просто приехал в столицу по своим делам. Надо же ему где-то жить...

Ага. Именно в этой гостинице. Других просто нету! Ты за последние две недели много видел на улице машин с сочинскими номерами? И с Краснодарскими нет, не то с нашими.

А ты что, наблюдаешь?

Наблюдаю...

...

Сошлась на том, что я провожаю его до метро, потом немножко гуляю сама по себе, а потом он мне позвонит.

То, что мне уже необходимо лечиться, я поняла буквально через пару часов. Вернувшись в гостиницу и проходя по длинному, устланному ковровой дорожкой коридору, услышала, что за мной кто-то бежит... Сил не запаниковать и не обернуться еще хватило, но в номер я уже впала с осязаемо приподнявшимися на голове волосами, однако облегченно отметив, что бегущий свернул на лестничную клетку и так же торопливо стучит каблуками по ступенькам.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Гамбург встретил пасмурно.

Температура за бортом плюс десять градусов, – сообщила стюардесса. –
К выходу мы вас пригласим...

Нас пригласили к выходу, и мы пошли.

А дальше, собственно, и начались необыкновенные приключения обыкновенных русских провинциалов в обыкновенной Европе.

ПЕРВЫЕ «ШАГИ ПО ЛУНЕ»

Паспортный контроль проходили у разных окошек, и «мой» пограничник оказался быстрее.

Вышла в зал первой, смотрю, наши сумки ползут среди другого багажа уже по второму, если не по третьему кругу. Сняла все с ленты и ищущую, куда выходить, кому показывать чемоданные бирочки. И не вижу нас встречающих. Сергей умчался прояснять ситуацию. А я стою и нервничаю. Потому что с багажом-то я, а квиточки приклеены на билеты, которые у мужа в кармане.

Думаю, вот сейчас подойдет кто-то и спросит: а ты почему это, тетечка, стоишь с вещами, к которым не имеешь никакого отношения? Да главное не в том – что спросит. Главное – спросит по-немецки...

Короче, стою и нервничаю, стою и нервничаю...

К Сереже, вернувшемуся вместе с встречающей нас девушкой, кинулась чуть не со слезами счастья на глазах. Подхватили мы вещички и пошли.

Идем и идем.

Все жду, где же тот контроль, который все-таки проверит, свои ли ты вещички «таранишь»? А его нет. Так и из аэропорта вышли и совсем ушли. Уехали. Это было, пожалуй, одно из самых первых моих потрясений на германской земле.

«ТЕПЕРЬ ЭТО ВАШ ДОМ...»

Мартина Бойерле, которая так много сделала для нас здесь, встречала самолет с цветами. Небольшой изящный букетик я получила в зале, когда она подошла ко мне, растерянной и ошеломленной одиночеством в чужом, незнакомо-гомоящем пространстве.

Роскошные лилии в шикарной вазе ждали нас «дома» на журнальном столике. Еще один букет стоял на кухне рядом с огромной вазой, наполненной фруктами.

Мартина водила нас по комнатам, объясняя чуть не на пальцах, что это теперь наш дом. Что в этом шкафу – постельное белье, в этом – посуда, здесь – стиральная и посудомоечная машина. На мои вопросительные взгляды реагировала споро и спокойно:

Открываешь так. Посуду складываешь сюда. Сюда бросаешь специальную таблетку: лежит вот здесь. Закрываешь. Ставишь температурный режим. Нажимаешь вот эту кнопку. Вымоет – посигналит звуком и лампочкой. Караулить не надо. Выключится сама...

На еще один мой беспомощный взгляд:

Электроплита с керамическим покрытием. Ничего особенного. Поворачиваешь рычажок на нужную температуру и все.

Тостер, кофе-машина, прочие миксеры в ближайшем рассмотрении тоже оказались не такими уж страшными. Сложнее, чем нажать пару кнопок, ничего не было.

После ее ухода мы еще раз обошли комнаты, все еще не веря, что мы уже здесь, в Германии и впереди у нас целых 6 месяцев жизни «внутри». Возможность познакомиться поближе с устройством страны, потрогать ее руками, ощутить на вкус.

– Ну, теперь я разберусь, наконец, и напишу Наташе, почему, когда мы

ездили в прошлый раз автобусным туром, так мало огоньков светилось по обочинам автобанов, - заявила я Сергею. – Неужели и впрямь люди здесь ложатся спать с курами, и встают с петухами?

СУМБУР ВМЕСТО ПИСЬМА

Первое письмо, которое мы отправили домой из ближайшего интернет-кафе, было невысказанно длинным. И таким же невысказанно сумбурным.

«Вот мы и «дома», – писала я. – У нас почти все в порядке, если не считать бурной акклиматизации. Пару дней отдохнем, попитаемся таблетками, и все пройдет.

Поскольку это неинтересно, перехожу к тому, что более приятно – первым впечатлениям.

Дорогие сочинцы! Ежели вы думаете, что живете в зеленом городе – забудьте об этом! Зеленого города мы с вами, как оказалось, раньше не видели. Но это не «приседание» перед Западом – кое-что уже не нравится. Например, наваленный в некоторых местах мусор вокруг контейнера и исписанные всякими «непризнанными гениями» фасады красивейших по архитектуре домов.

Живем мы хоть и в двух шагах от центра, однако в таком районе, где обитают люди не сильно высокого достатка. Тем не менее – нищих на улице просто нет.

Балконы – песнь особая. Не наблюдаем пока ни одного не только застекленного по личному вкусу владельца, но и покрашенного индивидуальной краской. Все рамы, двери – только как придумал архитектор! Ни одного – как я хочу. Наверное, хотя себе внутри, а снаружи вид города не портить.

Единственное, что ты можешь сделать на балконе по своей прихоти, – это поставить столик, пару кресел, горшки с цветами.

А землю для них, оказывается, нельзя попросту накопать в ближайшем парке (кстати – он от нас в 100 метрах, с очень старыми деревьями и хорошо ухоженный). Ее надо купить в магазине. Мы сначала даже присмотрели, под каким деревом без ущерба для их природы стянем ведро земли (горшков

пустых у нас дома – навалом), но вовремя разобрались, что делать это просто глупо. Чуть не на каждом углу продается земля в расфасовке от 2 до 20 литров. Два ведра отличного чернозема, в который уже добавлено все необходимое для растения, и стоит – всего-навсего как чашка кофе в кафе или кружка среднего пива – 2,5 евро.

Рядом с нами, кроме чудного парка, две очень и очень старые церкви. Век примерно 17-й.

Знаменитых сосисок, продающихся на каждом углу – как уверяют путешественники – пока не видели. Только в одном месте, но к тому моменту мы уже набрали домой и мяса, и картошки, и капусты, и в предвкушении домашнего борща не стали пробовать ничего больше.

Как уверяют те же путешественники, здесь есть знаменитый на весь мир рыбный рынок, но он работает один раз в неделю – в воскресенье. С 7 утра – зимой и с 5 – летом и часов до 10 – 11. Так что поход на «фишмаркт» – видимо, по ощущениям – та же самая рыбалка. Встать чуть свет, поехать на рынок, купить все, что пожелаешь, и приехать домой таким же усталым, как с настоящей рыбалки.

Теперь немного о самой квартире. В спальне пуховые одеяла. Что, кстати, пока не лишне. На улице – плюс 9-10. Это в середине-то мая!

Но, можно включить отопление. Оно автономное. Каждая батарея регулируется сама по себе.

В спальне две тумбочки у кровати с лампами для чтения, которые можно отрегулировать и на «громко» гореть, и на «тихо», два ведерных вазона на полу с зелеными «деревьями», и еще стол для всяческой косметики – с огромным зеркалом и кучей выдвижных ящичков.

Стулья – неподъемно-тяжелые, а вся остальная мебель – на колесиках, и ее очень легко двигать одной рукой, когда моешь пол. Мусор из пылесоса не вытряхивается. Внутри вставляется специальный мешок, который потом просто выбрасываешь. Правда, как я слышала, уже давно и для России то не диво, но у нас дома был еще допотопный, поэтому и это для меня – новинка.

Сразу – про мусор. Целое дело – его выбросить. У каждого свой ключ от баков. Причем, для разного вида хлама – отдельный контейнер. Бумагу – в один, пластик – в другой, стекло – не просто в третий, а в разные: для белого стекла, зеленого и коричневого. Главное – не попутать.

Кастрюли на кухне – какие-то странные. Блестящая нержавейка со стеклянными крышками, ручки – на вид золотые, хотя, наверняка, никаким золотом там и не пахнет. Берешь голыми руками хоть крышку, хоть кастрюльку, в ней все булькает, а ручки – чуть теплые!

Я еще к этому чуду не притерлась и все норовлю тряпочкой прихватить.

Кстати, единственное, чего не купила Мартина, а предусмотрела она

практически все, вплоть до шпажек для бутербродиков-канапе и зубочисток, – салфетки. Завтра в гости ожидаются хозяева, надо будет непременно найти, где они продаются. И иголку с ниткой прикупить не мешало бы. Блин! Целая проблема на ровном месте.

Посудомоечную машину включили уже вечером. Сразу стало понятно, что она имеет смысл только тогда, когда семья большая и у тебя каждый день гора посуды или гости.

Правда, моет фантастически чисто, даже кастрюли и сковородки, но достаточно долго и, как я подозреваю, неэкономно. Пока нагреет воду (как в стиралке), изотрет весь кусочек мыла, величиной с такой, как дают в гостиницах, пока не прополощет ее на 100 разов – «не успокоится». Однако – качество... Берешь посуду в руки, а она просто поёт. Особенно – фужеры.

Стоит, наверное, уже тут упомянуть о пресловутой немецкой экономии.

Из стипендии, которую мы получаем, мы должны оплачивать свет-газ-воду-телефон.

С телефоном пока обращаемся очень и очень осторожно и в Россию звонить ходим в разведанный неподалеку «звонильный» пункт. Там дешево, но дома народ норовит побыстрее трубу бросить, опасаясь разорить нас.

Газ – колонка на кухне, через которую подается горячая вода в ванную и, по всей видимости, в батареи отопления. Вода холодная – через счетчик, расположенный под раковиной на кухне.

Счетчики – вещь очень и очень дисциплинирующая, доложу я вам. И поскольку не знаем, во сколько, то есть, в какую сумму выльется (буквально) нам водичка, то в душе лишнего не стоим. Быстренько помылся и вылетай. А то – кто их, этих немцев, знает, почем у них водичка. Хорошо еще, не как в Англии, говорят – там чтоб умыться надо в раковину воды налить. Бр-р-р.

(Как оказалось, процесс оплаты того, что у нас называют коммунальными услугами выглядит так: платишь в течение года ежемесячно какую-то определенную сумму. Не запредельную, кстати. А если ты безработный и твой доход ниже низкого, то и квартиру твою оплачивает государство. А в конце года приходит специальная дядечка, или тетечка, снимает показания счетчиков и происходит перерасчет. И тогда либо доплачиваешь, либо получаешь назад переплаченное авансом).

Сварили утром кофе. Из кофеварки он не понравился. «Души в нём нет», – приговорили единогласно, вымыли аппарат и больше им не пользуемся. Будем искать обыкновенную турочку. Желательно – старую-престарую.

В целом, я тут хожу и стону, что уж очень они все удобно и разумно устраивают.

Если подошел на тихой улочке к пешеходному переходу, можешь просто стоять до скончания века – тебе будет гореть красный свет. Но немец не пойдет на красный, даже если машин нет. Он подойдет к столбу со светофором, нажмет кнопку и подождет, когда загорится зеленый.

Так что невесть откуда выскочившая машина не собьет, если будешь соблюдать правила. Зато запросто может сбить велосипедист. Их, правда, не как в Ханое – но много. И тротуар поделен на две части. Не зевай и не шляйся по отведенной велосипедистам. Они все сытые и откормленные. Да при этом несутся на приличной скорости. Ой, а сколько стариков и старушек на великах!

Но мы пока еще и зеваем, и шляемся. И часто спохватываемся, что залезли на чужую территорию. Однако никто еще нас ни разу не обругал. Молча вильнут в сторону, и все. А то и остановятся, если вильнуть некуда. Ты отпрыгиваешь, бормоча «эндшульдигун» (простите, моа), а он тебе улыбается, как лучшего друга чуть не задавил, и норовит сам тебе «эндшульдигун» вернуть. Хотя дорожка-то – его!

В магазинах ни единого слова не понимают по-нашему, (как в том анекдоте: подумать только, мы уже два месяца тут, на Брайтоне, а они – ни в зуб ногой по-русски!).

По радио родная речь не слышна.

Телевизионных каналов – около сорока, но, как и на радио – ни единого на понятном нам языке. Новостей из России даже на больших каналах просто нет. Как бы и нет страны такой – Россия. Никакой Чечни, ни крови, ни убийств на экране.

Один раз видели, как что-то рассказывали про Арафата и прочие палестинские вещи. Мало что поняли, но послышался легкий налет симпатии к арабам.

К изучению языка пока не приступили. Это письмо попробуем отправить из ближайшего интернет-кафе, которое развели неподалеку.

В кабинете кроме стола, компьютера и кресла, висит гамак! До нас там жил какой-то, если не ошибаюсь и правильно поняла, колумбийский художник и журналист. Или наоборот, журналист и художник.

Я смеюсь: ты, Сережа, будешь работать, а я – лежать в гамаке с книжечкой, да еще и покрикивать: шнель, шнель... Арбайтен, арбайтен...

Сопротивляется!

Забудь мечтать! За то время, пока мы здесь, надо успеть все посмотреть, в тысяче мест побывать, да еще и языком всерьез заняться. Думаешь, судьба еще хотя бы раз подкинет такую возможность: посмотреть чужую страну не из окна автобуса, а чуть не руками ее потрогать?

Нет, – отвечаю. – Не с нашим счастьем...

То-то. Даже и не косись в сторону гамака...

Как-то не верится, что мы здесь на целых полгода.

Сразу по приезду, наскоро перекусив и тщательно убрав за собой посуду, распахив кое-как сумки по шкафам, выходим из дому.

Сам дом – послевоенной постройки. Как уже потом, из документальных фильмов о войне, выяснили – Гамбург был разрушен английской авиацией процентов на 90.

В нашем доме три этажа. На каждом по две квартиры. Номера квартир нигде не указаны, зато у входной двери – кнопки с фамилиями. Почтовые ящики в подъезде и как в него попадает почтальон – пока загадка. Но как-то же попадает! Жильцам проще. У каждого есть ключ. К тому же изнутри выходят без него.

Здесь по достаточно узким и неосвещенным улочкам окраин можно ходить абсолютно спокойно. Тебя как бы «передают из рук в руки» автоматические выключатели уличных фонарей. Свет загорается при твоём приближении и перестает гореть, как только ты удаляешься.

Наш дом стоит чуть в глубине двора метрах в десяти от дороги. Абсолютная тишь. Птицы – фантастика! – чирикают в городе, как в лесу. Их просто немыслимое количество. Крутом куча кормушек и скворечников. Прямо напротив нашего балкона на дереве висит керамический, похожий на человеческий «домик в деревне». И синички там по утрам тенькают и с червяками суетятся.

Под окном – малюсенькая детская площадка с пластмассовым красным домиком, песочницей, какими-то игрушками в ней. По периметру цветут тюльпаны.

Кстати, обратила внимание: нигде не вижу детей с автоматами-пистолетами, пушками и саблями. Ни на улицах, ни в игрушечных магазинах. Все только экскаваторы, подъемники, машины всех цветов и размеров, огромное количество невиданных (мною, по крайней мере), кукольных комнат с крошечной посудой, кукольных «магазинов» и прочих созидательных забав.

Во всем городе немыслимый аромат распускающихся почек, сирени, лип. Никаких выхлопных газов, пашлычного дыма и прочих радостей. Хотя вкусностей на рынке много».

Вот такое предлинное и очень сумбурное получилось первое письмо домой... Мы торопились объять необъятное и запечатлеть все сразу и во всем сразу разобраться.

«ЕСЛИ НЕ РАБОТАЕТ – ПРОЧТИТЕ ИНСТРУКЦИЮ»

На третий, не то четвертый день решила сэкономить «казенные» таблетки и помыть посуду в машине самостоятельно купленным моющим средством. Плеснула, понятно, как дома. Кто там смотрит на правила, а главное – на нормы применения? Чем больше, тем лучше... К тому же, помню небрежный жест Мартины, которая, показывая таблетку для мытья посуды, в качестве альтернативы разрешила использовать жидкое мыло.

– Вот, так, вот, так, – помахала она закрытым пузырьком, поливая воображаемые тарелки-кастрюльки воображаемой цветной жидкостью.

Ну, я, «вот так» и сделала.

Через пять минут захожу на кухню.

Мама моя родная! Пена из всех щелей машины так и прет! И звук из нее идет какой-то глухо-зловещий, и как выключить – не знаю!

– Сере-о-ож!

Видимо, так я это протянула, что муж пулей влетел за мной, но помочь ничем не мог. Только руками развел.

Пока она всю эту пену «прожевала», я думала, совсем поседею. А вдруг спалю чужую машину? Так и стояла возле с тряпкой и с остатками волосянок дыбом, пену подтирала, пока процесс не закончился. Больше таких экспериментов не делала. Положена специальная таблетка – пусть будет таблетка.

А инструкция? Помещалась она, как и положено в добропорядочном немецком доме, под рукой. Шкафчик открываешь: слева, аккуратной стопочкой они все и лежат. И от тостера, и от кофеварки, и от кофемолки. На немецком языке, а на каком же еще?

ОДИН-ОДИН!

С утра теперь уже Сережа сделал открытие в ванной комнате. Ему всегда надо что-нибудь невиданное потрогать, подергать, пощупать, понажимать кнопочки... Вот он и пощупал. Точнее – дернул за шнурочек, свисающий из какого-то приспособления под самым потолком, похожего на люминесцентную лампу.

Сбоку в окошечке появилась цифра один на красном фоне. Он второй раз дернул. Аппарат снова щелкнул и появилась двойка. Сережа занервничал и начал дергать дальше. Он уже понял, что заработал очень сильный обогреватель. «Лампа», вместо того чтобы засветиться, накалилась докрасна, и теперь от нее шел мощный ровный поток тепла, и чем дольше он будет дергать за веревочку, тем сильнее будет работать обогреватель. А как его выключить?

На его растерянное: «Ма-а-а-а...», – я примчалась мигом. «Бесстрашно» дернула за тот же шнурочек еще раз, и с цифры 5 аппарат переключился на пустой белый квадратик. Обогреватель выключился, а я напустилась на Сергея: «Ну что ты трогаешь то, чему и названия не знаешь? Спалишь чужую хату, что тогда будем делать?»

– Я же думал, что это всего-навсего еще одна лампа...

– Думал! – бушевала я. – Никогда!..

– Никогда, – подхватил привычное окончание этой фразы Сергей, – ты не будешь водить машину...

И добавил, хитренько на меня покосившись: «Посудомоечную...»

– Один-один! – засмеялась я.

ИНФОРМАЦИЯ СТОИТ ДЕНЕГ...

– Хоть бы скорее поставили телефон, – тоскуем мы. – А то, чисто - на необитаемом острове.

По телеку – одни картинки рассматриваем. Видимо, я потому необъятные письма строчу. Из Российских новостей тут показывали только взрыв в Каспийске. Остальные наши новости Европу совершенно не интересуют.

Хотя, как страшат русскоязычные соседи, с телефоном надо будет обращаться очень и очень осторожно, потому что все, даже внутренние звонки – платные. Они этого не знали, и им приходили поначалу совершенно безумные счета – от 700 до полутора тысяч евро. Поёживает, честно говоря.

И вот, этот день настал! Нам поставили телефон! Вся процедура регистрации заняла 7 минут. Ровно столько, сколько потребовалось для заполнения необходимых бумаг и только.

Мы получили целых три номера.

– Ну, как это – зачем столько? Удобно же. Можно говорить, работать в интернете и получать сообщения по факсу. Одновременно.

При ближайшем рассмотрении все оказалось не так уж страшно. Счета приходят в пределах 140-160 ойро в месяц. Это при том, что в разговорах мы себя не сильно ограничиваем, да и из интернета часа по 3-4 в день не вылезаем стабильно.

Кстати, более поздний казус (из серии: информация стоит денег!) Когда мы переехали в Любек, телефон должны были подключить в какой-то определенный день в определенное время. Нас об этом предупредили и даже сообщили номера – снова три – которыми мы в дальнейшем будем пользоваться.

Но, поскольку в Гамбурге в условленный час трубка просто «ожила» без прихода мастера, мы подумали, что здесь будет так же и спокойно отправились гулять.

На второй день трубка продолжала оставаться мертвой. Выждав немного, Сережа начал самостоятельно тыкать пальцами в разные кнопки и... нащел!

Нащел цифру, через которую мы звонить могли, но к нам ответные звонки почему-то не пробивались.

В недоразумениях и разборках прошло еще два дня. Два пришедших мастера часа полтора разбирались в проводах и, наконец, разобрались. От предложенной чашки кофе или чаю, тем более, пива, отказались наотрез, причем очень удивленно посмотрели на Сергея.

Потом предъявили счет.

В нем была всего одна позиция:

1. Работы по вторичному подключению, произведенные с... и до...!

Когда мы попробовали запротестовать, нам очень вежливо и спокойно объяснили:

Вас не было дома, когда намечалось подключение. И ключ вы никому не оставили... Мастер был. За его напрасный визит вы должны заплатить 50 ойро!

Мы, конечно, присели, но деваться некуда.

– Наверное, они и кофе пить отказались поэтому же. Смотри, тут в счете время до минут записано, – рассуждали мы, изучая казенную бумагу.

Второй раз по поводу телефонного счета нам пришлось напрячься уже в конце того же месяца, когда пришел счет за разговоры. Их прислали почему-то два! Один – все правильно, с нашим номером. Второй – совершенно нам неизвестный!

И снова мы попытались протестовать.

И снова нам очень вежливо и спокойно разъяснили:

– Вы пытались наладить связь самостоятельно? Наш компьютер говорит, что именно так и было...

Я торжествующе взглянула на виноватого Сергея:

– Ну! Не я ли тебе говорила: не суй свои шаловливые пальчики туда, куда не зовут! А ты мне что? «Отстань! Без тебя знаю?..» Хорошо еще, только на 60 евро за два дня наговорил!

– Зато опыт есть, – невозмутимо парировал муж.

Полученный опыт, как оказалось, помог не очень. Можно сказать, с точностью до наоборот.

Когда нам в очередном городе снова подключали телефон, Сережа уже никуда самостоятельно не тыкал пальцем. Даже когда нам дали какую-то карточку, на которой был нанесен личный и не подлежащий разглашению код, памятуя прошлый опыт и все еще не сильно разбираясь в хитросплетениях контракта, написанного на немецком языке, он счел за благо вызвать мастера.

Шустрая девчушка лет 25 справилась за 4 минуты. Потом выписала счет. 60 евро...

ФЛОМАРКТ. РАЗВЛЕКУХА НА ЛЮБОЙ ВКУС

Вышли на улицу и ничего не поняли. Улицы – как вымерли. Закрыто все! Сначала подумали: 9 мая празднуют... Потом поглядели друг на друга и скептически хмыкнули.

Может, облюбованный переговорный пункт все-таки открыт? Да и хлеб, купленный еще Мартиной, кончился, и именно сегодня мы намечали прикупить продуктов.

Оказалось – фигу! Кто не успел, тот опоздал. Причем опоздал крупно – на три дня. Именно столько будет праздноваться какая-то – не круглая, хотя и солидная (800 с чем-то лет) – дата со дня основания одного из самых крупных портов в Европе.

Мы брели без всякого плана. Но каким-то чудом выбрали именно туда, куда и надо было в этот день топтать – в порт.

Порт для Гамбурга – и поилец, и кормилец, и все прочее. И мы в этом убедились. Двигаясь вдоль портовых сооружений часа три, прошли только малую часть.

На том месте, где путеводитель обещал знаменитый рыбный рынок, фишмаркт, в тот день развернулся здоровенный фломаркт. Красивое слово, да? В переводе – блошинный рынок. Или барахолка. Не потому «блошинный», что «там эта... воши...», - поделился опасением один знакомец, а потому что часто не имеет такой рынок места постоянной дислокации и скачет по городу, как блоха. На этот, праздничный, мы набрели нечаянно, но очень к месту. Жару «включили» резко, а летнюю обувь мы с собой не брали, надеясь, что купим чего-нибудь на месте. Да и иглока, нитки, салфетки. Позже прибавились к списку клей-момент, батарейки к пультам.

Где все это найти мы еще не нащупали и были очень рады открывшейся удаче.

Ну, доложу я вам, и рынок! По ширине – со стадион. Даже если вы имее-те категорический принцип – не покупать подержанные вещи, сходить, бу-дучи в Германии, хотя бы один раз на фломаркт просто необходимо. Своим принципам вы там измените!

Теперь я изменяю часто. Наверное, в прежней жизни была сорокой. «За-пала» на медную посуду. Да и как не запасть, блестит же ж, как золотая!

Такой «золотой» ковшничек емкостью со стакан, вместе с подставкой, куда вставляется свечка, позволяющая держать содержимое горячим, на-столько мне приглянулся, что я не пожалела десятки. Впридачу к вещичке, тетечка дала нам синенькую бумажку, на которой от руки было написано только имя... Анне Франк! Помните, бедную еврейскую девочку, прятавшу-юся почти всю войну в чужом доме и записывающую все, что происходило вокруг, в свой дневник? Ни на миг, конечно, не поверила.

А еще нашли мы там куклу! Старую пластмассовую куклу-негритосика с ножками-калачиком и в простеньком оранжевом платьице. Точно такую я когда-то подарила младшей сестренке в день рождения. Часто ее Лена вспо-минала с грустью: потерялась, мол...

Понятно, что мы бы ее все равно купили, сколько бы ни «заломил» про-давец, но и тут надо отметить, что продавцы – психологи отменные!

Учила меня потом вполголоса любекская подруга правильно вести себя на фломаркте:

– Ну-ка! Сделай плохое личико...

А меня от такого приказа всегда смех разбирал:

– Да куда хуже-то! Хуже я не умею. Да и народ пугать...

Бестолочь, – бесстрастно констатировала Ленка, поворачиваясь к про-давцу и называя с ходу свою цену с вопросительной интонацией. Что инте-ресно – часто продавец соглашался отдать товар за предлагаемые копейки.

Никогда не возвращайся, – учили меня подружки. – Либо торгуйся сразу, либо уходи. Продавец тебя запомнит, и если ты вернулась за приглянувшей-ся вещичкой, вдвое взвинтит цену.

Ну а за куклой мы тогда вернулись. И за пятидесятицентового пупса (больше, я теперь знаю, он не стоил) отдали в десять раз дороже.

Не жалею. Сестренке, которой мы послали посылку с «сюрпризом», сюрприз понравился так, что она, давным-давно взрослая тетечка, сразу принялась шить на него новое платье.

Хороший, большой фломаркт – это не только барахло на любой вкус и кошелек. Это и развлечение. Здесь можно покататься на карусели. Можно съесть мороженое или сосиску. Выпить пиво (без него – куда ж?). Послу-шать импровизированный концерт уличных музыкантов и купить у них же записанные на диск их собственные произведения. Можно задержаться у

пестрой ширмы на коротенькое представление кукольного театра. Здесь мы впервые увидели толерантность во всей своей красе. Никто, кроме нас, не оглянулся на высокого стройного мужичка в мини-юбке, сапогах-ботфортах, с серьгами по плечи и с накрашенными глазами...

В ПАРИЖ, В ПАРИЖ! И – ГУЛЯТЬ, ГУЛЯТЬ, ГУЛЯТЬ!

В столице, которую «увидеть и умереть», мы раньше уже были. Рождество 2000 года, Милленнум, автобусный тур «галопом по Европам...». Рождественские базары, негромкая музыка, ароматы горячего глинтвейна и жареных каштанов...

И вот теперь мы снова в Европе. Можем поехать – куда хотим. И уже дней через 20 после приезда в Гамбург Сережа заезгозил:

– В Париж, в Париж.

– Да не хочу я ни в какой Париж, – заупрямилась я. (Это можно было понять: через шесть месяцев после краха всей жизни, после Алеши, я и жить-то не хотела, не то чтобы развлекаться. Пусть даже и в Париже).

Но Сергей был непреклонен. Он интуитивно чувствовал: мне надо по максимуму забивать чем-то голову, иначе сойду с ума.

– Ты думаешь – я хочу? – настанвал он. – Но вот приедешь ты домой. И что будешь рассказывать? Нигде, мол, не были, ничего не видели... Короче! Я тут разведал. И уже билеты взял. На следующей неделе – Париж! Очень удобно. Автобус с лежачими местами...

– С чем-чем?

– С лежачими местами...

– Как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Я уже все видел. Пока не стемнеет – сидишь, любуешься пейзажами. Потом раскидываешь кресло и ложишься.

Утром – в Париже. Денек погуляем. К вечеру найдем недорогую гостиничку на недельку.

Надо знать моего мужа. Если он чего решил, спорить бесполезно. Ну, значит – Париж. Одевайтесь, барышня и на выход.

МАДАМ... ПАРИЖ?

На гамбургский автовокзал мы отправились крепко загодя. И правильно сделали. Час кружили вокруг вокзала железнодорожного в поисках нужного места. Нашли. Невзрачный терминал, возле него обычная автобусная остановка.

Народ прибывал. Все с чемоданами, сумками, внушительными баулами.

Мы же, как туристы бывалые, запаслись только рюкзачком с бутербродами да запасными пленками для фотоаппарата и видеокамеры. Все остальное надели на себя.

Автобус подошел. Пользуясь тем, что багажом не обременены, пропихнулись первыми. Заняли лучшие места неподалеку от водителя.

Салон выглядел интересно. Вся правая сторона – обычная. Сиденья почти как в самолете. Мягкие, откидывающиеся. С подголовниками, покрытыми белыми салфетками на липучках.

Слева находились те самые лежачие места, на которых предстояло провести ночь. Выглядело это так. Два «этажа». Нижний – кожаная раскладушка, раскинутая сантиметров на двадцать выше пола. Верхний же ряд... Он был загадкой.

Представьте себе обыкновенный рейсовый автобус. Спинки сидений нормальной автобусной высоты. И вот на этих спинках крепится кровать верхнего яруса. Она не опирается вторым своим краем на другую спинку. Она просто висит в воздухе.

– Солнце, мне кажется, мы валяем дурака, не занимая верхние места, пока они есть.

– Не паникуй! Пока светит солнце, мы будем ехать сидя. Потом поужинаем, ляжем и – до Парижа. У нас билеты! – уверенно соврал Сергей.

Паниковать начал стюард. Он бегал по салону, что-то спрашивал на

трех языках, немецком, французском и английском. А нам ведь по барабану, правда? Мы в Париж едем. И языков ваших не знаем. Но у нас есть билеты! А они – до Парижа. И у стюарда при входе мы осведомились: в Париж, мол? Он что-то лопотал непонятно, тыча пальцем в наши билеты, но потом все-таки кивнул – проходите.

В общем – мы сидим спокойно и наблюдаем, как через мешки и баулы пробирается стюард, чего-то явно не находя. Наконец, нашел! Нас... И начал усиленно тыкать пальцем в оставшиеся два лежачих места.

На возражения Сергея, что еще не ночь, он разразился тирадой на каком-то языке и снова потыкал пальцем в раскинутые сиденья. Ничего не оставалось, как занять горизонтальное положение.

Посмеялись. Поехали. В Париж.

За окном стемнело. Мы лежа стрызли по бутерброду, запили чайком из термоса, который я больше не запикивала в рюкзак, а удобно устроила в изголовье. Развешали по крючкам и крючочкам видеокамеру, фотоаппарат, стянутые под пледами джинсы. Удобная вещь, «треники». В общем, устроились как-то в предвкушении дальнего пути.

Часа через два Сергей решил навестить туалет. Сполз с лежанки и отправился по автобусу на поиски. Нашел. Спустился по лесенке и при свете дежурного ночника открыл дверь. Дальше дело не пошло. В крошечной тьме нащупать выключатель ему не удалось. Так и не справившись с этой задачей, он пришел назад куда более нервный, чем уходил.

Где-то к полуночи прибыли в Ганновер.

– Ты полежи – я щас, – пообещал Сергей и пропал в темноте.

В отличие от гамбургского, автовокзал в Ганновере показался громадным. Он светился всеми своими стеклянными боками. Но стоянки перед ним были по преимуществу пустыми.

Все, кто хотел выйти, вышел. Кто хотел войти – заполнял потихоньку освободившиеся места. И вдруг снова повторилась гамбургская история, только, видно, стюард нам попался смысленый. Он недолго раздумывал, что опять за чехарда у него получается с билетами, а напрямик направился ко мне.

– Мадам? Париж? – только и спросил он, видимо, уже сообразив, что эти два чудика ни бум-бум ни на каком языке.

– Уи, – ответила я почему-то по-французски.

– Ваш автобус – вон тот.

Сложно было не понять, когда тебе просто тычут пальцем за окошко, а за спиной стюарда стоит тетечка, явно недовольная тем, что она уже здесь, а ее место все еще занято.

И мне стало жарко. Мне стало так жарко, как никогда не бывало на пляже в Сочи в сорокоградусную жару. Я увидела, что автобус, в который мне тычут пальцем, уже горит всеми своими огнями и фырчит мотором. А я тут

лежу, и по всем крючкам и крючочкам развешаны наша фото и видеоаппаратура, растыканы по углам туфли и тапочки с термосами...

К тому же – где Сергей?!

Я судорожно собираю шмотье, не попадая им в горло рюкзака. Вешаю на себя сумку с документами, аппаратуру, хватаю в охапку туфли, пытаюсь тем же временем попасть ногами в тапочки. Автобус уже не просто фырчит – он мигает огнями, готовый трогаться.

С ужасом понимаю, что не смогу объяснить, что надо еще подождать моего мужа, неизвестно куда запропавшего.

Кроме того, я не вижу двери в нашем новом серебряном болиде. Он такой гладкий, и входа нигде нету. Может – на другой стороне? Туло бегу туда, хотя и прекрасно понимаю: по всем законам автомобилестроения на левой стороне пассажирской двери быть не может.

Из темноты, облегченно посвистывая, выплывает довольный Сергей. И столбенет. Автобус удаляется без него!

– Господи! Где ты ходишь? – только и успеваю выдохнуть. – Наш автобус – вот. Здесь у нас пересадка!

– Ну, так какого черта стоишь? – отчего-то вдруг злится муж. – Давай быстрее!

В боку серебряного болида бесшумно возникло пространство. Оказывается, нас ждали. Как только Сергей, пропустивший меня вперед, вскочил на нижнюю ступеньку, дверь за его спиной задвинулась, и мы тотчас поехали.

Новый стюард, молоденький темнокожий парнишка, попробовал с нами переговорить на одном из трех известных ему языков. Поскольку ничего у него из этой затеи не вышло, понял, как и предыдущий: с такими главное безмолвно тыкать в нужное место пальцем.

Но все парные лежачие места оказались уже занятыми. Углубившись в теплое и темное нутро набравшего скорость болида, парнишка переговорил с кем-то то там, то здесь...

После перемещений некоторых пассажиров освободились для нас два места. Только нижних! Мне стало плохо. С моей клаустрофобией углубляться в темную, узкую расщелину?!

А ведь придется. Потому что с краю будет лежать Сергей. Он и в обычной спальне не может заснуть, если не распахнуто окно. Муж реально и конкретно задохнется там, в глубине, у стенки автобуса. Значит туда надо лезть мне.

До Парижа я отсчитывала каждую минутку. Ох, и много же их набралось!

Париж встретил ясным рассветом. Но не радовало восходящее солнце парочку непарижан. Выбравшись, наконец, из душной, жуткой «норы» я разминала ноги, все еще не веря, что попытка закончилась.

Сергей пытался развеселить шуточками, но я ничего не могла с собой

поделать. Смотрела на него просто зверем. Ни о какой прогулке по городу, а уж потом – поиске недорогого ночлега, не могло быть и речи. Гостиницу! Здесь и теперь! Душ! И хотя бы на пару часов упасть в нормальную постель.

Муж мой, как всегда в экстремальных ситуациях действовал решительно. Схватил за руку и куда-то потащил. Шли недолго. Буквально в ста метрах от места, где остановился наш автобус, улицу пересекала еще одна, менее широкая. Мы перешли ее и открыли малоприметную дверь. Над которой даже не было вывески, что это отель.

ОТЕЛЬ НА ЧАС

До сих пор поражаюсь: какая сила свыше привела нас именно туда, в пристанище для неприкаянных и небогатых?!

Узкая винтовая лестница на второй этаж. Только там обнаружился восточного вида молодой человек у микроскопической стойки. За его спиной висела коробочка с ключами.

Сумму он написал на бумажке. Дай Бог здоровья арабам, придумавшим цифры, понятные в любом конце цивилизованной географии. 32 евро в сутки на двоих за комнатку с душем мы посчитали ценой более чем приемлемой. И уже не выслушивали извинения портье «Ноу тиви, ноу телефон...».

Ну да, конечно. Мы ж приехали фиг знает откуда, чтобы звонить по телефону и смотреть телевизор.

Комната оказалась на удивление чистенькой. Хрустящее накрахмаленное и отутюженное белье и пушистые одеяла. Душ в углу за занавеской. Крохотная раковина в две ладошки. Стол величиной в два носовых платка и один стул. На стене и двери – пара крючков для одежды. Французский балкон.

Гораздо позже мы узнали: та гостиница на улице Гайте, как и великое множество других соседних отельчиков в этом районе, приспособлены для «свиданий на час».

Освежившись под душем, переодевшись, наконец, соответственно погоде, бросив в номере рюкзак и термос с тапочками и оттаяв душой, мы отправились в город. И это была одна из самых чудесных наших поездок.

ПАРИЖ

Сейчас, по прошествии нескольких лет с того памятного путешествия «со всеми удобствами», в памяти осталось только хорошее. Неважно – с какими приключениями добрались. Важно – этот город таки «стоит мессы».

В первый свой приезд, когда мы гуляли по Люксембургскому саду, я сказала: когда-нибудь пройдусь по этим дорожкам, подметая их длинным подолом роскошного платья.

Теперь же начиналась вторая встреча с городом мечты. И снова не в длинном платье. В китайских джинсах, немецких кроссовках да с густым мраком на душе.

Только Париж забирает тебя в плен всего. Заполняет доверху, вытесняя хотя бы на то время, пока ты в этом городе – все остальное.

И даже шагая по хрустящим дорожкам Люксембургского сада в одежде 21 века, все-таки ощущаешь себя этакой Анжеликой. И спинка выпрямляется, и кружевные кринолины хочется подхватить...

Удивительным образом подстрижены деревья. Как будто густая зеленая живая крыша на тоненьких ножках-стволах. Мощные кроны не пропускают солнце, и в аллеях парка вечная прохлада.

Назвать парижанок красивыми – наверное, будет неверно. Они не красивы классической красотой. Зато о непередаваемом их шарме написано уже так много, что мое описание вряд ли добавит крупницу нового.

Отмечу только отзывчивость парижанина на шутку и постоянную, повсеместную готовность рассмеяться.

Вот мы идем по улице рано-рано утром. Мусорщики в ярко-зеленых комбинезонах со светотражающими полосками на груди и руках, с такими же ярко-зелеными метлами в руках, сметают к обочине мелкий хлам. Потом

где-то наверху открывают воду, и вот уже весь этот мусор исчез в канализационном люке.

Открывается крохотная булочная. Внутри полненькая хозяйка с ямочками у локтей. С улыбкой кладет свежеспеченный багет в длиннющий пакет, что-то говорит посетителю. Снаружи парнишка, скорее всего – сын хозяйки, поднялся по лестнице-раскладушке, насвистывает что-то озорное, натирает и без того безупречно чистое окно.

Увидел краем глаза, что я вскинула фотоаппарат, с удовольствием попозировал, улыбнулся, сказал что-то приветливое.

Вот, в другом магазине, нас обслуживает пожилой продавец, чем-то похожий на нашего киношного «Д'Артаньяна». Только без шляпы. Мы заказываем по 100 граммов того, сего и этого. А он, каждый раз отрезав ровно сто и ни граммом больше, победно поднимает руки, восклицая: «Вуаля!»

Потом, поняв, что мы иностранцы и совершенно не разбираемся в разложенном на витрине, с заговорщическим видом тычет пальцем в сторону объемистой посуды. В ней с горочкой навалены... банальные куриные крылышки, как нам показалось.

Но продавец настаивает: «Возьмите, непременно возьмите попробовать!»

Берем и это. Лишь в номере, словав почти все, соображаем: это ж и есть те самые знаменитые лягушечьи лапки!

ЖИВ КАЗАНОВА!

Листаю альбом с Парижскими снимками.

Интерьер заведения – удивительная смесь старины и дня сегодняшнего.

Молодой человек обслужил нас мгновенно и очень артистично. Вернулся за стойку и принялся ловко варить в песке восточный кофе. Стремительно доставил заказ к дальнему столику и снова на своем месте. Пополнил бокал пристроившейся поодаль даме сердца...

Мадмуазель и в голову не приходит, бармену помогать. Сидит, закинув ногу на ногу, попивает рубиновую жидкость, курит...

– Сними меня, – вдруг попросил Сережа. – Тут так уютно...

Вытащила фотоаппарат и только потом увидела: в кадр попадает и юный бармен со сверстницей. Они в этот момент нежно целуются.

На вспышку паренек отреагировал миролюбиво. И немедленно затеял со мной невинную игру: «Успеешь-не-успеешь». Хитренько посматривая через голову девушки, продолжает целоваться, но в момент, когда должна заработать камера, очень мило от подружки отстраняется, пряча за ней свое лицо.

Потом снова поцелуй, снова озорной взгляд: «Ну что, успела?... Фигушки... Не успеешь... Плохонький из тебя папараци...»

Я истратила на шутника полпленки, однако так и не смогла выловить удачный кадр. Тут в кафе впорхнули еще две девушки. Бармен, так же мило прижимая их к себе, расцеловал в губки.

Осталось ощущение – все три этому парижскому «казанове» одинаково симпатичны.

Короче, более легких и приятных «посиделок» ни в каком другом кафе у нас не было. Ведь этот бармен, кроме всего прочего, успевал мгновенно расставить по своим местам и кофе в банках, и вымыть посуду, и разложить салфетки, и уделить внимание твоей нефранцузской тарабарщине.

ДЕФАНС, МОЖЕТ, МЕССЫ И НЕ СТОИТ, НО СОВСЕМ НЕПЛОХ.

За неделю мы так «наелись» впечатлениями, так устали, что уже ничего больше просто не хотелось. Казалось, мы увидели всё. Побывали даже в современном Дефансе, куда я категорически не хотела ни идти, ни ехать. Ну что может быть интересного в новостройке из стекла и бетона? Сто восемьдесят восьмая улица парижских строителей, двести девяносто девятый капиталистический тупик... И все это в стекле и бетоне.

Но Дефанс потряс. Мы попали на один из бесконечных праздников, которые там проводятся практически нон-стоп. В тот раз – фестиваль «Корея в Париже».

Пошлялись по громадной площади, удивились остроумному решению дорожного покрытия. Бетонные «лоскуты» метр на метр уложены на решетчатую основу. Зазоры в пару пальцев, куда стекает дождевая вода. Туда же утапливаются толстые кабели для музыкальной аппаратуры, чтобы о них никто не спотыкался.

Импровизированный театр. В нем позже развернулось красочное действо с музыкой и танцами.

Обедали за пределами острой корейской лапшой.

Рядом со столиком журчал ручеек и впадал в крохотный водоем с живыми рыбками. В прибрежных камышах пела какая-то птица, да так старательно, что мы, наконец, поняли – не настоящая. «Живет» в динамиках, укрытых зеленью вокруг «озера».

От идеалии, правда, был дочтаточно резкий переход: в одном из павильонов наблюдали драку двух парижанок!

Насколько мы поняли, одна (постарше) высказалась по адресу другой

(помоложе и потемнее кожей). Видимо, что-то типа: «понаехали тут, настоящему французу не пройти...»

Молодая не долго размышляла, что именно хотела сказать старшая, и попросту набросилась на нее.

Набежали секьюрити. Растащили «оппонентов-дискутантов». Вывели юную на улицу и стали очень терпеливо объяснять, что в любом случае ТАК вести себя не следует.

Девушка, тем не менее, рвалась в павильон для «продолжения банкета». Обидчица ее лишь изумленно хлопала глазами и что-то виновато лепетала окружающим.

«ДЫМ СИГАРЕТ С МЕНТОЛОМ...»

У меня кончились сигареты. Кручу головой во все стороны, но как-то все не попадают места, где можно пополнить запас. Наконец, вечером, когда мы возвращаемся домой, Сережа заходит в овощную лавку поблизости от гостиницы и спрашивает: где можно кушать? Продавец не говорит по-русски, но слово «сигареты» понятно без перевода. Он спокойно достает из-под прилавка «Мальборо». Ясно, как божий день, – контрабанда.

Назавтра меня осеняет: мы же в стране, где пачка «Голуаз» все равно что в СССР – пачка «Примь». А что такое «Голуаз» для бывшего советского книгодея?

«Голуаз», кальвадос, дайкири, усталость от жизни... «Голуаз» – это Хемингуэй и Камю. Это Эрэнбург и Ремарк. (Ремарк, кстати, сказал, что эти сигареты пахнут не уютотом и довольством, а только страхом).

Едва захотела «Голуаз», взгляд немедленно натывается на уличный автомат по продаже сигарет.

Опускаю в щель две монетки по два евро. Коварная механика выплюнула евро сдачи. Остальное нагло зажилила. Как и пачку «Голуаза».

Как я ни постукивала (достаточно нежно), по железным бокам: имей, мол, мусье, совесть! Толку – никакого.

Но неприятность тут же отошла на задний план. «Ротонда»! Красные маркизы и столики на улице! То самое знаменитое кафе «Ротонда», где бывал Маяковский, где пела свои незатейливые песенки Коко Шанель, куда заходили Пикассо и Модильяни, Сутин и Кандинский, где Эрэнбург сидел за чашкой кофе, выжидая, когда придет кто-нибудь, способный заплатить за начинающего писателя шесть су.

– Гулять так гулять! – решили мы, отважно заказав дайкири и... «Голуаз».

Официант лицом не дрогнул, но за сигаретами побежал в лавку напротив.

Какой же отравой оказался вожделенный «Голуаз»? В жизни такой гадости не пробовала! Горечь, как у полыни. Наша «Прима» – конфетка, по сравнению с этим...

Хорошо еще, сидели мы за столиком на улице. Представляю, что было бы, если бы мне вздумалось закурить эту махру в помещении. Наверное, Ремарк именно это имел в виду. Страх, которым пахнет «Голуаз» – это страх, как бы окружающих им не отравить ненароком.

Зато дайкири понравился. Здоровенный стакан, доверху наполненный мелкой ледяной крошкой, красивого клубнично-красного цвета. На поверхности плавал цветок настурции. Освежающая и немного обжигающая нёбо жидкость приятно разлилась теплом по всему телу.

СТО СЫРОВ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ МАМЫ

Еще в первый свой приезд в Париж, мы, как самый последний «колхоз «Красный лапоть», снимали на видео все, что попадалось. Моего отца к тому времени давно не было в живых, а Сережина мама, сельская учительница русского языка и литературы, как и мы, любила путешествия. Вот и снимали мы по максимуму, чтобы показать Надежде Геннадьевне хотя бы часть увиденного нами.

Однажды нам дали пару часов на какой-то громадный супермаркет. И мы набрали на длиннющую витрину. Под стеклом – сыры с большими дырками и вовсе без дырок. С плесенью и без нее. Мягкие и твердые. В оболочках всех цветов, размеров и форм.

Надо сказать, что сыр – любимейший деликатес моей теперь уже покойной, увы, свекрови. Потому мы особенно подробно сняли этот пункт нашего путешествия.

Дома продемонстрировали кино маме. Женщина трудной судьбы, в юности своей сосланный в ту же захолустную сельскую школу, где учительствовал после ГУЛАГа и Солженицын, просмотрела всю кассету не проронив ни слова.

На следующее утро после моего дежурного: «Доброе утро! Как спалось?» – наша деликатная мамочка, стремившаяся никогда никого ничем не огорчать, вдруг громко заявила:

– Плохо!!

– ??

– Всю ночь проворочалась, всё сыры те виделись. Всю свою жизнь вспомнила. И понять не могу. Почему, когда весь мир просто живет, просто растит детей, катает их на каруселях, печет хлеб и делает сыр, мы все год за годом «поднимаем Россию с колен», всё «боремся с врагами», то внутри себя,

то снаружи, всё время только выживаем, и выживаем, и выживаем в надежде на светлое будущее?

Мама, мама... Ее уже нет. Она не дожила до витрин со ста сортами доступных сыров в своем украинском городке Родинском. А постсоветское пространство продолжает «выживать» и «подниматься с колен».

ЯПОНИЯ В ПАРИЖЕ

Все, и хорошее, и плохое рано или поздно заканчивается. Пролетели и «парижские каникулы». Сегодня в ночь возвращаемся в Гамбург.

Честно говоря, устали от обилия туристской экзотики. Разве что японской кухни не попробовали. Поздно разглядели неподалеку от нашего отелячика рестораник «Токио». Там вместо меню предлагались целые альбомы: сфотографированные национальные блюда на любой вкус, аппетит и кошелек.

Разобравшись, что разрыв между вечерним открытием ресторана и отправлением автобуса часа три, рассудили, что этого вполне достаточно, чтобы поужинать. Погуляли на прощанье вокруг башни месье Эйфеля. Бросили по монетке в попадавшиеся на пути фонтаны и Сену. Доцелкали остатки фотопленки. И к половине шестого оказались на месте.

Похоже, что персонал этого заведения говорил только по-японски. Но нам все же удалось объясниться. Мол, заказываем вот то самое крутое меню под буквой «дабл-ю». Только у нас в запасе всего-навсего два часа на все про все.

На этом интересном месте маленькие, вежливые японцы пришли в совершеннейшее изумление. Как? Отвести их славному заведению всего-навсего два часа да еще требовать меню по полной программе?! Ведь у них еще даже «чифф»-повар не пришел! А когда придет, ему нужно будет кучу времени, чтобы всю эту красоту на тарелках навести.

И потом... Мы будем два часа стараться цветочки-василечки из рыбы и мяса создавать. А вы потом за пару минут покидаете произведения кулинарного искусства в «топку»? Не, мы понимаем, конечно, что вам, европейцам, по большому счету, класть с прибором на изысканность восточной кухни. Но не до такой же степени, да?

Короче, нам предложили либо поклевать чего-то, на скорую руку под-
мастерьями «чиффа» изготовленного. Либо не морочить честным азиатам
головы.

Пришлось так и сделать. Не морочить честным азиатам головы и поужи-
нать в Макдональдсе.

СПАСИБО, ПАРИЖ!

Запомнилось в Париже многое. Старинная тюрьма Консьержери. Камера, в которой под неусыпным надзором стражников провела свои последние дни королева Мария-Антуанетта.

Помнится зеленая вода ночной Сены, по которой мы катались на прогулочном катере. Цветочные магазины, где можно было фотографироваться на фоне совершенно невиданных нами растений. Уличные музыканты и артисты. Кафе напротив дома, где жили семейство Виардо и Иван Тургенев и где мы пережидали ливень, обрушившийся на платаны и крыши Парижа.

Мона Лиза в Лувре не изволила произвести на меня должного впечатления. Ну что ж. Имеет право выбирать. Меня не выбрала. Зато выбрала – Ника Самофракийская.

Мы набредали на фантастические фломаркты, где можно было купить все, начиная от детских игрушек 17 века до навороченной электроники 21-го. Я держала в руках белые кружевные перчатки, и в голову приходило: а не те ли это, что вязала когда-то жена писателя Генриха Бёлля, нобелевского лауреата, в пору, когда сразу после войны им не на что было жить?

Однажды мы просто заблудились. Однако несшийся по своим делам молодой парижанин, сообразив, что мы не говорим ни на одном из известных ему языков, бросил взгляд на часы, вздохнул, схватил нас за руки и понесся в сторону, противоположную той, в которую шел по своим делам. Через две улицы, сочтя, что уж здесь-то мы выберемся, указал: «Вам туда!» и побежал обратно. Если мне теперь кто-то скажет, что на Западе «человек человеку – воля» или «там все только за деньги» – я просто не поверю. Улыбайся «тому, кто сидит в пруду» и будет улыбаться тебе.

ДОМОЙ!

Народом мы оказались обучаемым. Загодя прибежав на остановку, одними из первых заскочили в автобус и заняли верхние места. Какое это блаженство – вытянуться во весь рост и до самого дома наблюдать проносящиеся мимо окна пейзажи!

На подступах к Гамбургу наступил рассветный час. От земли воспаряла пушистыми клочьями туман. Кое-где едва начавшие пробиваться солнечные лучи окрашивали его в розовое. В низинах он оставался синим. Сквозь разноцветное «молоко» едва виднелись кроны зацветающих деревьев. Но самое фантастическое началось с восходом солнца. Оно золотыми стрелами пробивало туманное одеяло, разрывая его на мягкие лоскуты и еще резче и графичнее обозначая отдельно стоящие стволы. Самое большое мое сожаление было в одном. У меня не осталось ни единого чистого кадра в фотоаппарате.

УЧИ МАТЧАСТЬ, УЧИ...

Только теперь понимаю, как применим ко мне анекдот о молодом летчике, попавшем в плен к врагам и под пытками не выдавшем военную тайну, как устроен наш новейший истребитель: «Учите матчасть, ребята, учите... Ох, и бьют за нее...»

За 10 лет школьного обучения мне пришлось сменить 12 школ.

Пятый класс пришлось на сочинскую школу номер 23. По тем временам – самую крутую в городе. Новую, светлую, с широкими коридорами и громадными окнами с белыми шелковыми портьерами. Начинаем изучать иностранный язык. Я выбрала английский, который только-только входил в моду.

Проблем с учебой у меня никогда не было, но и круглой отличницей я не была. Попробуйте быть, переезжая из города в город и каждый раз приехав к новым учителям, одноклассникам, школьным порядкам.

Шестой класс – крохотный поселок в лесу, станция Сузун под Новосибирском. Там английского не было. И когда соученики уже свободно читали трехстрочные тексточки на немецком, я еще только проходила а-бе-це, пытаюсь их догнать.

В каждой новой школе мама объясняла училкам ситуацию, они входили в «трудное положение девочки», и никто с меня особо никакого языка не спрашивал. Лопочешь «гутен таг»? Ну и довольно.

К десятому классу, правда, ситуация изменилась. Я снова жила в Сочи, перешла в 10-ю школу в середине учебного года. Потеряв целую четверть в очередях паспортного стола, все-таки прописку в курортном городе на время учебы получила и всерьез задумывалась – куда же пойду потом?

Желанных дорог было две. Литература или история. Но в квартире, где жила моя бабушка, к которой я приехала, обитала еще одна женщина – пе-

реводчица санатория им. Ленина Галина Вячеславовна. Когда она бывала дома – правда, случалось это нечасто – я должна была дышать в пол-легкого, бесшумно закрывать за собой любые двери и не звучать никак на общей кухне.

Это еще в те дни, когда у Галины Вячеславовны не болела голова. А когда болела – ховайтесь все, кто куда может! Стояло мне, как самой всегда казалось, абсолютно тихо появиться в коридоре, она мгновенно возникла на пороге своей комнаты с полотенцем поперек лба и шелестела едва слышно: «Эмма... Как так можно? Ну что же вы все делаете так громко? Ведь вы же девушка!»

С тех пор я так и живу, стараясь все делать бесшумно. В первую очередь – не бахать дверями и защелками, не греметь посудой и не орать, когда разговариваешь.

Но главное в Галине Вячеславовне – она была женщиной до мозга костей. Она чудесно одевалась. Глядя на нее я начала понимать, что туфли должны подходить к платью, а сумочка – к туфлям. Что простым шарфиком, повязанным на шею, можно преобразить весь свой облик. Что украшения и макияж не должны быть кричащими. Что то, в чем ты ушла утром на работу, совершенно не годится для того, чтобы вести своих туристов вечером в ресторан.

Меня восхищала ее целеустремленность. Она все время еще и училась. Свободно владея английским, параллельно учила немецкий, французский...

Как известно, в СССР не было не только секса, но и многих других вещей, например, туалетной бумаги. Возле унитаза у нас висела коробочка, в которую то мы с бабулей, то Галина Вячеславна аккуратно нарезали газетные квадратики. Однажды я вытащила из этой коробочки кусок методички, на котором был адрес курсов иностранного языка.

Сама не заметила, как замечтала стать переводчицей. И взялась за немецкий на таком серьезе, что, сдавая экзамен по языку, поразила свою бедную училку в самое сердце. Она вышла вслед за мной в коридор, когда я отбарабанила билет на пять, схватила меня за плечо и, крепко тряхнув, сказала: «Ну вот хоть бы раз ты мне так ответила на уроке – я бы с тебя с живой не слезла, ты у меня язык знала бы лучше всех!»

Снова взялась за язык я уже через семь лет после школы, закончив между делом техникум газовой и нефтяной промышленности в Волгограде, выскочив замуж на Урале, родив ребенка, приехав с ним в Адлер и устроившись на работу в автопредприятие инженером по технадзору за строительством.

Но мечта не отпускала. И чем труднее жилось, тем больше мечтала: вот выучу язык, пойду работать в Интурист! Буду – как Галина!

Во всех своих странствиях тот листочек с адресом курсов я не теряла. И однажды просто подумала: если ты сегодня туда не напишешь – не напишешь никогда. Четыре года – не срок.

И я поступила.

Первый год пролетел отлично. На второй начались сложности. Не с языком – методички присылали толковые. Проблемы накопились помимо учебы. Иметь ребенка, быть секретарем комсомольской организации, замом секретаря партийной, кем-то там в профсоюзном комитете, плюс – работа, которую с тебя никто не снимал – это, согласитесь, многовато.

Однажды я поняла, что весь этот воз уже не вытягиваю. От чего-то придется уходить. К тому же вечно не хватало денег. От алиментов я давно отказалась и взяла всю ответственность за ребенка на себя. Бесконечные поиски подработки привели в экскурсионное бюро. Это было единственное место, где не спрашивали справку-разрешение с основного места работы и не запрещали пахать сколько влезет. Но и там сначала необходимо было выучиться на курсах, сдать экзамен, защититься на маршруте, и только тогда можно будет работать.

И я выбрала. Ин-яз, конечно, хорошо. Но никакой гарантии, что ты через оставшиеся два с половиной года будешь иметь приличный уровень, позволяющий работать переводчиком в приличном месте. Никакой гарантии, что тебя вообще возьмут в Интурист, поговаривают – туда берут лишь с мохнатой лапой или через громадную взятку. А тут... синица в руках! Зимой учишься, с весны начинаешь работать!

И я снова выбрала. Закончила курсы, сдала все необходимые экзамены, написала свой текст маршрута и благополучно его защитила. И начала работать на двух работах.

Приползала домой в половине первого ночи с тем, чтобы к 8 утра, отправив сына в школу, при полном параде быть на первой работе. За полтора часа разрыва между первой и второй успевала накормить ребенка, переодеться и упорхнуть до половины первого ночи.

И так восемь лет. 3-4 месяца перерыва зимой, и снова – сезон, практически без выходных.

Так жили очень многие мои друзья, и мы не считали, что в этом есть что-то трагичное. И смеялись, и праздники праздновали, и выходные выкраивали, и ссорились, и мирились. И между делом я еще начала публиковаться в газете как внештатный корреспондент. Это была нормальная жизнь. Пока молод – она кажется нормальной.

Когда мы приехали уже в Германию, и пришлось всё вспоминать с нуля, Мартина устроила нас на языковые курсы. Они должны были длиться три месяца. Как бы предполагалось, что за три месяца погружения в язык, мы должны будем заговорить, как минимум. И мы пошли на эти курсы.

Группа была разнородна. Вьетнамка, японка (быстренько сообразившая, что глупо не использовать момент и не подучить бесплатно русский. Через пару месяцев она вполне сносно произносила пару фраз и прочитала заголовки в русскоязычной газете, которую мы как-то принесли с собой).

Испанка, португалка, девушка из Афганистана. (Поначалу пару из бывшего СССР она демонстративно игнорировала. Постепенно лед растаял, и она даже сказала, что была неправа, считая, что все русские – враги без рассуждений и рассмотрений). Украинец и болгарин. Чернокожий Пьер откуда-то из Центральной Африки. (В первый же день поведал, что чудесно знает русский! «Бабки гони!» – тут же заявил он, и мы рассмеялись и порадовались тому, что тот, кто его «научил русскому», не научил чему-нибудь более впечатляющему).

Турок в группе насчиталось человек пять. Один из них – юный Мустафа – с гордостью заявил, что девушки у него пока нет, пить напитки, содержащие алкоголь – то же самое, что пить мочу, а самых любимых занятий у него два. Первое – рисовать. Второе – молиться богу... Точнее – сначала молиться, а потом рисовать.

Мне было совершенно непонятно, как можно учить всю эту разноязычную толпу, владея лишь немецким? Оказалось – вполне можно. Наш учитель Детлеф (непривычное русскому уху имя я запомнила долго и едва запомнила) был воистину – человек-оркестр. Он так изображал то, что нам предстояло заучить, что не понять его было сложно.

Другой вопрос, что я училась тогда в пол-уха. В голове было только одно – почему я здесь? Где мой Алеша?

А когда под ногами снова и снова разверзалась бездна по имени «никогда», охватывала полная безнадега: зачем мне это все теперь надо? Вернемся мы уже через три месяца домой. И что? Что я буду делать там с языком? Кому он нужен? Кому вообще нужна теперь моя жизнь?

И только гораздо позже, когда в нашей жизни произошел совершенно невысказанный кульбит, в результате которого мы остались здесь надолго, я начала задумываться над всеми хитросплетениями своей биографии. И теперь уже, на старости лет, я учу. Учю немецкий, не задавая вопроса зачем и не сопротивляясь. Значит – надо. Значит – зачем-то надо. Что-то, наверное, я должна еще сделать, владея языком. Значит – «учи матчасть, Эмма, учи!» И я учу.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

На соседней с нами улице находим школу. Старинное здание из красного кирпича. В плаще, оплетающем постройку разглядели бронзовую табличку. Постройка сия была выполнена в одна тысяча шестьсот-каком-то году.

Во дворе громадная площадка под велосипеды. Судя по ее величине – и ученики, и наставники используют лишь этот вид транспорта.

Когда я училась в своем десятом, у нас был один единственный ученик на всю школу, который приезжал утром на папиной служебной «Волге». На него неодобрительно косились. Остальные либо ходили пешком, либо – автобус ЛАЗ, в котором зимой было чудесно ездить на заднем сиденье. Там было тепло от мотора.

Мучением всех 10 лет была форма на уроки физкультуры. Кеды? Страшный дефицит. Не достать. Я в своих, верой и правдой отслуживших мне до совершенной лысины протектора, решила участвовать в городских соревнованиях по бегу. В первый поворот еще как-то вписалась, а на втором так пошла юзом, что сошла с дистанции, ободрав и колени и локти. Ох, и чистили меня за это на комсомольском собрании за то, что «не проявила мужества и командной солидарности! Пешком, ползком, но до финиша должна была дойти!»

Но и кроме кед. В первом, допустим, классе, я страшно гордилась своими штapelными синими шароварами, сшитыми бабушкой. Две резиночки внизу, одна над другой, создавали кокетливый манжетик, красиво обхватывающий ногу. У моих соучеников были скучные сатиновые, купленные в сельмаге.

В каких-то других школах требовали черные трусики и такую же футболку. В продаже их никогда не было, и потому рецепт был один. Покупа-

ется краска. Берутся самые обыкновенные трикотажные рейтузы – без разницы, голубые или розовые, лишь бы с резинкой внизу, футболка. Всё это закидывается в большую кастрюлю и кипятится час, с добавлением в конце здоровенной пригоршни соли или полстакана уксуса. Прошло много лет – рецепт помню. Частенько приходилось им пользоваться и позже, когда в школу ходил мой сын, а в стране ничего особо не менялось. Физкультура в расписании есть, а форму для нее – доставай где хочешь.

Так подробно вспомнить об этом заставил вид первоклашек, samozабвенно гоняющих футбольный мяч по площадке немецкого школьного стадиона.

Зеленые маечки, черные тренировочные штаны. За версту видно – фирма, а не самопал, кто во что горазд.

Никаких школьных форм не наблюдаем. На уроки ходят одетые кто во что горазд. Часто вижу одну и ту же девушку, лет 15-16, со школьным рюкзаком, в драных чулках, надетых друг на друга, армейских шнурованных ботсах на толстенной рифленой подошве. Пирсинг – во всех мыслимых и немыслимых частях тела. Черным лаком выкрашенные ногти и черной помадой – губы. Довершает все это великолепие тщательно выбритая одна половина головы и аккуратно подстриженное, волосок к волоску, каре на другой. Волосы и кожу рядом она раскрашивала, судя по всему, по настроению. Иногда – в цвет красного дерева. Иногда – в синий с зеленым. Порой – зеленый с фиолетовыми перышками. (Чего не раскрасить, если в любой лавке море специальной пенки. Держится она – от мытья до мытья).

На остановке автобуса, где я ее встречала – она всегда была одна. Наверное, такой экстрим все-таки не способствует укреплению дружбы с соучениками. А я всегда смотрела на нее с жалостью. Бедный ребенок. Неужели с тобой так некому говорить, так наплевать на тебя твоим собственным родителям, учителям, в конце концов, что ты таким вот образом привлекаешь к себе внимание?

Грустно.

НЕТ, НЕ ВСЕ РАВНО!

«У нас сегодня неприятность, – сообщали мы в одном из писем домой. – Сломался кран в ванной комнате».

«Какие пустяки», – скажете вы. Да. Пустяки, когда ты у себя дома. Сергей устранил бы поломку на счет раз, имея необходимые инструменты и зная, где можно купить запчасть. Здесь же ничего этого не было.

Мартина не сильно огорчилась. Куда-то позвонила, написала нам на бумажке дату и время, когда придет сантехник, и мы тоже успокоились.

Мастер пришел минута в минуту. Это было первое удивление: надо же – какой точный.

Раскрутил-закрутил все необходимое и, что меня сразило наповал, аккуратно вытер за собой пол.

Теперь у нас над раковиной сияли один барашек новенький и один – прежний. Новенький, правда, не подходил по дизайну, но – чего уж там привередничать, да? Мы и не привередничали. Сказали спасибо, и мастер ушел.

А вот Мартина не на шутку рассердилась, увидев плоды его рук. «Шшай-се!» – проворчала шепотом и снова набрала какой-то номер. Разговаривала достаточно вежливо, но со стальными нотками в голосе. Назавтра мастер пришел снова. Снял оба барашка и поставил другие. Одинаковые. И снова аккуратно вытер за собой пол. Долго что-то говорил, на что Сережа отвечал: «Я! Я-а!», – вежливо улыбаясь, но, естественно, не поняв ни слова.

Мне показалось – умелец оправдывался и извинялся за вчерашнее.

КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО УТРАМ?

Вернувшись из Парижа, мы нашли в своем почтовом ящике открытку. Вооружившись словарем и тщательно переведа все слова по отдельности, мы «все поняли». Нас приглашают в гости! Соседи. Час от часу не легче! Как идти к незнакомым людям? Снова вежливо улыбаться, не понимая ни слова? Да и надо ли что-то брать с собой? И что можно брать с собой, идя к незнакомым людям? Ну ладно – цветы. Может – торт? Или конфеты?

– Знаешь, – со знающим видом начал просвещать меня Сергей, – это у них так принято. Когда поселяются в квартиру новенькие, в их честь собирают гостей.

– Ты думаешь? «Откуда дровишки»?

– Ну уж этого не знать... – фыркнул с видом знатока мой самый умный муж, давая понять, что если я темнота беспросветная, то о чем со мной разговаривать?

Решили так. Запасемся на всякий случай тортом, цветами, конфетами в красивой коробке. И еще – бутылкой вина. И подождем. Если это действительно и в нашу честь, и вообще – «все для вас!» – значит, за нами придут, поторапливая: «Скоро вы там?! Мы уж заждались!» Логично?

В назначенное утро мне было видно со своего второго этажа, что праздник состоится. Внизу натягивали два белых шатра. Под ними встал мангал. В тенечке под кустиком появилась пара ящиков пива. Молодая женщина, соседка и хозяйка квартиры, в чьем палисаднике разворачивалось действие, что-то расставляла в траве, а хозяин развешивал по деревьям электрогирлянды.

Мне было неловко оттого, что всё это делается без меня, и мы в хлопотах не принимаем участия, тогда как эти совершенно незнакомые нам люди суетятся и готовят что-то, прям, грандиозное.

Вот уже на деревьях кроме лампочек повисли шаррики. Вот уже к соседке пришли подружки. «Наверное, помогать строгать салатники и накрывать столы», – догадалась я.

Но дальше пошло не по предполагаемому мной сценарию. Девушки вытащили из ящика по бутылочке пива и устроились в шезлонгах на солнышке, чему-то смеясь и отхлебывая по глоточку. Никто не сутился над тазиками с овощами, никто не бегал от столов в комнату и обратно. Полный штиль. Только на белоснежной кружевной скатерти появилась стопка одноразовой посуды и длинные трубы пластиковых стаканчиков.

– Тяжеленько ей будет вино отстирывать, – пожалела я хозяйку.

Время тянулось, но книжка, которую я решила пока почитать, усваивалась плохо. Я то и дело подходила к окну, стараясь не сильно светиться, и с любопытством наблюдала за происходящим. Солнце передвинуло тени в противоположную сторону, а за окном не происходило ровным счетом ничего. Приходили какие-то люди. Негромко разговаривали. Прохаживались по палисаднику с бутылками в руках. Потом уходили. Приходили другие.

В конце концов, мне это надоело, и я углубилась в книжку основательно.

Вынырнула из нее, когда уже совсем стемнело, и Сережа осторожно спросил: «А не пора ли нам чего-нибудь пожевать?»

– Да, конечно, – ответила я и выглянула в окно. Там в полном разгаре «бушевал» праздник. Разноцветные лампочки перемигивались в свежей листве. В траве подрагивали маленькие свечки в прозрачных стаканчиках. Палисадник был полон народу, который группками кучковался с бутылками пива в руках. Кто-то жарил на мангале мясо, переворачивая его большими щипцами. Хозяйка в сторонке с кем-то весело, но негромко смеялась.

Никто не собирался звать нас никуда, и это меня искренне радовало. И только много времени спустя мы выяснили, что это была за открытка.

В своем дворе ты можешь устраивать праздник с шашлыками (грилем, что более привычно), но должен предупредить об этом соседей заранее. Вот нас и предупреждали. «В такой-то день мы немного пошумим под вашими окнами. Будем рады, если и вы присоединитесь к нам, ибо мы празднуем такое-то событие...»

Полузнакомые люди и не подумают присоединиться, но правила будут соблюдены.

– Да, – слегка грустили мы, – ночка нас ожидает веселая. Окно спальни выходит прямо на эту сторону.

Однако, просыпаясь через каждые час-полтора, выходя на балкон покурить или просто шараясь по квартире в своей привычной бессоннице, я все-таки не слышала внизу ни шума, ни грохота музыки. Музыка играла, но где-то в глубине квартиры. Негромко. Под окном потихоньку разговаривали, смеялись, но никто не орал от избытка чувств, не выяснял отношений,

не билась посуда. Часов около трех остались, видимо, самые близкие. Возле пустого стола появилась длинная лавка. Две бутылки красного вина и изящные стеклянные бокалы на длинных ножках. Рубиновая жидкость красиво вспыхивала в свете догорающих свечей. Пили – непривычно для русских – без закуски, отхлебывая по полглоточка и не чокаясь. Даже тостов, как мне показалось, не было совсем.

Утром пошел дождь. Я выглянула в окно, когда хозяйка в легком дождевичке с капюшоном, уносила в дом бокалы. Потом она подняла за четыре угла кружевную белую скатерть, и я охнула. Со всем тем, что оставалось на столе, она бросила ее в мусорный бак. Скатерть, выглядевшая кружевной, была одноразовой.

Потом мы не один раз бывали в гостях у немцев. Поначалу я все порывалась «помочь». На меня смотрели удивленно и отвечали: «Не надо. Все, вроде, готово». А мне было непонятно – как же готово, когда гости уже на пороге, а стол – пустой? Или – откровенно пустой, или на нем стоят лишь пустые тарелки да вилки с ножиками.

Но это будет потом. Пока же я вдоволь понасмехалась над Сергеем: «Традиции... Знакомиться будут...»

ЕЖИК В ТУМАНЕ

Прочитали в русскоговорящем интернете байку про ежика. Как нашла девица ежика, по всей видимости, сбитого машиной. Жалко ей животинку стало, принесла в ветлечебницу, где ему сделали операцию и вообще потом лечили по полной программе, да так, как у нас людей порой не лечат.

И смешно, и грустно. Но мы раскрыли рот от удивления, когда соседи поведали: для того, чтобы купить дочери хомячка, надо было рассказать продавщице в зоомагазине – какого размера клетка для него приготовлена. А когда неделей позже мы сами хотели купить кому-то в подарок пару золотых рыбок для аквариума, нам их просто не продали. Ибо ничего вразумительного, кроме того, что он есть, о размерах одного «водоема» мы сообщить не могли. Да и о других обитателях его – тоже. «А вдруг там есть какие-то рыбки, которые не потеряют рядом с собой выбранных вами?»

Ни единой кошки, «гуляющей сама по себе», мы еще не увидели. Ни единой собаки без хозяина.

Стою возле магазина, держу велосипеда. Дожидаюсь мужа, зашедшего забрать из проявки фотопленки и фотографии. Отглядываюсь на голос. Женщина с кем-то разговаривает, кто ростом гораздо ниже ее. Уже немножко понимаю и улавливаю, что речь идет о велосипедной дорожке: «Уйди... тебя собьет велосипедист...». Опускаю глаза, ожидая увидеть ребенка... Дорожку послушно покидает болонка, невозмутимо семенящая рядом с хозяйкой.

Для собак есть специальные места, где их можно «гулять». Но их мало. Наш приезд в Гамбург пришелся на пик борьбы за чистоту города от собачьих экскрементов.

Кругом все больше появляется ящичков на столбах, снизу которых сделана прорезь и оттуда выглядывает уголок черного полиэтиленового паке-

тика. Бесплатно. Только возьми, собери в него продукты жизнедеятельности своего питомца и брось в урну. Через какое-то время акция дает видимые невооруженным взглядом результаты. Собачьего дерьма на улицах становится существенно меньше и смотреть под ноги уже можно менее пристально, чем до тех пор.

ПОЕХАЛИ? КАК БЫ НЕ ТАК!

Отважились, наконец, спуститься в метро. Входим в фойе... Здоровенный зал со множеством автоматов. И на каждом огромное количество кнопок. Электронные экраны с совершенно ненормальными цифрами. Не может быть: один билет – 2-20. Это – с ума сойти, если перевести на русские рубли!

Нажимаешь на другую кнопку – еще более страшная сумма выскакивает.

– Пойдем – спросим у тетеньки.

– Где ты видишь тетеньку?

– Не вижу. Но на выходе на перрон должен же быть турникет, где билеты проверяют, и тетенька там-то уж точно есть...

Ну, пошли смотреть, где он – этот турникет, и возле него – тетенька...

Шли, шли... Вот уже и перрон, к которому подкатил полупустой голубой поезд. Мы на него остолбенело посмотрели, и я заторопилась на выход.

– Шчас придет контролер, выловит нас тут без билета, и чего мы ему говорить будем? Простите, дяденька, мы больше не будем?

Вылетели на поверхность совершенно обескураженные. Метро есть. Автоматы по продаже билетов есть. А турникета с тетенькой в плохом настроении нет! Ну ладно – тетенька ушла. Отлучилась на минутку. Надо ей. А турникет-то что, с собой унесла? Контроль где? Проездной документ кому показывать?

Уже потом, гораздо позже и в другом городе разобрались, на какие кнопки нажимать, чтобы купить билет. Разобрались, что никаких турникетов и никаких тетенок нет, и вместо них бывает (и достаточно часто) контроль в пути. Вежливые девушки и юноши. Улыбчивые и доброжелательные даже с «зайцами», а они в каждом вагоне непременно есть.

Глупости, которые мы тогда творили, заставили выучить наизусть одну простую истину. Информация стоит денег. Вместо того, чтобы купить один «проездной билет на группу до пяти человек» и кататься потом с ним в кармане целый день на любом виде транспорта (кроме такси), мы покупали каждый раз новый, входя в метро, потом – в автобус, потом – в трамвай...

Прикинув, что так нам никакой стипендии не хватит ни на что, кроме билетов на транспорт, весь Гамбург мы исколесили на велосипедах, которые для нас очень быстро приобрела Мартина, и исходили пешком.

Помните песенку: «Есть билет на балет, на трамвай – билета нет...»? Во многих (не во всех!) городах Германии билет «на балет действителен для проезда в трамвае (и всех остальных видах транспорта, кроме такси). Причем – на целый день! На многих авиалиниях – то же самое. Если вы оплатили перелет на самолете от Берлина, предположим, до Москвы, то в стоимость билета может быть включена поездка на городском транспорте до аэропорта.

НЕ МОЯ ПОЛИЦИЯ МЕНЯ БЕРЕЖЕТ?

В первый же день Мартина подарила нам большую карту города, где жирно ручкой обвела – где мы живем, где ее офис, и написала с краску наш адрес. Объяснила: если заблудимся, нужно попросить помощи у полицейского.

– Ага, – подумала я. – Связываться с полицейскими... Этого нам и не хватает.

Как позже поняла, именно так при необходимости делать удобнее всего. Во-первых, полицейские все знают, а во-вторых, они неизменно доброжелательны и вежливы.

О парижских приключениях я уже рассказала. Однако, гуляли мы по столице Франции в те же дни, что и президент США, Дж. Буш-младший. Сначала приуныли. Надо же так совпасть: теперь, поди, и не попадешь никуда. Сочи, по крайней мере, практически останавливается весь, стоит какому-нибудь большому «начальнику Родины» (как назвал в свое время Алеша Л.И. Брежнев) приехать «на кратковременный отдых».

И вот, когда шли вдоль Елисейских полей, сверяя описания Александра Дюма с собственными впечатлениями, наткнулись на легонькое алюминиевое ограждение, которое как раз выставляла молоденький подтянутый ажан в отупоженной темно-синей форме.

Он улыбнулся и огорченно развел руками: проход далее невозможен... Ясно, что мы ни слова не поняли, кроме жестов, указывающих на заграждение, но подчинились. Не успели отойти и двух шагов, служивый вытянулся, повернувшись к нам спиной, взял под козырек, а мимо пронеслась кавалькада машин, уносящая по своим важным международным делам президента

Америки. Ограждение через три минуты сняли. Даже и толпа собраться не успела. Так, человек пять если.

И никакой суеты мы больше в связи с этим визитом не наблюдали.

В Люксембургском саду на площадке для игры в шары проводила свой досуг большая группа других полицейских. Из боковой аллеи показались первоклашки с ранцами за плечами и в сопровождении учителей. Наверное, полицейский, вмиг оказавшийся облепленным малышней, был им знаком. Каждый норовил протиснуться поближе и повисеть на руке.

Позже мы набрали на полицейское управление Парижа. Мне показался красивым кадр – длинная чередка одинаковых мотоциклов, выстроенных рядком. Но не успела я вскинуть аппарат, как распахнулась дверь этого серьезнейшего управления, и на тротуар повалила веселая толпа в форменных одежках. Чертыхнувшись про себя: «Блин! Щас ка-а-ак надают по жопе: ты чо тут, шпионка, вынюхиваешь?», все-таки не удержалась и затвором щелкнула. Состроив как можно более индифферентную морду лица, оглянулась. Почти вплотную за моей спиной уже стоял ажан, жестом притормаживающий идущих следом, чтобы дать мне возможность сфотографировать...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ РУССКИХ В АНГЛИИ

Хотите не заблудиться в Европе? На любом, даже самом крохотном вокзале, есть бюро информации. В нем можно купить «штадт-план». Карту. На ней обозначено все. Нет, не так. ВСЕ! Вплоть до загородных тропинок. Более того – тропинки в лесу имеют названия, на перекрестках стоят указатели, а кое-где еще и голубые кабинки туалетов. Внутри – все как в лучших домах. Вода, туалетная бумага, жидкое мыло.

Если бы мы «распробовали» карту в первое свое путешествие, не приключилось бы с нами всего того, что приключилось позже.

Английский город Йорк поразил своими древними улочками, старинными башнями и стенами отлично сохранившихся укреплений и бастионов. Мы долго кружили по ним с экскурсоводом, дружно щелкали фотоаппаратами, а когда нас отпустили погулять пару часиков самостоятельно, свернули раз-другой в переулок, «срезали» пару углов и... заблудились!

Еще в автобусе гид предусмотрительно продиктовал номер своего мобильного телефона, предупредил, что больше 15 минут никого ждать не будет.

Ну, мы-то народ бывалый, да? Нам это баловство, телефон записывать, зачем? К тому же – откуда звонить-то? Мобильники в то время были экзотикой.

И вот теперь приходим в ужас от того, что наш автобус уйдет уже через полчаса, а мы даже приблизительно не знаем, где находимся... С глазами по полтиннику бегаем по незнакомым улицам, всё больше запутываясь в их лабиринте, попутно разбираясь, кто больше виноват и кто на кого понадеялся.

С утра было довольно холодно. Чисто английская погода оправдывалась шуткой: «Не нравится? Подождите 30 минут, она изменится». И точно. Через каждые полчаса мелкого, нудного, глубоко осеннего дождя, небо раздвигало серый полог и солнце торопилось отработать и свой номер по полной программе. Кстати, «небесный душ» нисколько не мешал ни восхищенным туристам, ни бодро шагающим местным престарелым леди без следов косметики на невозмутимых лицах и с мокрыми собачонками на длинных поводках. А молоденькие девчонки, те вообще бегали в коротеньких топиках с открытыми плечами, мини-юбках шириной с ладошку и в шлепках на босу ногу.

Я же все время зябко куталась в куртку, а на промокшие насквозь кроссовки приходилось не обращать внимания. Англия, сэр... Ничего не делаешь...

В общем, не запарились.

Но как только мы окончательно поняли, что по вот этому переулочку шлепаем уже в третий раз, стало как раз резко жарко! Настолько, что я сначала закрыла зонтик и с наслаждением подставила лицо холодным каплям, а потом и расстегнула куртку.

Понятно, что у любого нормального человека первая реакция – спросить у прохожих... Что спросить?

Правильно. Где мы? И как пройти туда, куда нам надо?

А куда нам надо?

Ведь мы даже не знаем, где наш автобус! На какой улице?! К тому же... спрашивать бы стоило по-английски. А с английским, как, наверное, читатель уже понял, у нас... Ну, не совсем беглый даже на спринтерской дистанции и со словарем, так будем говорить.

Не знаю, каким чудом обнаружили мы огромный щит с картой-схемой местности. Вторым каким-то чудом Сергей определил то место на ней, где, по идее, должен был стоять наш автобус. Стоять...

Его стоянка закончилась те самые пятнадцать минут назад, которые наш гид отвел всем, кто вздумает припоздниться...

Проходящий мимо не то бедный студент, каким их описывали пролетарские писатели, не то – просто бездомный (мы так и не увидели ни одного, кого с уверенностью можно было бы назвать таковым) мгновенно понял два произнесенных с безумным акцентом слова «файф паунд», в смысле – пять фунтов... Недостающий кусок фразы мы просто домычали и дотыкали в два пальца в кажущееся нам правильным место на карте, и он понял.

Он, как и мы, сбросил с головы капюшон скромненькой водоотталкивающей курточки и понесся впереди. Луки брызгами разлетались во все стороны, а перед моим мысленным взором уже рисовались картинка одна страшнее другой. Вот мы, обросшие и грязные, скитаемся по городу, ночуем

на вентиляционных люках и не можем никому объяснить, кто мы такие и что с нами произошло...

Групповод Сережа призывно махал рукой с другой стороны улицы. «Добрые» соавтобусники уже агитировали его отправляться и не ждать, уверяя, что мы просто остались в земле, фонтанирующей молоком и медом. Говорят, таким способом многие наши соотечественники перебираются за море, пользуясь какими-то немислимо мягкими законами Англии, не позволяющими выбрасывать нелегалов из страны «вечерней же лошадыю». Как хорошо, что с нами ездили тогда наши добрые друзья Саша и Наташа Брагины. Это они «стояли насмерть», убеждая экскурсовода Сергея ждать до последнего.

Ой, зато как же быстро потом сохнет на тебе и одежда и обувь. Прямо, хоть изобретение патентуй.

КОЛЯСКА – ПЕСНЬ ОТДЕЛЬНАЯ

Заходим в магазин, люди туда-сюда снуют с колясками. Набирают полные, детишек еще на специальное сиденье сажают. Удобно-то как, да? К тому же – прям и чувство же другое, наверное, если толкать ее перед собой небрежным жестом, лениво и со скучающей миной скользить пресыщенным взглядом по полкам. Морщить носик: фи. Вот этот сорт йогурта мне давеча не понравился... А? Как? Голивуд!

Дело за малым. Где у вас тут этот никелированный дивайс берут?

Покрутили головами, покрутили. Нету! Старушка в букольниках пустую катит. Сергей к ней наперехват: «Не позволите ли, фрау-мадам?» Ой, блин! Как залопотала она чего-то, как засверкала глазками. Как будто чего неприличного у нее попросили.

Ну, и фиг с вами. Нет, так нет. С месяц ходим безколясные, но гордые. Продукты гребем в охапку, тащим к кассе, расплачиваемся и очередь терпеливо ждет, когда мы добро свое по пакетам рассуем и отвалим. Сергей потихоньку чертыхается: «Ты можешь побыстрее копать, нет?»

Наконец, однажды натыкаемся взглядом: мама родная! Вот же их, колясок этих – хренова уйма. На улице под навесом. Только, черт, опять задача! Привязаны друг к другу цепочками. Крутил Сергей, крутил замок, так и не понял, как с ним справляются. Подглядел, чего мужичок рядом сделал и вернулся ко мне насуспенным: «Коляску, коляску... Евру она стоит, коляска!»

– Ох, ничё себе! А если мне только пакет молока? Это каждый раз евр за коляску – налог такой, что ли получается? Перетопчутся буржуины! Обойдемся!

Однако, однажды все-таки удавили свою жабу и коляску взяли. Много чего в этот день надобилось, в руках не унести. Хорошо ж мы народ за-

конопослушный. Взял чужую вещь? Попользовался? Поставь на место. И застегни, как было.

Застегнули. Замок невозмутимо расщелкнулся и вернул нам нашу монетку. Смеху хватило на весь вечер. Папуасы!

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ

В двух кварталах от нас – Иерусалимский храм. Обычно кирха, это целый комплекс зданий и сооружений: больница (как правило – действующая и поныне) и что-нибудь из «джентльменского набора». Либо школа, либо приют для детей.

Путешествуя позже, не раз видели у входа в такие «богоугодные заведения» специальные окошки-клапаны. Нежеланный ребенок? Не бери греха на душу. Не убивай, не бросай где попало. Положи в это окошко, дерни за шнурок с колокольцем и иди с миром. Никто не кинется догонять, а ребенка без помощи не оставят.

Впервые наткнувшись на продолговатую дверку в стене, сразу разобрались, что это и для чего по инструкции-картинке. Было видно, что окошечком давно не пользовались: все заросло паутиной и мхом, заржавел грузик у шнурочка. Ради интереса потянули за ручку. Работает. И вспомнила случай из своей казахстанской жизни.

ЖИВУ НА ПОЛУСТАНОЧКЕ...

Жили мы тогда далеко не на полустаночке, а на большой узловой станции Тобол. Что это такое, станция узловая, я тогда понимала достаточно смутно, однако, само название мне нравилось: не какая-то незнамо какая – узловая. Щемящее чувство тоски охватывает меня до сих пор, когда мимо проносится с бешеным стуком или устало шелестит едва слышно усталыми колесами поезда.

Мой дед, Андрей Андреевич Козлов, строил железные дороги. И построил их немало. До сих пор идут по тем рельсам поезда, ездят люди, перевозятся грузы. Немало вместе с дедовым ПУТЬРЕМОМ-5 поколесили и мы.

Достаточно сложные отношения с молодой женой заставили моего отца после трех лет армии завербоваться на целину. К счастью ли, к печали только путь его пролегал мимо поселка, в котором жила его дочь. Вернул служивый демобилизованный повидаться, да и не смог поехать дальше. Остался осваивать новые земли не там, куда завербовался, а на маленькой станции Тобол.

К зиме мы получили квартиру. Две комнатки в «финском доме» на два хозяина. Темные сенки, в которых хранились дрова и стоял ящик с углем. Корова в стойке, куры, гуси.

В тот день, мы, как всегда, были дома одни. Отец на работе. Мама стирала только что родившемуся Саньке пеленки. Я с завязанным горлом читала в постели книжку. На плите потихоньку сопел чайник. Было тепло и тихо.

В коридоре кто-то завозился, пытаюсь в темноте нащупать дверь.

– Кто там? – встревожилась мама.

– Можно? – в дверь протиснулась молодая в клетчатой шали поверх плюшевого жакета и со свертком из ватного одеяльца в руках.

– Входи, входи, – успокоилась мама. Она часто пускала таких странников, которые просились на ночлег. Отец не раз выговаривал ей достаточно строго: «Ну что ты делаешь? Всякие люди бывают! Откуда ты знаешь, что у него на уме?» «Ну, как же, Коль, – слабо возражала мама. – Как же не пустить? Мороз на улице. Метель... Ведь замерзнет же человек...»

Теперь дело происходило днем, и мама совершенно спокойно впустила женщину в дом. Гостя бледно улыбнулась:

– Молочка для ребенка не найдется? Смотрю – коровка у вас.

– Раздевайся, – засуетилась мама. – Согрейся. Клади ребеночка-то. Вот сюда клади. На вот, сама поешь сначала горяченького.

Мама уже наливала ей борща, отрезала толстый ломоть хлеба, наполнила молоком бутылочку с соской.

Молодайка разделась. Покормила малыша. Как-то неохотно поела сама.

– Откуда? – спросила мама. – Куда?

– Целинница, – устало приправила легким матерком определение женщина. – По комсомольской путевке приехала. Года два уж как...

Она отчего-то заплакала.

– Нет, попервой-то весело было. Закаты, там, рассветы. Палатки. Это пока тепло, хорошо. По весне – тюльпаны до горизонта. По осени – ковыль, что море. Потом из палаток в вагончики перебрались. Романтики-то поубавилось чуток. Холодрыга. Ни помыться, ни согреться толком. Дожди пошли – совсем тошно стало. Кино – раз в месяц. Ноги из сапог не вылезают – сопрели начисто. Да у нас многие поужезжали. Парторг с комсоргом ходят – одно, знай, уговаривают: «Девки, терпите. Степь распашем, тада заживем! Вот ужo засеем... Вот ужo застроим все... Тада уж точно заживем!»

А где мы, на хрен, заживем, когда все без ума делается. Построили... Домики – одно название, щитосборные. Щелесборные они. Зимой та же холодрыга, что и в вагончиках. Летом – жара не продохнуть. Уборная – яма во дворе. Вода – привозная. Значить – эконошь какну каплю.

А и распахали-засеяли. Дорог нет, элеваторов нет. На тока хлебешек свезли, он там и погнил весь. Чо, спрашивается, надрывались?

А тут и сама – тоже хороша, – гостя окровенно зашмыгала носом, уже не тая слез, утирала их краем платка. – Явлюся, вот, теперьчи домой с довеском. Принимай, мол, маманя... А кому я с ним нужна? Гулящая, одним словом...

Мама молча покачивала головой, смотрела на молодаяку грустными глазами, не то соглашаясь с ней, не то думая о чем-то своем.

Гостя отплакалась, вытерла в последний раз припотевший лоб и зареванные щеки, молча завернула сынишку, с поклоном приняла бутылку молока, налитую впрок и заткнутую куском туго скрученной газеты.

– Спасибо, хозяйюшка. Дай Бог здоровья за доброту твою... – Потопталась еще минутку на пороге... Ушла...

Мама задумчиво поправила одеяльце на моем спящем братишке, потрогала губами мой лоб – спала ли температура, молча вернулась к прерванной стирке.

А еще через полчаса с искаженным от гнева или страха лицом она металась по комнате, не попадая в рукава пальто, накидывая впопыхах платок на голову.

– Не, ну надо же! – восклицала она. – Ну ты подумай, какая дрянь, а?!

На краю моей кровати шевелился и покряхтывал сверток, только что унесенный нашей гостьей и обнаруженный мамой позже в сенках, на ящике с углем.

Едва одевшись, она схватила ребенка и помчалась на станцию. Поезда в предыдущие полчаса не было. Бежать незадачливой мамаше, кроме как на вокзал, было некуда. Разве что на попутке догадалась укатить.

Молодая не догадалась. Она забрала ребенка и только испуганно шептала: «Ну не кричи, не кричи. Я посмотрела – живете хорошо, справно. Коровка своя, молочка вволю. Детки у тебя. Сама добрая. Подумала – и мово не обидишь. Ну не кричи...»

И как же казнила себя потом моя мать. Ну было бы у нас два Саши. Записка, которую молодка оставила в одеяле, называла только имя ребенка. Саша.

– Зачем, зачем побежала? – плакала мама. – Зачем догнала, зачем отдала назад... Ну хрен бы с ней, пускай бы катила, куда хочет...

Через неделю после происшествия наш сосед пошел с саночками за сеном. Дернул из стожка разок-другой, да и выдернул одеяльце.

Нисколько не испортили ребенка мыши. Как спал маленький. Личико беленькое... И реснички с замерзшими слезками...

Каждый раз, проходя в Германии мимо невзрачных длинных клапанов в стене, вспоминаю теперь этот врезавшийся в память случай.

О СТАРОСТИ И РАДОСТИ

Ночами хожу по квартире, как привидение. Не нахожу себе места от дум. Расковыриваю память. Пытаюсь читать, но на третьей строке перестаю понимать текст. Выхожу на балкон курить, курить, курить...

К утру, когда мозги уже совершенно не работают, но и засыпать категорически отказываются, в предзвездных сумерках вспыхивает окно напротив. Две молодые женщины в незанавешенном проеме выглядят близняшками. В одинаковых платьях, одинаковых головных уборах, похожих на чепчики Красной шапочки, какими их рисуют в детских книжках. Когда к ним присоединяется так же одетая еще одна, начинаю понимать, что это облаченная в служебную форму обслуга чего-то. А чего? Больница? Не похоже. Никаких белых халатов, никаких капельниц на штативах... Санаторий! Похоже. Но город вовсе не курорт. К тому же далеко не окраина с прудом или речкой.

Осенило! Дом престарелых!

Парк. Цветочки вокруг. Чистенькие дорожки, по которым передвигаются старики и старушки в букольках и «ходунках». Такие табуретки на колесах. Две ручки, на них пожилой человек опирается. Сиденье между ручками. Устал – можно присесть. Внизу – сетка для небольших покупок. В общем, ограниченная подвижность тут – не горе и не беда.

Возвращались вечером из очередного путешествия, поделилась своим утренним наблюдением с мужем. Проходя мимо ярко освещенных в этот миг окошек, просто ослобенели. Сергей даже спросил: «Ты уверена, что это дом престарелых? Смотри!»

Столовая скорее походила на ресторан. Столики на четверых под белыми накрахмаленными скатертями. Красивые сервизы, высокие бокалы, цветы, свечи, накрахмаленные салфетки. За столиками сидят мужчины при

галстуках и женщины в кудрях, кольцах и браслетах. Неважно, что половина из них в креслах-катаалках.

Еще более пристальное рассмотрение показало: живут старики ни в коем случае не в общих спальнях на 15 человек. У каждого своя собственная комната с индивидуальными занавесками и любимыми геранями на окне. Никакой казенной мебели. По собственному вкусу обустроенные интерьеры.

Позднее у нас появилась знакомая девушка, закончившая трехлетний курс обучения уходу за стариками в сеньорен-хаймах. Рассказывала, что парикмахер и педикюрша в таких заведениях – это нормально. В некоторых специально держат животных (кошек, собак, птичек-рыбок) для общения и заботы. Стариков возят в театр и на экскурсии. Вечерами они танцуют. При многих хаймах существуют мастерские, где можно рукодельничать, а плоды труда своего продавать на благотворительных базарах. В общем – много чего можно этим чинным старичкам и старушкам, неспешно попивающим соки из красивых бокалов и отслаивающим маленькими ложечками разноцветные десерты. «Мы славно поработали и славно отдохнем».

Район, в котором мы в самый первый раз обратили внимание на дом престарелых, застраивался в начале 20 века. Но впечатление, что он «с иглолочки». Особенно поразили окна. Впервые увидели стекла, как будто выдутые наружу легким сквознячком.

– Ну, не может же быть, чтобы за 100 лет не разбилось ни одно? – задавала я риторические вопросы. – Тем не менее – на место разбитого вновь и вновь вставляется точно такое же, а не – какое завхозу под руку подвернулось?

В очередной раз наткнувшись на эти ухоженные (часто – очень старые) здания, переглядываемся и вздыхаем в один голос: «Ни-ког-да!»

Никогда у нас на Руси не будет такого. А может – ошибаемся?

БЕЗ ЖЕНЩИН ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ НА СВЕТЕ, НЕТ...

Немного о женщинах. Точнее – о первом взгляде на них. Вот, говорят, француженки – это особый шарм...

Действительно, есть какая-то черта, отличающая француженку в толпе. То ли это небрежно повязанный на шею шарфик, а то и два-три по нынешней моде, то ли смело-спокойный взгляд, то ли артикуляция или жестикауляция особая. Не поймешь.

Немки – другие. Во-первых, очень сложно «прочитать» по внешности их возраст. Одна из наших знакомых весело смеялась, когда я попыталась сделать ей комплимент: мол, в такие юные лета она занимает достаточно серьезный пост. Отсмеявшись, ответила: ей «чутьочку за сороку».

Вот тут настал мой черед удивляться. Я бы с трудом дала ей «чутьочку за тридцать».

Они не спешат выскочить замуж. Вот когда будет эти самые «чутьочку за тридцать», тогда только начинают об этом думать. Раньше?

– Зачем? – удивляется уже не одна, с которой мы говорим на эти темы. – Чтобы обзавестись ребенком, не успев получить профессию, кое-какой счет в банке, вообще не определившись в жизни? Смысл?

Пожалуй, они правы. Но непривычно.

Молодые девчонки, как правило, не следят за собой. По крайней мере, так кажется на первый взгляд. В нашем же представлении «следить» означает: макияж с утра, шпильки целый день и вообще – выглядеть, да? Здесь все не так. Следить за собой означает посещать фитнесстудии и бассейны, сауну и массаж. Правильно питаться. Регулярно ездить на велосипеде (на работу и с работы). Не мучить волосы химией и «долгоиграющими» красками. Носить

экологически чистую одежду (лен, хлопок, в цене и спросе). Пользоваться хорошей косметикой. Одеваться соответственно занятию. Мини юбка, декольте, смелый вырез и шпильки на рабочем месте могут быть расценены неправильно. Ты пришла работать и являть деловые качества, или надеешься каким-то другим способом заработать «скидку» или поблажки?

Однажды я просто остолбенела. Шла по улице совершенно потрясающая молодка. Глубоко беременная с вывернутым наружу пупком и туго раздутым животом. Коротенькая маечка едва прикрывала бюст. Джинсы заканчивались там, откуда начинали расти ноги. И ей было совершенно «по барабану», что думают бабушки-старушки и как смотрят встречные прохожие.

Понятно, что не каждая вторая беременная женщина позволяет себе такой вид. И даже далеко не каждая десятая. Хотя... Написала это и подумала: а ты вообще беременных на улице много здесь видела? К сожалению – нет. Не много. Где они прячутся – загадка. Хотя девушки в платочках и балахонах до пят, толкающие перед собой коляску и обвешанные выводком разновозрастных черноглазиков, чаще всего бывают еще и беременными.

А вот старушки здесь – это вообще отдельная песня. Именно песня, а не слезы, как у нас в России. Сколько раз мы незаметно толкали друг друга, увидев в кафе или пивной (да, да, пивной!) чистенькую старушку (далеко за 80), с совершенно селой прической. Ни на одной не наблюдали стоптанных чуней на ногах, мужнего протертого бесформенного пиджачка на плечах. Ни одной женщины старше 70 не видели в кафе без маникюра!

Зато видели, как носятся на велосипедах и самокатах! Делушки даже роликовые коньки позволяют себе.

Наблюдала, как сидят они часто, взяв литровую кружку пива, которая называется масс, в пивном саду (биргартене), почитывают книжку, потягивая из кружки по глоточку. Видели старушек в шляпках, оживленно беседующих в кафе за чашечкой пышно взбитого кофе капуччино с воздушным пирожным, и в речи их с удивлением улавливали понятное без перевода «Африка». Старушек волнуют не дети и не внуки. Их волнует Африка.

Не видели старушек с вязаньем в руках! Не видим и сейчас, когда прошло несколько лет, старушек с внуками в коляске или песочнице! Наверное их, внуков, должны воспитывать мамы с папами, и они это делают. Не видели старушек в старых калошах, копающихся на грядках на дачах. А дачи видели. Сказка, а не дачи!

ДАЧКИ С ЛАДОШКУ

Один из международных ПЕН-конгрессов проходил в шахтерском поселке Бохум. Точнее – никакой это не поселок – вполне полноценный город. Шахтерский. Настроились на терриконы. Черную, жирную, липкую пыль слоем в палец покрывающую все, что можно покрыть. К маме в Родинское – украинский шахтерский поселок приезжали не раз. А там – примерно так.

Поразил Бохум именно тем, что – далеко не так и совсем не так.

Современный город. Большие супермаркеты, наполненные теми же самыми продуктами, что и в столице. Даже оленина в продаже точно, как в Берлине. И сортов йогурта – ничуть не меньше. И зелень вполне изумрудная. Но что насовсем выбило из колеи – это прямо в черте города – крохотные шахтерские дачки.

Игрушечные домики на изумрудных полянках, фонтанчики со скульптурами, надувные бассейны, клумбы с невиданными гибридами бегонии и бальзаминов, зонты и разноцветные шатры от солнца, гамаки и беседки, белые столики и стульчикис витыми спинками.

Редко-редко наткнешься на грядку-две с помидорами или другими овощами. Но это не для подспорья к маленькой пенсии, а для души.

Я и сама люблю чего-нибудь выращивать в горшке на окошке. Нравится процесс, когда день за днем видишь, как едва появившийся крохотный росточек через какое-то время превращается в красивый цветок, а еще позже на нем зреет что-то не только красивое, но и съедобное.

Гены предков-земледельцев, наверное, говорят. Мой отец всю жизнь проработал на токарном станке и всю жизнь промечтал иметь когда-нибудь пасеку, как у его деда. Книжек сколько насобирал на эту тему! Читал их с карандашом в руках, делал какие-то выписки, расчеты, прикидки...

Отца нет. Его пасека так и осталась в мечтах. Книжки лежат у меня на

антресолях. Теперь о пчелах мечтает мой брат, тоже токарь. А я вспоминаю, как бабушка, рассказывая о своем детстве, как-то сказала, что варенье на сахаре не варили.

Дорого...

А на чем же? – вытаращила глазенки я, городской советский ребенок.

На меду.

Еще помню, как на первой в моей жизни даче, которую я купила тогда, когда перестройка была объявлена, как НЭП – всерьез и надолго, мы с Алешей, до изнеможения серпами выкашивали траву. Он уже просто опустился на колени, будучи не в силах стоять, и вдруг, повернув ко мне совершенно счастливое лицо, сказал:

– Мам! Какой это, оказывается, кайф – работать на своей земле!..

Гораздо позже, когда уже и с языком стало полегче, смотрели передачу об этих самых немецких дачках величиной с ладошку. Оказывается, не все там так просто и легко, как кажется. Одним хозяевам категорически запретили выращивать овощи, мотивируя тем, что дачное их сообщество не имеет в уставе графы «овощеводство». А не имеет ее по причине близости железной и автомобильной дорог. Другим мягко «советовали» привести в порядок зеленую ограду, которую подстригали очень аккуратно, но – не высотой метр-десять, а – метр-двадцать, что не положено по тому же уставу.

Еще от кого-то требовали спилить елку.

– Девятое дерево на вашем участке, а вам предписаны лишь восемь.

– Видите ли. Эту елку подарил нам сын, уходя в армию. Маленькую. В горшочке. На Рождество. Рождество прошло, а елочка не погибла в тепле. Мы ее высадили под окошком, и она прижилась...

– Отлично понимаю ваши чувства. Но это девятое дерево. К тому же обещает быть еще выше, чем нынешнее.

– Сын... Уходя в армию... На Рождество...

– Понимаю, понимаю. Но это девятое... Закон. Вы подписывали документ, что согласны с правилами общества...

В общем – дерево (какое-то другое, не обязательно это, но – незаконное девятое) их заставят спилить. Такова цена за красоту и порядок в окружающем мире.

И еще – что запомнилось в Бохуме – памятник последнему пастуху. Когда город стал вполне городом, когда коров в нем практически перестали держать, умерла и профессия. Благодарные жители поставили памятник не просто какому-нибудь абстрактному пастуху, а самому настоящему человеку, Фрицу Кортбушу. В 1945-м под американскими бомбежками памятник расплавился. Но после войны, когда восстанавливали город – его тоже восстановили и водрузили на прежнее место. Так и стоит он теперь, бронзовый пастух со своим бронзовым хлыстом неподалеку от изумрудных дачек, размером с ладошку.

ЦЕРКОВЬ «СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ»

Никак не могу рассказывать о Германии связно и стройно. Начала о кирхах, а улетела Бог знает куда.

Поначалу удивляла огромная роль, которую и сейчас играет церковь в жизни общества. В полицейском управлении нам посоветовали: «Понятно, что безвылазно сидеть дома вы вряд ли сможете. Да и церковь посещать вам захочется. Но мы просим до минимума сократить контакты...»

Я не сразу поняла, о чем это он? Какую церковь захочется нам посещать? Лично я захожу в любую, как в музей, не более того. Мне не нужны посредники. Уж не знаю, ходят ли немцы на службу регулярно, как было это в давешние времена, но везде в церквях – следы бурного кипения жизни. В каких-то – выставки художников. Не обязательно признанных и раскрученных. На мой непросвещенный взгляд – из тех, про которых говорят: «он так видит» или – «в этом что-то есть...». Я иногда совсем не «вижу так же», и вообще не вижу того, что «там есть», но выставки устраивают, значит это кому-нибудь нужно?

Бывают выставки женского рукоделия: вышивка, шитье, вязание.

Однажды ходили слушать орган в очередную годовщину смерти И.С. Баха. Выступал очень хороший хор. Огромное помещение кирхи было заполнено под завязку, хотя билеты недешевенькие.

Часто вывешиваются на всеобщее обозрение стенгазеты. Большой лист ватмана с наклеенными фотографиями детского времяпрепровождения в стенах и с участием церкви. Дети рисуют, лепят, ходят в походы, танцуют и поют.

Своими глазами видели как-то стайку подростков, приехавших в неболь-

шой городок вместе с пастором, которому самому было лет 20-25. Сначала всей компанией молились в храме. Потом куда-то шли, весело гомоня. За спиной юноши в черной, с белым воротничком, сутане висела гитара.

Выставки в кирхах обычно бесплатные. (Кстати, вход во многие музеи по воскресеньям тоже свободный. Чем не только мы, безденежные россияне, часто пользуемся, но и вполне добропорядочные и хорошо одетые бюргеры. Действительно, глупо ведь, платить от 5 до 10 евро там, где можно обойтись без этого).

Не один раз видели венчание, на котором жених, невеста, и прочие гости были в нарядах века 15-17-го! И как это прекрасно, а совсем не жалко и не смешно выглядело. Это были люди в чудесной одежде, сшитой на полном серьезе из настоящих шелков и бархатов. И не для – побаловаться имитацией на свадьбе, а для самых торжественных случаев, коих бывает в семье немало.

Я вспомнила в связи с этим на заре перестройки наших «ряженных», прости Господи! Именно так выглядели во множестве появившиеся на улицах «казачки» и «казачки», иногда – с делушкиными (по какому праву?! «георгиями» на грудях. Одна такая до сих пор стоит перед глазами: с толстенной задницей, едва втиснутой в мужские штаны, папахе, из под которой просто ручьем стекает пот, (жара стояла сочинская), плетью по сапожку поигрывает... Уж так сама себе нравится!

Одного, полагаю, не знает. В старые времена, под которые она рядится, ее за одни штаны выпороли бы на площади, да еще и плакать не велели.

В Германии же народ в старинных национальных нарядах ходит по улице, и никого это не смущает, не удивляет. Но праздничный наряд еще и недешев, как правило. Допустим, самый скромнейший женский дирндль – длинное, почти до полу, баварское платье на подкладке с широченной юбкой в «татьяночку» и громаднейшим декольте, под которое надевается белая блузка – в секунда хенде стоит примерно столько же, сколько десять килограммов приличного мяса, какого у нас в России только на рынке и можно купить.

Говорят, восстановление Германии началось с восстановления храмов. Церкви 11-12 века здесь не редкость. И Тинторетто в подлиннике, двести лет висающий в действующем храме. И алтари немислимо тонкой резьбы по дереву и камню, цветные витражи, чудом сохранные в войну, – все это любовно восстановлено.

После просмотра множества документальных фильмов о разрушениях, произведенных английской и американской авиацией в войну, появляется мысль: нам в школе все на Сталинград, как на образчик руин кивали, так мы и поныне как в послевоенном Сталинграде живем. А у них вся страна в Сталинградских развалинах лежала. Как же им удалось выкарабкаться так быстро и на такую высоту?

ТЕРПИМОСТЬ, ОДНАКО...

Понятно, что не так уж идилично складывается здесь жизнь. Если быть внимательным, проходя через парк, расположенный за калиткой в глубине двора, можно засечь блиц-контакты, когда сидят на лавочке со скучающими лицами двое, ждут, когда ты пройдешь мимо. Но если через мгновение оглянуться, то и увидишь, что уже один передал другому что-то микроскопически маленькое из одной руки и тут же получил свернутую купюру в другую.

Говорят, периодически полиция устраивает в этих местах облавы на наркоманов.

Видели, и не раз, и в городе людей, явно «не в себе», когда они – то танцуют на улице под слышимую только им музыку, то разговаривают, оживленно жестикулируя, с невидимым никому собеседником.

Показалась приличной девушка, что в метро яростно с кем-то вполголо-са спорила, периодически показывая средним пальцем широко известный уже и в России жест. Потом встала, аккуратно поправила обе пары надетых одна на другую джинсов (это в сорокоградусную-то жару!), еще раз показала палец черному окошку и легко перепорхнула к выходу.

Еще одна «картинка с выставки» – тоже в метро. Среди празднично одетой толпы, (только что неподалеку закончился спектакль «Порги и Бесс»), ожидающей поезда, откуда – совершенно непонятно, появилось нечто...

Заросшее по глаза клочковатой бородежкой, грязное до последней степени, оно передвигалось в нашу сторону и еще задолго до его приближения, я сочла за благо отодвинуться подальше. Уж очень специфический его сопровождал запах.

Точнее – не сопровождал, он катился впереди существа, подталкиваемый сквознячком из жерла тоннеля.

Штанов на этом «нечте», можно сказать – не было. Точнее – они были когда-то. Теперь же все четыре полотнища брюк, нитки которых давно, видимо, истлели, болтались вокруг тонких грязных ног сдерживаемые не до конца еще истлевшим поясом.

Трусов под полотнищами не наблюдалось. Самый «страм» он предусмотрительно сгреб в горсть вместе с остатками штанов и так брел куда-то, видимо – куда-нибудь.

Но самое интересное было не это. Хотя, само по себе зрелище удивительное, потому что примерно такого же грязного и бездомного мы видели еще один только раз, в Гамбурге.

Самое интересное, что никто особенно от него, кроме нас (точнее – меня, у Сережи-то нервы покрепче), не шарахался. Более того: подошел молодой человек и потихоньку спросил:

– Могу я вам чем-то помочь?

Вот этот вопрос просто выбил меня из сознания! Ну, ничего не понимаю я в этой стране!

Шарахаться от «неформалов», правда, со временем перестала, но все равно неприятно видеть в метро «сладкую парочку», парнишек лет по 16, «трогательно» держащих друг друга за руки. Таких же «трогательных» старичков, лет под 70, в одинаковых кожаных куртках и коротких белых батистовых трусиках. У одного из них – дрожащая болонка на руках. У другого – букет роз, завернутых в прозрачную бумагу. Они медленно проплыли, сцепленные мизинчиками, мимо окна уходящего в туннель поезда метро, передвигаясь по платформе неспешной, подрагивающей стариковской походкой.

А от некоторых «картинок с выставки» приходим в полный ступор. Стоит на краю площади бомж в свитере и трусах. Полицейские убеждают одеться.

– Мне так хорошо... Я вам мешаю?

– Да, нет. Не мешаете... Но все-таки... В трусах... Неприлично...

– Покажите мне статью закона, которую я нарушаю. Мне запрещено стоять на улице в трусах?

– Нет... Не запрещено... Но... Неприлично...

– Я еще раз спрашиваю... Я нарушаю какой-нибудь закон?.. Нет? Адью, ребята...

Мы долго шли притихшие, переваривая, пока в конце-концов, Сергей не заявил: «Слышь, Мась... Не очерняй Родину!»

Мы научились понимать друг друга без слов... И нам без слов было понятно, сколько минут кочевряжился бы «наш» бомж, рискни он заявить «стражам порядка» где-нибудь на Красной или на Дворцовой: «Слышьте, ребята... Да... Я стою тут в трусах... Я нарушаю какой-нибудь закон? Нет? Ну, и идите с миром...»

Ничего нового уже, вроде, и не добавила потом телепередача о том, как

протекает рядовое полицейское дежурство в рядовом полицейском участке. Наряд вызвали прохожие, увидевшие нетрезвую женщину, сидящую на тротуаре, ногами на проезжую часть. Непорядок ведь, да? Она же может попасть под машину?

Сначала служивые долго выясняли, где «гнедиге фрау» проживает. Потом безуспешно звонили в дверь ее квартиры, в надежде, что кто-то из близких позаботится о «немножко перебравшей» женщине. Когда же она оказала сопротивление при попытке хотя бы депортировать ее с проезжей части и захватила бедному полисмену шнурованным ботинком, ее начали заботливо, чтобы не поранилась, грузить в служебную машину. Спротивляться полиции, применяя силу категорически недопустимо!

И снова мне напомнил муж: «Не очерняй... Не очерняй...»

А я и не очерняю. Вспомнила только, как шла по Сочи, «завернутая» в легкое пончо после нашей первой поездки в Париж. Двигавшаяся мне навстречу «тетенька», по виду - всего-то лет на десяток старше меня, сначала остановилась, как громом пораженная. Потом громко, на всю улицу вскричала, хватая за рукав проходящего мимо джентльмена, призывая его в свидетели:

– Глянь! В тряпку завернулась, и идет!..

Как хорошо, когда можно завернуться во что угодно, и никому до этого нет дела. Только – мимо урны не плюй. И на красный свет через дорогу не бегай... Ну, и не дерись с полицейскими.

ПАНКИ И «СТРЕЛЬБА» НАВСКИДКУ

Пересматриваем альбомы фотографий, которые наделали в первые месяцы. О том, как я научилась «стрелять» фотиком навскидку, можно было бы размазать целую детективную историю.

Проходим мимо аптеки, а там на тротуаре – та-а-акое сборище! Тут тебе и собаки и какие-то тряпки, банки, пакеты... Среди всего этого хлама – «остовы» от того, что, возможно, когда-то (по Горькому) звучало гордо... Вон стоит основательная, даже при не самом тесном приближении к «теплой» компашке. Что как раз нетипично, потому что чаще бомжи здесь удивительно невоночие. Вопли тоже нечеловеческие. При этом толпа эта – что достаточно редко само по себе и поэтому, уже как-то быстро отвыкнув от хмурости нашей, воспринимается с удивлением – откровенно агрессивна. Они что-то явно грубое выкрикивают то друг другу, то – наверное, на их взгляд, – слишком близко проходящим мимо людям.

Короче, о том, чтобы вскинуть фотоаппарат – просто не может быть речи! Снять же не просто хочется – а хочется просто очень! Сергей уже мимо них прошел, но четко отслеживает боковым взглядом, что я все еще тусуюсь возле, не решаясь нажать на кнопку. Ну, хочется ж – до дрожи! И фотоаппарат-то наготове! Но я понимаю, что это действительно – чревато! Толпа большая и агрессивная. И ничего не могу с собой поделывать, наверное от этого хочется еще больше!

Я окликаю мужа, остановись, мол, давай тут как-то потопчемся, может что и получится... И в этот момент рука сама вскидывает камеру. Ибо – вовремя! Один из «разноцветных» выныривает откуда-то из подворотни и я с совершенно невинным видом шелкаю это чудо в одном ботинке и с синими волосами, что нарисовалось рядом с Сергеем!

То ли «мальвин» мой маневр все-таки понял, то ли вообще был зол на

весь белый свет, а оно и понятно, «ходят тут всякие в двух ботинках, а у меня – один и тот на грязной ноге!», но взглянул он на меня достаточно красноречиво и что-то рывкнул. Я не поняла, что, но требовать засветить пленку или пытаться разбить камеру он не стал, уже – слава Богу, а отправился к «своим», довольно бесцеремонно расталкивая при этом добропорядочных граждан. И пока он там среди своих перешагивал через бутылки, стаканы и прочую закуску, а они отвлекшись от моих маневров, за этим пристально наблюдали, чтобы он оную (закуску) не попортил ногами, которыми только что ходил в сортир, то тут уж я не зевала. Щелкала фотиком раз за разом.

Единственное, что было плохо – так это все-таки уже далековато. И теперь на фотографиях обтянутая майкой телесного цвета задница того синоголового – выглядит голой. Да и прически у этих ореликов тоже надо разглядывать в лупу.

Кстати, однажды я примерно такого же видела в университетском городке и с рюкзачком, в котором явственно прорисовывались книжки. Вполне возможно – студент. Еще одного, с ярко-синей головой, как-то показывали по ТВ, и рассказывали, как он классно учится и сдает экзамены на одни единицы (что означает – отлично!) Короче – гордость учебного заведения. И кроме пары колец в ухе у него еще было одно в губе.

Правда, я так до сих пор и «не догоняю», как говорит Алеша, как это все можно совмещать и как преподавателю нужно ставить оценку за знания, не обращая внимания на вид сосуда, в который оные помещены?

ИНФОРМАЦИЯ СТОИТ ДЕНЕГ – 2

Проявка пленок – отдельная песня. Очень для нас важная.

Ну, поняли с самого начала, что услуга эта где-то должна быть, причем, по приемлемым ценам, но отыскать не можем.

В один из дней нашли, наконец, фотостудию, так от дома за тридевять земель! А когда получили заказ, аж присвистнули, – 18 евро! За проявку одной пленки и печать 36 кадров!

Ого, – сказал Сережа. – Придется, наверное придерживать аппетиты и снимать не все подряд, что хочется. Мы так с тобой живенько на одних только фотках в трубу вылетим. К тому же, еще и чистую покупать... Сколько ты вчера за нее отдала?

Что-то около пяти...

Вот видишь? Пожалуй, одну-две в месяц, мы еще сможем выдержать. Больше – никак.

(Ну, да! Конечно! Сэкономит кто-то на фотографиях. Щаз! Из одного только Парижа привезли около двух десятков пленочек.).

Потом мы нечаянно наткнулись на другой пункт проявки, расположенный в вокзале. Нас приятно удивило, что в нем та же самая услуга обошлась уже в 8 евро.

А еще дня через два муж мой пришел домой обрадованный.

Нашел!

Что нашел?

Где можно пленки близко от дома сдавать, нашел!

И где же это?

За углом. Магазин называется Шлекер.

А ты уверен, что это снова не за ту же безумную цену, что мы отдали в первый день?

Не знаю. Так не определишь, попробовать надо.

И мы, понятно, попробовали. А как еще можно что-то познать в стране, не зная языка и не имея никого, кто мог бы подсказать? Только «методом научного тыка».

Стоит, наверное, обрисовать и саму систему, по которой тут работают фото-фабрики.

Мы-то, поначалу и по незнанию, искали вывеску: фотоателье. Хорошо еще, что набрали на не самое дорогое.

А, оказывается, смотреть надо было в обыкновенном магазине, что-то типа наших хоз. товаров или, как мы потом нашли – парфюмерно-косметическом (сети ДМ, Россман, Шлекер...)

В других тоже есть, но там бывает и дольше и дороже и хуже качеством, поэтому описываю, чем пользовались из лучшего среди недорогих.

Внутри магазина стоят стандартные ящики, в которых лежат конверты, расфасованные по цвету и номерам.

Цвет конверта на цену не влияет! Это сделано исключительно для того, чтобы не создавать возле ящиков толпы и давки!

Каждый конверт заранее пронумерован и две последние цифры в номере напечатаны шрифтом, большим, чем остальные. На них-то вы и будете ориентироваться, когда придете получать заказ.

Сверху конверта пишете свою фамилию, адрес, город, и дату. Здесь же – желательный формат. По ценам можно сориентироваться на стенде перед глазами. (Но это-то мы поняли уже когда хоть чуть-чуть научились читать). На конверте жирным выделен оптимальный формат. Его и надо заказывать, это, действительно, оптимальное соотношение цены и качества.

Потом засовываете в конверт свою пленку, освобожденную от баночки, отрываете для себя корешок, а конверт заклеиваете. Он на достаточно прочной липучке. И бросаете его в специальный контейнер.

На вашем корешке проставлены дни недели приема и исполнения заказа. Как правило, в понедельник сдаешь, в среду получаешь.

Получаешь так же точно, самостоятельно. В ящиках лежат конверты, расфасованные по цвету и последним цифрам номера. Допустим, у вас в руках синий корешок с цифрой 32. Ищешь сначала ящик с синими конвертами, а среди них – группу с цифрой 32, а уже среди них – конверт со своей фамилией.

Предъявляешь конверт вместе с корешком кассиру, и все... Платите ваши денюжки.

Цена в Шлекере нас, что называется, приятно удивила. Четыре с копейками за все удовольствие. К тому же мы посчитали, что покупать там же пленку сразу комплектом по пять штук, обходится куда дешевле, чем в других местах.

«Сферы влияния» на фотоаппарат и видеокамеру мы с Сережей поде-

лили еще после первого нашего путешествия. Я тогда смотрела на снимки, сделанные Наташей Брагиной и чуть не плакала от досады. Мало того, что техника у меня была примитивной, так еще и команды слушала: то не снимай, это – снимай...

Вот тогда, после Парижа и Вены, муж и купил мне камеру получше и побожился, что никогда больше не будет командовать, чего снимать.

Зато видеокамера – это его прерогатива. Здесь я никак даже с советами не суюсь.

Понятно, что я не профессионал. У меня обыкновенная «мыльница» с выдвигающимся в четыре позиции объективом, и фотографии, которые мы делаем, не предназначены для фотовыставок. Наш сочинский друг Игорь Чернов все время меня критикует: то не так, другое не так... С профессионалом не спорю. Но продолжаю снимать направо и налево (иногда – заведомо в ущерб «красивости» кадра – лишь бы в него влезло побольше информации) – все, что нравится, потому что очень хочется поделиться с близкими не только рассказами, но и картинками.

Недавно у нас был личный юбилей. 150 отснятых в Германии пленок!

Не успели мы его отметить, как цифра выросла до 160. Там же, в магазине сети ДМ, стали покупать и самые примитивные, но зато и самые дешевые альбомы, рассчитанные на 80-100 снимков.

Внутри двух твердых картонок прозрачные лепестки, в которые засовывается карточка. Стоит такое удовольствие – как говорила моя бабушка – дешевле грибов... 55 центов. Очень удобно перелистывать.

Так что сначала встали наши 72 альбома в два ряда на одной полке, а потом потихоньку начали переползать и на вторую. Негативы в отдельной коробке. И душу мою законопослушную теперь греет тот порядок, в результате которого я в течение двух минут могу найти необходимый мне снимок или его негатив.

Прикинули на днях и слетка в затылке почухали: недешево нам наше увлечение далось. Оказывается, уже больше чем месячную стипендию на это дело истратили. Однако, ничуть не жалеем и не каемся. Лучше на чем-нибудь другом сэкономим.

БЕЗРАБОТИЦА?..

– Безработица... – соседка, театральная актриса Ангелика, помолчала, как бы собираясь с мыслями. – Пожалуй, наша нынешняя безработица – это не состояние, когда работы просто нет никакой! Это немножко иное. У человека появилось как бы другое самосознание и самоосознание. Если он отдал свое время, значит – затратил деньги, хоть сам процесс обучения в высшей школе у нас бесплатный, но понятно, что жить, питаться, одеваться... Все это чего-то стоит...

Так вот, человек затратил время, деньги, получил профессию... И вдруг оказалось, что она государству не нужна. Почему, позвольте спросить, государство не подумало, что мои знания и умения им не будут востребованы?

Да, есть куча курсов по переподготовке или получению мной другой профессии. Но если я не хочу другой?! Я не желаю переучиваться. Я люблю свою работу. Я актриса! И я ищу работу актрисы! Мой муж инженер. И он должен работать инженером, а не мойщиком стекол или посуды.

Есть чиновник, который получает деньги за то, что поможет ему найти работу инженера, а не поломойки! Если я найду фирму, которая предложит мне высокооплачиваемую работу по профилю и она будет расположена в другом городе – для меня не вопрос. Я перееду туда или сниму там квартиру, а домой буду ездить на выходные и праздники.

Ну, а пока я ищу работу, государство не даст мне погибнуть с голоду. Социальная программа рассчитана так, что, образно говоря, «под мостом с протянутой рукой» я не окажусь.

А те, кто там все-таки, сидят?..

Не знаю, - искренне задумывается Ангелика. – Мне кажется, это наркоманы, алкоголики, так или иначе опустившиеся, люди, которые еще и сами не хотят выкарабкиваться из сложного положения. Просто не хотят! Есть

бездна возможностей для этого, но они не хотят. Они больные. К ним надо относиться, как к больным... Не знаю, - снова берет она паузу... - Наверное, их надо лечить...

Лечить? А если попробовать заставить измениться? Заставить работать, например.

Как заставить? Каким способом можно заставить человека делать то, что он не хочет? Снова свезти их всех в концлагерь? – вскидывается Ангелика. – Нет! Только не это! Это мы однажды проходили. Хотя. Есть люди, особенно старики, которые считают, что Гитлер делал очень много правильного. И главная его ошибка – в том, что он двинул на Россию. Не надо было этого делать!

Разговор о бездомных и безработных я снова вспомнила, когда увидела однажды одного такого, сидящего рядом с тротуаром на толстом матрасе, покрытом достаточно чистой простыней! Голову его украшала самая модная на сегодня прическа, когда куча заплетенных мелких косичек как-то еще хитро переплетаются между собой. Волосы, к тому же, были выкрашены в также модный нынче красный цвет, не были ни слипшимися, ни грязными. Руки пестрели профессионально выполненной цветной татуировкой, а серебристые пирсинговые колечки пощадил на юном лице только ноздри. Ноги парня прятались под пуховым одеялом. Рядом свернулся калачиком рыжий пес.

Бездомный читал книгу!

Подошедшая к нему очень прилично одетая девушка приветливо и с улыбкой поздоровалась, присев на корточки, они перекинулись парой фраз, после чего бездомный пружинисто поднялся со своего лежбища, накинул на плечо сумку, ловко выдернутую из тряпок за длинную ручку, сунул в нее недочитанный фолант и они куда-то пошли, стремительно разрезая плечами толпу на тротуаре.

Собака, видимо, привыкшая к подобным перемещениям своего «патрона», присоединилась к ним не дожидаясь особого приглашения.

Ну, и как бороться «за счастье народное», если некоторые преставители этого самого народа сами выбирают себе судьбу? «Загонять» их «железной рукой к счастью», как делала это у нас незабвенная коммунистическая партия?

Прямо через дорогу от нашего дома, похоже, какое-то гнездо их «КПРФ», потому что кругом масса листовок и плакатов, что капитализм – дерьмо, а социализм, а тем более – коммунизм – это именно та конфетка, к которой должно стремиться все человечество.

Смотрю я на этот вздор, этот бумажный хлам, на силуэты Че Гевары, трафаретно нанесенные жирной черной краской прямо на стены, и только вздыхаю: молодежь, молодежь. Пожили бы вы хоть с месячишку при социализме, особенно – при развитой его фазе... Запели бы совершенно об-

ратное. Но никого не остановишь на улице и никому этого не расскажешь. А расскажешь – просто не поверят, потому что как мы недавно выяснили из газет, у них тут сейчас просто жизнь невыносимая. Кризис, оказывается. Все невысказанно дорого и практически ничего в магазинах нет, потому что масса предпринимателей разорилась (да чуть ли и не в переходе к «евро» корень всего безобразия).

Ну, в общем, народ недоволен правительством. Правительство посылает голову пеплом: виновато-с! А мы ходим по улицам, крутим головами и не устаем удивляться, когда они все это успевают? Какие-то гномки наводят крутом порядок, но когда и как они это делают – не видели ни разу. Какие гномки успевают наделать столько всяких товаров и такие горы всяческой разнообразной еды, от которой ломятся полки их самых «скромных» супермаркетов? И почему всем всего хватает? И почему не хаят чиновники, к которым приходишь на прием? И почему в очереди к чиновнику не ждешь более 15 минут? Почему, почему, почему?..

Одна только еще маленькая деталь.

Стекла там, где, как мы поняли, их компартия вместе с «комсомолом» помещается, не мыты, похоже, со времен первой мировой войны. Цветы на окошках не растут. Обрывки «наглядной агитации», окурки, отрывки и прочий хлам, от двери отребался, видимо тогда же, когда и мылись окна... Прав. Ох, как прав профессор Преображенский. Разруха не в клозетах. Разруха в головах...

МУЗЕЙ – МЕЖДУ ДЕЛОМ...

Едем к Мартине на работу. Здание, где расположен ее офис - это городской суд, который рассматривает гражданские иски, связанные с трудовыми и земельными спорами. А опекающий нас фонд – арендует у них одну из комнаток на 3-м этаже.

Пока поднялись – насмотрелись всяческих агрегатов, которые просто выставлены по ходу дела на лестничных площадках и в бесконечных коридорах. Машины – действующие некогда промышленные станки. Теперь их отмыли, но не красили, не подновляли. Как были, так и стоят. У некоторых деревянные части станин и рабочие столы очень сильно стертые временем и самим протекавшим процессом работы. Т.е. теперь это часть интерьера. Ну, очень впечатляет, доложу я вам! Прямо – музей промышленности. Увидели сверлильный станок 1830 года! Никакого электричества и, по всей видимости – никакой даже паровой тяги. Есть только две педали под ногами, которые, по всей видимости, примерно так и приводились в движение, судя по их затертости. Дальше крутящий момент передается на огромное зубчатое колесо сзади, потом – червячная передача сверху и, судя по тому, что станина кое где подпорчена сорвавшимися сверлами и основательно просверлена – станок этот был для обработки металлов, а не дерева!

Увидели маленькую гильотинку примерно такого же года выпуска. Но, судя по мощности колес, шестерен и червяков на ней – видимо, тоже такая, что пальцы туда лучше было бы не совать...

В коридоре под стеклами средства индивидуальной защиты: ботинки на толстой подошве для механических цехов, очки, каски и впечатляющие ботинки для работы в сталеплавильных цехах. Вот это, доложу я вам – ботсы! Сантиметров около 10 (уж 7-то, это точно) – подошва, толстый, в палец толщиной, войлок сверху, кожаные носы, высота всего сооружения – до се-

редины щиколотки. Шнуруется не в дырочки, а на петельки, видимо для того, чтобы в случае необходимости, маханул ножичком, они и спали, можно выпрыгивать.

Все эти сооружения очень интересно смотрятся в качестве украшения интерьера!

В коридорах – ни одной живой души, хотя на дверях в залы заседаний (точнее – на специальных досках у дверей) – расписание заседаний и кто с кем судится. Почти все зачеркнуто, т.е. прошел вчера суд – аккуратно зачеркнули запись, чтобы видели все: суд прошел, а не старая бумажка здесь без дела болтается...

Вообще же – поражает умение немцев из всякой старой престарой фигни сделать предмет декора или предмет интерьера. В холле одного из пивных ресторанов видели старинную карету. Прямо так вот, целиком. В прекрасной сохранности. Хоть сейчас запрягай и поехали.

Очень ценятся отработавшее свое швейные машинки «Зингер». Станина у них какая красивая, да? Вот из этих станин, в Бельгии видели, целая вереница столиков на улице выставлена. Внутри не заглянули, не знаю, может и там столики из этого же материала, а на улице смотрятся просто чудесно. Тем более, что тротуар был не очень широким, а надо же еще и пешеходам местечко оставить. В общем – машинки туда просто чудесно вписались.

В Австрии заходили в кабачок поужинать – я не удержалась сфотографироваться в «домашнем уголке». На подоконнике стояли и керосиновые лампы, и телефон начала прошлого века, и прабабушкины очки рядом с незаконченным вязанием, и – та самая машинка «Зингер».

А проходили как-то раз мимо витрин ювелирного магазина, так – не поверите. Кольца и браслеты ненавязчиво были разбросаны по рубелю. Многие сегодня и не знают – что это за «зверь» такой – рубель. Это не русская бумажная денежка, это такая деревянная штуковина. Длинная, плоская и с поперечными выступами-бороздками. Использовалась в эпоху доутноговую для глаженья белья.

Так, вот, лежал этот рубель, седой и основательно потертый ветеран среди колец, колье и браслетов, как бы «на пенсии». Хозяйка салона сказала, что принадлежала эта вещь ее пра-пра-бабушке и она очень рада, что нашла ей достойное применение.

А одна фрау долго и подробно рассказывала, что «вот этот пресс для отжима яблочного сока на сидр они с мужем присмотрели в Италии, когда ездили туда в отпуск. Ой, страшно вспомнить, сколько хлопот было – доставить его сюда. Зато теперь сад приобрел законченный вид, вы не находите?»

Мы «нашли». Сад действительно приобрел интересный вид. Среди деревьев на аккуратно подстриженном газоне стоял и этот ветеран, давно отра-

ботавший свое по прямому назначению и служивший теперь вазоном для цветов.

В деревнях старые вилы и грабли, тележные колеса, украшают стены домов и хозяйственных построек. Красиво.

А, ХОТИТЕ О ЧИНОВНИКАХ РАССКАЖУ? ЭТО Ж ОТДЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ...

Бедные немцы! Как они страдают от своей бюрократии – словами не передать. Точнее – они-то нам и рассказывали об этом кошмаре, закатывая глаза, видимо, чтобы подготовить к тому, что нас ждет. А оно ж – ждет. Нам, как и нормальным людям в России, необходима прописка. К тому же – продление виз... В общем – мы шли к Мартине в офис, внутренне сжимаясь и готовясь к самому ужасному. Мало того, что с нами разговаривать будут свысока и на непонятном, так еще и в очередях, наверное, настоимся...

Сначала к Мартине. Картой пользоваться научились. На велики – и вперед. Забрали нашу добрую фею и потопали (точнее – поехали, потому что она тоже была на велосипеде) все вместе в магистратуру, прописываться.

Такой лифт, как в магистратуре мы видели, пожалуй, лишь в кино. Бесконечнодвигающиеся кабинки без дверей. Одна лента вниз – другая вверх. Запрыгивай, не останавливайся. Правда, все произошло так стремительно, что я не успела ни испугаться, ни обратить внимание, как с этим справляются инвалиды. Должно быть – для них существует другая дверь, потому что попросту нет таких дверей, в которых бы не предусматривался вход инвалидам вместе с колясками, тем более – в государственное учреждение.

В холле перед нужной нам дверью висел большой аппарат. Мартина подошла к нему, нажала какую-то кнопку, оттуда выскочил квиточек с трехзначной цифрой, начинающейся с 9.

Что это и зачем – меня осенило как-то быстро и сердце мое упало: девятьсот какой-то! Это когда же мы туда попадем?

В коридоре еще сидели человек 15 на стульях по стеночкам. Двое – за

столом посередине холла. Кругом – цветы в кадках, точнее – огромных керамических горшках всех форм и размеров. В них и цветы и кусты и деревья, короче – тропический сад, среди которого абсолютно спокойно сидят спокойные люди без следа заматанности, усталости или, тем паче – тревоги на лицах. У всех какая-то блаженная полуулыбка на лицах.

Наша Мартина взяла со стеллажа у стены какие-то бумаги, слегка проклеенные по три штуки вместе. На первой странице – бланк, на второй – его продолжение, на третьей – видимо разъяснение, потому что микроскопическим шрифтом и с разбивкой на а бэ цэ, как это все заполнять.

Стол, вокруг которого мы устроились оказался для нашей компашки маловатым. Не поместившиеся на нем бумаги Мартина, не долго думая, просто бросила на пол и потом ловко подхватывала их оттуда, подсовывала нам по одному, подсказывая, что писать и где ставить нужный крестик.

Заполнение бумаг заняло минут 7 – 10. Остатки их мы так и оставили на полу. Над дверью, куда нам надо было входить, загорались какие-то зеленые электронные цифры, раздавался негромкий, приятный уху «тилибом» и я, наконец, сообразила, что наша девятьсот какая-то загорится вот-вот. Она и загорелась буквально через пол секунды после того, как мы заполнили последнюю бумагу.

В кабинете было 4 огромных стола. Нас о чем-то спрашивали, мы что-то отвечали, что-то поясняла Мартина, я в основном, старалась понять, о чем речь и страшно трусила: ну, как сейчас скажут: Вет! Чешите, то есть, ребята, назад в свою Россию по холодку, пока трамваи ходят! Никакой вам пропущки не будет!

Как оказалось, совершенно напрасно. Миловидная молодая женщина родом из Греции (табличка с именем на столе), очень доброжелательно ждала, пока мы им не растребушим весь кабинет и не принесем из дальнего его конца еще стулья, нас ведь трое. Пока все усядемся. Потом принялась за наши бумаги. Все оформление заняло минут 10, не больше. Таким образом, на всю про всю регистрацию у нас ушло 20 минут! И уже через 20 минут я вылетела из здания по тому же самому лифту совершенно офигевшая!

«Да, ребята, - говорит наш друг, воронежский писатель и журналист Саша Ягодкин. – В танке вы не горели...» Не видели вы настоящей бюрократии, если жалуетесь на свою. И не грех?

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

Психологи утверждают, и я с теми, кто так считает, полностью согласна, что ежели кто чего недополучил в детстве, то обязательно тем или иным боком выльется во взрослом состоянии.

Я в детстве не доиграла в куклы.

Какие куклы, когда помню постоянные свои конфликты со взрослыми на почве гулянья. (Кстати, я даже не помню, чтобы мне покупали кукол. Трехтомник Афанасьева «Русские народные сказки» – помню. «Уральские сказы» Бажова помню. Толстенный сборник, в котором все про кукольный театр – тоже помню. Кукол не помню).

– Дам книжку, если погуляешь часик, – заявляла бабушка.

Разрешим почитать, пойди только часик подыши воздушкой, – предлагали тетки-десятиклассницы: Люда и Света.

А ты гуляла сегодня? – спросил дед, хитренько прищурив глаза перед тем, как вручить мне в день рождения подарок: большого формата книжку с крупным шрифтом на плотной бумаге, с картинками и под названием «Как закалялась сталь».

Лет пять мне тогда было.

У деда был большой железнодорожный фонарь с передвижными разноцветными стеклами. Иногда он брал его с собой на работу, иногда – им пользовалась бабушка, когда ходила в стайку к корове или многочисленной птице.

Мне, не очень-то разрешали его трогать, крутить стекла, зажигать то синим, то желтым светом.

Но когда дед подарил Островского...

Целый день меня периодически ставили на стул, где я с удовольствием то копировала Русланову, исполняя «Валенки» с пальчиком, приставленным

к щеке, то пританцовывала: «светит месяц, светит ясный», помахивая белым платочком. То читала: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»

И, наконец, настал вечер! Все улеглись и затихли. Я пробралась в прихожку, взяла с лавки дедов фонарь и так же тихо, босиком и на цыпочках, вернулась в спальню.

Поставленный на подушку мощный железнородожный осветительный прибор в малом пространстве, оставшемся между дохленькими коленками, натянутым на них одеялом и головой, моментально нагревал воздух так, что дышать очень скоро становилось нечем. Тогда я, догадавшись, что фонарь надо предварительно выключить, щелкала тумблером, откидывала одеяло, передыхала пару минут и снова ныряла под него. Я читала: «Как закалялась сталь!»

Шагов подошедшего к моей постели деда, понятно, не услышала. Когда он приоткрыл одеяло, сердчишко замерло в совершенном ужасе: ка-а-ак мне сейчас попадет, как надают по заднице! Ведь я нарушила кучу запретов! Мало того, что читаю лежа, так еще и ночью, когда мне никто не разрешал трогать книжку, к тому же – взяла, также без разрешения, дедов рабочий прибор...

Дед беззвучно улыбался, как всегда прищурив свои добрые глаза.

– Тс-с-с, - прижал он палец к губам.

Потом мягко забрал и книжку и фонарь, подоткнул одеяло, поцеловал в лоб и сказал.

– Спи. Завтра дочитаешь.

Весь этот рассказ к тому, что сейчас, когда к моим услугам фломаркт с его разнообразием старых детских игрушек, меня с трудом можно оттащить от прилавка, на котором они разложены. Ну, не доиграла седовласая детка, добирает сейчас. Рассматривать и крутить в руках крохотный чайный сервиз из настоящего фарфора, открывать и закрывать дверцы «настоящего», только размером с ладошку, кукольного шкафа с «настоящими» вешалками внутри и «настоящим» зеркалом снаружи – непередаваемое удовольствие.

Я даже нашла себе тему для собирания коллекции: фарфоровые венецианские куклы-клоуны.

И тут тоже есть кое-какая маленькая тонкость, которую поняла не сразу, но теперь всюю ею пользуюсь.

Если куклы лежат на прилавке одна краше другой и их много – можно, конечно подойти. И полюбоваться и повертеть в руках. Все равно приятно. Но сколько она стоит я спрашиваю редко. И так понятно. Недешево.

А вот там, где клоун сиротливо лежит между прочим старьем, – это, явно, мой! Его можно купить не дороже, чем стоит кружка пива. Приводить потом в порядок, стирать одежду, перетягивать фарфорово-трипочные руки и ноги, это удовольствие. И когда вечером, долго не засыпая, смотришь на их лица, а у каждого оно свое и неповторимое, через какое-то время они начинают рассказывать тебе свои истории, одна занимательнее другой.

Еще в нашем доме теперь живут другие игрушки. Плюшевый енот Вася. Это случилось в Любеке. Мы шли как-то по одному из бесчисленных рождественских базаров. Ранним утром покупателей почти не было и продавец в лавке со зверушками из искусственного меха, завтракал горячей лапшой из пластмассового стаканчика. Кивнув: «Гутен аппетит!», я на мгновение отвлеклась. Когда мой взгляд снова обратился в сторону прилавка с игрушками, я просто остолбенела. На руках у продавца, отставившего свою недоеденную лапшу, сидел очаровательный полупроснувшийся енотик. Он забавно морщил мордочку, тер глазки лапками. «Увидев» меня, несколько оживился, повел пластмассовым носиком в мою сторону, но, быстро потеряв ко мне интерес, снова потер лапками глазки и, свернувшись калачиком на руке у продавца, прикрыв глазки хвостиком, решил, видимо, немного подремать.

Подошедший сзади Сережа тоже смотрел на енотика во все повлажневшие глаза.

Он живой, – едва слышно заметила я.

Игрушка, Маша, – возразил мудрый мой муж. – Игрушка по типу кукол, которые в театре надеваются на руку.

Живой, – заспорила я, уже смутно подозревая, что не может так по-человечески осмысленно вести себя животинка из дикого леса.

Подошедшие тем временем зеваки, заплодировали, начали дружно выбирать каждый себе зверушку по вкусу, а я с ужасом думала: Господи, пока я иду эти оставшиеся до прилавка четыре шага, кто-нибудь обязательно выберет себе моего енотика! А мне никто, ну, совсем никто больше не нужен! Только этот забавный черно-белый с умненькими глазками!

И мы успели!

Внутри у Васи была прикреплена бирочка с названием фирмы-изготовителя, его адресом и именем игрушки.

Еще одну игрушку мы купили так же не торгуясь, в Зальцбурге. Симпатичная молодая девушка в дирндле и с огромной корзиной за спиной, шла по улице, «ведя» за собой забавного деревянного страусенка на ниточках и с пушистым хвостиком. Страусенок важно вышагивал рядом с хозяйкой, периодически выбегая на растопыренных по-детски нестойких ножонках, вперед, уморительно вытягивал шейку, заглядывая за угол, карабкался на чей-нибудь ботинок (взрослый замирал в детском восторге, боясь ненароком «спугнуть» птичку). Это была традиционная игрушка, которую можно купить по преимуществу – в Зальцбурге.

В Нюрнберге мы заходили в музей игрушек. Долго рассматривали, переходя из зала в зал, начиная от самых старых, которым немислимое количество лет и заканчивая – напичканными электроникой говорящими, поющими и танцующими.

Тут и мебель любого размера, и кухни с плитами (я даже подозреваю, действующими, только малюсенькими), и посуда всех цветов, размеров на-

чиная с кукольных кофейных сервизов и заканчивая кастрюльками и сковородками, от которых я бы не отказалась и сейчас.

Позже посетили старинный городок Пассау. Вот уж где было игрушек! Похоже, там в куклы играет и стар и млад испокон веку и донныне. В витринах – такие вещицы, что меня приходилось от них отгаскивать. Заниматься бы этим всю жизнь и, наверное, не заскучаешь.

Стоят в витринах крошечные дома, мастерские, лавки, автостанции и прочие старинные и современные кукольные интерьеры. Кузнец, в ладошку высотой, рядом со своим кузнечным, закопченным, как и положено, горном, держит в руках клещи, которыми вот сейчас вытащит горячий кусок металла на наковальню размером с большой палец, и застучит молотком, польется из кузницы веселый звон на весь магазин.

Или – войдет в лавку к шляпнице заказчица ростом сантиметров в тридцать, начнет примерять разноцветные шляпки, выставленные на крохотный прилавок, вертеться у крохотного зеркала и напевать тоненьким голоском: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин! Ах, мой милый Августин, все пройдет, все!»

Купили однажды на фломаркте изящную танцовщицу в чудном капроновом платье на музыкальной подставке. Крутанешь ее на пару оборотов и поставишь на гладкий стол. Она потихоньку раскручивается обратно в своем немислимом красном наряде и такой же шикарной шляпе, а крохотные колокольчики задумчиво выводят «Мелодию любви» Мишеля Лёграна. Не самый новый музыкальный механизм, в ее недрах слегка потягивает нотки, но так даже лучше, задумчивее и душевней. И совсем не хочется менять пружинку. Да и заводить почаще – тоже не хочется. Иногда. Бывает – горят свечи, мы сидим, выключив телевизор, и разговариваем...

А когда ложимся спать, танцовщица долго видна в неярком свете уличного фонаря неподалеку от пары венецианских клоунов на стене. Так и не могу отделаться от детской мысли, что, когда мы спим, не только игрушки – все вещи оживают и живут своей вещной жизнью: ссорятся, мирятся, грустят и радуются. Но, как только мы открываем глаза, замирают в тех позах, в которых их застали и ждут следующей ночи.

Не знаю, куда буду девать все это «богатство», когда настанет пора съезжать, но отказаться от «своих сокровищ» пока не могу. Скорее – не хочу. По принципу: сколько той жизни осталось... Не надо отказывать себе хотя бы в мелочах.

БИРГАРТЕН – ЭТО НЕЗЫБЛЕМОСТЬ ТРАДИЦИЙ, СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ, И ВООБЩЕ – ЗДОРОВО!

В один из первых дней в Гамбурге, мы брели вдоль Эльбы, пока хватило сил. Вокруг бушевал тот самый праздник порта. Пивные развернули свои палатки прямо на набережной. На огромных, в диаметре метра два, сковородах, подвешенных цепями над жаровней, шкворчат и вкусно пахнут грибы! И наконец-то – первые в нашем германском житье – жареные сосиски.

Они жарятся на гриле: подставка с углями, над которыми решетка, и рядом – упитанный немец (впрочем, часто – итальянец), ловко переворачивающий сосиски с боку на бок специальными щипцами.

Сосиски продавали белые – те потолще, и коричневые – потоньше. На порцию дают огромную колбасень длиной сантиметров в сорок, переваченную в середине половинкой булочки, такой, как у нас «городская», но гораздо более воздушной. То есть, на мой непривычный вкус, (не умею есть без хлеба), булка у меня на языке растаяла как-то очень быстро, а сосиска еще только началась. Правда, была она в меру жирной, и остаток я одолела без ничего. Со странно-сладкой горчицей.

Запили все это неплохим, как тогда показалось, пивом и побрели дальше.

– Ха! – Вскричал на этом месте мой насмешливый муж. – Ха! Ну, ты совсем тут оборзела, как я погляжу! Неплохое, как ей тогда показалось! Давно ли ты в пиве сообщать начала?

Ну, давно – не давно, – скромно, но с достоинством отвечаю я, – а начала.

А самой тоже смешно. Действительно, подумать только: было время,

когда я пива больше стакана не пила и непременно – под рыбку, чипсы, орешки, еще что-нибудь...

Здесь этого никто не делает.

Одно время мы ходили с Сережей в бар, расположенный в подвальчике за углом от нашего дома. Феликс (хозяин) тогда нам много чего порассказал о пивных традициях немцев. Сетовал, что они потихоньку отмирают. Что молодежь ходит на эти безликие дискотеки и пьет там что попало под руки, не различая ни вкуса, ни аромата пива. На мой вопрос: почему я не вижу здесь других женщин, кроме себя, он тоже разъяснил, что каждый бар, каждая пивная, имеет свой круг клиентов. В его, допустим, женщины не ходят. И до войны не ходили. И еще раньше. Так уж сложилось...

– Нет, нет! Что вы! Ни в коем случае! – замахал он руками. – Я буду очень рад, если вы будете приходить вместе. На то они и правила, чтобы в них были исключения, – улыбнулся он. – Нет! И мои клиенты не возражают. Как, откуда знаю? Я же с ними тут живу не один год. Они бы мне сказали, если бы были недовольны...

Но я больше не ломала традиций. Зачем?

Так вот этот Феликс и объяснил, что немцы, как правило, не смешивают: уж если ты ешь, то ты не пьешь. А уж если пьешь, то не ешь. Но лучше пить не на голодный желудок. Пиво тоже.

Сами себе сегодня удивляемся, но уже привыкли, что так приятнее. Приходя в биргартен с определенной целью – пообедать или поужинать, делаем, как настоящие немцы. Сначала едим. Ну, может, чуть-чуть запивая съеденное глотком-другим пива, а потом, отставив в сторону тарелки, долго сидим за бокалом холодного вайс-бира и наслаждаемся вечером, прохладой, беседой, наблюдениями...

Ни разу не видели, чтобы кто-нибудь пил пиво с рыбой! Смеемся:

– Кошунство – забивать божественный аромат пошлой рыбной вонью...

– Не говори...

Распробовали так называемый брецль (в Баварии произносят бреци). Крендель специфической формы самого разного размера от двухсантиметрового и высушенного на манер сухарика до полуметрового пышного, с хрустящей корочкой. Посыпан этот калач крупной специальной – морской – солью, которую я как-то купила в магазине, предполагая, что буду с ней огурцы солить.

Посолила. Нормально получилось, но позже только выяснила, что это – вон для чего соль.

В общем, после такого пиво-сосисочного подкрепления в тот самый первый раз, пошли веселей. Недолго, правда, еще погуляли. Жара стала совсем нестерпимой, новые босоножки нещадно жали непривыкшие к ним ноги.

ПИВО – ЭТО СОЛОД, ХМЕЛЬ, ВОДА И СОВЕСТЬ...

А еще: пиво – это не напиток. Это стиль жизни. Это – качество жизни. Это традиции, как жалуется немцы – начинающие бузвозвратно уходить.

Когда-то, во времена, которые более-менее благополучно канули в Лету, в Сочи был превосходный пивной бар, «Золотой петушок». Попасть туда считалось несказанной удачей! По крайней мере, не помню, чтобы можно было просто идти по улице, заглянуть ненароком и полакомиться неплохим напитком, сваренным прямо здесь же, на заводе, расположенном через дорогу. Запись на несколько недель вперед. Или – «знакомый товаровед, обувной отдел...»

У Аркадия Райкина, помните, была миниатюра, про то, что пусть все будет, но пусть – чуть-чуть, немножечко... чего-нибудь будет не хватать. В противном случае:

– Идет товаровед... Обувной отдел... Ми на него пилюем...

Так вот, официанты, там работающие, для простого смертного были примерно, как тот «товаровед... обувной отдел». И на него в эпоху тотального дефицита никто не только не «пилювал», уважали и знакомством дорожили.

Если бы здесь было так же, никто бы ни с кем просто не разговаривал. Все были бы, как мне кажется, «товароведами обувного отдела», на которого «пилюем». Потому что пива – море разлитое, а посещение пивной – это образ жизни.

Сказать, что они на каждом углу – ничего не сказать. То есть между углами еще куча подвальчиков, в каждом из которых подают свои сорта.

Всемирно известные Мюнхенские Хофбройхауз (пивная в придворной

пивоварне) и Левенбройхауз (пивная в пивоварне Льва, где Лев – имя собственное одного из древних правителей Баварии), о них написаны тома воспоминаний. Ни для кого не секрет, но не удержусь – повторю, что в Хофбройхаузе очень любил сживать Владимир Ильич. Чуть позже – Адольф Алоизыч. Да, чуть ли не именные кружки они там имели.

За достоверность байки не ручаюсь, но говорят, Надежда Константиновна, никак не могла не то запомнить, не то выговорить: хофброй... А на кружках этого чудно уютного, несмотря на внушительную величину, заведения, написаны две первые буквы НВ. Вот она и предлагала мужу:

– Пойдем, Володенька, в Народную Волю...

Подавляющее большинство пивных кроме имени собственного имеет в названии слово «биргартен». То есть – пивной сад. Понятно, мы не сразу поняли, чем отличается пивной сад от пивного ресторана. Оказывается – существенной особенностью: в биргартен можно прийти со своей закуской! Это правило закреплено указом одного из королей еще веке в 17-м.

Так, в Мюнхене, допустим, есть биргартен в Английском саду и, приходя туда в самом начале, я сильно дивилась, когда видела, как спокойно разворачивают посетители на столике собственные салфеточки, раскладывают дощечки величиной с ладошку, на которых удобно резать сырок, колбаску, еще какую закуску, ужинают, а потом берут по кружечке холодного пивка и долго-долго сидят с ней, общаясь с соседом по столику.

Под столом может спокойно лежать собака.

Не один раз видели, как беспечно оставляли посетители биргартена толстенные свои кошельки и сумочки на столиках, уходя сдавать кружку. (За нее нужно тоже заплатить символическую сумму в залог, который ты получишь обратно, когда будешь уходить).

Часто рядом со скамьей устанавливается коляска с сидящим в ней инвалидом. Он абсолютно полноправный член этого общества, на которого, кстати, не смотрят с жалостью и сочувствием. Что ж. Ему, разве что, немного труднее, чем другим людям, но это не мешает наслаждаться жизнью ни ему самому, ни окружающим. Он – ЖИВЕТ!

Приходят сюда и молодые родители с пухлощекиными отпрысками в колясках.

Пожилые сеньоры, которых язык не поворачивается называть стариками, посещают биргартены, кафешки и ресторанчики едва ли не в большем количестве, чем молодежь. Они приходят компаниями по трое-четверо, берут по кружке пива, достают карты и весело играют в них часами.

И «половой» не косится утрюмо: стол занимают, а прибыли с них – чуть, не шваркает по ногам грязной шваброй: шли бы вы дома в картишки резаться, господа хорошие...

У постоянных клиентов, наоборот, есть и свой столик, над которым часто висит медный коровий колокольчик, украшенный цветами и лентами

(он, также может просто стоять на столе), как упреждающий флажок для других, случайных клиентов, и своя кружка, которая хранится на специальной полке под замком, ключик от которого у хозяина в кармане.

Причем, традиция эта свято соблюдается не только в маленьких пивных. Огромный Хофбройхаус, тоже имеет и такие столы и такие полки.

Иностранцы, правда, традиций этих не знающие, могут и сесть за такой столик, если он свободен. И его не погонят с гневными выкриками, даже если придет завсегдатай. Он понимающе улыбнется, перекинется с барменом (как правило – хозяином, если пивная маленькая) парой слов, и сядет за любой другой столик, терпеливо коротая время до освобождения привычного за кружкой великолепного пенного напитка.

ВОТ ЭТА УЛИЦА, ВОТ ЭТОТ ДОМ...

Ненавижу толпу, и даже если она полупьяненькая и праздничная – еще больше ненавижу. Но шли мы как-то просто по городу и набрали на праздник улицы!

Такие праздники, как мы разузнали уже потом, проводятся очень и очень часто. Просто так. От хорошего, видимо, настроения.

С раннего утра на улицах-«именинницах» перекрывается на два дня – субботу и воскресенье – все автомобильное движение. Кстати, когда «зеленые» праздновали свой праздник, они перекрыли на те же два дня одну из главных магистралей Мюнхена, Леопольд-штрассе!

Разворачиваются тут...

Вот сижу и просто не знаю, с чего начать, что разворачивается.

Наверное, просто перечислю виденное в телеграфном стиле. Пусть каждый дорисует свою картинку, и пусть не стесняет свое воображение никакими рамками, потому что российская фантазия вряд ли поднимется до высот тутошной реальности.

Ну, карусели для детей, ими уже давно никого не удивишь. Разве что скоростью установки и последующей эвакуации.

«Прыгалки»-Замки – тоже. Когда детишки с восторженным визгом валяются и скачут по надувному полу, а родителям только и остается, что стоять рядом, подстраховывая на случай – не убился бы, ненароком выпрыгнув наружу.

Проезжую часть заложили живым лужком. (Развернули дерновые скатки, полили из лейки и детишки с удовольствием стали бегать по этому газончику босиком). Прямо на этот лужок поставили сбоку пару столиков с красками. Настоящие боди-дизайнеры раскрашивают детские мордашки. Кого – под тигренка, кого – киской, кого – мышкой.

Рядом еще столик. Там тоже тетя-профи наносит на детские тельца «та-тировку». Через неделю-две, она, конечно, смоеется... А пока... Ну, почему бы и малышу не побыть крутым, ведь среди взрослых – каждый, пожалуй, второй, нынче «разрисованный».

Еще дальше всюду трудятся юные скульпторы. Взрослые дяленьки привезли много специальной глины и показывают, как из нее что-то можно лепить.

А вот малышка лет трех перед настоящим мольбертом с нее саму ростом. В руках серьезная кисть. Ручонки перемазаны краской по самое плечо, зато какой мамин портрет выходит прямо на глазах у зрителей! И даже не поймаешь, у кого больше счастья в глазах, у художницы, или у ее мамы.

Еще дальше – юные скульпторы. У одного в руках инструмент, похожий на стамеску или зубило, у другого – ножовка, которой он отпиливает от мягкого камня необходимый ему кусок.

Тут же – резчики по дереву.

Девочки, хотя – нет, тут и пара мальчиков наличествует, старательно орудуя ножницами, колдуя над бумажными кружевами.

К вечеру прямо у кромки дороги организуется вернисаж юных талантов. Хотите что-то купить? Пожалуйста. Первый честно заработанный гонорар порадует юного создателя.

Идем дальше.

Вот роликовый транспортер, по которому, вообще-то, подается пивная тара на заводе. А тут его приспособили для детского аттракциона. Опустили с борта машины на пол и катают малышей в... пивных ящиках!

Вот, тоже, детского восторгу!

На четыре улицы мы насчитали не то восемь, не то девять оркестров. Народ стоит вокруг с кружками, старательно подпеваает любимые мелодии, откликается на веселые шутки артистов.

И везде кружки, кружки, кружки и бокалы с пивом... А вот пьяных – просто нет! Да, и откуда им взяться, если крепких напитков крутом – просто море разлитое, но их никто не пьет! Как мне кажется, потому что еще больше – хорошего пива!

Не надо мой «труд» рассматривать, как пособие для изучения истории пивоварения в Германии, потому что цифры я даю, как самый настоящий дилетант весьма и весьма приблизительные, почерпнутые из доступных путеводителей, а они говорят, что количество сортов пива в этой стране приближается к пяти тысячам. Основную часть его до сих пор варят монахи.

Когда мы только приехали, наивные, вознамерились перепробовать все! сорта и отыскать самый лучший!

Сережа даже начал вести что-то вроде дневника дегустаций.

На третьей сотне он сдался. Мы поняли, что занятие это абсолютно безнадёжно, выбрали для себя пару-тройку тех, что особенно пришлись по

вкусу и теперь уже заходим в ту или иную пивную, смею сказать – со знанием дела.

Что удивительно. Стакан пива дома, в России, властно требовал прилечь и пару часиков «придавить на массу», – как говорил Алеша. Здесь же, когда наши странствия по незнакомым городам и деревушкам, порой, выматывали до такого состояния, что просто хотелось потихоньку устроиться где-нибудь под кустиком и чтобы уже никто не трогал, стоило только добрести до нужного заведения, попросить:

– Цвай вайс-бир, битте (два белых пива, пожалуйста)...

И через пол часа смело можно было идти еще столько же. Вместо того чтобы окончательно расслабиться, откуда-то появляются нежданные резервы буквально оживающего организма...

Не знаю, почему пиво называется белым (кстати, это не название, это сорт – белое), я решила, потому что оно непрозрачное на вид, наверное, поэтому – белое. Но вот такой феномен существует.

В России мы о таком и не слышали и не видывали никогда. Правда, и здесь распробовали не сразу. Сначала – даже не понравилось. Теперь же пьем по преимуществу белое.

Праздник улицы не стал исключением. А уж так мне не хотелось поначалу даже втискиваться в толпу на улице...

При ближайшем рассмотрении она оказалась не такой уж и густой. То есть, вполне можно было ходить, так чтобы ни тебя никто не трогал, ни ты никому не мешал. Набрели на развернутый прямо на площади огромный биргартен. Длинные столы, скамейки по сторонам.

Свободных мест нет. Однако, оглядевшись хорошенечко – нашли-таки пару местечек с краешку. Две литровые кружки (меньше, конечно, можно взять, но смысл? Все равно пойдешь за добавкой) в жару приятно охладнили и примирили с теснотой. Оркестр в двух шагах на импровизированной сцене наяривал что-то такое веселое, что подпевала вся площадь за исключением, пожалуй, нас двоих. Нам эти мелодии, к сожалению, ни о чем не говорили.

На эту фрау я обратила внимание давно. Она спокойно шла сквозь толпу в белых кроссовках, легких белых брючках и короткой маечке. Довершали наряд льняная панамка-шляпка, кокетливо заломленная надо лбом и такой же ткани сумочка, из которой торчал краешек глянцевого журнала.

Я подумала, грешница:

– Наши бабушки в более молодом возрасте сидят в лучшем случае на завалянках в бесформенных кофтах и моют косточки соседским дочерям.

А теперь представьте мое состояние, когда минут через 20 я снова увидела эту же леди! Перед ней стоял наполовину пустой масс (литровая кружка), а она!.. Она танцевала! И как фантастически это выглядело!

Это не была пьяненькая бабулька с мутными глазами, потухшим взгля-

дом и отвисшей губой, перетаптывающаяся с ноги на ногу. Это был танец! Легкий, грациозный. Она абсолютно укладывалась в музыкальный ритм и, наверное, смотрела с восхищением на нее не только я одна. Когда танец закончился, старушка сорвала бурные аплодисменты! Наши тоже.

Мы сидели за столиком, пока основательно не стемнело. Шли домой с удивлением подсчитывая: это сколько же мы сегодня «хватанули»? Оказалось – много. Чуть не по два литра на нос. Но не были пьяными, вот в чем фокус! Как не было пьяных и на нашем пути.

ВЕЛИКИ, РОЛИКИ, САМОКАТЫ... А ВОТ И БАБУШКА С ФОТОАППАРАТОМ...

Уже на третий день нашего пребывания в Германии, Мартина выдала нам два велосипеда. Сереже – новенький, кое где еще в смазке, а мне – одного из бывших ее опекаемых. Подарила впридачу пакет с картами и велосипедными маршрутами, проложенными в окрестностях Гамбурга. Удобнейшая штука! Расписано все, вплоть до рекомендуемой скорости движения, чтобы успеть на тот поезд или этот (с велосипедом можно и в метро и в поезда, только не в час-пик и в вагоны, для этого предназначенные), размечены места привалов и самых красивых видов или исторических мест.

До сих пор жалко, что до таких путешествий мы так и не добрались. ганзейский этот град и без окрестностей – очень большой, интересный. В нем много чего есть посмотреть и с чем ознакомиться.

Вообще-то, Гамбург, это город парков, их тут 120 на миллион, семьсот тысяч населения. Город мостов. Четыре с половиной тысячи! Это больше чем в Венеции, Амстердаме и Лондоне вместе взятых! По данному показателю Гамбург внесен в книгу рекордов Гиннеса! Во как!

Здесь же – самый большой в мире парк-кладбище. Побывали мы и там. Бодро накручивая педали.

Мне кажется, что если бы кто-то вознамерился, а главное – смог, подсчитать, сколько в Гамбурге велосипедистов, полагаю, Ханой бы мы переплюнули.

Написала «мы» и хмыкнула: кто это – мы?

Ну, наверное, все-таки в данном случае – мы, это велосипедисты, рас-

катывающие на двухколесной машине в данное время в данном (о котором, собственно и речь) месте.

Начать с того, что не всегда машина бывает двухколесной. Трехколесной для взрослых? Легко!

Бывают моноциклы. Не только ребяташки вестибулярный аппарат на таких тренируют. Видела как-то, взрослый навозмутимо катил на таком колесе, держа в руках по сумке и хитренько посматривая на окружающих: что, мол! Съели? А вам слабо?

Сразу говорю. Мне – слабо.

Иногда, так до сих пор и не поняла, зачем это, на велосипеде (двухколесном) – едут, практически, лежа.

Один раз встретился такой, у которого педали вместо руля. Крутит их велосипедист руками. Наверное, с ногами – проблема...

Попадался на глаза велик с какой-то странной ромбовидной рамой. Она на каждой малейшей выбоине подбрасывала седока и он потом долго подпрыгивал вверх-вниз, пока не исчез с моих глаз.

Тандем, виденный раньше только на картинках – здесь не фокус. Особенно на проселочных дорогах.

Бывают велосипеды с люлькой. Сзади прицепляется коляска в которой могут везти детей, а могут и небольшие грузы.

На велосипедах ездят стар и мал. Старушек и старичков лет под 90, лихо накручивающих педали великое множество. Знакомый доктор с нехилыми гонорарами, имея в распоряжении навороченный «Мерс» и БМВ, в свой праксис приезжает, как правило, на велосипеде.

Для здоровья полезно, - улыбается он. – К тому же – существенная экономия на бензине.

В нашем нынешнем доме живут драматурги, художники, практикующие психологи, актрисы и пенсионеры. Машины есть почти у всех, а велосипеды – просто у всех!

Да что там велосипеды!

Я подозреваю, у каждого четвертого есть самокат. Не один раз видела старушек, невозмутимо катящихся по тротуару с повешенным на руль пакетом с продуктами. Видела женщину лет 40 (если она выглядит на сорок, наверняка в натуре ей 60!), сложившую самокат до величины, помещающейся в сумочку, и шагнувшую на площадку подкатившего к остановке автобуса.

И если у каждого четвертого – самокат, то у каждого второго – ролики.

Весной, когда заканчивается учебный семестр, студенты и просто жители больших студенческих городов иногда устраивают этакий «роликовый ход». На несколько часов прекрывается для движения автотранспорта город и тысячи любителей роликов несутся нескончаемым потоком несколько часов подряд. В сгущающихся сумерках ролики сверкают разноцветными фонариками, катятся среди юных родителей коляски с детьми, влюбленные

пары держатся за руки, старики ведут неспешные беседы в процессе долгого пути...

Когда увидела это действие впервые – сначала долго смотрела просто так, ожидая что с минуты на минуту все закончится. Но через пол часа поняла – я даже за фотоаппаратом сбегать успею. Успела. Встала, на всякий случай, под защиту фонарного столба, ибо скорость-то у роллистов – приличная, и начала снимать. И вдруг, на чистом русском языке комментарий из толпы:

– А вон бабушка с фотоаппаратом стоит...

Спасибо, дорогой...

Хотя, наверное, ты, выюнош, и прав. Бабушка с фотоаппаратом... Это я...

ЕЩЕ НЕМНОГО МЕТРО И ЗАЙЦЫ В НЕМ

Сориентировались по карте и охнули: вот это оттопали от дома! Сережа быстренько потащил меня ко входу в метро. И я, бестолочь, пока зевала по сторонам, где тот автомат, в который нам надо будет бросать последнюю денежку (мы как-то незаметно растрывкали почти все до копейки, что было в кармане), что вот уже и поезд пришел, а я все кручу головой.

А народу!

Примерно как в Московской подземке.

Но, удивительно, я думала, и в вагоне будет так же. Ничего подобного. Абсолютно свободно!

Я сопротивляюсь, где билет берут? А Сергей меня уже со злоющим лицом в вагон толкает: «Да садись ты, Господи, Боже ты мой! Какой билет? Сегодня праздник – метро бесплатно!»

Понятно, не верю, но лицо-то злоющее... Сажусь, внутренне пыхтя и негодуя.

На наше счастье, не было контролеров. Бесплатный проезд «стоит» от 40 до 60 евро! Так что, если кто хочет последовать этому нашему примеру, не советую. Нервов вытреплете больше.

В целом – система такая.

Одноразовый проезд, конечно, немислимо дорог, особенно, когда начинаешь переводить на рубли. Допустим, одна нормальная поездка в один конец – 2-20. Бывает «короткая поездка». 50% от нормальной. Включает в себя либо 4 остановки автобусом или трамваем, либо две – вышеуказанным и две – метро.

Осматрившись и освоившись с языком, с удивлением узнали, что по-

купать билет каждый раз, входя в автобус или трамвай, – совершенно дикая затея. Удобней спокойно менять средства передвижения в течение 2 часов в определенной зоне. А вот если едешь назад, даже через полчаса – тогда нужно покупать новый билет.

Откуда контролер узнает, в какую сторону ты едешь и когда сел в автобус? Очень просто. Мало – купить билет. Его непременно надо прокомпоновать. И тогда на нем пробьется вся необходимая информация. Где ты сел, во сколько и куда ехал.

Но мы немножко позднее узнали об еще одной штучке. Проездной билет на один день. Можно ездить компанией до пяти человек целый день на любом транспорте. Хоть туда, хоть обратно. До самых 6 утра следующего дня. Катайся – не хочу!

Комбинаций билетов – тьма тьмущая. Потому, когда к нам приезжают друзья, я, уже ориентирующаяся во всех этих хитросплетениях, быстренько прикидываю для них оптимальный вариант. Иногда, правда, мои подсчеты «широкие» натуры россиян нервируют, но «нервные», платят вдвое больше, как минимум, ибо – снова и снова повторяем: «Информация стоит денег».

ВДОВЬЯ ДОЛЯ

Пара слов в путеводителе будит любопытство. Что же за квартал такой – вдовый, что сохранился с 15 века? Едем смотреть и не жалеем.

Во всей своей красе сохранена целая улица. Там раньше жили вдовы разорившихся купцов, которые после смерти мужей оставались совершенно не у дел и абсолютно без средств. Рушится еще один миф: «На Западе (гнилом) – человек издавна человеку – волк, а не товарищ и не брат». С удивлением узнаем, что в этом «вошьем обществе», город и 200 лет назад не бросал на произвол судьбы бедных женщин. Для них выстроили целый квартал. Сейчас это оживленный туристский уголок старого Гамбурга. Улочка шириной метра в полтора-два, не больше. Домики высотой в 2-3 этажа, слепленные в своего рода длинный «барак». Никакого общего коридора в том «бараке», понятно, – нет. У каждого – индивидуальный вход с улицы.

Ныне там никто уже не живет. Помещения переоборудованы под ресторанчик, да музей с лавкой чаев и сладостей к ним. Еще – сувениры у самого входа в улочку. Вот, пожалуй, и все.

Пространство между домами настолько узкое, что ресторанные столики, за один из которых мы присели выпить по бокальчику пива, рассчитаны лишь на двоих. Официантка в возрасте, тем не менее – резво ныряющая на кухню и обратно, нашла минутку рассказать, что вот этот страшного вида аппарат с зубчатыми колесами у входа в кухню – это не что иное, как сби-валка для масла. Лет ей, наверное, под 300. Сейчас в неё насыпана земля и растут цветы. И что в домиках этих жили исключительно только женщины, о которых некому было больше позаботиться, кроме как городу. И что если мы придем завтра с 10 до 5, то сможем посетить музей и все внимательно рассмотреть.

Смеркалось. На столике нашем уютно подрагивала свечка в круглом сте-

клянном светильнике. Неподалеку зазвонил колокол. Из раскрытых окон рестораника доносились приглушенные голоса, негромкий смех. Никакой разухабистой музыки, пьяного гомона... Мы долго сидели молча. Не хотелось ничего. Ни уходить, ни разговаривать.

Потом мы, конечно, навестили музей, разместившийся внутри одной из квартир. На первом этаже – крохотная прихожая и кухня в две ладошки. Обеденный стол вплотную к окну. Шкафчики и крючочки над плитой, заполнены начищенной медной и оловянной посудой. Узкая лестница на второй этаж. Кровать под пологом, упирающаяся одной из спинок в теплый печкин бок. Невиданая нами доселе крохотная плита, одним своим краем встроенная в большую печь, вторым – опирающаяся на высокие ножки. На ней можно, наверное, и сегодня, сварить чашку кофе, истратив пару лучинок.

Несмотря на крохотность помещения – отдельным пространством выделена «гостиная» с «мягкой мебелью». Небольшой диванчик, два кресла и круглый стол, покрытый кружевной скатертью. А как же? Если женщина одинокая, так к ней уже и в гости никто не придт? Правда, мужчин сюда водить было строго-настрого запрещено. Вдова? Должна блюсти себя... Напла другого спутника жизни? Никто не держит. Съезжай и живи с ним на здоровье...

Еще одна винтовая лестница на чердак. Точнее даже не чердак – мансарда. Наверное, летом там можно было вышивать, вязать, ткать, рисовать, да, мало ли еще какими хобби заниматься? Хотя – наверное – вряд ли. Погода в Гамбурге уж очень переменчива. Только что было жарко, но набежали тучки, дунул ветерок и становится очень даже понятно, почему, выходя из дому, народ перепоясывается кофточками и курточками или набрасывает их на плечи. Никогда не знаешь – помешает ли тебе теплая одежда к вечеру?

ПОВТОРЯЮ, КТО НЕ ПОНЯЛ, В ТРЕТИЙ РАЗ: «ИНФОРМАЦИЯ СТОИТ ДЕНЕГ»

В один из дней, когда мы уже довольно долго прожили в Германии, нас навестила приятельница из Москвы.

Не замечала прежде, чтобы кто-то обижался на наше гостеприимство или нерадушный прием. Но тут гостя оказалась с запросами. Ей сразу не понравилась моя манера подсчитывать, во что обойдется проезд, где можно за такую же вещь отдать меньшую сумму. В общем – все было «не так».

В один из дней она пригласила нас – в свою очередь – в знаменитый пивной рестораник, в который мы обычно водили своих гостей. Точнее, договорились, что ведем ее мы, но расплачиваться будет она «и никак по-другому!».

Хорошо. Кто бы возражал.

Атмосфера в старинном сводчатом с росписью зале была обычной. Тьма народу, но свободный стол все-таки находится. Громкая музыка, живой оркестрик в национальных костюмах, сигаретный дым, снующие официанты, девушки в нарядных платьицах разносят брецны, уложенные пышной стопкой в красивые корзинки, накрытые льняными салфетками. В общем – все как всегда.

Мы взяли в руки меню и начали прикидывать: «Нам вот это блюдо, одно на двоих...»

Завершить фразу девушка Сергею не дала:

– Так! Надоели ваши подсчеты! Я плачу! Расслабьтесь! Заказывайте что хотите!

Сергей, было, открыл рот, но, наверное, я слишком выразительно на него посмотрела, потому что он его закрыл. Дальше сюжет разворачивался по типу водевиля. Пришел предельно вежливый длинноногий официант в черной брючно-жилеточной паре, обернутый в длинный форменный фартук. Тщательно записал – кому чего поесть, кому чего выпить. И дальше прозвучала фраза, теперь ставшая в нашей семье крылатой: «Ну, и по салатнику, да, ребята?! С креветками».

– И по салатнику, – не возразили мы. – С креветками...

Первое, что принес официант уже через 2 минуты, было пиво. В литровых кружках. Наша девушка (метр с кепкой ростом) слегка обалдела, но Сергей ее просветил: меньше здесь не наливают. Если ты хотела меньше, то надо было заказывать Вайсбир (белое пиво), а не Хеллес.

Еще минут через 10 официант начал таскать на наш стол все, что мы заказали. Буквально – таскать, потому что как назвать другим словом, когда перед каждым ставится тарелка диаметром с тележное колесо? На нем (на «колесе»), граммов триста мяса с аппетитной, зажаренной в пиве, корочкой, два здоровенных кнедля величиной с кулак. Все это залито ароматной подливкой. Рядом устраивается десертная тарелочка с капустным салатом. Пару еще теплых брецнов, по полметра в диаметре, мы купили у проходящей мимо красотки еще в процессе ожидания заказа. Они чрезвычайно понравились нашей гостье, и она с удовольствием отламывала кусочки, густо посыпанные крупной солью.

По мере выставления перед нами тарелок глаза ее все больше округлялись. Я смотрела на Сергея совершенно нейтральным взглядом, но он-то прекрасно знал, что сие означает. Ему было известно, что это еще не конец спектакля...

И через пять минут настал «апофигей». Официант принес «и по салатнику». В традициях этого ресторана «и по салатнику» означает каждому еще одну тарелку величиной с такое же тележное колесо, что уже стоит перед каждым из нас. На ней громоздится гора из не менее чем десяти сортов овощей и трав, среди которых посверкивают нежно-розовыми бочками креветки, семечки, орешки и прочая вкуснота.

Иногда летом, когда жарко и не хочется есть, мы заказываем себе один такой салатик на двоих, еще одно блюдо с неблагозвучным для русского уха названием «Обадза» (розовый шар величиной с кулак, смесь из сыров с перцем, тмином и сливками, овощи и кусочек черного хлеба) и по кружечке пива. Вкуснотища! И официант не удивляется и не кривит лицо. Иногда – сам, без дополнительной просьбы, приносит пустые тарелки, а уж два прибора – вообще не впрос.

За личиком нашей гостью в это время надо было наблюдать и я не отказывала себе в удовольствии.

Далее, мы (по крайней мере я-то уж, точно), невозмутимо принялись за ужин. И тостам не было конца...

Естественно – мы не съели и половины того, что было навалено на нашем столе. (Пиво выпили всё). Обошелся этот пир московской гостье более чем в сотню евро. Она храбрилась и смеялась, но было видно, что бездарно потраченных денег ей все-таки жаль.

А я... Простите меня, люди добрые, что читают сейчас этот текст. Я человек абсолютно не мстительный и не злопамятный. Но тот случай я запомнила хорошо и чувствовала себя тогда великолепно! Не надо, я до сих пор считаю, крутить пальцы всером там, где ты ничегошеньки не знаешь. Слушай, что говорят аборигены. По крайней мере – выслушай до конца, прежде чем принимать решение. Ибо информация, еще и еще раз повторюсь, стоит денег.

... СЧАСТЬЕ НА ВЕКА!

Количество бронзы и меди на квадратный метр площади европейских городов поначалу просто поражает. Потом к этому привыкаешь. Хоть и не сразу. Однажды нарисовалась в воображении такая картинка:

Шура Балаганов (помните? «Пилите, Шура, пилите...»). Так вот, висит такой Шура Балаганов на очередной медной водосточной трубе, смазывает злую слезу с грязной щеки, одной ногой отбрыкиваясь от стаскивающего его полицейского, возит по трубе ножовкой и, всхлипывая, приговаривает:

– Ишь, гады! Куда цветной металл девать – не знают... Тут на водку не хватает...

А и крыш, и ворот, и калиток, и фонтанов с фонтанчиками, и разнообразнейших «девушек с веслами» и «пионеров с горнами», и водосточных труб, действительно, «понаделали». Медные, пока новенькие (или начищаются специальными пастами), сияют золотом. Несколько лет. Потом-то – темнеют, зеленеют. Говорят, одного из фермеров, покрывшего свою крышу медью, спросили, не дороговатое ли удовольствие?

– Дороговатое, – ответил он. – Первые двести лет. Потом – ничего.

Похоже, что они все строят именно так, с расчетом, что дороговато будет только первые двести лет. Поэтому и Пассау, в котором мы потом побывали, от прокатившегося через него «наводнения века», отделался в основном порчей столов-студьев-холодильников. А что сделается стенам полуторамертовой толщины? Ничего. Просохнут и снова можно жить.

Хотя, когда смотришь на довольно высококонького хозяина таверны, который стоит в дверях своего «утопавшего» заведения и видишь еще в метре над его головой отметку «хохвассер 2002», становится достаточно неудобно.

Или когда замечаешь такую же отметку чуть ниже балкона второго этажа, тоже поеживаешься.

Есть на стенах отметки и метра на полтора повыше самой свежей. Правда, это уровень наводнения семнадцатого века.

Но ничего. Город снова красив и приветлив. И утопает сегодня разве что в цветах.

Цветы уже не поражают. Они – везде. На балконах и крышах, в окошках и витринах, просто в вазах рядом с проезжей частью улицы. Ими заполнены старинные соковыжималки и аппараты для сбивания масла. На аккуратно постриженном газоне может стоять старая-престарая тачка, полная цветущих растений.

Главная магистраль Баден-Бадена, например, буйствует распустившимися розами. Всех цветов, сортов и размеров! Сначала удивляешься и как-то смутно понимаешь: что-то здесь не так... Не должно так быть...

Потом соображаешь: даже в Сочи вдоль дороги растут хилые, чахлые, насквозь больные, хоть и самые неприхотливые кусточки. Потому что транспорт, проносившийся мимо, выхлопывает такую дрянь, которая губит все живое просто на корню.

Здесь же этого нет. И самый четкий индикатор чистоты воздуха – цветущие розы.

ЗАПРЕДЕЛ

«Новой газете» вручают премию газеты «ди Цайт» за острые материалы из «горячих точек». Награждение проходит в Кайзерском зале Гамбургской ратуши. Премию получает Анна Политковская. Мы в качестве приглашенных, влетаем в последние минуты, чуть не опоздав по причине самой банальной. Не зная города – опять слегка заблудились.

Поверили «аборигену», живущему рядом с нами такому же стипендиату, как мы, из Туркменистана, что уж он-то знает, как туда добраться, потому и не посмотрели на карту. И зря! Оказалось, что наш провожатый все свои маршруты прокладывает от одной станции метро. Которая в пяти кварталах от ратуши. И вот, вместо того, чтобы спокойно доехать до самого парадного подъезда, мы выходим вместе с ним на той самой, знакомой ему, и потом петляем по улицам, в поисках нужного нам места. Потихоньку ругаюсь плохими словами, проваливаясь каблучками в щели между бульжниками мостовой. Жарко! Сбрасываю пиджачок и в последнюю секунду успеваю схватить Сергея за рукав, когда он рывком перебежать дорогу невзирая на красный сигнал светофора.

– Румыны? – невозмутимо интересуется у него старушка, стоящая рядом.

– Русские, - отвечает Сергей. – А, почему, румыны?

– Румыны не смотрят на светофор...

Подумала с пол минуты и добавила

– И русские...

Загорелся зеленый. «Воспитательный урок» прекратился сам собой и мы побежали дальше. В зал влетели, когда в него уже входил бургомистр.

Зато в перерыве и после торжественной части вволю пошлялись по коридорам и холлам, залам и кабинетам. Посмотреть там было на что. Ну, музей, да и только!

Ратуша эта построена вновь на месте старой, которую вынуждены были в 1842 году попросту сжечь. Оказывается в том печальном году в Гамбурге разразился страшный пожар. Выгорело чуть не 80 процентов города. За ратушей был достаточно бедный район и если бы ее не запалили, он бы тоже сгорел. А так, видимо, сделали то, что делают, когда тушат лесные пожары. Направленный навстречу огонь сшибается с тем, что уже горит всюю и происходит такая феноменальная вещь: оба гаснут.

Когда начали город восстанавливать, благодарные жители отстроили ратушу в таком вот виде. Смотреть на все это без восхищения невозможно. Причем, совершенно наповал сражает такая «мелкая» подробность – в это здание можно сходить на экскурсию и при этом даже зайти в кабинет бургомистра.

Ну-ка, зайдите кто-нибудь в российскую «ратушу», а тем более – в кабинет бургомистра?

– Чего, мол, ты?

– Да, так. Посмотреть...

Ага...

И это еще при том, что Гамбург имеет статус земли. Это, как бы на наш перевод – есть у нас области, края и прочие образования. А у них – земля. Т.е. бургомистр Гамбурга – он в переводе на наш статус – равнозначен мэру Москвы. Или – Ленинградской области.

Ну, вот, зайдите в кабинет Лужкова – просто так. Посмотреть – как он там поживает. Или к Матвиенко госпоже. Посидите в их креслах (когда их нет, естественно, когда же еще).

Полюбуйтесь обоями из тисненой кожи. (Хотя – это в зале бургомистров (по-нашему – зале совещаний) – обои из тисненой кожи. В кабинете бургомистра они из войлока, пропитанного маслом и потом спрессованно-го всякими узорами).

Хрустальными люстрами полюбуйтесь. Шикарными росписями и лепниной потолков. Поинтересуйтесь – какие книги стоят за стеклом в книжном шкафу. Протяните руки к камину. Правда, в свободный для посетителей день его не топят, но он еще со вчерашнего теплый.

Как-то повели мы наших друзей, навестивших нас в короткой своей туристической поездке, показать все это великолепиие, так они не столько по сторонам смотрели, сколько сжимались, не веря ни себе, ни нам, что встретившийся в коридоре чиновник, пробегающий из кабинета в кабинет с папочкой под мышкой, не вызовет охрану, не поперет посторонних, «шляются тут, работать мешают!», а вежливо улыбнется, да еще и «гутен таг» бормотнет на ходу.

Ну, так, он и встретился. И улыбнулся. И бормотнул. И побежал по своим делам. А мы пошли дальше щелкать своими фотоаппаратами. Все – штатно.

ПЛАНТЕН УНД БЛЮМЕН

Так называется парк, раскинувшийся на несколько гектаров и неподалеку от которого мы живем. В переводе означает незатейливое «Растения и цветы»

Первая же прогулка по нему просто потрясла!

Я не знаю – точно ли я поняла, но поле, сплошь синее от васильков, а через пару часов – сплошь красное от маков – называется мавританский газон. На нем так подобраны одновременно засеянные растения, что вот такой необычный эффект. Когда закрываются одни – раскрываются другие.

Но главный шок ожидал нас вечером.

Сочинцы! Ау! Вы валом валили перед выборами в газеты и на телевидение: ах, какой плохой этот предприниматель Валерий Удалов, который порушил нашу единственную городскую достопримечательность, гордость и радость, цвето-музыкальные фонтаны! Ату его! Не выбирать никуда больше! И фонтаны пусть вернет!!

А хотите, я вам скажу крамольную вещь? Да не было у нас там никогда того, что в мире называют цвето-музыкальными фонтанами! Кстати, то, что однажды построил Удалов на месте старых и, донельзя, к тому же, обветшавших, и оно только чуточку, только в весьма слабом приближении могло называться цвето-музыкальным...

Здесь же, в Гамбурге, зрелище это – просто феерическое! Музыка каждый день разная, но по преимуществу – классика. Мы попали на классическую.

Фотоаппарат-мыльница оказался бессилён передать всю увиденную красоту.

Сам бассейн, на котором разворачивается действие размером с футбольное поле, естественно-неправильной формы. По сторонам водоема стоят лавочки, на которых к 10 часам вечера собираются зрители. Их много, ска-

мейки занимаются все. Тем, кто подтягивается после сидячих мест не достается. А им и горя мало. Разворачивают прихваченные из дому раскладные стульчики, иногда даже шезлонги, а кто-то устраивается на специальной для газона, с одной стороны водонепроницаемой - подстилочке.

Еще у входа разглядели указатель: «С собаками гулять. Мусор бросать в урны. На велосипедах – кататься!» И это снова потрясло. Мы ж больше привычные к: «По газонам не ходить!» «Не курить!» «Не сорить!» и прочим строгим НЕ!

Здесь по газонам ходят. На них валяются в обеденный перерыв, на них загорают, как только капризная гамбургская (примерно такая же, как английская) погода выдает солнечных полчаса. На них даже приходят в выходной большой компанией с чадами и домочадцами, разворачивают грили (жаровни на высоких ногах с горящими углями и решетками, на которых жарят все что угодно от мяса до овощей и кукурузы початками), пьют пиво, едят сосиски, играют в футбол и бадминтон, бегают наперегонки с собаками...

А иногда такие газоны превращаются просто в большой нудистский пляж. Даже не большой – огромный. И от такого скопления голых разнополых тел в обморок падаю, пожалуй, я одна. С непривычки. Проходящие по дорожкам молодые турки с интересом посверкивают по сторонам блестящими глазами, а турчанки скромно опускают взгляды.

Но пока – все-таки – к фонтанам.

К десяти часам вечера (зимой, говорят – начинают раньше, потому что раньше темнеет), все окрестные полянки забиты сидящими, стоящими, пьющими, жующими, гомонящими (много по-русски) – людьми.

Стемнело. Приятный мужской баритон коротко поведал, что и в чем исполнении будем мы сегодня слушать. И смотреть.

Марш Мендельсона помните?

Конечно, - ответите вы. Кто не помнит?

Так вот услышите мысленным ухом первые его аккорды еще раз!

И представьте, что вместе с музыкой в небо взматается фонтан метров на 50! И чем выше взлетает музыка, тем выше устремляется пенная струя.

Сначала она кипельно белая, аж с синевой. Потом белый цвет сменяется розовым, как оперение фламинго. Потом снова белый, кремовый, голубой, снова белый!

То из струй возникает гигантская полукруглая фата, переливающаяся всеми цветами радуги, то вступают скромно, но ведут свою партию четко и чисто вставшие из зеркала озера дивные водяные цветы, полагаю, очень сильно похожие на каменные Данилы-мастера из сказок Бажова. Лепестки дрожат, не тая в водяном хрустальном мареве. Тычинки осыпаются бриллиантовыми брызгами и снова набирают силу, чтобы в следующее мгновение рассыпаться пригоршней сапфиров или рубинов.

Все действие длится полчаса. И все полчаса потихоньку стираешь вместе

с алмазной пылью с лица непрошенные слезы восторга и зависти. Ведь вот, светится позади фонтана реклама отеля Редисон САС. Вон он стоит, во всей своей высоченной красе, точно такой, как в Сочи. Типовой. Может, все, что уже произошло и происходит с нами – это просто какой-то морок, наваждение? Может, сзади море и надо только оглянуться? А после концерта податься на Курортный проспект и поехать домой, в Адлер?

Потихоньку оглядываюсь. Нет. Не наваждение. Склон, заполненный восторженными людьми. Чужие лица.

И еще что запомнилось – так это утки.

На фоне бело-розового задника – фонтана, с озера вдруг взлетела пара уток черными силуэтами и низко-низко ушла в бархатную темноту над головами зрителей.

Перечитала свое описание фонтанов и поняла, слабо. Все слова слабы и беспомощны. Это надо видеть. Не опишешь.

В этом же парке бывали потом еще и еще. И он все время разный. Сначала поразили буквально разноцветные, в рост человека, сутробы цветущих азалий. От нежно-белых до черно-багровых. Листвы не видно. Одни цветы.

Цветут маки! Дико-махровые и огромные в пригоршню не поместятся и целыми клумбами. И никакие наркоманы за ними не гоняются! И никакая полиция не сажает садовника по подозрению в наркоманстве.

Пионы размером с детскую головенку всех цветов!

Шиповник не только розовый и белый – кремове-сливочно-желтый. Ни разу такого тоже не видела.

Цветет черемуха. Поляны цветущих ландышей. Потом – поляны земляники. Все это источает неземной аромат.

Так что: «ах, березки, у нас – березки...» Оставьте. Видели бы вы, какие березки только на этих аллеях. Да и других мест с березками тут предостаточно.

ТАМ-ТАМЫ В ПАРКЕ

Прямо у нас за калиткой – еще один парк. Странная смесь леса и регулярно стриженных газонов. Здоровенные дубы в четыре обхвата, платаны, еще какие-то растительные монстры, дают много тени, в которой вечерами собирается молодежь (по преимуществу – чернокожие и в мелких косичках). Такое впечатление, что здесь громадная бесплатная площадка для тренировок студентов цирковых, театральных или музыкальных училищ. Рокочут барабаны, взлетают в воздух жонглерские булавы и шаррики. По натянутым между двумя деревьями канату ходит и падает, снова ходит и снова падает, парнишка лет 16.

Можно пойти и посмотреть. Послушать. Почти готовый номер. Бесплатно.

Однажды, было, приуныли. Неподалеку от нас, на краю парка, прямо на глазах стал возникать большой брезентовый шатер, устанавливаться музыкальные колонки.

– Ну, все... Конец тишине и птичкам по утрам...

Оказалось – ничего подобного. Небольшой холм прекрасно глушил все звуки, а происходящее на поляне можно было чудно слушать, расположившись не внутри палатки – за деньги, а вполне себе бесплатно. Чем и воспользовалось, как мне показалось – просто пол города.

Целую неделю, пока проходил джазовый фестиваль, все, кому не досталось билетов, располагались точно так же, как перед цвето-музыкальными фонтанами в «Плантен унд блюмен» – на прихваченных с собой одеялах по склонам окрестных холмов. И аплодировали не хуже, чем «счастливчики» внутри.

Пивко можно было поглощать прямо в процессе. (Голубых кабинок биотуалетов строители запасли предостаточно).

И еще что тогда поразило – комаров – ни одного! Сиди, хоть до утра, никто не кусается.

Наутро, проезжая сквозь парк на великах, впервые увидели «гномиков», которые приводят в порядок немаленький массив. Оказалось – никакой особой механизации-то и нет. «Сканирует» свой участок «от сих до сих» - обыкновенный мужичок. Очень пожилой, кстати. С длиннющими щипцами. В левой руке – пакет, в правой – удобное приспособление. Вытаскивает из травы каждый окурок, каждый клочок бумаги, банку, бутылку, все, чему здесь совсем не место, и сбрасывает в мешок.

К 8 утра у дорожки уже стояло несколько полных пакетов с мусором. Так что, как там у нас было-то? «Чисто не там, где метут, а там, где не мусорят»? У немцев думается иначе: «Чисто не только там, где не мусорят. Особенно чисто, там – где все-таки – метут».

ПОЧТА, ТЕЛЕФОН, ТЕЛЕГРАФ ... ТЕЛЕВИЗОР...

Выяснилось, что у нас плохо показывает телевизор. Хотя картинка была по качеству абсолютно такая же, какую мы смотрели дома. Полагая, что все нормально.

Но Мартина поцокала языком, покачала головой, сказала, «нихт гут!» и решительно забрала агрегат для ремонта.

Позже поняли, таки – да... «Гут» – это когда и картинка куда более четкая и каналов не десяток, а штук сорок. Есть на английском. Есть французский. Очень хороший, «Арте» называется. Есть турецкие. И не один. Есть еще какие-то. Русских нет.

Сами немцы своим телевидением недовольны. Насилия много. Убийств и криминала. Секса тоже... Хотя мы стрелялок-убивалок долго не видели. Или – это в сравнении с нашим «отмороженным» ТВ так кажется. Или же идут поздно ночью.

Что очень сильно не понравилось, после 24 часов смотреть практически нечего. Вот тут уже детективы, ужастики и масса эротики!

Очень сильно раздражающей. Не в смысле, в котором можно подумать, и на который, наверное, все эти «произведения искусства» направлены, а в буквальном.

Нет. Я не ханжа. Я, психолог по одному из образований, считаю, что все это есть и все это очень важная составляющая человеческой жизни, но когда после часа ночи на какую кнопку ни ткнешь, с экрана одни только старательные вопли, вздохи и сопение, и одни только усталые тетки с тоской в глазах снова и снова размазывают по накаченным синтетикой сиськам-писькам кисель или пытаются изобразить страсть неземную, тщетно скры-

вая отвращение к партнеру, а то и к партнерше, ну, не люблю я этого... Не люблю. Я считаю, что техника ныне шагнула достаточно далеко. Есть масса кассет, дисков, других носителей информации, с которых озабоченные могут любоваться всеми этими прелестями индивидуально – сколько угодно.

Понравился канал, который глубокой ночью демонстрирует чудные картинки из космоса или прекрасные пейзажи из всех краев земли. Под спокойную музыку. Вот это завораживающее действие я могу смотреть хоть до утра. А оно и крутится почти до утра.

Еще что смотрю ночью с большим интересом – это уроки американского художника Боба Росса. Кто-то сморщит носик: «Фи! Ну теперь понятно! И это – твой уровень!»

Да, морщите сколько угодно. Я отлично отдаю себе отчет в том, что искусство живописи – и гораздо сложнее и гораздо многограннее и требует много чего, что или есть или его нет. Но Боб сдвигает лично во мне какой-то клапан. Какую-то крышку, которая позволит однажды сказать себе: «А ты не сиди на заднице ровно, не сиди! Ты попробуй. Хотя бы – вот так, как делает это он, легко и непринужденно. Он дает тебе технику. Т.е. учит писать «палочки и крючочки», без которых не получается «Я помню чудное мгновенье». А уже как применить эту технику – будет видно».

Художественные их фильмы, возможно, от незнания языка, как-то меня особенно не впечатляют. А вот огромное количество документальных – то просто приводит в совершенный восторг.

Длинные. Подробные. Смотрели однажды часа три как строил себе дом молодой крестьянин. Не сам строил. Вместе с женой пальцем тыкал архитектору в показываемые ему альбомы. «Хочу такие окна, такие двери, такую башенку над крыльцом... Внутри – вот такой кафель для камина, вот такой – для ванной. Два туалета – достаточно. Один для себя, второй – для гостей. Вот здесь три розетки, а вот здесь ее вообще убрать. Тут будет стоять сынулькина кроватка, не дай Бог, сунет в опасное место пальчик...»

Потом пришли строители. Чистенькие ребята. Синие комбинезоны, а вовсе не лица. Рядом со строящимся домом сразу заложили огромный резервуар. Как оказалось – для сбора дождевой воды с крыши. И правильно. Зачем платить за питьевую и использовать ее для полива, стирки и прочих хозяйственных нужд?

Много времени ушло на фундамент. А потом, собственно, начались чудеса. Стены собирались из легчайших «кубиков» по типу детского конструктора «Лего». То есть, куб строительного пенобетона размером метр на метр свободно поднимает пятилетний ребенок. В каркас из металла легко и быстро плотно пригоняются друг к другу кусочки стен, не требуя дополнительного крепления.

Потом на стройку приехал большой бетон-миксер. Жужжал целый день.

Промежутки между легкими пенобетонными стенами залили бетоном настоящим.

В самый же последний день укрепили на коньке изящный флюгер. Забив последний гвоздь, тот, кого я мысленно окрестила прорабом, поднял на веревке поданую снизу бутылку пива, откупорив, вылил часть содержимого на крышу, глотнул сам, поднял руки и громко-громко... запел!

И все, кто был внизу, строители, хозяин с хозяйкой, сын с котом на руках, все подхватили песню, допели ее, поаплодировали тому, на крыше, друт друту.

Хозяйка открыла дверь, пропустила внутрь ребенка с кошкой. Все улыбались.

Я – плакала почти навзрыд! Ну, почему! Ну почему так нельзя жить в России? Почему наша деревня, не самая, кстати, плохая кубанская станица, в которой я однажды прожила месяц, когда была «мода» в качестве «шефской помощи» посылать на уборку урожая горожан, беспросветно грязная и унылая? Или мы глупее? Или руки у нас приделаны не там, где надо?

Почему в наших деревнях – «удобства» во дворе – повсеместно?

Почему здесь канализацией обладает самый малюсенький хутор в такой глубинке, где и домов-то, хорошо, если десяток вместе с кирхой? И в домах 16-17-го веков прекрасно живут люди. Пьют по вечерам чай на террасах при свечах. Не потому, что у них нет электричества, а потому что так уютнее и приятней.

В довершение того, увиденного на экране, строительства на крыше дома смонтировали солнечные батареи...

Ну, и скажите, будет теперь хозяин зависеть от «ихнего Чубайса» с его энергосистемами? Или от Водоканала, который денег дерет с жителей не меряно («Перерасход у нас...»), а воды отпускает – через час чайную ложку.

А перерасход... Перерасход. Плавали, знаем, откуда берется иной перерасход.

... И КОЗЕЛ, КОТОРЫЙ ВСЕ ЭТО ОПЛАЧИВАЕТ...

Помните анекдот о количестве зверей, необходимых «приличной женщине»? Ягуар – в гараже. Песец на шее. Тигр в постели. И козел, который за все платит...

Работала инженером по технадзору за строительством в одном автохозяйстве. В обязанности мои входил и ремонт старых сооружений.

Возникла как-то проблема. Появилась у въезда на территорию – лужа. Сначала – небольшая. Потом – начала разрастаться. Вот уже и лягушки в ней заквакали, осока с камышами по краям проклюнулись. Выяснили – не родниковая вода в болотце этом собиралась. Как признали водоканальщики: «Труба где-то подтекает, язви ее... А вот где? Да фиг ее знает... Раскопать? Отремонтировать? Ну, не фонтан же пока? А на будущий год деньги в смету заложим, если дадут... Если будут люди...»

В общем, вызвал меня шеф и приказал:

Что хочешь делай, а чтоб воды мне там больше не было...

Да, Борис Андреевич, - взмолилась я. – Не наша труба. Не можем мы к ней даже прикасаться без согласования с Водоканалом! К тому же – не на нашей территории. На дороге. А течет к нам, потому что мы чуть ниже, чем уровень дырявой трубы...

Не знаю! – рявкнул шеф. – Грязюка надоела! Прими меры! Иди!

Выход из положения я нашла. В ближайший субботник, даже не глянув в сторону готовых к посадке гималайских кедров, туй, кипарисов и прочих вечнозеленостей, на которые и рассчитывал шеф, затребовала ивы. Правда, за ними пришлось самим тащиться в какую-то глухомань питомника, самим копать, самим через весенние ручьи перетаскивать...

Да и получила я «на орехи» по полной программе.

Я тебе говорил – кедр! – гневался начальник! – А ты чего притащила? Сама по осени замучаешься за ними листву сгребать!

Так, не было кедров, – не моргнув глазом, врала я. – Надо было заранее кедров заказывать! А субботник уже завтра! Ленинский. Чем перед райкомом отчитываться будем? Или вообще не надо было ничего брать?

Не было, – продолжал бушевать шеф! – А чем ты раньше думала?

Так, не было команды деревья сажать. Думала, – как всегда. Выйдем, помоем-покрасим, и достаточно.

Ивы те «схватились» очень быстро. И в рост пошли с невероятной скоростью. Через пол года от лужи не осталось следа. Ива – она ведь «водохлеб» известный. До сих пор, если случается мне проезжать мимо роскошной теперь уже ивовой аллеи протянувшейся вдоль автохозяйства, вспоминаю и свою нехитрую хитрость и приходит на ум: «Поливает их, в сущности, рядовой плательщик, житель города». Насколько я «в курсе», трубу эту так никто никогда и не трогал, не ремонтировал.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «НАШИМ БАРАНАМ»...

В общем, не знаю, правильно ли я, безъязыкая, поняла реалии того документального кино, но показалось мне, что от выбора проекта до новоселья прошло едва ли больше трех месяцев. И уже через пол года съемочная группа сидела в гостях у того крестьянина на зеленой лужайке, (специально выращенный газон привезли в рулонах, раскатали на заранее выровненной площадке, полили, через недельку-две – подстригли), пили во дворе из красивых чашек чай под белым матерчатым шатром-беседкой, рассуждали о видах на урожай, о политике, похоже, маленько поругивали правительство: кризис углубляется, жить становится все труднее...

ЛЮБИМОЕ «МЫЛО»

Ну, и уже, «чтоб два раза не вставать» – еще немного об их телевидении. Подсела на передачи «Перфект динер» (званный ужин) и «Тауп-мама» (что-то типа мама на обмен). Убиваю несколько зайцев одновременно. Учю язык и знакомлюсь с бытом и нравами.

Говорят – «Перфект динер» ныне и у нас всюду кажут, но главное, что я выщипываю из этой передачи здесь – это и традиции приема гостей. И – смотрю – как живут люди.

Суть передачи простенькая. Редакция собирает 5 желающих, которые по кругу ходят друг к другу в гости. По итогам – ставят оценки и за угощение и за «развлекательную программу». Кто в итоге выиграл – получает приличную сумму призовых.

Поражает многое. Однажды гости ожидались в доме молодого фермера, выращивающего картошку. Овощи для стола он покупал (покупал!!) – в собственном магазине. Дом его стоял на краю деревни. Из окна – большое поле. Внутри – полный городской уют и все городские удобства. Разве что кухня метров 40, каких обычно в городе не бывает. В ней удивительное сочетание современного супер-оборудования, и старинных медных ковшиков и чугунных кастрюль на стенах. Они свое отслужили, но в интерьере совсем не лишние.

В большом холле с полом, выложенным большими каменными плитами, – рояль. На стенах – портреты предков в старинных тяжелых рамах. Натруженные руки, обветренные лица. Не самый талантливый художник, но портреты, конем лет по 200, бережно сохраняются.

Большая коллекция виниловых пластинок. Хозяин музицирует, когда есть время и охота. И любит джаз. Его и собирает на дисках. Ну, прям – воплощенная мечта Владимира Маяковского: «Попадет, попадет – попишет стихи...»

Еще что удивило, но сейчас уже стало достаточно привычным – что, готовясь принять пять человек – в магазине покупают только пять кусочков «котлет». (Котлеты здесь – это кусок мяса величиной с ладошку и с косточкой сбоку). Никаких – «на всякий случай еще десяточек» - не делают. Как правило праздничный ужин состоит из трех блюд и их не наваливают все сразу на стол, а подают по одному. Не готовят заранее. Точнее – что-то, конечно, делают, но зажарить котлету с утра, а вечером ее подать? Фу, какой моветон! Кто это есть-то будет? Только – с пылу, с жару!

Было очень непонятно моей русской душе – зачем вываливать «хозяйкины секреты» и до последнего ингредиента рассказывать – что именно содержится в тарелке? Вкусно? Лопай давай, не спрашивай! Сейчас и к этому привыкла. Уж очень много тут оказалось аллергиков. Да и конфессиональные ограничения иногда приходится брать во внимание.

Самое же запомнившееся в одной из передач – подала хозяйка какое-то блюдо, а гостя его «не ест». И не потому что «вера не позволяет» или аллергия... Просто не ест. Потому же, почему слон не ест вату, да? Правильно. Не хочет...

Я бы в таком случае – конечно – подхватила что-то бы отдельное готовить. Однако, тут вопрос был решен без «оголтелости». Типа – ну, не хочешь? Никто не уговаривает. Не ешь... Сиди, жди, пока остальные поедят. Когда подали второе – оказалось, она и здесь чего-то не ест... Но теперь уже – по причине аллергии. Хозяйка и тут не «подорвалась» на кухню. Аллергия? Отодвинь в сторону. Ешь – на что аллергии нет... К десерту гостя уже не кочевряжилась...

ОБМЕН ХОЗЯЙКАМИ ИНОГДА ДАЕТ ОШЕЛОМЛЯЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Вторая любимая передача – «тауш-мама» – и вовсе сначала показалась просто бредом. Суть действия: две семьи, изъявившие желание поучаствовать (редакция выбирает – что тебе достанется) – меняется мамами на 10 дней. Первые 5 живут по законам той семьи, куда новая мама прибыла. Остаток – «власть переменялась!»

Ой, какие бывают ситуации! Сколько же полезного почерпывают и участники, и зрители для себя!

К примеру – актриса берлинского кабаре – этакий воробышек килограммов 40 весом и с двумя чемоданами нарядов, попадает на ферму к баварскому крестьянину у которого только телят на откорм 50. Да дойных коровок столько же. Да домик трехэтажный. (Правда – тоже напичканный электроникой, с солнечными батареями на крыше, с круглосуточной интернет-связью, со всеми необходимыми удобствами – горячая вода-канализация-отопление). Да свекровь придиричивая. Да деток трое (четвертого, самого маленького, баварская мама взяла с собой в столицу. После всей этой круглосуточной и круглогодичной работы – себе отпуск устроила).

В общем – пришлось актрисушке потрудиться.

Сначала я подумала – «кино не будет». Не выдержит, на второй день сбегит... Оказалось – дамочка настырная. Не только выдержала (даже, когда хозяин на третий день взбунтовался, разгон учинил: «Я пашу как зверь, а ты меня салатиками, да омлетиками кормишь»), но и свекровину любовь под конец завоевала. И детишек тоже. В общем – расставались со слезами и железным обещанием приезжать, как к родным.

Для другой семьи, в которой все блеснит и сияет (грудами мамы, которая в день два раза унитаз чистит, дети палец о палец не ударяют, чтобы помочь), шокком было, что «тауш-мама» к завтраку выходит в халате! «Ма-а-ам... Возвращайся скорее...»

Кто-то с удивлением узнает, что жене, оказывается, надо помогать. Что совсем непорядок, когда сын – это маленький «падишах», вокруг которого вращаются все интересы родителей.

Надо было видеть растерянность женщины, попавшей в семью с «нетрадиционной ориентацией». Она, было, сразу хотела и уехать, нарушив все правила, однако, рискнула полюбопытствовать, и задержаться хотя бы на денек. И снова надо было видеть слезы этой же женщины, которая при расставании через полторы недели признавалась: эти «милые ребята» сломали ее представления о жизни.

То есть, половая ориентация у дамы осталась прежней. А вот представление о себе, как о женщине, хоть и с излишним весом, но все-таки – женщине – у нее очень сильно изменилось.

А сколько приключений тем временем пережил муж той самой толстушки! К нему ведь приехала «блондинка» в парике по пояс, с накладными ресницами и с болонкой на руках. «Она» не щемилась по углам, как можно было изначально предположить. Она, (или – он), сразу поставила все на свои места, заняв положение не безропотной и ущербной «Золушки», а полноценной и равноправной хозяйки. И такой порядок на новом месте навела – залобуешься! Хотя толстушка-хозяйка была в целом тоже не из грязнуль.

«Тауш-мама» нетрадиционной ориентации завоевала сердца двоих детей. Взрослых сыновей толстушки. Их любимым развлечением была детская железная дорога. За долгий срок выстроенная через всю большую комнату с подъемом на подоконники и заныриванием под диваны.

Новая «мама» за 10 дней раскочала прежние мечты. Парни поняли, что прозябать так и дальше – совсем не дело для молодых людей. Что жизнь гораздо шире и интереснее.

В общем, снова не собираюсь я «очернять Родину». Но почему-то дома я таких познавательных, славных передач, при всей своей лежащей на поверхности легкости и развлекательности, направленных на пробуждение мысли, не видывала никогда. У нас почему-то кормят зрителей гнусностями «Дома», «Дома-2». Наверное, когда мы вернемся – будет уже «Дом-много». Если так ничего и не изменится в нашем большом доме.

«БЫЛОЕ И ДУМЫ». СПОР С ГЕНИЕМ

Когда совершенно не спится, и мысли опять возвращаются к самому больному, беру в руки привезенного с собой Герцена («Былое и думы») и пытаюсь понять, отчего человек, так много испытавший, так много видевший в этой жизни, так много в ней терявший, причем – самых родных и любимых людей – снова и снова убеждал и себя и окружающих, что «там», «за чертой», «за гранью» – ничего нет...

Нелогично, – сказал бы Алеша.

Нелогично, – повторяю за ним я. – Природа, в которой нет ничего неразумного, лишнего или несбалансированного, вдруг, ни с того, ни с сего, отрастила в голове человека такое совершенное образование, как мозг, убрала «лишнее» – когти, клыки и хвост... Дала (в награду или наказание?) – чувства: любовь, привязанность, ответственность, дала сознание, память, способность мыслить, наконец...

Идея Натальи Бехтеревой кажется на этот счет очень интересной. Со всем не факт, что мозг – вырабатывает мысль, вырабатывает сознание, примерно так же, как вырабатывает свой секрет поджелудочная железа. Может быть мозг – всего лишь антенна?

Зачем трудилась природа, создавая такие сложные «машины и аппараты»? Чтобы через жалкие 60-80, максимум – 100 лет бросить все это в яму? Нелогично. Природа не может быть такой расточительной.

К тому же, если верить г-ну Дарвину, что все мы, если тщательно раскрутить ниточку в обратную сторону, произошли от какой-то первой клеточки, зародившейся ни с того ни с сего в первичном океане...

Хорошо. Предположим.

Только – зачем? – повторяю я вслед за академиком Раушенбахом. – Зачем этой первой клеточке было усложнять себе жизнь? Если она уже тогда была

наделена сознанием и способностью рассуждать, - возможно. Возможно, приходила ей «в голову» шальная мысль: а не попробовать ли мне свыше сил, свыше заложенных (кем?) способностей только плавать, спать, есть и размножаться, - да вот, хоть на берег выползти...

Тогда - да. Тогда понятно, что среди стада одинаковых всегда находился кто-то, кому мало было только есть, спать и размножаться. А если сознания, как такового не было, то и непонятно становится главное - зачем? Зачем первичной амебе усложнять себе жизнь? Еды крутом - хоть залейся. Хищников - никаких. Даже «за тетками» бегать не надо, размножаешься примитивным делением самого себя любимого на двоих-троих таких же (чтобы скучно не было?), и гуляешь по волнам...

Странно, что Герцен, как мне кажется, не задавался такими вопросами. Хотя, возможно, я не права, потому как, рассчитывая прожить в незапланированном отпуске всего ничего, взяли с собой только два тома, и те, за неимением других текстов на русском языке, просто стараюсь растягивать, как удовольствие и не заглатывать быстренько, по сложившейся дома привычке.

НЕ УБИЙ, НЕ УКРАДИ, НЕ ПРИЧНИНИ ВРЕДА ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ

Вычитали в газете леденящую историю. Корреспондентка, что называется, пропустила тему через себя. Вышла в магазин с собачкой. А возле каждого входа в магазины, как правило, висит табличка с той или иной степени стандартным содержанием. Сидят собачки у двери и плачут: «Мы должны здесь дожидаться своих хозяев...» И петелька металлическая, вделанная в стену, к которой ты можешь свою собаку привязать.

Вот к этой-то петельке она свою животинку и не прикрепила. Набросила на стоящий рядом фруктово-овощной контейнер на колесиках и пошла. То ли контейнер оказался больно легким, то ли собачка рванула чуть сильнее, только металлическое это сооружение с места тронулось и чуть оцарапало стоящую рядом с тротуаром машину. Ее владелица попыталась успокоить выскочившую на шум журналистку лучезарной улыбкой:

– Ничего, ничего! Не волнуйтесь! Дайте мне телефон своего страхового агента и мы уладим наши проблемы.

Выяснив же, что такового не имеется, теперь уже побледнела сама. Ремонт мог влететь в копеечку, а шансов получить компенсацию за него от человека, не имеющего денег платить небольшие взносы (в месяц примерно – 3-4 кружки пива) за страховку от причинения ущерба третьим лицам, могло и не быть. Потому, здорово обрадовалось, что владелица собачки-«вредительницы» все же оплатила счет из ремонтной мастерской.

А вот самой корреспондентке с огорчением пришлось подсчитывать

убытки. Ведь затраты оказались на порядок выше, чем платить потихонечку страховые взносы.

Нечто подобное могло произойти и со мной. Найдя магазинчик, снизу доверху забитый книгами на русском языке, я как-то вмиг потеряла присущую мне бдительность. Забыв про рюкзачок за спиной. Потянулась в узком проходе за томиком. И... свалила целую полку.

Ринувшись же поднимать книги с пола, обвалила еще одну!

Бордовые щеки полыхали огнем. А в мозгу билась одна мысль: как хорошо, что магазин книжный, а не посудный! И еще хорошо, что у меня есть страховка!

Без нее, родимой, на Западе лучше не затевать никакого дела! Нельзя, к примеру, попросить соседа помочь тебе убрать яблоки в саду. А вдруг он упадет с лестницы и поранит руки-ноги? Будешь потом по гроб жизни платить ему за утраченное здоровье и лечение.

Нельзя созвать родственников на помощь при строительстве, допустим, сарая или бани. Да и самому лучше этим не заниматься. Повышенный риск! Страховать же любителей выйдет куда дороже, чем нанять профи со всеми необходимыми гарантиями компенсации на случай форс-мажора.

Видов же страховок тут великое множество. Уезжая, допустим, в отпуск куда-нибудь в Италию или Грецию, загляни в свой полис: кто и за чей счет обязан будет предоставлять медицинские услуги? Если ты – обладатель «приватферзихирунг» - ты на коне. Тебе ничего и нигде не страшно. Препимущества частного страхования проверены на себе. Ведь «разваливаться на лету» я начала почти сразу же после ухода Алеши и покушения.

Держалась все те беспросветные дни, когда мы добирались из Англии в Петербург, потом, когда летели домой со страшным цинковым ящиком где-то в недрах самолета... Крепилась и позднее. Хотя и смутно сейчас вспоминаю время, давшееся так тяжело.

Когда допытываются: «Как удалось пережить?», хочется ответить «Кто сказал, что удалось?». Ничего не пережито. Все лежит в отдельном уголке души, такое же кровоточащее, как и в самый первый день.

Получается только одно: не трогать. Не берeditь. Забывать мозги чем-нибудь другим. Фотографией, предположим. Чтением до одури, до рези в глазах, до головной боли. Изучением немецкого языка. Переводами газетных заметок. Поездками и походами в музеи. Рисованием. Или, хотя бы, созданием этого текста.

Иногда думаю: «Мне легче хотя бы тем, что я знаю: моему сыночке если и было очень больно и страшно, то недолго. А покоится он в земле не самого хилого города мира... Родного города»

Что же чувствуют матери, чьих сыновей не выгнали из затонувших подводных лодок? Не нашли в обломках нью-йоркского Торгового Центра? Каково матерям бесследно сплывших в чеченских или афганских земляных ямах?

Не знаю, ох, не знаю! Одно только им всем могу сказать: терпение. Терпите, помните и смиритесь: какому бы Богу вы ни молились, а хоть бы и вообще не молились, встреча с родными людьми непременно прозойдет. Настанет день, когда вы сможете снова взять самого родненького своего за руку и тогда уже – больше ни за что ту руку не выпускать из своей!

Лично я именно так и сделаю. Возьму за руку и больше никогда не отпущу ни на шаг!

А «десант на другую планету»?! Как уверяют собратья-психологи, переезд даже в пределах одного квартала в родном городе – уже испытание. А тут – другая страна, совсем другие реалии, непонятный язык...

В общем, чем меньше стараешься обнажать перед окружающими выжженную пустыню у себя внутри, тем больше проблем заполучает организм.

Где находится сердце я стала ощущать постоянно. Потом «заговорил» позвоночник. Причем, боль в нем стала настолько острой, что уже нельзя было ездить по Гамбургу на велосипеде.

Однако, терпела. Дожидалась возвращения в Сочи. Помня о том, как пугали дома: «О! Врачи на Западе – это безумно дорого!»

И все же, однажды, проболталась Мартине.

Опекунша наша сделала совершенно круглые глаза и в ужасе всплеснула руками:

– Ну, как же вы не поняли? Стра-хов-ка! – чуть не по буквам и на пальцах объясняла нам она. – Все оплачено! У вас такая частная страховка, что даже если что-нибудь неприятное случится с вами в самолете Люфтганзы, который будет доставлять вас на родину, вы имеете право вернуться, для того, чтобы получить медицинскую помощь в Германии!

Не надо ничего терпеть! Немедленно к врачу!

Но потерпеть еще немного все-таки пришлось. До следующего города.

ЭТО МОЯ СТРАНА

В один из дней круто ссоримся. На ровном месте и очень сильно. Переходим улицу рядом с домом, я нажимаю на кнопку светофора, он переключается, и транспорт замирает. «Это моя страна», – роняю я.

Я абсолютно законопослушный гражданин, и это моя страна. Мне нравится подчиняться законам, когда я знаю, что им подчиняются и мои соседи, и соседи соседей. Не без уродов, конечно. Никто не говорит, что здесь прямо – земля, текущая молоком и медом, и люди имеют белые крылья за спиной. Но в целом – все понятно, все прозрачно, никто никого не «крышует», никто не выбивает ни из кого бабки утюгом или паяльником, никакая охрана Шредера не калечит граждан, как покалечила в Сочи и осталась совершенно безнаказанной – охрана Путина.

Я все еще вздрагиваю, когда слышу за спиной шаги, но, наверное, и это пройдет рано или поздно.

И я говорю – «Это моя страна...»

Эта фраза почему-то вызывает взрыв эмоций у Сергея:

– Ты понимаешь, что ты говоришь? Нет, ты понимаешь?! Я – русский журналист! И я должен быть там, на передовой! Я должен драться! А ты хочешь, чтобы я сидел тут, в тишине и прятался под кроватью?!

– Никто не предлагает тебе прятаться под кровать. Я говорю лишь, что если бы я в этой стране проработала столько и так, как работала в России – у меня уже была бы вилла с голубым бассейном...

– Но мы не родились здесь! У нас есть своя страна, в которую мы обязаны вернуться! И я хочу в нее вернуться! Я хочу работать там! Я там нужен! Понимаешь ты это, или нет?!

– Да не ори ты так. Никто никому не предлагает нигде оставаться. Я говорю лишь о том, что своей стране не нужны ни ты, ни я. Тебя пришибут

через две недели. Думаешь, долго будет кто-то лить слезы на твоей могилке? В лучшем случае – поставят памятник от администрации, который раздолбают твои «крестники», вернувшиеся из тюрем.

Ты думаешь, те, кто изуродовали кислотой Элю Кондратиук, что-то поняли? А Альфа, выбивающая долги, про которую ты писал? А эллинги на пляжной полосе, которые в упор не видит ни один мэр Сочи? Ты думаешь, те, кто отсидит и выйдет, поймут, что сидели они – не из-за тебя, а по собственной воле? Ты ничего им не докажешь. Они просто добьют тебя и будут считать себя героями.

Мы уже давно пришли домой, а ссора все продолжалась и продолжалась. Мы бегали друг за другом из комнаты в комнату, по очереди заявляя:

– Всё! Хватит! Я больше не хочу об этом говорить!

– А я хочу! Нет, ты выслушай хотя бы раз все, что я думаю по этому поводу!

Было наговорено друг другу много справедливых и несправедливых слов. А утром пришла Мартина и сообщила: «Ребята... Вашей историей заинтересовался ПЕН-клуб. Они предлагают вам отдохнуть еще немного, но для этого надо будет переехать в Кёльн. Хотите?»

Мы переглянулись. Вот тебе и итог вчерашней ссоры. Нам дают время подумать еще, поучить язык, познакомиться с еще одним регионом, ведь Кёльн – это где-то в центре?

ЧУДЕСА, ТАКИ, БЫВАЮТ!

Наверное, надо и впрямь сделать небольшое отступление. Короткие размышления о чудесах.

Само по себе то, что Сергея не только не убили, но даже не ранили, стреляя шагов с пяти-шести, не более – чудо. И мало было шансов выжить когда я рефлекторно кинулась под пистолет: чего стоило киллеру нажать на крючок и устранить внезапно возникшую помеху? Да и это чудесное приглашение в Германию. Разве с каждым вторым россиянином подобное происходит?

Или вот. Мы долго-долго бредем вдоль Эльбы. Нестерпимо хочется закурить. Сигареты лежат в сумочке. А зажигалку я забыла дома.

Сергей же вообще не курил никогда в жизни. Я, было, бросила эту вредную привычку, подхваченную в свое время на работе. Тогда возникли некоторые сложности, вгонявшие в неудержимые слезы. Но плакать запрещалось категорически. В один из таких кризисных моментов я вылетела из офиса на улицу, подышать свежим воздухом и завернула за угол. Там, в укромном местечке стояла садовая скамейка, возле которой устроили настоящую курилку. Шеф пригрозил, что собственноручно убьет любого, кто закурит в помещениях, стены которых только что обтянули вместо обоев веселеньким ситцем в мелкий цветочек.

Я вылетела на улицу подышать и успокоиться. Кто-то с лавочки молча протянул мне сигаретку. С другой стороны шелкнули зажигалкой. Неумело затянулась раз, другой и произошло маленькое чудо. Проблема, понятно, никуда не испарилась, но слезы перекрылись намертво. С тех пор я закурила.

Потом жизнь не просто уложились в более-менее спокойное русло, но и вообще улучшалась с каждым днем. Я почти бросила, но когда не стало Алеши, просто отмахиваюсь от подталкиваний: «Бросай, бросай, вредно...»

– Ах, оставьте... Жить вообще вредно. Смертельно вредно...

И теперь мы долго шли по гамбургской набережной. Над Эльбой ярко светило солнце. Народ праздновал. А мне, как все то время, элементарно не хотелось жить. Единственное желание, выматывающее жилы, закурить бы...

Да, какие проблемы-то, - подумает кто-то. Никаких! Попроси огоньку у любого встречного...

Ну, да... Ведь это так легко... Дома. На понятном тебе и этому самому встречному языке.

В общем, мы шли мимо магазинов. В которых, наверняка, есть зажигалки. Но – праздник, сэр. Все закрыто.

Сережа отлучился в ближайшее кафе. О том, что там непременно есть туалет мы уже знали. Положи перед барменом монетку и воспользуйся при необходимости, нет проблем.

В ожидании мужа я решила последовать примеру многочисленных гуляющих, посидеть пару минут на травке. Вот здесь, - понравился мне лоскуток газона. Хотя - нет. Вот здесь... На пару шагов левее.

Я присела, протянула руку облокотиться поудобнее и тут-то и произошло маленькое чудо. В траве лежала зажигалка.

– Пустая! – мелькнула мысль. – Пустая и потому выброшенная.

Оказалось – ничего подобного. Вполне годная, работающая зажигалка с изображением собачки на боку.

Сию и думаю: ведь почему-то она попалась мне именно здесь и теперь! Почему-то же рванул в кафешку Сережа, еще за 3 минуты до этого и не помышлявший ни о каком туалете. Почему-то же села я именно здесь. А иначе, с тропинки, зажигалочку не заметила бы – упрятана в траве. А если бы и увидела, точно бы не решилась сойти с тропы и чужое поднять.

– Откуда? – изумился вернувшийся Сергей?

– Алеша дал, – буднично ответила я.

Потом было маленькое чудо в Париже.

Мы долго ходили по кладбищу Монпарнас. На указателе при входе нашли могилу Мопассана и решили ее отыскать в натуре. Чувствую, что ходим абсолютно точно по тому участку, что на схеме. Но больше нету никаких стрелок. Иногда даже имени похороненного на камне-памятнике, нет, одни цветы.

Видимо, кому надо, тот знает, А остальным нечего попусту любопытничать.

Поиски не увенчиваются успехом и через какое-то время мне приходит в голову...

– Алеша... Уж тут-то ты все знаешь. Покажи Сей Сеичу то, что ищем! И уже через полторы минуты меня позвал Сергей:

– Иди, нашел...

Хоть и было это мудро. Совершенно невзрачное запущенное захоронение. Неухоженное. С отгоревшей свечой. Правда, с почти свежей розой.

Еще одно чудо произошло, когда я со всей дури не вписалась в поворот на мокрой дороге в Гамбурге. После дождя, догоняя мужа, развила приличную скорость на велике.

Средство передвижения мое отлетело на проезжую часть. Я через руль юзом пропахала приличный кусок тротуара. На ручных часах, которые когда-то давно подарил Алеша, просто «по живому» порвало металлический браслет. Сам сыновий подарок куда-то улетел...

Прохожий, который помог подняться, нашел под крыльцом магазинчика часы. Они работали. И у меня ни одного перелома! Хотя, громадный синяк на ноге долго цвел всеми цветами радуги.

И, конечно же, что есть как не чудо, это предложение подзадержаться в чудесной стране, в чудесном городе Кёльне?

Ну, прям как в моем любимом фильме:

– Селянка... Хочешь большой и чистой любви? Приходи на сеновал...

– А кто ж, сударь, не хочет. Приду...

Переезжать, как сказала Мартина, придется не на сеновал, а в культурный центр Германии. Богатый телестанциями, редакциями газет и журналистскими сообществами. Что же, неслабый должен быть городок!

БОЙТЕСЬ ЖЕЛАНИЙ! ОНИ ИСПОЛНЯЮТСЯ

Пока утрясаются формальности, продолжаем учить язык. В один из выходных дней на курсах наших набирается группа желающих посетить Любек.

Смотрим путеводитель. О! Чудный средневековый город, внесен ЮНЕСКО в список охраняемых! Родина знаменитого на весь мир, марципана!

В войну Любек сравнительно легко отделался, был быстро и хорошо восстановлен.

Постигаем еще одну бытовую подробность. Оказывается, если собраться группой в пять человек в субботний или воскресный день, с помощью «Билета выходного дня», стоящего сущие копейки, можно проехать хоть через всю Германию. Правда - на пригородных поездах типа наших электричек. Только гораздо более комфортабельных. Этим экономным вариантом наши учителя и воспользовались.

Любек очаровывает! Городок превосходит все самые смелые ожидания. В довершение всех моих ахов и охов, когда мы уже шли к вокзалу, прямо над нашими головами в узком проеме между домами мелькнула стая лебедей, низко-низко летящих над крышами. В мозгу мгновенно нарисовалась девушка, вяжущая братьям крапивные рубашки.

Мы снова отшелкали штук шесть пленок. Посетили старинное кафе, расположенное в здании кондитерской фабрики.

Самый верхний этаж – музей марципана. В нем около полутора десятков человеческих фигур во весь рост, выполненных из этого лакомства! Исторические персонажи расположились за длинным столом, покрытым марципановой же скатертью.

Непрерывно крутится документальный фильм, показывающий весь процесс изготовления деликатеса. Начиная с безумной красоты цветения миндальных садов и заканчивая ручной раскраской конфет.

Витрины фирменного магазина, в котором непрерывно идет бойкая распродажа свежайшей продукции, то и дело полностью обновляются. К Рождеству, например, возникают марципановые елки с марципановыми игрушками. А также сюжеты из зимних сказок.

Весной за стеклом выстраивается бесчисленное количество зайцев (символ католической пасхи) и разноцветных, разной величины яиц.

К началу учебного года преобладает школьная тематика...

Впервые в жизни попробовали марципан. Точнее – торт с марципаном. Вот тут-то меня жадность и подвела. Только кто рискнет осудить? Как бы вы себя повели, если бы вас привели в шикарный зал с массивной старинной мебелью, крахмальными скатертями без морщиночки, лепниной на потолке и картинами (все – подлинники – не репродукции из журнала «Огонек») старых мастеров? Ну и, показали бы стол размером в диаметре метров в десять. Заставленный та-акой вкуснятиной!

Но все – по порядку. Зашли мы в кафе и я просто застыла в ступоре. Интерьер 19 века. Старички и старушки с собачками на руках устроились за столиками с накрахмаленными скатертями. Кто-то просто читает газету. Кто-то беседует негромко, и голосов не слышно, они глушатся портъерами, мягкими диванами, ковром на полу, салфетками и прочими тканями.

Посреди и неподалеку от входа – круглая витрина-прилавок, закрытая стеклом. При нашем появлении звякнул колокольчик у двери, словно из воздуха бесшумно материализовалась дама средних лет в синем форменном платье и белом переднике, сшитом по моде того же 19 века.

Сияющая доброй улыбкой фрау не стала нас торопить. Подождала, пока мы разденемся. (Никакого гардероба. Куртки надо пристраивать просто на вешалки у входа. И зонтики ставить там же в специальные держалки). Потом так же терпеливо стала дожидаться, пока мы выберем.

Выбрать было из чего. Торты! Здоровенные и красивейшие! Объединяло их одно. Все они были непременно с марципаном.

У меня разбежались глаза. Вообще-то я не ем сладкого. Не люблю. С большим удовольствием слопаю кусок селедки или соленый огурец. Но тут такое пиршество для глаз!

Я застонала в полголоса: «Хочу, хочу, хочу. Все хочу!»

Сергей засмеялся: «Ну, так выбирай! Что хочешь, то и выбирай».

– Ты не понял. Хочу ВСЕГО по кусочку.

– Не глуши. Я же знаю тебя, не съешь столько...

– Тогда – по два. Два тебе – разных. И два – мне. Тоже разных. Половинку съедаетшь и обмениваемся, да?

– Да не осилим столько! Ты как хочешь, а мне – один. Выбери и себе, и мне.

Я надулась и ткнула пальцем в самые красивые. Тетечка записала наш заказ, пригласила занять столик в зале. Мы заняли.

Сию и в который уж раз наворачиваются слезы. Просто вспомнила сочинские разухабистые кафешки на берегу моря, в которых орет, не смолкая, дикая музыка. Где не продохнуть от табачного дыма, Где официантка ждет, пока ты что-то выберешь, не скрывая своего раздражения: вас много, а я одна!

Принесли заказ. Крохотные кофейные чашки сияли белизной. Под ними бумажные салфетки с кружевными краями. В горячем молочнике - разогретые сливки. Крохотные ложки. Тарелки с кусками торта.

Я никогда еще не видела такой красоты в заведении общепита. Главной задачей теперь было не накапать на белую накрахмаленную скатерть, не накрошить, не налить и не насыпать чего-нибудь.

С этим мы, помнится, справились. А вот торты не доели. Было безумно жаль их оставлять. Уж очень вкусные. Но такие громадные! Да и заказала я все-таки три кусанчика, глаза мои завидующие...

Возвращалась в Гамбург с мечтой о соленом огурце. Съедобных их к тому времени мы еще не нашли. Все, красивые на вид, содержали немислимое количество уксуса, но теперь я была согласна и на них. Глядя на проносящиеся за вагонным окном огоньки, у меня вдруг вырывается:

– Эх! Вот бы где пожить! Ну, хоть немного! Чтобы крыши - островерхие. И - мансарда. И - улочки узкие, двоим не разойтись... Лебеди над крышами. Все компактно, уютно, совсем не так, как в мегаполисах типа Гамбурга или Кельна...

– Да, – с улыбкой отреагировал муж. – С губой у тебя, как всегда, все в порядке. Тут Кельн еще под большим вопросом... Сама понимаешь, ну, кому мы нужны, по большому счету? Подумаешь, стреляли. Не убили же? Штаны зашьешь, как приедем. Пора умерять аппетиты. И без того успели посмотреть столько, сколько за всю предыдущую жизнь не видели.

В Гамбурге Мартина ошеломила новостью.

– Не получается с Кельном, ребята. Любек... Если согласны, конечно...

Говорят же – бойтесь своих желаний. Они исполняются.

ЭХ, НЕ МОЯ ДЕРЕВНЯ!

Десять дней живем в деревне. Приехали вечером, когда уже смеркалось, толком не огляделись, измученные рухнули спать, едва умывшись. По изношенности скрипучих ступеней, ведущих на второй этаж – поняли только, что дом наш достаточно древен, (позднее выяснили – 17 век), но оснащен, тем не менее – всеми благами городской цивилизации. Туалет, громадная ванная комната сияющая кафелем, кухня совмещенная со столовой, оборудованная электроплитой, микроволновкой, кофеваркой, тостером. В кранах горячая и холодная вода – лей, хоть залейся.

Просыпаемся от пения птиц, петухов, горячего солнечного луча, каким-то чудом нашедшего щелочку в тяжелых деревянных жалюзи, которыми плотно закрыто окно. Быстренько завтракаем и отправляемся, как всегда – на поиски приключений.

За 20 минут обходим деревню вдоль, поперек, потом еще по диагонали. Находим лишь три точки, связующие ее с большим миром. Здоровенный ящик-автомат по продаже сигарет (прямо напротив наших ворот), в переулке за углом – скромную протестантскую кирху с петушком на шпиле, и в двух шагах от выезда на оживленную автомобильную трассу – автобусную остановку. Расписание гласит, что один раз в час можно уехать на север и один – на юг. Все. Хлеба купить негде. Правда, это не расстроило. Наши гостеприимные хозяева позаботились. На кухне стоит здоровенный холодильник, полный какой-то еды, а во дворе – ряд показанных нам дополнительно, очень миленьких сарайчиков под общей крышей. Отсеки закрываются дверями без замков. В одном – что-то наподобие летней кухни. Небольшое окно, задернутое кокетливой кружевной занавеской. Стиральная и сушильная машины, раковина с горячей и холодной водой, морозильная камера, холодильник. Стол с толстенной столешницей, длинная лавка

вдоль одной его стороны и четыре стула с высокими прямыми спинками – с другой.

Все это, а также – буфет, полки для посуды и остальная мебель явно сколочена рукастым мужиком века, так, в 17-18-м., выскоблена и отполирована рукавами и задницами до блеска, тем и очаровательна. Естественно – сую любопытный нос за остальные двери. За одной из них – туалет. (Сияющий белизной унитаз, подключенный к канализации, рядом – биде, крохотная раковина для мытья рук.). В другом – душевая кабинка.

Словоохотливая соседка рассказала, что жителей в деревеньке – что-то около 100.

– Вот, с вами – как раз сто и будет! – сияла она всеми своими морщинками. – А вы к нам надолго? Всего 10 дней? Какая жалость. Ну, да, понятно. Наверное – в отпуск? Да! У нас вполне можно отдохнуть. Знаете, я так не люблю шума. Еле дождалась пенсии. Как только отработала свое – так сразу сюда и переехала. Сын работает в городе. Приезжает только на выходные. Да, у нас все так. Один только херр Майер работает. Точнее – тут работает. Лесником. Во-он по дорожке справа последний дом. Да, вы сами увидите. Уж очень он любит с деревом работать.

И что, никак нельзя задержаться еще на недельку? Приезжает фрау Проммерсбергер. Она художница. Два раза в год привозит свои картины в родную деревню. Вы знаете, мы с удовольствием следим за ее развитием. Как всегда – будем по этому поводу праздновать. Уже заказали в соседней деревне духовой оркестр. Очень хороший... Херр Майер привезет все необходимое для гриля. Дрова заготовит. А как же! Конечно и пиво тоже! Но лично я предпочту бокальчик красного вина – улыбается она.

Сколько лет моему дому? О! Я долго искала именно такой. 17-й век. По-настоящему-то – это не было когда-то домом. Конюшня! Заходите, заходите, не стесняйтесь!

Мы, конечно, зашли... Как же не право было мое буйное воображение, при слове «конюшня» нарисовавшее в уме что-то темное, зловонное, с навозом по колено. Мы вошли в громадные стеклянные «ворота» и остолбенились.

Помещение высотой этажа в два с половиной. Гладко ошкуренные балки потемневшего от времени дерева поддерживают крышу. Откуда-то из-под самого конька свисает кованая цепь в руку толщиной, на которой висит тележное колесо, приспособленное под люстру со стеклянными «свечами» по ободу. Пол, выложенный «диким» разновеликим камнем, отполированный за несколько столетий ногами и копытами, немного покатый в сторону сохраненного в целости слива воды, в нескольких местах покрыт неяркими коврами. В углу телевизор, торшер, включенный компьютер, мягкая мебель вокруг журнального столика. Предмет моих самых несбыточных мечт – камин!

По другую сторону от входа – пространство для кухни и столовой отгорожено от остального – невысоким деревянным барьерчиком. Нештукатуренные стены, сложенные из грубовато отесаного песчаника, украшены картинами в добротных рамах. И во всех углах – деревянные кадушки, ящики и керамические вазоны с цветами, цветами, цветами. Они и вьются и свисают и плетутся по стенам и торчат непокорными саблями с цветками и без.

На уровне второго этажа буквой Г тянется своеобразный «балкон», куда ведет довольно широкая лестница с затейливыми столбиками ограждения. Сколькo хватает глаза в глубину и под самую крышу высятся стеллажи с книгами.

– Там у меня спальня, библиотека и рабочий кабинет, – перехватила хозяйка мой вечно голодный на книги взгляд. А вы хорошо говорите. Может, – и пишете на немецком? Нет? Жаль. На вернисаже фрау Проммерсбергер я тоже буду читать кое-что из написанного за последние пол года. Нет, не стихи. Прозу... Чашечку кофе? Ну, что ж. Тогда – вечером. Разожжем камин и выпьем по бокальчику красного винца. Не возражаете? Ну, так я вас приглашаю...

Не успев отойти от увиденного, натываемся на «избушку» лесника. Она в свою очередь поражает воображение. Небольшой дом затейливой архитектуры, больше похожий на игрушечный, со всех сторон окружен открытой верандой. Крышу поддерживают самодельные «колонны». Тщательно освобожденное от коры дерево со всеми своими неровностями и спиленными сучками, отполировано до блеска, проморено в благородно-коричневой гамме и покрыто лаком. В таком же ключе выполнены все остальные дворовые постройки. Навес для машины, для дров, вольер для кур, обалденно пестрых и в каких-то мохнатых «штанишках», спадающих до самой земли и прикрывающих лапу. Даже собачья конура оформлена таким же деревом.

Хозяин окинул нас приветливым, внимательным взглядом, поздоровался, на миг оторвавшись от своего занятия, окраски забора вокруг участка. Я неприлично круглыми глазами уставилась не на него, а на дело его рук в резиновых перчатках. Банка с краской стояла на подстеленной газетке. И под забором в месте, где проистекала вышеозначенная операция – тоже была подстелена газетка. Зато как же хорошо выглядел уже выкрашенный кусочек! Никаких капель на траве, никаких – на плитке, которой был выложен тротуар!

Из глубины сада к калитке приближался здоровенный ротвейлер с... кроссовками в зубах.

– Гулять просится, – пояснил хозяин с улыбкой.

И мы, действительно встретились с этой парой еще раз минут через 10, когда уже вышли за пределы деревеньки по направлению к другой, побольше, в которой, как нам сказали, есть и школа, и супермаркет, и биргартен с десятком сортов пива. Лесник, в кроссовках, держал собаку на поводке. Еще

раз пожелал «приятного путешествия!» и посоветовал съездить в недалеко расположенный городок, в котором есть даже музей и несколько картинных галерей.

Поля, поля, редко разбросанные кучи деревьев и снова поля. Нигде ни сорной травинки, ни брошенной ненужной ржавой железяки, но и ни души тоже! Такое чувство, словно весь этот порядок наводят какие-то невидимые гномы.

Шли по дорожке, выложенной тротуарной плиткой и поражались. Проселочная дорога! Между полями! И – тротуарная плитка! Более того! По краям полей то там, то тут синели кабинки биотуалетов! И – деревенская собака на поводке, выведенная хозяином на прогулку!

Шли и с тоской вспоминали Некрасова:

Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несьтова, Неслова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина —
Неурожайка тож.

... ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ

Всяких сюрпризов мы ожидали от своей жизни, но не таких. Квартира в древнем городе-игрушке добила окончательно. Два уровня. На первом – большой холл, он же гостиная. В пространстве почти под лестницей – кухня. Такое расположение мне очень понравилось.

Когда приходили гости, а мы быстро подружились с журналистом «Русской Германии» Сергеем Прокошенко, его очаровательной огненногровой, бурнотемпераментной женой Леной и их друзьями, Леной Гениной, Юрой и Ириной Димашко, было очень удобно что-то там помешивать в кастрюле или на сковородке, не отрываясь от общего разговора.

Слева от входа дверь вела в столовую. Только в Германии я столкнулась с тем, о чем раньше читала лишь в книжках. Столовая. Здесь не обедают на кухне. Здесь не бывает кухонных посиделок. Для приема пицци должна быть отдельная комната или – в крайнем случае – специально выделенная зона в общей.

Сейчас у нас так и есть. Самая большая комната разделена на два пространства посудным шкафом и книжными полками, смотрящими в разные стороны. Одно из этих пространств используется именно как столовая.

Там же столовая была очень большой. В ней стояли громадный, на 8 человек, если его не раздвигать – стол и стулья. Стеклопанельная стена на веранду. И больше ничего.

Лестница на второй этаж заканчивалась в небольшой комнатке, которую мы использовали как кабинет. Крохотный коридорчик с дверью направо – туалет-ванная и дальше – дверь в спальню.

Второй этаж располагался под самой крышей. Настоящая мансарда со скошенными потолками-стенами.

Перевез наши пожитки в Любек Сережа Прокошенко. После ужина в

компании всех этих чудных людей, позднее ставших добрыми друзьями, мы все приехали к нам, в наше новое жилье.

После чаю, собранного буквально «на коленке», среди нераспакованных чемоданов и сумок, а в Гамбурге мы успели основательно обрасти каким-то необходимым барахлом, народ разъехался.

Сережа рухнул спать на втором этаже, а я вышла на террасу. Кусок канала серебрился в свете фонарей. Пара автомобилей приткнулась под окнами. Где-то далеко стукнул колокол. Отозвался другой – ближе и громче. Закурив, бездумно смотрела во тьму, ощущая одну только усталость. И от хлопотного дня. И от обилия новых знакомых. И от бесконечной тоски на сердце, не покидающей ни днем ни ночью.

И вдруг тишину разорвал мерзкий писк. С ужасом увидела сверху, как два кота гонят от реки здоровенную крысу. Как этот живой визжащий клубок закатился сначала под одну машину, потом под другую...

И меня прорвало так, как не прорывало уже давно. Я старалась заглушить рыдания, но остановить их не могла. Я не могла понять – что я здесь делаю?! Что?! Зачем я здесь?! В чужой стране! В чужом городе! На чужой улице, по которой ночью бегают крысы! Почему я вообще живу?! Для чего?! Для кого?!

Мне хотелось домой. Немедленно и навсегда – домой. К Алеше! Но я железно понимала, что дома у меня больше нет, потому что нет в моей жизни главного. Больше нет Алешки... Нет сына, нет дома, нет Родины. Нет ничего, кроме мужа. И мы с ним теперь – просто перекаати-поле. Где мы рядом – там и дом.

ОРДНУНГ МУСС ЗАЙН. (ПОРЯДОК ДОЛЖЕН БЫТЬ)

Однако, я очень скоро полюбила этот чудный тихий городок над задумчивой речкой Траве. За пол года жизни в нем, не я, а мы успели полюбить его старинные постройки, черепичные островерхие крыши, узенькие улочки. Проходы к домам «шириной не меньше, чем – чтобы гроб прошел!» Везде цветы, и полное «благорастворение в воздухах». Доминки, коим лет по 600-800 не выглядят развалинами. Вечеру сквозь незанавешенные окна видишь кое где и стены кирпичные, без следа штукатурки.

– Низзя, – пояснила Лена Генина, живущая в этом районе уже лет 10. – Памятник старины. Хочешь интерьеру современного? Иди жить в другое место. А это – покупая или снимая – принимаешь правила игры.

На мое удивление, почему сама Лена живет в доме 17 века, дворик такой чудный, а ворота не запираются, – пояснила:

– Ха! Так это днем не запираются. На несколько часов. Потому как – объект экскурсионного показа. Ты думаешь, и цветочки, что под окошком – это тоже по моей прихоти растут? Архитектор так придумал.

У нас тут старушка с Украины приехала. Решила, - чего земля пустует? (Для нее цветы – это прям, бесхозяйственность же ж какая!). Ну, она по весне и оборудовала себе пару грядочек. Посеяла петрушку-моркошку. Через два дня пришли из магистратуры. Велели в недельный срок привести все в прежнее состояние. И никакие ее причитания, что она «так привыкла», что «огородик же ж – какое подспорье к социалу...» – никого не тронули. Еще и проверили через неделю – снесла ли?

Потом и самим довелось столкнуться с «орднунгом». Выяснилось, что вешать за окошко ящички с цветами в нашем доме нельзя. Ставить вазоны с

цветами на общем балконе перед собственной дверью – тоже нельзя. Нельзя сушить белье и чтобы оно висело выше балконного ограждения.

Можно посушить и проветрить одеяло и подушку, бросив их на подоконник, но только до 12 часов. Нельзя шуметь в миттагпаузу. Это с 12 до 2. Нельзя крутить дрелью дырки раньше 8 часов утра и после 6 вечера. А в воскресенье – вообще нельзя этого делать ни во сколько.

Да, много еще чего нельзя и много чего надо. Привыкнув ко всем этим ограничениям и разобравшись, что если нельзя, то это нельзя всем, жизнь встает на свои места. Правда, тогда уже, опоздавший на 2 минуты автобус, раздражает достаточно сильно. Ибо – не порядок.

ОТКРЫТИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Покупаем точно такую бутылку минералки, как и вчера, но получаем сюрприз. Вместо приятного пощипывания умеренного количества газа, получаем газированную по полной программе, которую и пить-то невозможно. Осеняет: та минералка, да не та. Другой цвет бутылки, другой цвет крышки. В дальнейшем разбираемся – точно! С нежно-голубыми крышками – вообще без газа. Темно-синие – газированные по максимуму.

А и сколько, к слову, мы по незнанию, в первые дни денег вместе с бутылками выбросили! Вот уж, еще и еще раз: информация стоит денег.

Понятно, что Мартина, объясняя нам в какой мусорный бак бросать пластик, в какой – бумагу, а в какой стекло, скорее всего и думать не думала, что мы – «папуасы в Новом свете», начнем все подряд стеклянные банки и бутылки выбрасывать. А мы поначалу так и делали. Только, вот, меня все время точил вопрос: ну, не может же быть, чтобы страна, в которой так разумно и нормально все продумано и устроено, так вот запросто переплавляет пустую тару? Неужели они все одноразовые? Для чего же тогда, некоторые бутылки снабжены этими специальными крышками с притяжками, которые уже своей формой говорят: для многоразового использования!

И только познакоившись на языковых курсах с бывшим нашим хлопцем из Украины, женатым на местной девушке, выяснили для себя, что совсем не обязательно выбрасывать всю стеклянную тару! Только те, которые на этикетке имеют бело-зеленый кругленький значок: две стрелки, направленные навстречу друг другу. Они, к тому же, если по ним легонько постучать ногтем, звучат совсем не так, как те, что можно сдать и получить взамен 8 центов. Не ахти, понятно, какие деньги, но 5 центов – это одна изготовленная фотография!

Морочиться же со сдачей тары как, порой, в России: то у дяденьки в

грязном халате нет денег, то нет тары, совсем не надо. То есть – таких вариантов просто не может быть, потому что и самого, ни дяленьки, ни грязного халата, и близко нет. Стоит в углу магазина автомат, поблескивающий парой кнопок. Открываешь узенькую дверцу и засовываешь туда бутылку. Дверку закрываешь.

Автомат поурчит немного, проверяя, правильную ли ты тару ему засунул, может она-то, как раз из тех, которые – «вэг», то есть – в бак...

Если все в порядке автомат удовлетворенно подмигнет тебе зеленым глазом. Если нет – «посердится» красным. А будешь наставлять, еще и «алярм!», вскричит!

Все, таким образом, перепихнешь, нажимаешь еще одну кнопочку. Выползет из щелочки чек. Предъявишь его в кассе, получишь либо товар в обмен, либо денежку назад.

Все.

Никаких: тара кончилась, приходите завтра – просто не может быть, потому что не может быть никогда!

Все, что забраковал автомат – брось в стоящий, как правило – неподалеку от магазина, специальный контейнер, на котором нарисовано и написано: сюда зеленые бутылки, сюда белые, а сюда – коричневые. Сюда можно других цветов, а сюда – пластмассовую тару из-под чего угодно.

Отдельно стоят контейнеры для ненужной одежды.

Ну, у кого из россиянок – полупустой шкаф с только необходимой одеждой? Уверена, нет таких. Если есть – не больше десятка на всю страну. Да, оно и совершенно понятно: иногда вещь добротная, едва ли не новая, но настолько безнадежно тебе не нужная, что было бы кому отдать, просто расстался бы с радостью...

А кому отдашь? Не подойдешь же к первому встречному: а, чи не надо вам платьюшка пошти неношеного? Задарма отдаю...

И на помойку снести рука не поднимается. Вот и висят бабушкины рюшечки с воланчиками среди дедушкиных пиджаков, кормят моль, собирают пыль и раздражают при каждой новой уборке неразрешимостью проблемы.

Здесь и этот вопрос решен просто и элегантно.

Практически на каждой улице стоит специальный добротный контейнер на два отделения. Одно для одежды – второе – для обуви. Все собранное поступает частью в магазины секонд хенд, частью – в благотворительные организации, работающие с бездомными, беженцами и прочими категориями малоимущих.

В секонд хенде очень часто можно выловить, положим, практически новый пиджачок от Гуччи или Версачче евро за 5-10. Меховую шубку за 15. Мне однажды повезло, и я приобрела вполне приличную длинную дубленку... за один евро! Правда, перекрыть абсолютный рекорд подружки,

которая выловила в коробке посреди магазина, любая вещичка в которой стоила 80 центов – отличное новенькое твидовое пальто – пока не удалось. Пальтишко моднучее, чуть не до полу. Гладить и то не понадобилось. Отвиселось. Пуговицы пришлось поменять все. В магазине не нашлось одной, подходящей, которой не хватало.

«Наш» народ, приезжающий не в первый раз и с этой системой знакомый, «отоваривается» очень часто там, в секунд хендах и на фломарктах. Хотя, и немцы таких мест не сильно шарахаются. Спокойно рассматривают товары, находят несуществующее пятнышко, микроскопический изъян в повчике или оторванную пуговицу, вешалку... Продавец тут же еще сбрасывает цену до смешной и товар уходит в новые руки.

Такая же система продажи вещей на фломаркте. Кстати, поговаривают, некоторые бывшие «наши» сделали торговлю на «блошинных рынках» професней.

Не надо пугаться названия. Как сказал один наш знакомый, приехавший из Белоруссии, и не очень хорошо говорящий по-русски:

– Ты что! Я никогда не куплю там ничего! Это такая названия... Там эта – воши...

Боже сохрани! Какие воши, когда мы тут за полтора года пребывания таракана живого не видели в глаза. Комаров нет! А если и пролетит один-два мимо тебя в парке, то почему-то не кусаются! Уж, на что Сережу эти твари в России просто обожают, здесь – не трогают даже на берегу пруда! Да и нет их там! По весне забила я тревогу: моли появилось в квартире – просто полчища!

– Они, похоже, скоро нас съедят, - пожаловалась я Гениной.

Слышишь, – спокойно внушала она мне. – Ты видела, сколько у меня шмоток в шкафу?

Видела. Ну и что.

А то, что моль и у меня периодически летает, но тряпки не ест.

Что, брезгует? – изумилась я.

Не знаю. Может и брезгует, но тряпки твои ей не нужны. Не паникуй. Разве что – неприятно, это понятно. Купи в дээме (ДМ) примитивный нафталин и напихай в шкаф.

Совет помог, но не сказать, чтобы на все сто процентов. Моль периодически летает, но съеденного ею, действительно, пока не наблюдаю.

Единственное, от чего никак не могу в доме избавиться, пауки в углах. Каждый четверг, совсем как добропорядочная немка, мою окна, прохожусь по всем углам своей громадной (наказание для уборщика!) квартиры пылесосом, а к следующему четвергу они, как ни в чем не бывало, снова сидят в том же углу в новенькой паутине и, похоже, надо мной просто издеваются.

В НАШЕЙ ЖИЗНИ ВСЕ-ТАКИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВРАЧИ

Наш дом был расположен в самом сердце старого города. На Собачьей улице. Я не знаю, почему она так называется. В двух шагах и ниже – русло реки Траве.

Чуть больше 200 тысяч жителей насчитывает сегодня Любек. Это едва половина нашего родного Сочи. Центр практически закрыт для транспорта. Точнее – не закрыт запретительными мерами, но улочки настолько узкие, что иногда по тротуару вдвоем не разойтись. А бывает – чтобы пропустить машину, едущую одним колесом по проезжей части, вторым – по тротуару, пешеходу надо вжаться в стеночку.

Велосипед! Велосипед – транспортное средство такое же равноправное, как и все другие. На них катаются и стар и мал. Но в Любеке передвигаться на велосипеде я уже не смогла. По всей видимости, от всех моих стрессов обострилась полученная еще в детстве травма – перелом копчика. Плюс к тому – мы же каждый день после языковых курсов до позанего вечера ездили по окрестностям Гамбурга, все разглядывая, все посещая и везде сунув свои носы.

Велосипеды которые нам купила Мартина, мы, естественно, оставили в Гамбурге, а себе приобрели на барахолке два подержанных, но вполне приличных по червонцу за штуку. Ездить в Любеке по бульжной мостовой для меня стало неразрешимой задачей. Когда стало больно не только сидеть, но и лежать, Лена Генина взяла меня за руку и отвела к врачу.

Несмотря на то, что курсы мы к тому времени прошли, ни о каком овладении языком еще не было и речи.

Меня отвели к врачу, записали на раннее утро следующего дня, и теперь я уже должна была отправиться туда одна.

Я понятия не имела, как буду объясняться. Перерыла все словари, вызубрила все фразы, которые должна буду сказать, представила, как будет нервничать доктор, пытаюсь понять, чего я там блею, и чем болею, отнимая у него кучу времени, тогда как в коридоре еще толпа...

Толпы не оказалось. В комнате ожидания сидела только одна женщина с журналом в руках. На низком стеклянном столике дремала большая стопа свежей прессы.

Я села и приготовилась ждать. Но не успела протянуть руку к цветной обложке, как на пороге появилась молоденькая девушка в белом халате. Почти без акцента произнесла мою трудную для немцев фамилию, дружелюбно протянула руку, представилась.

– Вы – русская? – почему-то ничуть не удивилась я.

– Нет, полячка, но моя мама была русской, и я не очень хорошо говорю, но понимаю.

– Вот у меня та же беда. Я понимаю, но не очень хорошо говорю по-немецки, – обрадовалась я.

– Ну, значит, пойдем друг друга.

Совершенно ошеломленная шла через час я домой. В моей голове не укладывалось, да и не укладывается сейчас, когда мы с Сергеем приходим в очередной раз к своему домашнему доктору, почему он находит время выйти к каждому, пригласить в кабинет, дружелюбно пожав руку и взглянув в глаза? Почему народ не сидит в коридорах, а для ожидания есть специальные комнаты, откуда тебя пригласят? Почему все они непременно снабжены достаточным количеством стульев и всем хватает журналов и газет, аккуратно разложенных стопочками на журнальных столиках? Почему во всех ожидалках непременно есть уголок для самых маленьких с игрушками и головоломками? Разве здесь принимают и детей? Нет. Это для тех, кто иногда приходит с малышом, которого не с кем оставить. Почему ничего этого никогда я не видела в наших поликлиниках?

Почему нас не пугает, что врач выпишет какие-то запредельно дорогие лекарства и мы не сможем их купить? Он выпишет то, что нужно, и мы заплатим в аптеке минимальную сумму, которая нас не разорит. Все остальное оплатит медицинская страховка.

Сейчас, когда у Сергея развилась достаточно серьезная стадия гипертонии и каждый день он принимает пяток таблеток, мы отчетливо понимаем: в России он бы давно уже умер. Как умерли некоторые друзья-сверстники от инфарктов и инсультов. Потому что им в голову не приходило провериться и выявить все свои болячки на ранней стадии.

Здесь же мы просто обязаны, к примеру, посещать стоматолога два раза в год. И мы делаем это. В противном случае можно напороться на нежелание страховой кассы оплачивать дорогостоящие расходы в случае твоего лече-

ния. Ведь если вы вовремя ходили к врачу, все обошлось бы для страховщиков гораздо меньшими суммами, не так ли?

Почему здесь, в «махровом капитализме», где «человек человеку волю», мы снова и снова сталкиваемся с тем, что все достаточно разумно устроено, и, если подчиняться правилам, с тобой вряд ли случится что-то плохое?

Почему, почему, почему? Эти вопросы мы задаем себе на каждом шагу, но ответов на них как не было, так и нет.

СБЫЧА МЕЧТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Здесь у нас было много времени для «поговорить за жизнь». Мы с Сергеем много чего рассказали друг другу о самих себе. О детских мечтах и обидах. О сокровенных желаниях, на которых, наверное, уже придется поставить крест.

Я как-то поведала о своей тяге к рисованию. О том, что всю жизнь покупала краски, карандаши и альбомы и поныне не могу уйти из магазина канцелярских товаров, не купив хотя бы скрепку. А новая тетрадь, хрустящая и чистенькая, приносит несказанное удовольствие, когда ее хотя бы держишь в руках.

В один из дней Сергей пришел домой и заявил:

– Ты хотела рисовать? Я записал тебя в школу для взрослых. Вон там, у нас за углом оказалась. Недорого. По понедельникам. Полтора часа. Ничего с собой брать не надо, там все дадут, только для чего-то фартук нужен.

Я охнула и засопровтивлялась.

– Ты с ума сошел?! Без языка! Чего я там буду мычать?

– Я и об этом поговорил. Предупредил. Сказали – ничего страшного. К тому же – вот тебе и практика. Будешь общаться...

Спорить с моим мужем бесполезно. Тем более, не подводить же, если обо всем уже договорено. Вот и квитанция об оплате первого месяца обучения.

В ближайший понедельник я отправилась в школу.

Рената, преподавательница, оказалась очень доброй и радушной женщиной. Протянула руку, представилась. Познакомила с группой. Человек 15 учеников уже работали за мольбертами.

Запомнился старичок, приехавший аж из Травемонде. Летом он содержит бар в этом курортном местечке. Зимой, когда туристов нет, его закрывает и занимается рисованием. Для души.

Я не увидела особой талантливости, да и картинки для срисовывания он подбирал довольно странные. Кичовые русалки с чешуйчатыми хвостами, волны с пятиэтажный дом, в щепки размальзающие фрегаты, и какие-то чудища, опять же все в чешуе, тут же пожирали тонущих рыбаков.

Краски, которыми он при этом пользовался, были, что называется, «вырви-глаз», но никакие попытки Ренаты поправить дело не помогали. Наверное – «он так видел».

Откуда в его голове возникало все это – Бог весть, но малевал он усердно. Убедить бабушку для начала набросать все, что ты хочешь, уточнить детали, размеры, цвета и только потом усиливать их или ослаблять, было невозможно. Он всё упрямо делал по-своему. Выбирал какой-нибудь уголок или две чешуйки на хвосте и доводил их «до совершенства». Потом переходил к следующему участку полотна.

Еще одна тетечка, пришедшая недели через две после меня, запомнилась таким же упрямством. Стоять за мольбертом она не могла. Видно, чудовищный вес, который «художница» таскала на коротеньких ножках, раздолбал ей все коленки. Поэтому, работала сидя.

Рената поминутно переключала карандаш в ее руке, приучая держать его правильно, но уже через пару минут непослушная деревяшка с грифелем занимала свое прежнее положение. От этого у толстухи ничего не получалось, она обескураженно смотрела на листок бумаги перед собой, на результаты других учеников и готова была заплакать.

Учительница, по всей видимости, утешала ее какими-то добрыми словами, снова переключала карандаш, чтобы через пять минут история повторилась один к одному.

Запомнилась многодетная мамашка. Под два метра ростом. Не то 7, не то 8 детей дома. Самый младший пошел в школу, и она захотела реализоваться как художница.

– Хватит сидеть «без дела!»

Она без конца рассказывала всяческие истории, которые приключались с ее детьми в школе и дома. Однажды поведала с круглыми от ужаса глазами, что только узнала: в классе, в котором учится ее младшенький, всего два немца. Остальные – иностранцы!

К моему удивлению – эту тему никто не поддержал. Наоборот. В комнате на пару минут повисло какое-то неприятное молчание, прерванное Ренатой, показавшей очередной прием, помогающий добиться приличного результата в штриховке.

Я летела на занятия, как на крыльях. У меня как-то сразу настолько хорошо начало получаться, что Рената даже заподозрила: не привираю ли я по поводу того, что нигде и никогда живописи не училась. Пришлось свалить на среднюю школу. В сочинских неплохо учили рисованию и музыке. Прошло много лет, а я помню многие уроки.

К тому же, когда чем-то интересуешься, читаешь много литературы, рассматриваешь картинки в книжках. Пусть и теория, но когда приходит время попробовать на практике – получается же!

Через месяц занятий Рената предложила мне передвинуть время и приходиться на полтора часа раньше. Для меня особой проблемы это не составляло, и я согласилась. Но в первый же понедельник, когда через полтора часа засобиралась домой, она вскинула брови:

– Ты куда? Продолжай!

Настала пора удивляться мне. Ведь я плачу лишь за полтора часа занятий. В силу плохого знания языка, я, скорее всего, не поняла ее. Она предложила мне не передвинуть урок, а увеличить в два раза. То есть к моим полутора часам добавила полтора бесплатных. Вот тебе и «человек человеку волю» и «у них там бесплатно – шагу не ступить».

А к Рождеству моя учительница меня просто ошеломила. Она подарила мне (единственной из всей группы!) – пачку пастели и заявила, что я талант.

Где ты, Рената? После того, как нам пришлось судорожно уехать из Любека, даже не попрощавшись ни с кем, я почему-то боюсь карандаша, боюсь кистей и красок. Мне кажется, что никогда больше не получится почувствовать свою раскованную руку, которая сама летает над бумагой или холстом, делая именно то, что я ей велю.

Иногда думаю – приоткрылось окошко где-то сверху и быстренько захлопнулось: не это тебе надо! Не для этого тебя тычут носом – учи, учи немецкий. Чтобы рисовать – язык не нужен! А тебе надо его учить, а не красками баловаться!

В той школе мне даже довелось поучаствовать в выставке! Никогда не думала, что мне, взрослой тетке, будет так приятно, – одну из моих работ выставком отобрал для этого действия. Мы все так к нему готовились! И не зря! На открытие приехал бургомистр. Было много народу. Местная пресса, радио, телевидение, газеты. «Все – как у больших» было в том крохотном, вдвое меньшем, чем Сочи, северном городке.

Мой натюрморт – зеленая веточка в бутылке из-под граппы – висел неподалеку от входа, стоил 50 евро (цену назначила школа без моего участия, но со мной согласовав), и я смущенно показывала его своим знакомым, посетившим мероприятие.

Врать не буду. Его никто не купил. И вообще из всех работ, там выставленных, было продано лишь две. Но когда твою картину показывают в числе других, и она на их фоне выглядит совсем не «бедной родственницей» – очень приятно.

ТОЛЬКО СМЕЛЫМ ПОКОРЯЮТСЯ... БАНКОМАТЫ!

Давно осталось позади то время, когда мы впервые в своей жизни приблизились к этому чуду. Сначала долго стояли в холле банка, выбирая, к какому подойти?

Сережа «смело взял ответственность на жену», – как приговаривает наш друг Саша Ягодкин. И жена, покрываясь испариной, принялась давить на кнопки. Повторяя то, что пару дней назад делала Мартина.

Ничего страшного не произошло. Банкомат послушно пожужал и выкатил (со скрипом) – пачечку разноцветных бумажек.

Счета за коммунальные услуги и телефон я оплачивала тоже довольно просто. Заполняла пару квитанций, расписывалась в уголочке, копию оставляла себе, а первый экземпляр сбрасывала в специальный ящик на стенке.

Однако однажды в банке квитанций на привычном месте я не обнаружила. Ну, бывает, да? И у нас бывает. Закончились бланки. Подойди к окошечку, попроси новые...

Подойти – не фокус, ноги не отвалятся. А вот попросить. Это для не меня просто неподъемное действие.

Все же сложила в голове вопрос по всем правилам немецкой грамматики. Более того, даже его задала! Но вместо того, чтобы выдать мне то, что я хочу, девушка быстро-быстро заговорила со мной о чем-то, показывая пальцем на большие тумбы, появившиеся недавно в «предбаннике» моего банка.

Моя просьба повторить все то же самое, только немного медленнее, результатов не принесла. Единственное, что сотруднице банка удалось мне объяснить, что теперь эти бумажечки, которые я привыкла заполнять, не

будут выдаваться бесплатно. Теперь каждая такая квитанция будет стоить 50 центов.

Да Бог с ними, с центами, – замахала я рукой. Давайте и за центы, что ж делать... Платить-то надо...

Нововведение, однако, озадачило.

Через месяц история повторилась один к одному. Я снова заплатила 50 центов. На выходе, однако, задержалась. С любопытством присматриваясь, чего же такого делают люди возле здоровенных аппаратов, на которые мне все показывает пальцем милая девушка за стойкой, выдавая очередную не бесплатную квитанцию?

Поначалу пришла в полное уныние. Мне никогда не разобраться с этим электронным чудом, с этой массой кнопок под голубым экраном!

Все разъяснил чуть попозже знакомый студент. Он быстро разобрался, что это за машины и чего от меня хотят в банке.

Оказалось, именно таким вот убедительным образом учат здесь «темный народ» пользоваться современными достижениями науки и техники. Можешь, конечно, и не учиться. Но тогда будешь каждый раз платить деньги за формуляры. Ладно, у меня была пара-тройка платежей в месяц. А у кого больше?

Впервые тыкая в компьютерные кнопки я, правда, вспотела так, словно вагон кирпичей разгрузила. Но как же гордилась собой, когда справилась с задачей!

Теперь же, заходя в банк, говорю мысленно спасибо тому, кто придумал столь удобное устройство. Не нужны мне больше девочки за стойкой. Не надо подгадывать – работает банк в часы, когда мне удобно или нет. Все, что мне нужно – банкомат и компьютер, производящий платежи. Чтобы войти туда, даже среди ночи, необходима лишь карточка. Вставляю ее в щелочку у двери, и она откроется. Еще несколько минут, и платеж осуществлен.

ПЛАТНЫЕ УРОКИ

Дело движется к Рождеству. Мы живем в Любеке. Гуляем по восхитительным старинным улицам, ахаем, натываясь на надписи по фасадам – тысяча пятьсот-какой-то год, тысяча триста-какой-нибудь... Покупаем потихоньку каких-то пустяков и мелочей, которыми хочется побаловать родных и близких. Собираем посылку в Казахстан и двигаемся ее отправлять.

Возле самой почты Сережа вдруг спрашивает:

– А у тебя деньги есть?

– Нет, – ошеломленно отвечаю я. (Как-то забыла, что в кошельке – пусто. Не зашла накануне в банк).

Надо знать моего мужа. Он вспыхивает мгновенно. (Правда, точно так же и остывает, но при взрыве кто не отскочил – тот погиб насовсем). Сверкнув на меня «говорящим» взглядом, сунул в руки коробку и бросив: «Вставай в очередь!», ринулся назад. Банк был на соседней улице. Но дело осложнялось нешуточным гололедом.

Я попробовала его остановить, но – куда там! Досадливо отмахнувшись, как от надоедливой мухи, он уже летел в другую сторону.

В нашей семье как-то уже устоялось: иногда – спорить не надо. Лучше – дать возможность каждому совершить свои собственные ошибки и на них выучиться быть терпимей, мудрее, может – спокойнее. И я больше не удерживала. Беги...

Прикинув, что стоять в длинной предрождественской очереди нет никакого смысла, она движется так стремительно, что ты в ней и не стоишь, собственно, а потихонечку шагаешь и шагаешь, как в мавзолей и через 6 минут будешь уже у стойки, но еще без денег, я присела в сторонке возле стола, за которым расположились две молоденьких девчушки, тщательно укутанные в хиджабы.

Старшенькая, на вид лет 18, показывала младшенькой лет 15-ти, как запечатать кучу служебных конвертов (величиной в полный печатный лист) и наклеить на них марку.

Они купили целым массивом десяток марок и принялись клеить в четыре руки.

Правда, сначала ничего не получалось. Оторвать марку точно по линии перфорации девушкам не удавалось. Марки рвались, но предварительно перегнуть их и начинать отрывать с краешку, а не тянуть в разные стороны дуриком – сообразительности не хватало ни у одной, ни у другой. Самое же смешное началось, когда конверты закончились, и одна марка осталась безработной.

Старшенькая обескураженно посмотрела на младшенькую и пересчитала конверты. Их было девять. Она взяла в руки полиэтиленовый пакет, в котором корреспонденция была принесена на почту и, несмотря на то, что он был явно пуст, громадному конверту ни в каком уголке спрятаться бы не удалось, сначала в него заглянула. Потом перевернула и потрясла над столом. Недостающий конверт не выпал.

Посчитала младшенькая. Девять...

Старшенькая принялась считать вслух. По-немецки. Девять... Повторила по-турецки... Десятый конверт так ниоткуда и не возник.

Чем кончилось дело у бедных девушек – мне, правда, досмотреть не удалось. Запыханный и взмокший, однако, уже умиротворенный (получил деньги) на пороге почты возник Сергей. Отдышавшись и вытерев пот со лба, он уже вполне миролюбиво осведомился: «Ну. Что ты там хотела сказать?»

– Да, так, – ехидненько посмотрела я на него. – Ничего особенного. Может, мы могли бы карточкой расплатиться?

Глаза моего мужа в этот момент надо было видеть. Однако он отлично понимал, что «жертв и разрушений нет». В банк его никто не гонял, но каждому надо дать совершить свою ошибку и за нее расплатиться. Платные уроки запоминаются лучше.

«ВЕДЬ ТАМ НА ЧЕТВЕРТЬ – БЫВШИЙ НАШ НАРОД...»

Бегу каждое понедельничное утро на свои уроки и натываюсь на одну и ту же картину. Пожилая женщина в милом передничке и зеленых резиновых перчатках стоит на табуретке и старательно стирает со стены своего уютного чистенького домика граффити. Я не понимаю, кто и зачем пачкает ее краской из баллончика, но история повторяется вновь и вновь. Кто-то темной ночью пачкает, кто-то – ясным днем – снова и снова приводит в порядок.

Академия художеств окружена забором из металлических прутьев. Красивая высокая кованая ограда. На ней не развесишь никакую рекламу, да и запрещено это – вешать объявления где ни попадя. Для них есть специальные доски у входа в некоторые супермаркеты. Чего там только не встретишь! И «Продаю колеса» и «Сдаю гараж». И «Потерялся котенок. Белый и пушистый, дочка плачет. Может – кто-то видел?», «Ищу попутчика...», «Подарю диван, шкаф и кресло». Здесь объявления размещают бесплатно. В других местах – и за плату нельзя.

Иду однажды мимо этой самой ограды и с любопытством наблюдаю: студенты расклеили по ней самодельные плакаты: «Мы открываемся после ремонта и каникул. Выставляем работы выпускников. Пиво и закуски заказаны. Если вам что-то приглянется – можно купить. Приходите».

Объявления как объявления. К прутикам аккуратно приклеены скотчем. Все – «как у людей». Если нельзя клеить рекламу на стенку, но очень надо или хочется – тогда можно. Немножко.

Наблюдаю занятную картинку. Два парнишки лет по 17 пританцовывая шагают вдоль этого забора, и один из них демонстрирует второму – какой

он «Рембо». Лупит изо всех сил по афише то рукой, то ногой, афиша в клочья, молодые люди, чрезвычайно собой довольные подходят все ближе. Возмущению моему нет предела. Ну, вот, зачем ты это делаешь? Мешало оно тебе?

То ли я «подтолкнула», то ли кто другой «попутал», но, размахнувшись в очередной раз, юный идиот со всей дури попадает не в промежуток между прутьями решетки, а прямым в железяку.

Не могу отказать себе в удовольствии. Громко по-русски комментирую: «Мало!»

Прохожу мимо остолбеневших вандалов, один из которых даже подпрыгивать, тряся рукой, прекратил, настолько внушительно я сказала, и неважно – на каком языке.

Такие мелкие стычки с реалиями не дают почить в полной уверенности, что жизнь здесь безоблачна, а люди идеальны.

Гуляем в парке «Плантен унд блюмен», про который уже рассказывала. Шикарное местечко. Однажды натыкаемся на «картинку с выставки»: большая ближневосточная семья. Толстенький коротконогий папа в клетчатой рубашке. Мама, с ног до головы завернутая во что-то черное. Дедушка в инвалидном кресле, укутанный в пушистый плед. Ребенок в коляске, и еще орава – штук шесть мал мала меньше – вьются между взрослыми.

И вдруг весь этот табор набредает на полянку, где зреет земляника.

Обдирать ее начинают все, во главе с папой. Дедушке тоже перепадает. Мальцу в коляске – само собой.

Ошарашенные немцы смотрят, едва не свернув головы, но никто не делает даже попытки вмешаться и остановить вандализм. Толерантность, однако. Я бы вмешалась, честное слово. Но говорить не умею, вот же беда...

Другой случай в этом же парке.

Впереди нас по аллее чинно фланирует большая группа взрослых с детьми. Разговоры в полголоса. Ребяшня вопит во все горло и носится во круг, то убегая далеко вперед, то ныряя в окрестные кусты.

Когда детишки в очередной раз пропадают из глаз, одна из мамашек вдруг напрягается и гремит генеральским басом: «А, ну, цурюк, пузаммен, все на хер!»

Я не знаю – разговаривают ли в нынешней России так безбоязненно и громко матом. Здесь – случается. Переселенческая молодежь, стремясь, наверное, самоутвердиться в своих мелких группках, не стесняется окружающих, позволяя себе громко вслух делиться подробностями: кто с кем и в какой позе получал удовольствие накануне вечером. Кажется, им в голову не приходит, что русских вокрут очень много. Пару раз приходилось таких любителей «великого и могучего» останавливать.

Ну а самый курьезный, пожалуй, случай – в парикмахерской. Словоохотливый мастер Мухаммед щелкал ножницами и тараторил без умолку, почти

так же, как у нас на юге. Пока подстриг – рассказал, что приехал из Турции заработать. Что ему очень повезло – удалось недорого снять помещение, открыть свое дело. Уже и клиентура постоянная появилась. Да, и русские посещают.

– Вот, смотрите, – он показал мне толстый альбом в веселеньком переплете. – Тут и по-русски есть. Такие хорошие девушки. Им так понравилась моя парикмахерская. Вот. Они по-русски написали...

Читаю: «Мухаммед – козел!»

Разговаривая с соседкой-актрисой задала и неполиткорректный вопрос: почему никто не делает замечаний этой турецкой молодежи, которая может плевать семечками в автобусе? Видела, как мальчишки лет по 10-12 распотрошили в супермаркете упаковку мороженого и вытащили оттуда по одному. На выходе им предложили взять всю коробку. В ответ они просто побросали товар возле кассы и спокойно ушли из магазина, и никто им слова не сказал. Почему?

Бедная Ангелика, с которой я пытаюсь выяснить много еще и других интересных для меня вопросов, замахала руками и завопила во весь голос: «Нет, нет! Не трогайте наших турок! Если они уедут – у нас тут все остановится, и мы утонем в грязи! Кто будет делать ту работу, на которую соглашаются только они? Немца не заставишь вывозить мусор, работать на стройках! Слишком долго за нас делали это гастарбайтеры!»

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Много, много, безумно много ездим по городу просто так, «без руля и без ветрил», заворачивая в любые, понравившиеся подворотни и переулки. Посреди города, а совсем не на диком отшибе, как у нас, куда часто и не добраться без транспорта, попадают кладбища. Первое из поразивших было на том самом Монпарнасе, где мы жили в Париже.

В подавляющем большинстве (даже можно сказать – за редким исключением) – могилки фамильные. То есть – семейные. И уж если род вымер и прошло лет не знаю сколько, не буду врать, но много, то тогда это место переоборудуется и отдается кому-то другому. И даже если на могиле нет фамильного склепа, а их вон там позади – много, то просто на плите пишется: Семья такая-то. И в одну могилку подхоранивается огромное количество людей. Точнее, видимо, они все-таки большей частью их кремируют и потом уже в фамильный склеп ставят в специальное углубление в земле – урну с прахом.

Очень мало персональных могил. Допустим Жан-Поль Сартр – у него не фамильная, а одна на двоих с женой. Ну, и еще у других людей так бывает, но, повторяю, не часто.

Странно, но могила Мопассана не только персональная, т.е. не там, где остальные родственники, но еще и в довольно открытом запусении. На постаменте, где остались только два отверстия – там, видимо, была прикреплена какая-то табличка. Теперь ее нет. Чуть ниже ее – обыкновенная бумажка с фамилией и датами рождения-смерти, написанная чуть ли не от руки фломастером и заламинированная. Как уж она там держится – не знаю, может – просто лежит и будет лежать, пока ветер не унесет, но, правда, полусгоревшая свеча у подножия стоит. И лежит свежая роза. Бурьяном могилка не заросла, но из растений на ней только крохотный кипарис.

Не красили оградку тоже очень давно.

В процессе поисков (мы-то смотрели на шикарные памятники), только одна пожилая француженка откликнулась довольно живо: «Гюи де Мопассан, месье? Писатель? Говорят – где-то здесь... Не знаю. Посмотрите по указателю...» Другие вообще пожимали плечами: «А кто это? Не знаю. Не слышал. Не читал».

Так что – вот так. Похоже, писателей, живописующих, хоть и талантливо, «ихнее дно» или неприглядные нравы, хорошо знали и любили только в стране Советов.

Там же нашли могилку Семена Петлюры. Одна на всю семью. И дочь и жена, пережившая их обоих, похоронены все вместе. Хороший памятник. Весь в цветах, ухоженная, в свежих букетах и даже национальных лентах.

Одно из самых интересных захоронений на этом кладбище, знаменитый инженер, которого, к сожалению, мы в России и не знали и не слыхивали, ведь у нас, как известно, даже смальту для мозаики придумал Ломоносов (в то время, как древние греки с египтянами еще чуть не до нашей эры складывали из нее и настенные и напольные картинки в своих дворах), придумал сам себе памятник на двоих с женой. Они замечательно удобно устроились, эти ребята. Им некуда больше торопиться, время есть... Лежат в бронзовой кровати. Бронзовый месье Пижон, о котором мы позже узнали, что это он изобрел газовую лампу, читает жене книжку, а она, не то спит, не то внимательно слушает. Скромная надпись: семья Шарля Пиждона.

Набрели и на две могилки православных старообрядцев. Судя по датам и надписям – видимо братья. И так это показалось щемяще трогательным, что аж слезы выбило. Вот такого бы камня, черный с разноцветными искрами, Алеше памятник поставить. Фонарик для свечки повесить красивый и кованый. Да только разве в нашем уродско-варварском королевстве такое возможно? Если не утащут, то расколошматят на второй день. Ведь ничего святого!

Ладно. Не будем о грустном. Лучше я еще немного о кладбище.

Дома окрестные стоят вплотную к ограде и вид из многих окон, открывается, достаточно сдержанный. Но, это совсем не пугает. По крайней мере, мы жили в двух шагах от него и нормально себя чувствовали. Не исключая, что такое соседство заставляет серьезнее относиться к собственной жизни.

Видели в одном месте, как устроены сами могилки. Оказывается, это далеко не та примитивная яма, куда мы опускаем своих дорогих людей. Это облицованное бетонными плитами достаточно глубокое сооружение. Гораздо глубже нашего. Плиты по бокам снабжены выступами. Наверное, это на них кладут перекрытие, когда весь нижний ряд будет заполнен урнами с прахом. На эту плиту будут ставить другие урны. Таким образом много лет одна могила может использоваться большой семьей и для того, чтобы погоревать и поплакать, вспомнить и пообщаться, не надо метаться из одного конца города в другой.

Большой еврейский квартал. На могилах нет цветов. Лишь белые камешки.

Каждый живет по-своему и уходит в тот мир, откуда не возвращаются – по-своему. Там же, на Монпарнасе видели несколько прекрасно ухоженных захоронений, с дорогими плитами, массой цветов и... Ни имени, ни даты... Видимо, таково распоряжение того, кто там лежит. Вы знаете, кто там, навещаете, не забываете, ну и добре... А остальным – зачем?

Громадное, крупнейшее в мире, парк-кладбище в Гамбурге. Со своими улицами, идущим по ним автобусом, магазинами цветов и свечей у входов. На первый взгляд – просто парк. Ухоженные тропинки, по которым, вопреки просьбам, все-таки ездят иногда велосипедисты. Белки прыгают с дерева на дерево. Птиц несметные количества. Кормушки для них и домики. Привычных могильных холмиков почти нет. Только большие валуны-памятники в тени деревьев. Мраморные скульптуры, большая фигура Христа на центральной аллее.

Все продуманно и ухоженно. Все располагает к размышлению и способствует воспоминаниям. Есть целые поляны. Уставленные могилами военных времен. Там и солдаты более чем 20 стран и мирное население, погибшее в бомбежках, и жертвы концлагерей. 400 гектаров обойти нереально, но навещать и подумать – стоит.

КТО РАНО ВСТАЕТ...

...Тому, как известно – Бог дает. Однажды мы все-таки встали раньше раннего и отправились на Фишмаркт, рыбный рынок, знаменитый на весь мир. И, пожалуй, только мы у себя дома о нем не знали, не ведали ни сном, ни духом. А зрелище, откровенно говоря, потрясающее. Театр! Просто – театр под открытым небом, где главный герой – даже не рыба. Главный герой – рынок сам по себе.

Проходит все действие один раз в неделю. Летом с 5 до 10 утра, зимой – с 7 до 11. И вот там – действительно есть все! Начиная от рыбы, которая и дала название рынку, и заканчивая – ну, не знаю, чем и закончить. Ну, все – оно и есть все. Без исключения! Тряпки, обувь, цветы, игрушки, рыба, мясо, колбаса, овощи, фрукты!

Изыюмина в этом большом праздничном караве – шрайеры. Продавцы, торгующие чем угодно, но с такими воплями по типу: «А, вот, кому, налетай, торопись!», что пройти мимо невозможно. Периодически народ смеется до слез. Эх, досада, что не можем мы понять – что ж такого ввернул продавец, что хохот стоит несмолкающий? Летит в толпу мелкая расфасовка чего-нибудь вкусенького. Кто поймал – тому повезет.

В самый первый раз столкнувшись с этим спектаклем, чуть слюной не захлебнулись. Взял этот продавец здорового копченого угря. Ловко и привычно чиркнул ножиком кожу вокруг головы. Одним движением крепенькой ручки содрал шкуру чулком и вместе с головой выбросил долой. Я прямо ахнула. Бли-и-ин! Вкуснее чем голову погрызть – в рыбе разве что брюшко. А тут это все, да пахнет же как – просто в мусорный бак!

Пожалуй еще только один раз такой же шок мы испытали в Амстердаме. Зашли перед обедом в мясную лавку. Уж больно запахи оттуда шли

соблазнительные. Стоит перед прилавком старушка – одуванчик Господень. Выбирает курочку с гриля.

Продавец – лет 30 сытенький белокожий блондин, поворачивает перед ней вертелы, помогает советами.

Наконец, бабушка ткнула в облюбованную пальчиком. Хлопчик такими же цирковыми движениями отмахнул курочке кончики крыльев, «коленок», пшено с румяной шкуркой, истекающую жиром «жопку». Все это он проделывал на обитом жестью прилавке прямо на глазах покупателя. Потом оторвал от рулона бумажное полотенечико, смахнул им в дырку в прилавке все, что отрезал от курицы. Этой же бумажкой начисто протер рабочее место и бросил бумажку вслед за обрезками.

Я думала, моего Солнца Кондрат хватит. Нет для него ничего в курице вкуснее, чем все эти самые жирные кусочки. Он в Таиланде, где наш народ специально предупреждают – не тяните в рот чего попало с прилавков уличных торговцев, только это и делал. Покупал жареные на шпаяках куриные попки и ими лакомился – сколько влезало.

А тут – экое святотатство!

К закрытию финшмаркта, т.е. к 10 часам начинается невыносимое. Аукцион! Продавцы забывают о весах и других мерах и набрасывают в пакеты какое-то количество товара, выкрикивая цену. Торгуют – исключительно мужики, женщинам там нечего делать! Поори-ка пять часов, хоть на жаре, хоть на холоде.

Набрасывают товар в пакет до тех пор и выкрикивают цену, периодически ее повышая, пока кто-то из толпы не поднимет руку – беру! Вот тут уж женщина – помощница продавца. Она берет деньги, отсчитывает сдачу, а хозяин тем временем ищет покупателя на новое ассорти и снова публика валяется от смеха.

К концу базара цены – просто смешные. Допустим, коробку ананасов продают за 5 евро. Или огромную корзину с разными фруктами – тоже за 5-10.

– Да, вместе с корзиной забирай!

Мы как-то купили целый ящик шампиньонов за цену полукилограмма в магазине напротив. Ой, как же они нам надоели к концу недели!

Никак не могу понять – как устроен механизм ценообразования. Форель, жиренькая и свежая – дешевле сухой трески. Почему? Бог знает. Наверное – по причине трепетного отношения немцев к здоровью. Хрустящую корочку с курицы надо ободрать и выбросить. Холестерину в ней немеряно. Жирные сорта рыбы продавать по бросовой цене. Самое дешевое мясо – свинина. Самое дорогое – баранина. Долго ворошила словарь, не веря, что в магазин можно просто прийти и купить оленину.

ХОЧЕШЬ НАСМЕШИТЬ БОГА? РАССКАЖИ ЕМУ О СВОИХ ПЛАНАХ...

Все ближе время, когда мы должны будем отправляться домой. Печально смотрю на стены, по которым развешаны мои венецианские клоуны. Понятно, что захватить их всех с собой я не смогу. Рук не хватит. С грустью трогаю старинные чашки, накопленные на фломаркте. Их тоже придется оставить здесь. Подумываю, а не оставить ли и все нафотографированные альбомы? Не взять ли только негативы и дома еще раз отпечатать все, что наснимали?

Видеоленок, фотографий, компьютерных дискеток, на которые сброшены какие-то написанные за это время тексты, накопилось такое море, что только под них придется отводить целый чемодан.

Да и книги, попадающиеся на фломарктах и в русских магазинах, те, что в России просто не купить или те, что там давали почитать на одну ночь...

Мы уже всерьез задумываемся – как со всем этим будем отсюда выбираться?

Сломался телевизор. Вызываем мастера и ждем в назначенное время. Минут за 30 до него звонок в дверь. Удивлены, ибо уже привыкли, что немецкие мастера приходят минута в минуту. Ну, могут опоздать на 7-10. Но чтобы на полчаса раньше?

Ни в один подъезд или двор в Германии чужому не попасть. У каждого имеется свой ключ, и если ты его умудрился потерять – без разрешения владельца дома или домоуправа тебе не сделают дубликат ни в одной мастерской.

У двери кнопка, соединенная с домофоном. В нашем доме плюс к тому были предприняты кое-какие меры дополнительной безопасности. Среди них – скрытая видеокамера.

Вместе со звонком мягко загорается экран возле двери. На экране – странная рожа, по-другому не скажешь. Было полное впечатление, что человек в карнавальной маске. Лысина отсвечивала латексом. По бокам над ушами спутанные черные кудрявые патлы облаком. Большие квадратные очки.

– Золовкин?! – осведомляется рожа, и что-то останавливает Сережину руку, уже почти нажимавшую на кнопку, открывающую замок вниз.

– Я...

– Открывай, Золовкин! Вот мы тебя и нашли! Я в Афгане был, Золовкин! Мне тебе башку оторвать – пара пустяков! И я ее оторву! Открывай! – старательно имитирует рожа кавказский акцент.

– А я сейчас на твою лысую башку горшок спущу, – слегка напрягается Сергей, и я недоумеваю. Он никогда не позволяет себе так разговаривать с кем бы то ни было. Что случилось?

Рожа понимает, что ее каким-то образом видят, грозит в закрытую дверь кулаком и пропадает из поля видимости камеры.

Ошеломление настолько полное, что мы какое-то время стоим друг против друга совершенно не понимая – что произошло и что надо делать. Наконец выбегаем на террасу и вглядываемся то в одну, то в другую сторону. Скоро «рожа» появляется из-за изгиба стены, поворачивается к нам лицом (скорее всего – точно зная местоположение нашей квартиры) и еще раз прогрозив кулаком, скрывается за углом.

– Что это было? – задаю я дурацкий вопрос.

– Ты думаешь, я знаю?

– Люди, которые за нас отвечают. Наверное, им надо сказать, – нерешительно предполагаю я.

– Зачем?

– Они за нас отвечают, – продолжаю настаивать я. – Мы не знаем, насколько серьезна эта угроза. Надо сказать.

– Идиот какой-то. Что о нем говорить?

– Не спорю. Может и идиот. А если нет? Нас так опекают, а мы людям подянку засунем? С нами что-то случится, нам будет уже все равно. А у них – вагон неприятностей.

Сергей звонит в ПЕН.

Через 20 минут нам перезванивают оттуда и велят идти в полицию. Там нас уже ждут.

Полицейский перехватывает на середине дороги и отводит в участок. Насколько хватает языка, мы рассказываем, что произошло, я беру карандаш и рисую как запомнилось, и дальше колесо вертится уже без нашего участия.

На сборы дана ночь.

– Завтра в 10 утра за вами приедут и отвезут в другое место, – сообщают нам. Все вещи можете не брать, их потом доставят туда, где вы будете.

Легко сказать – ночь на сборы, когда ты уже «разложил локти» в большой двухуровневой квартире. Прямо – пересадка в Ганновере по пути в Париж... Хватай мешки – вокзал тронулся...

Частые переезды с родителями научили кое-чему. Где бы мы ни обосновывались, пусть на неделю, я стремилась навести уют и порядок по своему вкусу. Развешаны по стенам картинки, принесенные мной из школы. Клоуны, книги, фотографии и видеокассеты. Да даже штормки, скатерки и салфеточки. Все это безумно жаль просто так бросить, ведь подбиралась каждая вещичка с любовью и прицелом – повезу домой. Там такого нет. Буду смотреть и вспоминать пережитое и прожитое в этой чудной стране.

Шкафы на кухне забиты провиантом, накупленным «про запас». (Я все еще советская до мозга костей тетка, «бери, дура, завтра не будет!»). И ни одной коробки, пакета, чемодана, куда можно было бы это все упаковать.

Громадное спасибо мы говорили тогда и говорим теперь нашим друзьям. Семейной паре Прокошенко и Лене Гениной с ее родными. Они появились вечером со всем этим упаковочным добром в охапке. Начались судорожные сборы.

Понятно, что если бы у нас было время собраться – количество коробок и ящиков было бы в разы меньше. Но времени-то как раз и не было.

К утру посреди столовой, в которой был сдвинут в сторону стол, громоздилась куча шмотья. С собой мы взяли самое дорогое: фотографии, пленки, портативный компьютер. Но и это в четыре руки было не уместить.

– За вами же приедут на машине, – убеждали друзья. – Ну так какая разница – будет ли это два чемодана или шесть.

А утром – ровно в десять под окнами завывали сирены. Выглянув с террасы вниз, я вошла в ступор. Две полицейские «канарейки» с включенными мигалками перекрыли улицу с двух сторон. Возле них стояли люди в бронежилетах и шлемах с автоматами на шеях. Овчарка послушно сидела у ног одного из них. Нас быстренько погрузили в машину, и мы рванули с места в карьер.

Ни один светофор не горел красным на всем нашем пути. Я не знаю – было ли это специально для нас или так совпало, но мы нигде не останавливались ни на миг.

Довезла нас полиция до Гамбурга. Только на перроне вручили билеты, назвали маршрут и посадили в поезд.

Сказав на прощанье:

– Вас встретят...

Так началась наша новая жизнь. Вторая жизнь. Для меня она началась только теперь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия.....	5
Часть первая: Мент в овечьей шкуре.....	15
1. «Ассоль» из притона.....	17
2. Искусство бития.....	19
3. Лучи «смерти».....	21
4. Живи, пацан!.....	25
5. Лекарство от тещи 29	
6. Броня, без которой не выжить.....	36
7. Применение оружия признать правомерным.....	41
8. Чем можем, поможем!.....	46
9. О пользе писать против ветра.....	48
10. Холодный душ на горячую голову.....	58
11. «Низовой» по призванию.....	69
12. Диверсия в стиле «диско».....	81
13. Ружьё выстрелило.....	88
14. Гонка на выживание.....	99
Часть вторая: С ПЕРОМ И ПИСТОЛЕТОМ.....	113
1. Ниволог-2000.....	117
2. Тамада здесь отдыхает.....	120
3. Младенцы в морозильнике.....	126
4. Наглость города берет.....	129
5. По следам «Антилопы – Гну».....	132
6. За воядя ответишь!.....	137
7. Соболя для «Анки-пулеметчицы».....	145
8. Ловля на живца.....	153

9. Иголка в сердце.....	158
10. Свеча на ветру.....	161
11. Смерть на взлете	165
12. Трофей с Васильевского спуска.....	173
13. Кинжал для самурая	178
14. Полтора пуда «зелени» в «Яме» на Пушкинской.....	185
15. Дворцы-«невидимки».....	193
16. «Сначала убьем дочку. Потом и тебя»	203
17. Шантаж в кабинете мэра	210
18. Спецназ на заказ 219	
19. В морду – от первого лица.....	224
20. Красавица и чудовище.....	231
21. 1 000 000 долларов для господина председателя	247
22. Казнь без приговора.....	254
Часть третья: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА	263
О чем это я?	265
Ты моя луна	267
Разбитая «Ласточка» – первая ласточка.....	270
Дежа вю	272
Сто третье предупреждение.....	274
Лед тронулся... ..	278
Время лекарь и палач	280
Попытка ликвидации	284
«Не дождутся!».....	288
«Хенде хох» решает дело	289
Другая жизнь	291
Первые «шаги по луне»	292
«Теперь это ваш дом...».....	293
Сумбур вместо письма	295
«Если не работает – прочтите инструкцию».....	300
Один-один!.....	301
Информация стоит денег	302
Фломаркт. Развлекуха на любой вкус	304
В Париж, в Париж! И – гулять, гулять, гулять!	307
Мадам... Париж?	308
Отель на час	312
Париж 313	
Жив Казанова!	315
Дефанс, может, мессы и не стоит, но совсем неплох.	316
«Дым сигарет с ментолом. . .»	318
Сто сыров для любимой мамы	321

Япония в Париже.....	322
Спасибо, Париж!.....	324
Домой!.....	325
Учи матчасть, учи.....	326
Школьные годы чудесные.....	330
Нет, не все равно!.....	332
Кто ходит в гости по утрам?.....	333
Ежик в тумане.....	336
Поехали? Как бы не так!.....	338
Не моя полиция меня бережет?.....	340
Приключение русских в Англии.....	342
Коляска – песнь отдельная.....	345
Дела церковные.....	347
Живу на полустаночке.....	348
О старости и радости.....	351
Без женщин жить нельзя на свете, нет.....	353
Дачки с ладошку.....	355
Церковь «строить и жить помогает».....	357
Терпимость, однако.....	359
Панки и «стрельба» навскидку.....	362
Информация стоит денег – 2.....	364
Безработица?.....	367
Музей – между делом.....	370
А, хотите о чиновниках расскажу? Это ж отдельная песня.....	373
Куда уходит детство.....	375
Биргартен – это незыблемость традиций, связь поколений, и вообще – здорово!.....	379
Пиво – это солод, хмель, вода и совесть... ..	381
Вот эта улица, вот этот дом... ..	384
Велики, ролики, самокаты... А вот и бабушка с фотоаппаратом.....	388
Еще немного метро и зайцы в нем.....	391
Вдовья доля.....	393
Повторяю, кто не понял, в третий раз: «Информация стоит денег».....	395
... счастье на века!.....	398
Запредел.....	400
Плантен унд блюмен.....	402
Там-тамы в парке.....	405
Почта, телефон, телеграф ... телевизор... ..	407
... и козел, который все это оплачивает.....	410
Возвращаясь к «нашим баранам».....	412
Любимое «МЫЛО».....	413

Обмен хозяйками иногда дает ошеломляющие результаты	415
«Былое и думы». Спор с гением	417
Не убий, не укради, не причини вреда третьим лицам	419
Это моя страна	422
Чудеса, таки, бывают!	424
Бойтесь желаний! Они исполняются	427
Эх, не моя деревня!	430
... иль ты приснилась мне	434
Ордунг мусс зайн. (Порядок должен быть)	436
Открытия продолжаютя	438
В нашей жизни все-таки появляются врачи	441
Сбыча мечт продолжается	444
Только смелым покоряются... банкоматы!	447
Платные уроки	449
«Ведь там на четверть – бывший наш народ...»	451
Над вечным покоем	454
Кто рано встает... ..	457
Хочешь насмешить Бога? Расскажи ему о своих планах	459

Сергей Золовкин
Эмма Чазова-Золовкина

Из жизни неострелянных

Главный редактор
Т.И. Самойлова

Литературный редактор
Е.А. Сорокина

Технический редактор
В.А. Самойлов

Корректор
Е.А. Сорокина

Компьютерная верстка и дизайн
В.А. Самойлов

Подписано в печать..... Формат.....Гарнитура.....Печать....Бумага.....
Усл.печ.л.....Тираж....Изд. №....Заказ...

